

ОЛЬГА ЯСНИЦКАЯ

КОДЕКС СКВЕРНЫ

ПРЕДТЕЧА

14 406

Annotation

Три века прошло со времён Великой Войны. Незаражённые радиацией земли дороже золота, а генетическая чистота человека — главный устав Прибрежья. Подвергшимся мутации уготована незавидная участь — пожизненное рабство без надежды на свободу. Казалось бы, система, закалённая веками, незыблема, но порой самое разрушительное пламя разрастается из слабой искры. Для Ровены этой искрой стала пожелтевшая листовка из пыльного ящика архивов, для четверых рабов — день продажи новым хозяевам. Что общего между принцессой и невольниками? И кто из них рождён поджигать костры, а кто, чтобы их тушить?

Ольга Ясницкая

Кодекс скверны. Предтеча

Каждый новорождённый должен ставиться на учёт в Надзор за генетической чистотой граждан. Если отклонения не выявлены в течение трёх лет со дня рождения, ребёнку выдаётся сертификат, подтверждающий генетическую чистоту. В противном случае мутант подвергается эвтаназии.

Заветы потомкам, 03.010 (частично отменено Кодексом Скверны в 199 году от Великой Войны)

Кэтт снова закричала: протяжно, жалобно, мучительно. В смятении смахнув со стола деревянную кружку, Нил смотрел, как по белоснежной скатерти расплзается алое пятно. А ведь и родимое пятнышко может стать приговором... Хотя безупречная внешность тоже не гарантия благополучного будущего.

Страх за новорождённое дитя лишь усугублялся переживаниями за Кэтт. Акушерка сразу предупредила: роды могут быть тяжёлыми, плод слишком крупный. Случись что с женой, как он справится без неё? Нет, нельзя думать о плохом. Кэтт сильная, таких сыновей подарила!

Привлечённый звонким смехом, Нил выглянул в окно. Дети играли во дворе у старого абрикоса — поднимали с земли перезревшие плоды и самозабвенно швыряли ими друг в друга. Кэтт пришла бы в ярость при виде их перепачканных рубашек и замурзанных физиономий, но он не стал их окликать. Пусть хоть в болоте изгваздаются — всё лучше, чем слушать, как страдает их мать.

Нил вытер холодную испарину со лба, когда Кэтт в очередной раз истошно закричала. В два шага он пересёк крошечную кухню и остановился у домашнего алтаря. В центре тумбы — глиняная фигурка Карны с полной фруктов корзиной в руках, рядом увядшие цветы в простенькой стеклянной вазе. Супруга не успела заменить их на свежие, так и стояли в пожелтевшей воде, роняя увядшие лепестки к ногам богини.

Почему-то вспомнилось, как однажды, выходя из Храма Песен, они наткнулись на продавца безделушек. Кэтт не смогла пройти мимо статуэтки любимой покровительницы, и уже через час она украшала их скромный алтарь. Жена верила: только благодаря Карне у них родились «чистые» дети, а Нил и не спорил. Религиозным бы он себя не назвал, но то, что беды обходили их дом стороной, вселяло надежду. Он всегда мечтал о большой, дружной семье, да и бедствовать им никогда не приходилось, даже умудрялись откладывать на дом попросторнее. Может, и впрямь молитвы помогают.

Чиркнув спичкой, Нил зажжёт свечу.

— Милостивая Карна! Если ты меня слышишь, прошу, помоги Кэтт, — зашептал он богине. — Сжался над ней и над нашим ребёнком!

Молиться он не умел, но в отчаянии готов был хоть лбом о землю, лишь бы боги услышали. Если всё пройдёт благополучно, он не пожалеет всех накоплений и пожертвует Храму без раздумий. Новый дом может подождать, самое ценное — за окном, беззаботно хулиганит у старого дерева.

Не находя себе места, он подошёл к лестнице и взглянул наверх. Из спальни раздался очередной крик, за ним приглушённый возглас повитухи. Нил затаил дыхание, вслушиваясь в каждый звук. Неужели всё закончилось? Но почему стало так тихо?

Будто в ответ, прерывистый плач младенца заполнил дом. Стремглав Нил бросился наверх и застыл у запертой двери, не решаясь постучать. От волнения дрожали руки. Он так хотел дочь, маленькую Роуз, чтобы точь-в-точь как мать, с рыжими кудряшками и задорно вздёрнутым носиком. Но если снова мальчишка — не беда, главное, чтобы дитя оказалось здоровым.

Ребёнок утих, акушерка неразборчиво затараторила, а Кэтт отчего-то разрыдалась. Да что же там происходит! Неужели что-то с ребёнком?

Нил нетерпеливо забарабанил в дверь. Вскоре замок щёлкнул, повитуха бросила на него виноватый взгляд и молча протянула новорождённого, тщательно завернутого в пелёнки.

— Что с моей женой? — не глядя, он бережно прижал кряхтящий комочек к сердцу.

— Всё в порядке. Крепкая она у вас. Через пару дней будет бегать как ни в чём не бывало. Вот только... — она запнулась и опустила глаза. — Поймите, я обязана уведомить Надзор немедленно. Сами знаете, чем грозит укрывательство.

Нил оторопело смотрел на говорившую, не желая принимать услышанное. Нет, это какая ошибка, сыновья ведь совершенно нормальные!

Акушерка сокрушённо покачала головой:

— Это девочка, — и перед тем, как вернуться в спальню к Кэтт, тихо добавила. — Мне правда очень-очень жаль.

«Только не это, умоляю, только не это!» — дрожащими пальцами он отогнул уголок пелёнки, и из груди

вырвался тяжёлый стон. Нестерпимо захотелось закричать, да так, чтоб стены задрожали, так, чтобы боги услышали его боль и сотворили чудо, но Нил просто сел наверху лестницы и зарыдал.

Младенец, потративший последние силы на первый в своей жизни крик, крепко спал.

Немного успокоившись, Нил вытер рукавом щёки и коснулся серой, гладкой как у змеи, кожи дочери. Мелкие чешуйки плотно прижимались друг к другу, тускло переливаясь. Плоский носик малышки едва заметно вздрогнул, иссиня-чёрные губки скривились, но глаза так и остались закрытыми.

«Моя маленькая Роуз, такая беззащитная и такая... непохожая на других».

Скорее всего Нил бы так же боялся и ненавидел осквернённых, как и многие другие, не случись с ним беды лет двадцать назад. Будучи ещё мальчишкой, у которого едва появился пушок над верхней губой, его угораздило поддаться уговорам приятеля, пойдя на безумную авантюру. Вообразив себя бесстрашным воином, он выкрал отцовский меч и на пару с таким же безмозглым товарищем отправился в Пустоши.

Туннель пересекли благополучно, даже не представляя, как им повезло не встретить какую-нибудь пакость по пути. Но заигрывать с удачей — не самая хорошая идея, и в конце концов они нашли своё приключение. Точнее, оно нашло их.

Псов заметили не сразу, а когда поняли, какая опасность им грозит, бежать было уже поздно. Отцовские мечи, которые они и держали-то несколько раз в жизни, в их руках оказались бесполезными кусками железа.

Ему никогда не забыть ужас, испытанный в те бесконечно долгие минуты. Закрыв глаза, чтобы не видеть оскаленных пастей тварей, Нил принялся молиться всем богам подряд, но не боги пришли на помощь, а те, кого презирали даже самые жалкие представители городского отребья.

Двое осквернённых, охотившиеся неподалёку, быстро расправились с псами и, пожуриив мальчишек за легкомысленность, отвели назад в город, травя по дороге байки об обитающих в Пустошах монстрах.

Нил давно уже забыл имя девочки, в которую был беззаветно влюблён в юности, он даже не смог бы сказать наверняка, как звали того друга, которому принадлежала идея выйти за городские стены, но номера тех, кто спас ему жизнь, он будет помнить до самой могилы. С тех пор каждый раз при слове «выродок», которым так любят называть осквернённых, его охватывал праведный гнев. Выродок не способен рисковать своей жизнью ради незнакомцев, выродок никогда не подаст руку помощи и не заступится за слабого. Выродок как раз тот, кто написал Кодекс Скверны и создал Легион.

— Моя Роуз, — шептал Нил, глядя на безмятежно спящую дочь, — моё маленькое чудо! Что нам теперь делать-то?

За стеной не прекращались заунывные причитания Кэтт, повитуха всё говорила и говорила что-то ей в утешение. Самое страшное горе приходит неожиданно. Нил всегда надеялся, что его семью не затронет эта беда. Не рождение осквернённого ребёнка пугало его, а то, какая участь ждёт несчастное дитя.

Дважды его семье улыбалась удача: вон какие мальчишки растут! Три года, каждую неделю, не пропустив ни одного назначенного дня, они водили сыновей в Надзор. Сколько счастья и облегчения он видел в глазах Кэтт, когда оба раза по истечении трёх лет они получали документ, подтверждающий чистоту крови.

Но в этот раз боги поглумились над ним, исполнив заветное желание. Не сам ли он молил Карну о дочери? Вот и получил, чего хотел! И что теперь? Неужели ему собственноручно придётся отдать родное дитя в кровавые лапы Легиона?

Уже скоро какой-нибудь напыщенный индюк из Надзора будет лапать своими грязными пальцами Роуз, осматривать со всех сторон, как куклу в игрушечной лавке. Потом передаст ищейке, и больше Нил никогда не увидит дочь. Не порадуется её первому в жизни шагу, не услышит её первого слова, если, конечно, малышка способна говорить. Но разве это важно? Она ведь его плоть и кровь!

Сможет ли он спокойно жить, если откажется от дочери? Как смотреть в глаза сыновьям, когда спросят, где их сестра? Да и как можно отречься от собственного чада!

Сразу вспомнился Фред, сосед по улице. Его жена долго не могла забеременеть, и вот, два года назад, случилось чудо — родился долгожданный сын. Говорят, вроде обычный ребёнок, но по пальцу на руках недоставало. И за ним пришли из Легиона.

Фред держался какое-то время, жил как прежде, делая вид, что ничего не произошло. С какими демонами внутри себя тот боролся по ночам, одним богам известно, но спустя полгода вздёрнулся на дереве за домом. Поговаривали, перед смертью совсем умом тронулся, всё о каком-то Стальном Пере твердил.

Это уже потом слухи о сопротивлении дошли и до Нила. Видимо, Фред знал, что мог спасти сына, и винил себя за малодушие, за то, что добровольно отдал собственного ребёнка, даже не попытавшись бороться.

Можно смириться со многим — с гибелью близких, с нищетой, с увечьем, в конце концов. Не умеи люди приспособливаться, человечество вымерло бы сразу после войны. Но хотя бы раз в жизни каждый оказывается перед особым выбором, и только некоторые, вопреки благоразумию, отказываясь смириться, становятся на самый сложный путь. Он-то и определяет дальнейшую судьбу и саму суть смельчака, и награда в конце такого пути так

же высока, как и риск лишиться всего, даже жизни.

Нил не сомневался, что сейчас стоит на этом самом перепутье, и времени на раздумья почти не осталось. Часики затикают, как только акушерка перешагнёт порог его дома.

И у него всего два варианта: повторить судьбу Фреда или встать на опасную тропу в попытке спасти Роуз. Выбрать первое, конечно, разумнее и проще, да и вешаться за домом он не намерен — ещё сыновей поднимать на ноги. Но жить с таким грузом на душе гораздо страшнее смерти, или зря его тогда спасли те осквернённые?

Ожидание неизвестности стало самым тяжёлым испытанием за последние недели. Нил подскакивал при каждом звуке и разочарованно возвращался к окну, убеждаясь, что это всего лишь сквозняк хлопнул дверью или старуха-хозяйка что-то уронила внизу на кухне.

Бродячий торговец фруктами, к которому его направил бармен из Рубиновой Капли, приказал ждать. На вопрос, как долго, грубо бросил, что этого не знают даже боги: может, три дня, а может, и все десять. Вдогонку посоветовал не шататься по городу лишний раз, а лучше и вовсе не покидать убежища.

Правда, не ясно, для чего торговцу понадобились адрес прежнего дома и имена всех членов семьи. Какое им дело до его прошлой жизни, если только не решили растащить брошенное второпях добро? Хотя пусть забирают всё, что найдут, лишь бы не обманули. Десять золотых, отданные тому типу с Гнилого Проулка, — ничтожная плата за будущее дочери. Нил бы отдал всё, если бы потребовалось — без наводки ему и в жизни бы не выйти на Стальное Перо.

За две недели в бегах они сменили восемь ночлежек, чтобы запутать следы. Но теперь приходилось сидеть на одном месте, превратившись в неподвижную мишень. Даже представить страшно, что с ними будет, если ищейки доберутся до них раньше сопротивленцев. Оставалось лишь уповать на удачу. Богам молиться бесполезно: они либо мертвы, либо обезумели в своей кровожадности. Кэтт до сих пор злится, что он не позволил взять с собой ту проклятую статуэтку Карны. Как вообще в неё можно верить после такого?!

В ворохе тряпок, свитых гнездом на полу, захныкала Роуз. Нил склонился над импровизированной колыбелькой и взял малышку на руки. Укачивания не помогли — она голодна, а Кэтт всё ещё не вернулась с рынка.

Не стоило её отпускать, но детей нужно чем-то кормить. Последние запасы еды закончились ещё утром.

Старший, привлечённый плачем, подошёл к сестрёнке и протянул ей грубо вырезанного из дерева солдатика. Нил с нежностью потрепал сына по голове: растут защитники для маленькой Роуз. Детям не важна внешность, как-то уж иначе они смотрят на мир. Во всяком случае до тех пор, пока взрослые не забьют им головы предрассудками.

Правильно ли он поступил, подвергая опасности всю семью? Если ищейка выйдет на них, Роуз заберут, а его с Кэтт казнят. Ребят в лучшем случае отправят в сиротский приют, а в худшем... Об этом даже думать страшно. Свидетельства, выданные Надзором, могут легко превратиться в бесполезные бумажки, и мальчишек отправят в Легион.

Нил поспешно отогнал тревожные мысли. Нет, всё будет хорошо, Перо придёт за ними. Иначе и быть не может!

По протяжному скрипу подгнивших ступеней и знакомому ворчанию он догадался — это Кэтт. Ребятишки запрыгали по тесной комнате, радуясь, что мама наконец вернулась. Нил беззлобно приструнил распоясавшихся проказников и поспешил жене навстречу. Если Роуз не успокоить, она всю округу на уши поднимет.

— Покорми её, — он отобрал у супруги тяжёлые сумки и передал ей кричащую дочь.

На лице Кэтт промелькнула едва заметная тень. В последнее время жена выглядела совсем измождённой: вокруг глаз залегли тёмные круги, лицо осунулось и будто даже постарело. Удивительно, но только сейчас Нил заметил морщинки у глаз.

Не сказав ни слова, она обнажила грудь, и Роуз тут же жадно впиалась в сосок, громко причмокивая.

— Долго ты, — Нил бросил по яблоку сыновьям.

Никому из них поймать лакомство не удалось. Фрукты покатались по полу, но это ничуть не смутило сорванцов, и вскоре они с довольными моськами уплетали их за обе щеки.

— Рынок же не на соседней улице. И так еле дотащила, — отозвалась Кэтт, не оборачиваясь. — Есть охота. Отнеси крупу старухе, пусть сготовит похлёбку. Сил совсем нет.

— Да я и сам...

— Ну уж нет! — перебила она. — Переводить продукты почём зря я тебе не позволю.

Нил усмехнулся: да уж, стряпуха из него никудышная. Даже подыхающая от голода собака не захочет есть его похлёбку. Она то пригорит, то не созреет, а то и вовсе пересолённая выйдет.

Подслеповатая старуха, которой давно уже перевалило за седьмой десяток, судя по сморщенному, как чернослив, лицу и мелко трясущимся рукам, с радостью согласилась помочь и тут же принялась что-то

рассказывать о былых временах. Но Нил вежливо откланялся, сославшись на срочные дела, и поспешил наверх. Он, конечно, был весьма признателен хозяйке за умение не совать нос в чужие дела, но выслушивать часами нудную болтовню не собирался.

Кэтт сидела у окна, прижимая к груди дочь. Завидев его, она быстро вытерла ладонью глаза и отвернулась. Понять её несложно, в один миг она потеряла всё. Такое не каждая вынесет. А впереди одна неизвестность: удастся ли уйти от Легиона? Куда их приведёт Перо? И смогут ли они там прижиться?

Да и самому становилось не по себе при мысли о будущем. Но если слухи хотя бы наполовину правдивы, есть шанс начать всё заново в безопасном месте, где такие же беглецы нашли убежище от чудовищного закона. В месте, где дети-осквернённые растут в своих семьях, где их не заковывают в цепи или, того хуже, превращают в бездушные орудия убийства.

Кэтт дождалась, пока дочь насытится и уснёт, шикнула на вновь расшумевшихся мальчишек и уложила малышку обратно в «люльку».

Нил ласково приобнял жену за плечи:

— Осталось недолго, родная. Потерпи ещё чуть-чуть.

— Я так больше не могу, — устало произнесла она. — Взгляни на детей — совсем исхудали. Посмотри, во что мы превратились! Прячемся, как крысы по норам.

— Скоро у нас будет новый дом. Всё наладится, — он коснулся её руки и заглянул в покрасневшие от слёз глаза. — Нам нужно быть сильными, ради нашей Роуз.

— А они не наши дети?! — Кэтт указала на сыновей. — Ты подумал, что с ними будет, если с нами что-то случится?

— Прошу, не начинай...

— Не начинать! Да с чего ты взял, что это место вообще существует? А если и существует, безопасно ли там?

— Мы уже это обсуждали, — раздражённый, Нил убрал свою руку. — Роуз останется с нами. Разговор окончен.

Поджав губы, Кэтт отвернулась, и её плечи затряслись в беззвучном рыдании. Ничего, свыкнется со временем. Когда поймёт, что пути назад нет, полегчает.

До самой ночи Нил просидел у окна, изводя себя одним и тем же вопросом: почему до сих пор никто не пришёл за ними? Если торговец фруктами обманул — плохи дела. Деньги скоро закончатся, а идти больше некуда. Даже если самому забрать Роуз и пуститься в бега, они схватят Кэтт. Может, и зря он всё это затеял, да вот только жалеть уже поздно.

Кэтт так и не проронила ни слова — всё злилась. В такие моменты лучше оставить её в покое. Сама подойдёт, когда остынет.

Масляная лампа тускло освещала пяточок вокруг стола. В углу, на засаленном матрасе, сладко посапывали дети. Кэтт неподвижно лежала в кровати, но Нил чувствовал, что она не спит. Он и сам который день засыпал только под утро и просыпался едва ли не с первыми лучами солнца.

От громкого стука он невольно вздрогнул. Снизу послышалась возня, старуха, недовольно бормоча что-то себе под нос, зашаркала по скрипучим половицам.

Встрепенувшись, Нил нашарил под столом топор, бесшумно пересёк комнату и прижался ухом к двери. Снаружи вежливо попросили открыть. Лязгнув засов, хозяйка неразборчиво затараторила, но вскоре умолкла.

Неужели дождались? О боги, лишь бы это было Перо!

Кэтт подскочила, испуганно всхлипнула.

— Тише, всё хорошо, — Нил старался скрыть в своём голосе дрожь.

Лестница жалобно закрипела под тяжёлой поступью неизвестного. И кажется, он пришёл не один: Нил отчётливо слышал перешёптывание. Если верить слухам, ищейки обычно охотятся в одиночку. Всё-таки это Перо!

«Карна, умоляю, услышь хоть на этот раз! Пусть всё обойдётся!»

Шаги стихли, в дверь негромко постучали. Нил спрятал топор за спину и, выдохнув, щёлкнул замком.

Перед ним стоял человек в чёрном. Лицо скрывала железная маска с длинной горизонтальной прорезью для глаз, голову покрывал капюшон, на поясе висел короткий меч.

Нил отшатнулся, попятился, не веря в происходящее. Как их нашли? Он же сделал всё правильно!

— Она там! — Кэтт указала на кучу тряпья. — Помните, вы обещали!

Кэтт?! Как же так?.. В отчаянии закричав, Нил занёс топор на ищейку. В голове металась лишь одна мысль: «Остановить эту тварь, остановить, остановить...»

Резко шагнув навстречу, ищейка перехватил его запястье. Руку словно тисками сдавило, раздался хруст, в глазах потемнело, и топор с грохотом бухнулся на пол. Не разжимая хватку, осквернённый с непринуждённой лёгкостью затащил Нила обратно в комнату и швырнул на колени, как безвольную куклу.

Кэтт метнулась к хнычущим сыновьям, прижала их головы к своей груди и тихо заскупила. Нил взвыл от боли

и бессилия, когда верный пёс Легиона подошёл к плачущей Роуз.

— Отойди от неё, ублюдок, — выдавил он. — Не трогай... Умоляю, не трогай! Убей меня, но не тронь..!

Ищейка даже не взглянул в его сторону. Рывком он подхватил кричащую малышку и неторопливо вышел из комнаты.

«Роуз! Эта тварь забрала мою маленькую Роуз!» — казалось, мир рухнул, раздавив под собой всё, что было дорого. Нил попытался подняться, но тело резко обдало холодом, и тошнота подкатила к горлу.

— Кэтт, милая, как же так? — простонал он.

Жена продолжала реветь, прижимая к себе сыновей, и, казалось, для неё в этом мире больше никого не существовало.

В дверном проёме возникла тень — видимо, тот, второй, ожидавший внизу. С полной отрешённостью Нил посмотрел на высокую фигуру в синей форме. Полицейский прошагал в комнату и остановился напротив.

«Лишь бы сыновей не тронули», — промелькнуло в голове прежде, чем тяжёлая рукоять револьвера опустилась возле его виска.

Любая мутация должна быть искоренена с целью сохранения генетической чистоты человечества. Здоровое потомство — единственная надежда на наше будущее.

Заветы потомкам, 03.001

— Ты опоздала! — хриловатый голос разнёсся по всему обеденному залу, суровый взгляд короля не предвещал ничего хорошего.

Ровена поджала губы, борясь с негодованием, мгновенно отозвавшимся тревожным покалыванием в висках — так проявляла себя скверна, которую она вынуждена скрывать. В своё время отец уберёт её от лап Легиона, но теперь, если выдать себя, даже чудо не спасёт от казни.

— Простите, дядя, похоже, мои часы отстают, — пробормотала Ровена, украдкой оглядев собравшихся.

На мраморном полу играли радужные блики от громоздкой хрустальной люстры — единственной роскошной детали в скучных белых стенах. За длинным дубовым столом восседали пятеро. По правую руку короля — Её Величество Лаура, хрупкая женщина с измождённым диетами лицом; по левую — канцелариус Корнут, худощавый господин с большой залысиной на макушке, хитрым прищуром глаз и вечно недовольной физиономией. Луна с Викторией, кузины, расположились напротив родителей.

Ровена досадливо выдохнула, не обнаружив среди присутствующих того единственного, кого бы она искренне была рада видеть здесь и в ком бы могла найти пусть и молчаливую, но поддержку.

Максиан, принцепс Сената и второй советник короля. После гибели отца он, верный былой дружбе, опекал её как родную дочь, и только благодаря ему она не чувствовала себя совсем уж одинокой.

— В следующий раз я прикажу тебя не впускать, явишься хоть на минуту позже, — холодно произнёс Юстиниан, одарив её пронизывающим взглядом.

Какие же они с отцом разные! В отличие от старшего брата, Юстиниан не обладал ни высоким ростом, ни крепким телосложением. Волосы его уже тронула седина, отпущенная борода — королевская гордость — всегда аккуратно подстрижена. Единственное явное сходство с папой — глаза, но даже они казались чужими и холодными.

Хотя дело вовсе не во внешности. Если бы кто-то попросил коротко описать короля Урсуса, то на ум сразу бы пришли такие слова, как благородство, справедливость, великодушие. В дяде же она не видела ничего, кроме суровости, граничащей с жестокостью, и чего-то ещё, не до конца понятного, но пугающего до дрожи в коленках.

— Всё это бесполезная трата времени, милый, — королева надменно скривила бесцветные губы. — Девчонка не поддаётся никакому воспитанию. Её манеры немногим лучше прачки с хозяйственного двора.

Невольно напрягшись, Ровена ощутила, как её щёки запылали от обиды. К словесной экзекуции она готовилась ещё по пути, но, как бы ни старалась, научиться игнорировать оскорбления пока не получалось. Хотелось убежать от них всех подальше и спрятаться где-нибудь в самом тёмном углу каструма, но вместо этого она медленно побрела к столу, стараясь ни на кого не смотреть.

Луна, младшая кузина, оценивающе оглядела её наряд и что-то шепнула сестре. Та отпустила приглушённый смешок, даже не удостоив Ровену взглядом. Обе принцессы унаследовали от матери густые вьющиеся волосы и выразительные карие глаза. Избалованные всеобщим вниманием и лестью, они держались особняком и к остальным относились со снисходительной небрежностью.

Догадаться о причине их насмешек не составляло труда: на фоне модных нынче цветастых туник с корсетами её скромное льняное платье выглядело скучно и старомодно. Но ехидство кузин всё же куда безобиднее сальных дядюшкиных взглядов, которые она ловила на себе в последние годы. Ей казалось, что неброские и непривлекательные наряды смогут защитить от этих жутких сверлящих глаз, от его гнусных мыслей, которые она едва ли не ощущала кожей. Может, в общении с мужчинами опыт у неё небогатый, но это ни с чем не спутать: дядя видит в ней женщину, и, что у него в голове, несложно догадаться.

Ровена заняла своё место за столом рядом с принцессами. Слуга уже наполнил фарфоровую чашку горячим чаем и предложил поднос со свежей ароматной выпечкой.

— Ах да, совсем забыла, — королева отложила вилку и чуть подалась вперёд. — Корнут, вы уже разослали приглашения?

— Ещё на прошлой неделе, Ваше Величество, — советник елеинно улыбнулся.

— У меня совсем вылетело из головы добавить в список Флоресов. Не могли бы вы сегодня выслать им письмо?

— Не беспокойтесь, моя королева, времени ещё достаточно. Но я, безусловно, прослежу, чтобы письмо

сегодня же было отослано.

— Превосходно, Корнут. Не хотелось бы заводить врагов на ровном месте. Если не пригласить их на Зимнюю Неделю, они нам этого никогда не простят.

Король со скучающим видом отпил из золочёного бокала, и там был определённо не чай. Пьяницей дядю не назовёшь, но временами он не прочь начать утро с чего-нибудь покрепче. Во всяком случае, за долгие годы Ровена не раз наблюдала подобное.

— Надеюсь, мы всё же подберём достойных кандидатов в мужья нашим девочкам, — сетовала Лаура. — Так сложно определиться, особенно при таком огромном выборе. Столько претендентов!

— Об этом беспокоиться слишком рано, душа моя, в нашем-то переменчивом мире, — отозвался Юстиниан. — Девочкам не мешало бы подрасти. К тому же нам ещё предстоит подыскать кого-нибудь для Ровены.

— Я скорее умру, чем допущу её свадьбу до обручения моих дочерей, — королева нахмурилась. — Это очень плохая примета!

В последнее время подобные темы поднимались Лаурой довольно часто, и Ровена была даже рада порой до смешного нелепой суеверности тётушки. Ничего хорошего в замужестве её не ожидало. Конечно, втайне, как и любая девушка, она мечтала о большой любви и пышной свадьбе, но о каком семейном счастье может идти речь, когда тебя собираются продать, как породистую кобылу на аукционе?

— Что там насчёт полиции? — Юстиниан повернулся к канселариусу, очевидно, устав слушать болтовню о женихах и приёмах.

— Я ещё работаю над этим, Ваше Величество, — спешно заверил тот, — но думаю, не мешает сначала прощупать почву более тщательно.

— Не понимаю, зачем оттягивать до последнего? Я хочу, чтобы до начала зимы закон был уже одобрен.

— Видите ли, риск, что Сенат отклонит его, довольно высок. Нужно время, чтобы Максиан переговорил с остальными до рассмотрения.

— Разве недостаточно тех денег, что я выделил?

— Сенаторские души нынче стоят дорого, Ваше Величество.

— И почему нельзя перебить тех, на кого не хватило золота, — иронично вздохнул король.

— Думаю, лучше найти более веские причины для продвижения. Тогда и уговорить этих ослов будет намного проще.

— Так ищите их быстрее, Корнут!

Внимание Ровены привлекли принцессы, принявшиеся шёпотом о чём-то спорить. В конце концов Виктория раздражённо шикнула на сестру и громко отодвинула пустую тарелку.

— Извините, папа, но мы вынуждены вас покинуть. Нам задали так много, что и до вечера не управиться.

— Можете идти, — кивнул король и, проводив дочерей взглядом, повернулся к Ровене:

— А как у тебя успехи в учёбе?

— Замечательно, дядюшка, — осторожно ответила она, гадая, в чём подвох. Он настолько редко интересовался её жизнью, что подобное внимание серьёзно настораживало.

— Хорошо, — задумчиво улыбнулся дядя, похотливо ощупывая её глазами. — Надеюсь, мне не придётся выслушивать жалобы от твоих учителей.

Снова этот взгляд — липкий, омерзительный, грязный. Ровена напряжённо выровнялась. Горячее чувство стыда вдруг окатило её всю, с головы до ног. Не выдержав, она поднялась:

— Прошу меня простить.

— Можешь идти, — небрежно обронила Лаура.

— Благодарю, тётушка, — Ровена присела в лёгком поклоне и вопросительно посмотрела на короля. Тот слегка наморщил нос, но возражать не стал.

Сдерживаясь, чтобы не побежать, она поспешила покинуть зал. Взгляд дяди — а чей же ещё!? — ядовитым лезвием царапал спину. Оставалось только молить Карну о защите, всё равно никто, кроме Максиана, ей не поверит. Хотя что он сделает, если вдруг Юстиниан решится посетить её покои уже не в качестве законного опекуна?

Два алых льва учтиво расступились, позвякивая красными пластинами доспехов. Скользнув взглядом по круглым шлемам с широкими наушниками, почти полностью покрывающими лица гвардейцев, она вышла в широкий коридор, где её ожидала телохранительница.

Лишь когда двери трапезного зала скрылись за поворотом, Ровена смогла облегчённо выдохнуть, радуясь, что на этот раз семейная встреча не закончилась очередным неприятным сюрпризом. Однажды дядюшка без каких-либо на то причин уволил её любимого учителя и назначил вместо него дряхлого ворчуна с бородавкой на плечи. В другой раз заявил, что она привлекает к себе слишком много мужского внимания, и под видом заботы о девичьей чести приставил круглосуточную охрану из осквернённых. Правда, за это она ему была даже благодарна: как бы

ещё ей удалось познакомиться с Восемьдесят Третьей!

Хотя потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к такому сопровождению — чего только стоила эта вот унылая чёрная форма, не говоря уже о маске, скрывающей всю нижнюю половину лица до самой переносицы. Да и остальное весьма успешно пряталось под глубоким капюшоном так, что получалось разглядеть только глаза да номер над бровью. По нему обычно осквернённых и различали.

— Ну и денёк! — убавив шаг, Ровена с нарочитым укором посмотрела на телохранительницу. — Я уже говорила, как ненавижу эти ваши маски?

— Сегодня ещё нет, госпожа, — судя по голосу, Восемьдесят Третья улыбалась. — Хотя всё равно ничего плохого я в них не нахожу.

— Зато я нахожу! Мне куда комфортнее видеть лицо собеседника.

— Но не всем же осквернённым повезло родиться такими красивыми, как я, — Восемьдесят Третья шутливо подмигнула.

— И то верно, — Ровена рассмеялась. — Впрочем, меня не напугать волчьей пастью, как у Морока.

— Двадцать Первый, — строго поправила телохранительница.

Старшая по казарме почему-то не признавала никаких прозвищ. На предложение придумать для неё имя, чтобы было проще к ней обращаться, легата королевских скорпионов ответила категорическим отказом, заявив, что имена — это привилегия свободных, и нечего осквернённым подражать им. Что ж, может, она в чём-то и права.

Но, несмотря на странности Восемьдесят Третьей, Ровена всё же предпочитала её компанию чьей-либо ещё. Не то чтобы она намеренно избегала дружбы с высокородными, просто среди них ощущала себя чужой, наверное... А вот с телохранительницей ей было на удивление легко и спокойно, и как-то уж само так сложилось, что место подруг заняли старый отцовский товарищ да осквернённая.

Наконец, преодолев длинный переход с узкими витражными окнами, они вышли в круглый холл со стеклянным куполом и шестиконечной звездой, вымощенной цветной мозаикой на полу. Отсюда лучами расходились шесть основных коридоров, ведущих в разные части каструма.

Возвращаться к себе в покои Ровена не собиралась: к вечеру требовалось сдать реферат по истории Регнума — столицы Прибрежья и первого города, возведённого после Великой Войны. Тоска смертная!

Она бы предпочла исписать сотню листов о прежних, довоенных временах, а не корпеть над занудным текстом о строительстве замка и утомительно-скучной хронологией правлений.

Впрочем, пусть даже ей и неинтересен этот отрезок истории, но стоило признать: предки строить умели. Спящим великаном каструм возвышался над столицей и казался сам по себе отдельным городом, прячущимся от внешнего мира за массивными стенами из красного камня, становящимися глубоко багровыми в лучах заката, отчего Замок и был прозван Кровавым.

Библиотека располагалась в административной секции, в самом конце крыла. Миновав фойе, они остановились у тяжёлой двустворчатой двери с растительным орнаментом.

По просьбе Ровены Восемьдесят Третья осталась дожидаться у входа — всё равно библиотека пустовала: кузин, конечно же, там не обнаружилось. Ничего удивительного, никто из учителей не посмеет сетовать на небрежность принцесс перед ликом царствующего родителя. Жалкие лизоблюды! Впрочем, не так уж это и плохо — можно спокойно заниматься своим делом.

Ей нравилось проводить здесь время. Ровена часто засиживалась допоздна за чтением какой-нибудь исторической повести и воображала, как жилось там, в прошлом, где вместо лошадей по улицам раскатывали разноцветные автомобили, а небо пересекали серебристые самолёты.

Интересно, какими были древние? Чего хотели, к чему стремились? И каково это — за несколько часов оказаться на другом конце планеты, не боясь скверны и монстров за городскими стенами?

Послевоенное время казалось блёклой тенью великих цивилизаций, существующих теперь разве что на пожелтевших страницах никому не нужных книг.

Появись сейчас перед ней могущественный маг из какой-нибудь сказки и предложи отдать всё, что она имеет, взамен на самую трудную и бесславную жизнь, но там, в прошлом, Ровена без раздумий бы согласилась. Всё лучше, чем гнить в этих кровавых стенах в ожидании свадьбы, чтобы потом продолжить гнить уже до конца своих дней в каком-нибудь маноре Южного Мыса, или того хуже, Опертама.

За книгами время пролетало незаметно. Казалось, только час назад Восемьдесят Третья принесла из кухни овощной суп с парой ломтиков свиного окорока, а за окном солнце уже клонилось к горизонту.

Пролистав исписанные старательным почерком страницы, Ровена облегчённо выдохнула: кажется, вышло неплохо. Осталось всего несколько листов, и она утрёт старому брюзге нос. Как вытянется морщинистая рожа учителя при виде готового задания!

С довольной улыбкой она отправилась к архиву. Где-то здесь должны быть летописи о последних правителях

государства.

Сидя прямо на полу, Ровена перебирала толстые папки, бегло просматривая подписи. Нужные откладывались в сторону, остальные водружались на место — в огромный ящик под нижней полкой.

— Период правления Урсуса Второго, — вслух прочитала она и взяла папку в руки.

Старая лента, стягивающая переплёт, внезапно лопнула, и всё содержимое вывалилось прямо на колени. Ровена принялась бережно собирать испещрённые мелкими буквами листы, складывая их в ровную стопку. Указы, хозяйственные отчёты, какая-то деловая переписка... В руки попала старая фотография родителей. Молодая женщина с большими синими глазами, задорно вздёрнутым носиком и чувственными губами держала под локоть статного мужчину со строгим взглядом.

Она почти ничего не знала о маме — та умерла спустя всего несколько месяцев после родов, а отец редко говорил о ней, стараясь не тревожить и так с трудом затянувшуюся рану. Но все, кто знали покойную королеву, утверждали, что Ровена — точная копия своей матери, только глаза отцовские, зелёные.

Словно впервые, она внимательно изучала лицо отца. Ровный нос, широкие скулы, густая копна светлых волос, непослушно выбивающаяся из-под тонкого ободка короны... Короны, которую теперь носит дядя.

«Как же мне тебя не хватает, папа...»

Бережно отложив фото, Ровена принялась собирать остальные бумаги.

Стоп! А это что? Застыв в удивлении, она внимательно изучала документ, заметно отличающийся от остальных бумаг. Почти на весь лист выцветшей краской распечатано мужское лицо. Ниже подпись: «В розыске», и буквами помельче: «Подозреваемый в убийстве короля. 100 000 золотых за достоверную информацию о местонахождении».

Она заморгала, не веря собственным глазам. Какое ещё убийство?! Отец и его отряд попали в засаду дикарей, и никто не выжил! А этот явно не уругтанец.

Краска портрета поблёкла от времени, но лицо казалось до боли знакомым. Эти глаза, этот орлиный нос и номер над правой дугой густых бровей...

Ровена подскочила. Быть того не может! Должно быть, это ошибка! Чья-то злая шутка, не иначе.

Она летела по коридорам стрелой, перепрыгивая на ходу через несколько ступенек, рискуя подвернуть лодыжку. Восемьдесят Третья не отставала, держась всего на пару шагов позади.

«Пусть Максиан будет у себя! — судорожно металось в голове. — Только бы застать его, ведь он часто засиживается допоздна».

Ступени снова замелькали под ногами. На повороте перед кабинетом она едва не сбила с ног гвардейца, увернувшись от столкновения в последнюю секунду.

Наконец остановившись у порога нужного кабинета, Ровена с силой забарабанила ладонью по лакированной панели.

— Войдите, — донеслось изнутри, и она, не дожидаясь, когда выровняется дыхание, толкнула тяжёлую дверь.

Кабинет встретил лёгким запахом табака и почему-то свежескошенной травы. Два широких кресла и массивный стол, заваленный стопками документов и канцелярскими принадлежностями, — вот и всё убранство, если не считать длинного шкафа с ровными рядами книг.

Максиан отложил документ и приподнял бровь. Взгляд тёмных глаз пронзительный, немного ироничный. Чёрные волосы с серебряными прядями на висках зачёсаны назад, круглая борода как всегда аккуратно подстрижена.

— Какая приятная неожиданность! — улыбнулся он и жестом предложил ей занять кресло.

Ровена метнулась к столу и швырнула какой-то листок ему под нос:

— Что это значит?!

Максиан недоуменно нахмурился. Что-то явно стряслось: принцесса тяжело дышала, капельки пота проступили на бледном лбу, глаза полны непонимания и смятения.

Хватило и одного взгляда на брошенный ею лист, чтобы всё сразу встало на свои места. Проклятье! Он же собственноручно избавился от каждой копии, сжёг всё дотла.

— Где ты это взяла?

— Нашла в архивах, — Ровена упала в скрипучее кресло и провела ладонями по раскрасневшемуся лицу.

Максиан отложил треклятый лист. Знала бы она, чего ему стоило уговорить Юстиниана отменить розыск Севира. На первых порах он и сам мечтал вырезать мерзавцу сердце и скормить его туннельным псам — тот должен был умереть, защищая своего короля, а вместо этого трусливо сбежал. Едва заметные следы вперемешку с кровью тянулись вглубь Мёртвых Пустошей, но найти его так и не удалось.

И что теперь? Рассказать девчонке правду означало разрушить и без того хлипкие стены спокойствия, которые он после гибели друга годами воздвигал камень за камнем, и всё для неё, сироты, брошенной судьбой в хищные лапы стервятников. Нет, так дело не пойдёт!

— И что тебя так взволновало, моя дорогая? — Максиан изобразил искреннее непонимание. — Обычное дело — награда за поимку преступника.

— Не морочь мне голову! — глаза принцессы лихорадочно блестели. — Ты думал, я его не узнаю? И при чём здесь отец, раз уж это обычный преступник?

— Успокойся, будь добра, — Максиан опустил в кресло напротив и взял её ладонь. — Ну и кого ты узнала?

— Это Севир! И даже не пытайся меня разубедить. Я прекрасно помню и его лицо, и его номер! — Ровена отдернула руку и мрачно уставилась на Максиана.

Ложь во благо — не этим ли обычно оправдывают родители своё малодушие перед собственными отпрысками? Но Ровена уже не ребёнок, и, возможно, пора бы ей задуматься о будущем, а оно совсем не безоблачное. Имеет ли он право рушить её мирок? Нет, не имеет. Но есть ли уверенность, что этого не сделает кто-нибудь другой и в менее подходящий момент?

Принцесса прочистила горло, намекая, что ждёт объяснений.

— Ты была слишком мала, — всё же осторожность не помешает, — я не мог рассказать всего, понимаешь?

— Я хочу знать правду!

Настойчивость Ровены не удивляла. Безусловно, в ней есть стержень, от отца ли или от матери, но она умеет добиваться своего при желании. Он больше не собирался юлить и лгать, но и швыряться фактами в лоб — непростительная глупость. Это может навредить ей.

— Понимаешь, среди погибших Севира не оказалось. Подозрения, естественно, тут же пали на него. Вполне справедливо, к слову. Раз выжил, зачем тогда прятаться? Мы искали его везде, но в Пустошах это не так-то просто. Твой дядя готов был на всё, лишь бы заполучить его голову, потому использовали всевозможные методы.

— Не понимаю... Севир был лучшим другом отца. Как он мог предать его? Какой в этом смысл?

— Но ведь чистой совести нечего скрывать, не так ли?

— Отец верил ему, как себе!

— Верил, — может, и не придётся всего рассказывать. Пусть лучше девчонка думает, что так всё и было.

Ровена нахмурилась, сосредоточенно размышляя об услышанном.

— Зачем тогда проливать столько крови, если он мог убить папу в любой момент? — наконец произнесла она. — Севир всегда был рядом, и все двери для него были открыты. Что-то здесь не сходится...

Лицо принцессы, до этого пылающее румянцем, начало стремительно бледнеть. Интересно, что за борьба ведётся в этой светлой головке, пока ещё не испорченной алчностью и жаждой власти?

Максиан подался вперёд и коснулся её руки, но тут же отпрянул: на него смотрели холодные, белёсые глаза, нечеловеческие, чужие, словно принадлежащие какому-нибудь демону бога Тейлура.

«Только этого не хватало!» — промелькнула мысль.

Невидимая рука тискалами сдавила затылок, по спине пробежал лёгкий мороз. Что-то проникло в голову, закопошилось в мозгах, как черви в мёртвой плоти. Боли не было, скорее, некий ступор вперемешку с ноющей тоской и полным безразличием ко всему.

— Не. Смей. Мне. Лгать, — сквозь вязкую пелену донёсся голос Ровены.

Нужно сопротивляться, не поддаваться ей, не позволять управлять собой. Он собрал последние остатки воли, хотя особо ни на что и не рассчитывал.

— Остановись... пока не поздно, — выдавил он.

Девчонка вздрогнула, растерянно заморгала. Невидимая хватка мгновенно отпустила. Максиан судорожно вздохнул и провёл ладонью по онемевшему затылку.

— Никогда, слышишь? Никогда так не делай! — со всей возможной строгостью проговорил он. — Научись управлять собой, или не проживёшь и половины отмеренного.

— Прости! Прощу, прости! — Ровена съёжилась в кресле, как нашкодивший ребёнок перед рассерженным родителем.

Ему вдруг стало горько оттого, что лгал ей. Оттого, что так и не подготовил девчонку к жизни. В чём её вина? В желании узнать правду?

Он подошёл к Ровене, по-отечески пригладил растрепавшиеся волосы:

— И ты прости меня. Я всего лишь хотел оградить тебя ото всей этой грязи. Теперь вижу, что ошибался. Только пообещай мне: всё, что я скажу сейчас, не только должно остаться между нами. Нет, ты будешь вести себя так, будто ни о чём и не подозреваешь. Таковы мои условия.

— Хорошо, обещаю.

— Прощу, ещё раз подумай, нужно ли ворошить прошлое, тем более спустя столько лет.

— Нужно! — выпалила она. — Говори, я готова ко всему.

Максиан невесело ухмыльнулся:

— Хорошо... Твой дар, как называл это Урсус, проявился не сразу. Я прекрасно помню тот день: ты играла с няней на полу кабинета, и вдруг та ни с того ни с сего зарыдала. Потом она сказала, будто нечто заставило её это сделать. Всё стало сразу понятно: кроме тебя и некому. Ты была совсем крошкой и не понимала, что творишь, но для Урсуса это был настоящий удар. Он ещё не отошёл от смерти Лисс, и потерять тебя для него стало бы хуже погибели. Он ведь в тебе души не чаял.

Затаив дыхание, Ровена ловила каждое его слово.

— Ты ведь знаешь, что происходит с новорождёнными, если в них обнаружится скверна. Исключений не бывает: ни статус, ни золото — ничто не спасёт от клейма. Осквернённые — не люди, им нет места среди нас. Так написано в Заветах, таковы вековые традиции. Естественно, Урсус не мог допустить, чтобы тебя забрал Легион. Знала бы ты, на что нам пришлось пойти, чтобы твоя тайна осталась таковой... За это мне ещё предстоит ответить перед богами.

Глаза Ровены округлились, но перебивать его она не посмела.

— Да-да, знаю, о чём ты думаешь. Мир несправедлив, дорогая. Но твою тайну нам удалось сберечь. Няня молчала, да и неудивительно: Урсус для неё был как сын, а тебя она просто обожала. Но, к сожалению, старость взяла своё, и она покинула наш бранный мир спустя несколько лет после проверяющего, который так неловко поскользнулся на ступеньках собственного дома и свернул себе шею. В итоге только я, Севир да твой отец — вот и все, кто знал о твоём секрете. Забавно, одна хрупкая жизнь в руках троих... Но Урсус не остановился на этом. Он смотрел далеко в будущее и понимал, что всё это временное решение. Мы потратили несколько лет на поиски лекарства, которого, конечно же, не существует. В основном надеялись на Конфедерацию, но и там, разумеется, нам ничем не смогли помочь. После первой неудачи мы начали изучать Заветы, искали лазейки в законе, но там нас также ожидало разочарование. Всё написанное слишком однозначно и без двойного дна. Нам ничего не оставалось, кроме как попытаться пойти против устоев и отменить рабство как таковое. Конечно же, изменить отношение людей к осквернённым мы не могли, а вот освободить их казалось хоть и сложным, но вполне осуществимым делом.

Максиан заметил, как задрожали губы Ровены, а глаза заблестели от слёз.

— Ты уверена, что готова слушать дальше?

Она закивала, утирая ладонью мокрые щёки.

— Хорошо, потому что дальше всё намного сложнее. Видишь ли, слишком большие деньги крутятся в Легионе, и слишком выгодно знати владеть рабами. Ещё бы! Безропотная служба, если хочешь жить. Кроме того, не стоит забывать и о страхе перед «другими». Достаточно вспомнить фанатиков, по сей день недовольных Кодексом Скверны и требующих вернуть эвтаназию, — Максиан подошёл к окну. В чернеющем небе беззвучно мелькнула молния. От громового раската едва не затряслись стёкла. Начиналась гроза. — Твой отец, Ровена, был по-настоящему выдающимся человеком: он не убоился пойти против системы. Но одной смелости, как видишь, оказалось недостаточно. Нам следовало действовать осторожно, не привлекать излишнего внимания, но мы были молоды и чересчур самоуверенны. В результате единственной нашей победой оставалось признание Сто Первого человеком. Урсус целый год добивался от Сената одобрения, и в конце концов те пошли на уступку. Севир получил имя и право на жизнь среди людей. Забавно, но я не сразу понял, что сделал твой отец. Нет, он не просто подарил свободу одному рабу — он показал осквернённым, что все они имеют право называться людьми.

— И всё это ради меня одной? — принцесса, казалось, не верила собственным ушам.

— В каком-то смысле да. Хотя твой отец и до этого ненавидел рабство и относился к осквернённым не хуже, чем к свободным. А часто даже и лучше. Думаю, рано или поздно он бы и сам пришёл к этому. Ты просто стала своего рода катализатором. Но, как я уже сказал, мы были молоды и самонадеянны, действовали открыто, и кое-кому это пришлось не по нраву. Щупальца Легиона уже давно достигли Сената, а самые влиятельные семьи Прибрежья всегда были на стороне рабовладельцев. Легион искал пути остановить обезумевшего, по их утверждениям, короля и в конце концов нашёл их в лице Юстиниана. Твой дядя уже тогда слыл ярким ненавистником осквернённых и фанатично чтил каждое слово Заветов. Думаю, его не понадобилось слишком долго уговаривать, но всё это мои предположения, конечно же. Доказательств нет, кроме слов Севира. К сожалению, мне так и не удалось полностью вскрыть этот гнойник, а теперь это уже не так важно, наверное. Может, Юстиниан и сам дошёл до этого, но точно не без поддержки. Его вообще мало кто воспринимал всерьёз, а зря, как оказалось. Не так-то он прост, Ровена. Все эти сказки про дикарей, рыскающих по Мёртвым Пустошам в поисках короля, скормили народу на голубом глазу. О страсти Урсуса к охоте не знали только младенцы, устроить засаду было проще простого. Вполне удобно, не так ли? Ни свидетелей тебе, ни улики. Но вот что меня даже тогда сильно смутило: ни одного трупа уругтанца так и не нашли, в отличие от пары дохлых наёмников. Они даже не маскировались! Да и зачем! Кто будет проверять, верно?

— Поэтому дядя искал Севира? Боялся, что вскроется правда?

— Возможно. То ли народного осуждения боялся, то ли мести осквернённых, но, к счастью, мне удалось убедить его бросить эту затею.

— А что стало с Севиром? Он всё ещё жив?

— Как знать, дорогая, как знать... — Максиан поднялся с кресла, наполнил стакан водой и протянул принцессе.

Она поблагодарила, но к воде не притронулась. Её спокойствие настораживало. Заметно, что сдерживается, прячет слёзы, и всё же не такой реакции он ожидал. Истерика, крики, угрозы — да пожалуйста, только не это каменное лицо с пустым взглядом. Как бы не натворила чего.

— О чём ты думаешь, Ровена?

— Как дальше жить с этим, — глухо отозвалась она.

— У тебя нет выбора. Ты должна смириться. Помнишь, что обещала? — Максиан склонился над ней, сжал её плечи. — Ты меня слышишь? Ты должна!

— Отец погиб из-за меня. Не родился я такой, он был бы жив. И мама, наверное, тоже.

— Выбрось эти глупости из головы! Нам не дано выбирать, где и кем родиться. Прими его жертву как шанс прожить спокойную и счастливую жизнь. Не попирай его память своей слабостью!

Максиан злился — не на неё, на себя. Он искренне хотел бы пообещать, что всё будет хорошо, что всё забудется, как кошмарный сон, но лгать не хотелось: хорошо уже не будет. Ни завтра, ни через десять лет, никогда.

Утешения здесь не к месту. Пройдёт ещё много времени, прежде чем её рана зарубцуется, всё равно оставаясь на душе уродливым шрамом, время от времени тревожащим бессонными ночами. С этим грузом ей придётся жить до конца дней, и он бы многое отдал, чтобы вернуть эти несколько часов, найти и сжечь тот чёртов листок, что должен был сгореть с остальными ещё двенадцать лет назад.

— Ты прав, — она поднялась из кресла. — Прости. За меня можешь не волноваться, я постараюсь вести себя так, будто ничего не знаю.

Максиан растроганно улыбнулся и крепко обнял хрупкую, но такую сильную и смелую девочку.

— Ты дочь своего отца, Ровена, — с нежностью сказал он. — Урсус бы гордился тобой, можешь не сомневаться.

Она натянуто улыбнулась и скрылась за дверью.

Не стоило бы сейчас оставлять её одну, но привлекать лишнее внимание, разгуливая по коридорам с юной принцессой — не слишком мудрое решение. Однако есть кое-кто, кому можно доверить такое дело.

Максиан спрятал листок в карман пиджака и вышел из кабинета.

Любое препятствование уполномоченным лицам в обнаружении сокрытых или похищенных мутантов карается десятью годами лишения свободы с изъятием всего имущества преступника. В случае сопротивления агент имеет право ликвидировать лицо, если оно представляет опасность для его жизни.

Заветы потомкам, Кодекс Скверны, 032

Свет просачивался из многочисленных щелей хлипкой двери. От каждого удара сыпалась труха, хрустели прогнившие доски. Твин забилась в дальний угол каморки и не сводила испуганных глаз с ненадёжной преграды: отвернись она хоть на миг, и монстр ворвётся внутрь — тогда уже ничто не спасёт их.

Мама склонилась над ней, коснулась губами лба. Прядь тёмных волос зашепотала руку.

— Я люблю тебя больше своей жизни! — прошептала она. — Ничего не бойся, светлячок. Помни...

Грохот оборвал её на полуслове. Твин всё же отвела взгляд, не удержала чудовище. Она хотела сказать матери, что тоже любит её, любит больше всего на свете, но мама уже отвернулась, заслонив её своим телом от вошедшего.

Твин с ужасом смотрела из-за её спины на гигантскую чёрную тень, выросшую в дверном проёме. Тихо вскрикнув, она вжалась в стену, прикрыла лицо ладошками.

Огромный монстр приближался к матери, такой незащитной и хрупкой, но готовой защищать их обеих до последнего вздоха. Каждый его шаг отдавался в ушах гулким набатом.

— Будь ты проклят! Ты и твои хозяева! — голос мамы задрожал от бессильной ярости.

Твин выглянула сквозь пальцы. Чёрное существо с блестящим, гладким овалом вместо лица нависло над тонкой фигуркой матери.

На мгновение показалось, что монстр передумал, что не тронет их, но вдруг он с силой рванул маму за волосы и развернул перед собой. Твин смотрела в её спокойное лицо — как будто и не было никакого чудовища, как будто во всём мире, кроме них двоих, никого больше не существовало.

— Мама! Мамочка! — она сжала кулачки и кинулась на чёрную тварь.

Удар пришёлся ногой в грудь, выбив почти весь воздух. Твин завалилась на спину, больно приложившись затылком. Сквозь звон в ушах она услышала гневный выкрик, попыталась подняться, но мир вокруг закружился в безумной дикой пляске.

Мама отчаянно вырывалась из железной хватки, едва не сбив с монстра маску. Тот грубо выругался, в руке сверкнул клинок и прочертил плавную линию на маминой шее, оставляя за собой тонкую тёмную полосу.

Захрипев, мама прижала к горлу ладони. Бледные пальцы окрасились в алое. Кровь стекала по рукам и падала на пол. Твин с ужасом смотрела на каждую каплю, уносящую за собой жизнь. Бум. Бум. Бум. В тишине их стук превратился в невыносимый грохот.

Твин закричала, закрыла уши руками. Монстр отшвырнул обмякшее тело и приблизился. Вся сжавшись под тяжёлым взглядом из узкой прорези, она не могла оторвать глаз от маски с синей полосой вдоль стальной щеки. Безликий протянул ладонь, которая тут же превратилась в уродливую лапу с кривыми когтями.

Твин задыхалась, хватала ртом воздух, сердце продолжало бешено колотиться. Жёсткая койка негромко скрипнула. Никакого монстра, только серые в предрассветных сумерках спящие казармы.

Стянув промокшее от пота исподнее, она тихо, чтобы не разбудить кого ненароком, нашарила сложенную на полу свежую одежду и отправилась в душевые. Заснуть уже не получится, да и до пробудки осталось всего ничего.

Твин пыталась вспомнить лицо мамы, но перед глазами настойчиво возникала железная маска ищейки. Бесконечно повторяющийся сон — всё, что осталось от воспоминаний о прошлой жизни. Порой она даже сомневалась: может, это и вовсе никакие не воспоминания, а просто игра воображения?

В окошке у потолка показались первые лучи солнца. Бросив сменку на скамью и крутанув скрипучий вентиль, Твин встала под ледяные струи. Вода безжалостно хлестала грудь, плечи, стекала по рукам и животу, щипала разбитые костяшки пальцев, пробуждая, отгоняя тяжёлые мысли и унося с собой остатки ночного кошмара.

«Какая же ты жалкая!»

Твин фыркнула: Альтера. Другого от неё ожидать не приходилось.

«Как ты вообще себя выносишь? — не унималась та. — Ничтожество. Давай, поплачь, пожалей себя. На большее ты и не способна».

— Да что опять не так? — проворчала Твин.

«Твоё извечное нытьё, вот что. Ой, мамочка, мне страшно! Помоги мне!» — передразнила её Альтера писклявым голосом.

— Не лезь в мою голову, стерва!

«Научись думать тише, а ещё лучше — прекрати сопли пускать и возьми себя в руки».

Закрыв глаза, Твин представила себе прозрачную стену между нею и той, другой, — единственная возможность заглушить назойливый голос. Альтера сверлила её взглядом и мрачно ухмылялась.

Удивительно, насколько они разные и одновременно похожие, как две капли воды. Тот же ровный нос, худощавое лицо, те же губы. Разве что у Альтеры глаза другие, зелёные, цвета пламени, что вспыхивает при призыве способности, слишком жестокие, злые.

Протяжным гудом завывала побудка. Снаружи послышались голоса. Разбуженные казармы ожили, забурлили. Не дожидаясь, пока в душевые повалит народ, Твин второпях натянула одежду.

Дверь скрипнула. На пороге появился заспанный Керс. Из-под полуопущенных век на неё смотрели два янтарно-жёлтых глаза. На переносице ещё не до конца зажившая после спарринга рана. Дерзко очерченная верхняя губа, ямочка на подбородке — всё это придавало ему некую притягательность, несмотря на шрам от ожога почти на всю правую сторону лица: детская шалость, за которую он заплатил слишком высокую цену. Над бровью, прямо поверх шрама, набит номер: «136».

Она глянула на его отросшую щетину и улыбнулась:

— Решил отпустить бороду?

— Угу, как у Седого, — буркнул он, стягивая с себя штаны.

— Гляжу, опять не выспался.

— Не заморачивайся.

Она ненадолго задержала на нём взгляд и толкнула дверь. От безмятежного спокойствия загона не осталось и следа. Одни спешили в душевые, другие о чём-то галдели, третьи подшучивали над четвёртыми. Некоторые ещё и вовсе не слезли с коек: к чему спешка, всё равно толкаться в очереди.

Твин огляделась по сторонам в поисках Слая. «Ах вот ты где!»

Слай о чём-то спорил со здоровяком Триста Шестым на другом конце казармы. Озорной прищур серых глаз, приподнятые уголки губ, придающие лицу ироничности, ямочки на щеках при улыбке — в этом весь её Семидесятый.

Слай провёл рукой по слегка отросшему ёжику светлых волос и насмешливо вскинул бровь. Видимо, с Триста Шестым он был явно не согласен. На фоне своего друга Семидесятый выглядел щуплым желторотиком, впрочем, как и любой другой: мало кто в терсентуме мог похвастаться двухметровым ростом и весом в пару центнеров.

Слай изобразил жестом какой-то боевой приём, Триста Шестой покачал головой и принялся доказывать что-то своё.

Окликать Семидесятого Твин не стала и, лавируя среди младших, шутливо борющихся друг с другом, наконец выбралась во двор. Вдохнув полной грудью утреннюю свежесть, огляделась.

Терсентум просыпался, готовясь к очередному долгому дню. Двор наполнялся гамом и суетой: опоздаешь на завтрак — придётся тренироваться на пустой желудок, а на такое мало кто решался. Ещё бы, уже к обеду даже самый выносливый валился с ног, мечтая о мясной похлёбке и хотя бы короткой передышке.

Её внимание привлекла потасовка. Кучка молодняка, что-то выкрикивая и подначивая, окружила двоих, катающихся в пыли. Один из дерущихся в этот момент оседлал противника и ритмично замолотил кулаками по его голове. Второй прикрывался, всё пытаясь безрезультатно сбросить нападавшего. Твин шагнула в их сторону, намереваясь разогнать желторотиков, но знакомая рука легла на плечо.

— Не лезь, так они ничего не поймут, — Харó один из немногих в терсентуме, кто уступает в росте разве что Триста Шестому. Ей то и дело приходится задирать голову, разговаривая с ним. Кожа бледная, волосы отсутствуют напрочь, даже бровей нет. Нос заканчивается чуть ниже переносицы: там, где должен быть хрящ, зияют две узкие прорези. На всё лицо — татуировка, подражающая оскаленному черепу. Её лучшая работа, между прочим. Сколько времени потратила, особенно на глазницы! Правда, теперь глаз вообще не разглядеть: чёрные, без белка, только поблёскивают на солнце.

Седой как-то пошутил, что теперь в терсентуме служит сам Харон, прислужник Тейлура. Шутка многим показалась забавной, и прозвище быстро прилипло к Сорок Восьмому. Теперь иначе как Харо среди своих его уже никто не называл.

— А сам-то хоть раз что-нибудь понял? — она хмыкнула. И это говорит тот, кто неделю назад чуть не устроил потасовку с Девятнадцатым прямо под носом у мастера. — Стена Раздумий явно не про тебя.

Харо равнодушно пожал плечами.

Из дома напротив выскочил взъерошенный Седой, на бегу натягивая потёртый жилет. Спутанная борода старика неряшливо топорщилась в стороны, густые брови сердито хмурились. Он прикрикнул на толпу, но желторотики и ухом не повели.

Тогда помощник мастера пригладил бороду, набрал в лёгкие побольше воздуха и дунул со всей мочи в свисток. Мальки тут же бросились врассыпную, оставив дерущихся валяться в пыли. И вовремя: в конце двора как раз

показались стражники с мечами наперевес.

— Валим-ка отсюда, — Твин потянула друга за рукав, — а то и нам влетит за компанию.

Столовая располагалась в соседнем дворе, куда больше казарменного. Длинное здание с тщательно выбеленными стенами, у крыльца которого, сбившись в стайки, кучковались собратья в ожидании кормёжки.

Из-за запертых дверей просачивался запах до тошноты надоевшей протеиновой каши. Стоило только представить серое варево, размазанное по тарелке, и аппетит мгновенно испарялся. Впрочем, есть эту мерзость никто не заставлял. Не хочешь — не жри, но тогда до полудня не дотянешь. Приходилось давиться тем, что давали.

Да и давилась бы и дальше, и вечно недовольную рожу мастера терпела бы, да и кнут тоже — только ради семьи, которой у неё скоро уже не станет.

Слай, Керс, Харо... Свидятся ли они хоть раз после торгов? Осталось-то всего пара месяцев, а потом... Твин содрогнулась, представив, что единственной встречей с кем-либо из братьев может стать Арена. И хорошо, если будут сражаться на одной стороне.

— Скажи, Харо, как ты поступишь, если кто-то из нас окажется на Арене среди твоих противников?

— Туда ещё попасть нужно.

— И всё же?

Он повернул к ней голову, в черноте глазниц едва заметно блеснуло:

— Тогда постараюсь сдохнуть побыстрее.

— Как жизнерадостно! — Слай возник рядом прямо из воздуха. Эта его привычка использовать хист на каждом шагу иногда просто бесила. Везёт же некоторым с откатом! — Может, ещё и деструкцию обсудим?

— Очень остроумно! — Твин нарочито закатила глаза.

— Кстати, об Арене. Слышали, Пятого выставят против Вихря?

— Жаль. Неплохой бы чемпион из него получился, — Харо досадливо пнул камень.

— Это ещё почему? — удивился Слай. — Пятый вполне ничего. Помнишь, как он отключил Двести Восемнадцатого?

— До Вихря ему всё равно далеко. Опыта маловато.

— Зато...

— У вас другие темы бывают? — раздражённо перебила Твин. В последнее время все разговоры сводились к предстоящим боям, будто свет на них клином сошёл.

— Бывают, — Слай хитро подмигнул другу, тот в ответ многозначительно хмыкнул.

— А где вообще носит Керса? — Твин огляделась по сторонам. — Может, мне показалось, но с утра он был явно не в духе. Опять, что ли, с Глим полаялся?

— Да чёрт их там разберёт, — развёл руками Слай. — А вот, кстати, и он.

Твин посмотрела, куда указывал её Семидесятый. Со стороны надзирателей, что по своему обыкновению держались поодаль, бодро вышагивал их Сто Тридцать Шестой. Его утреннюю угрюмость как пёс слизал.

— Ну что, желторотики, без спирта точно не останемся, — с самодовольной улыбкой сообщил он.

— Главное, чтобы без Керосина не остались, — проворчала Твин. — Не понимаю, нафига ты вообще с ними связываешься?

— Не ворчи, — Керс хитро подмигнул, — всё под контролем, сестрёнка.

Керс, конечно, не дурак, но эти его делишки с плётчиками ничем хорошим точно не закончатся. К тому же Седой знал, что тот приторговывает дурью, и как-то раз даже пригрозил: поймает — высечет их всех до полусмерти. Может, старик просто запугивал, но проверять на деле как-то не хотелось. От кнута спина долго заживает.

На первый взгляд казалось, что Керса не заботят ни угрозы Седого, ни предстоящие торги, но в эту его наигранную весёлость может поверить кто-то другой. Вот только она-то знает его как облупленного. Иначе как объяснить внезапные перемены в настроении?

Да, дело точно в торгах. И каждый из них переживает это по-своему. Если Харо, как всегда, замкнулся в себе, то Керса в последнее время почти не узнать. И пить стал больше обыкновенного. Единственным непрошибаемым остаётся Слай. Кажется, его и впрямь не заботит будущее. Живы — и то хорошо. К чему лишние тревоги? Вполне в его духе.

И всё же за завтраком Твин не выдержала.

— Слай, — тихо позвала она. — Ты хоть раз задумывался, что с нами станет? Или тебе насрать?

Он удивлённо приподнял брови:

— Да что на тебя нашло?

— То есть тебя не волнует, что мы больше не увидим друг друга?

— С чего ты взяла? Конечно, волнует.

— Заметно, — буркнула она.

Слай сдержанно вздохнул и потёр пальцами переносицу:

— Скажи, Твин, как бы ты хотела запомнить свою мать? С перерезанным горлом, как из сна, или счастливую и с улыбкой?

— С улыбкой, конечно.

— Вот и я так же.

Наверное, Слай прав: нужно радоваться тому, что имеешь сегодня. А у неё есть настоящая семья, братья. Мало кто может похвастаться даже меньшим. Но от его слов почему-то кольнуло в груди, будто кто-то вогнал длинную иглу между рёбер.

Чего она ждёт от него? Решения, которого нет? Побега? Как наивно! Их выловят на следующий же день и повесят на ближайшем дереве. Позорнее смерти и не придумаешь. Да и было бы куда бежать... Их не примут те же уругтанцы. Это даже если забыть об антидоте, без которого не протянуть и пары лет.

Проклятие! Антидот! Пропустила вечернюю дозу. Совсем вылетело из головы от усталости. Твин поднялась из-за стола и быстро зашагала к выходу.

На солнце вязкая субстанция в пузырьке отливала синим. Тягучая капля мягко коснулась уголка глаза. Немного зашипало. Проморгавшись, Твин потёрла веко костяшкой пальца.

По телу начало разливаться приятное тепло, сразу стало легче, спокойнее. Деструкция, будь она неладна. Тот же Альтера распоясалась.

— Эй, — Слай остановился рядом и слегка приобнял её за плечи, — пойми ты, я просто не хочу, чтобы торги стали для нас единственной темой для разговоров.

— Давай позже, — отмахнулась она. — Лучше на выпас не опаздывать, а то выслушивать ещё от Одноглазого.

Тренировки начинались с пробежки. Пять кругов, если Одноглазый в добром расположении духа, если с похмелья, то и все десять. А сегодня наставник выглядел так, будто всю ночь синий дым глушил.

Уже после седьмого круга Твин мечтала растянуться на койке и не шевелиться до самого рассвета. Вечерняя практика с Харо была, наверное, лишней, но без неё контроль над Альтерой быстро ослабевал, и та вырывалась при малейшей возможности.

Часы тянулись как смола. Рукопашка, стрельба из лука, фехтование, бой на ножах, перерыв на обед, затем, наконец, поединки... Хоть постоять спокойно можно, если, конечно, не вызовут.

Ежедневно Бифф выбирал по несколько пар, чтобы проверить, чему научились. Ровными рядами осквернённые выстроились у ограды в ожидании, когда мастер назовёт очередные номера. И тут у входа на площадку показался Седой.

Старик шёл быстро, напряжённо печатая шаг. По мрачному выражению стало ясно: что-то точно стряслось. Поравнявшись с мастером, он принялся тому что-то торопливо рассказывать. Красная рожа Биффа недовольно сморщилась. Махнув Одноглазому, он, неожиданно шустро при своей туше, потрусил к главному двору.

— На сегодня всё, щенки. Марш по загонам! — рявкнул тренер и поспешил следом за начальством.

Твин поискала глазами Слая. Где опять этот чёртов плут? Рядом же стоял секунду назад. Наверное рванул разнюхать, что там случилось. Ну по крайней мере они узнают всё раньше остальных.

Братья нагнали её уже у ворот.

— Интересно, что Биффа так взбесило? — задумчиво проговорил Керс.

— Скоро узнаем, — ответила Твин и, замедлив шаг, обернулась.

Справа, между оружейной и хозяйственной пристройкой, спиной к стене сидели двое. Кисти скованных над головами рук безвольно свисали. Выглядели мальки помято. Ещё бы! Провести почти целый день под палящим солнцем без еды и воды — невелико удовольствие.

Вот она, пресловутая Стена Раздумий. Та самая, у которой не раз доводилось размышлять о жизни так же, как этим двоим.

— Я что-то пропустил? — спросил Керс.

— Ничего такого, — отозвался Харо. — Сцепились прямо у конуры Седого.

Керс с наигранным сочувствием поцокал языком:

— Эй, желторотики, сколько вам ещё здесь торчать?

Один из мальков злобно зыркнул исподлобья:

— Катись к псам, говнюк.

— Нет, вы слышали? Меня только что послали! — Керс изобразил глубоко оскорблённый вид.

— И говнюком назвали. Вполне справедливо, между прочим! — Твин сорвала с его пояса флягу, вспомнив, что своя уже давно опустела.

— Ты что творишь?! — друг попытался схватить её за руку.

Увернувшись, Твин воровато огляделась по сторонам и подошла к Стене. При виде воды наказанные мгновенно оживились. На лице одного даже проскользнула благодарная улыбка.

Твин поднесла ёмкость к пересохшим губам ближайшего мальчишки. Тот приложился с жадностью, как в последний раз, и недовольно наморщил нос, когда она повернулась к его недавнему сопернику.

— Шустрее, Твин, — поторопил Харо. — Сегодня Стена Раздумий в мои планы не входит.

— Расслабься, здесь никого, — она дождалась, пока бедолага допьёт, и швырнула опустевшую флягу в Керса.

Тот увернулся, недовольно фыркнул и, подобрав «снаряд», принялся отряхивать его от пыли. — Первый раз здесь?

Любитель посылать старшаков к псам кивнул.

— Не смертельно. Главное, не держать в себе, как говорится, — Твин ободряюще подмигнула.

— Ага, чтоб потом с нас весь терсентум ржал? Да лучше подохнуть!

— Подыхай, — она пожала плечами. — Обычно слабаки так и поступают.

— Здесь половина зоны под себя гадила, — заверил Керс. — Если вообще не вся.

— За себя говори, — буркнул Харо.

— Я к тому, что от стыда ещё никто не умирал, а вот от разрыва мочевого — запросто.

Поджав губы, мальчишка отвернулся. Твин понимающе хмыкнула: во всяком случае, она подсказала, как сумела, а там пусть сами догоняют. Седой всё равно спросит. Весь смысл Стены Раздумий — суметь переступить через своё самолюбие. И если не понял этого с первого раза, придётся сидеть до тех пор, пока не дойдёт. У скорпионов не должно быть гордости, как и страха перед смертью.

Хотя со вторым она бы поспорила — жить хочется каждому, даже Харо, сколько бы он ни твердил о достойной смерти на Арене или где там ещё он собрался подыхать.

— И что это у нас здесь?

Твин оглянулась. К ним приближался Девятнадцатый — походка вразвалочку, широкие плечи, насмешливый прищур чёрных глаз, уголок губ чуть приподнят в злорадной ухмылке.

Только его здесь и не хватало! Самоуверенный засранец. Но стоит отдать должное, неплохой напарник в охоте, а это чего-то да стоит.

— Вали нахер! — огрызнулся Харо.

Девятнадцатый остановился в паре шагов и скрестил руки на груди.

— Передай своему ручному зверьку, чтобы следил за своим языком, — заявил он, свысока глядя на Твин. — Если не хочет и без него остаться.

— Тебе же сказали, вали, пока цел, — оцетинилась она.

— Какая грозная! Всё забываю спросить, как вы её трахаете? По очереди или все разом? — он повернулся к Керсу и сделал жест руками, изображая соитие.

Тот было открыл рот, чтобы осадить засранца, но Твин с силой толкнула его в грудь:

— Забей!

Всё произошло мгновенно. Она даже не поняла, как Девятнадцатого вдруг снесло. Харо уже сидел на нём, заноса кулак.

— С ума сошёл! — подскочив к дерущимся, Твин вцепилась в руку Сорок Восьмого и потянула на себя.

Керс тут же очутился рядом и, чертыхаясь, помог оттащить друга.

— Остынь, брат, не стоит он того.

Харо зло сплюнул, сверля взглядом противника, но продолжать драку не стал.

— Ну всё, крепи седло, выродок, — под смешки прикованных к стене желторотиков — хоть какое-то развлечение! — Девятнадцатый поднялся и замотал головой. — Молись Госпоже, чтобы проснулся наутро.

Харо дёрнулся, собираясь снова навалить ублюдку, но, встретившись взглядом с Керсом, только пробурчал что-то неразборчиво.

— Если ты не заметил, нас как бы здесь трое, — Твин с деланным интересом рассматривала собственную ладонь, будто видела её впервые, — а ты один. Вдруг окажется, что не такой уж ты и неуязвимый? Что думаешь, Керс, труп сжечь сможешь?

— Зачем такую шкуру портить? — ухмыльнулся тот. — Панцирь неплохой получится. А потроха прикопаем где-нибудь на заднем дворе.

Девятнадцатый отряхнул форму, обвёл их тяжёлым взглядом и зашагал в сторону казармы. Репутация Проклятой Четвёрки, которую они зарабатывали годами, теперь играла им только на руку — мало ли чего от них ожидать...

— Какого смерга, Харо? — убедившись, что Девятнадцатый свалил, Керс повернулся к другу. — Нахрена ты хистанул?

Тот состроил невинную гримасу, которая в его исполнении смотрелась не так уж и невинно:

— С чего ты взял?

— А я слепой, по-твоему? Ты ж его одним ударом снёс!

Твин была полностью согласна с Керсом: неправильно как-то способности против своих использовать,

Девятнадцатый же, по сути, ничьей жизни не угрожал.

— Зря ты, Харо, на рожон лезешь. Не обижайся, но все знают, что в чистом поединке тебе с ним не справиться, — она виновато посмотрела на друга. — Как и любому из нас, впрочем. А хистовать без надобности нехорошо как-то.

Тот в ответ недобро сверкнул глазами и отвернулся.

— Да ну, нашла непобедимого, — прыснул Керс. — Переоцениваешь ты его, сестрёнка. Шкура у него, конечно, крепкая, да вот кишка тонка.

Она покачала головой. О чём с ним спорить! Может, Керс и прав насчёт Девятнадцатого, только Харо-то не особо силен в ближнем. В стрельбе из лука ему, конечно, нет равных, быть может, во всём Прибрежье, но когда вот так, лицом к лицу, он быстро теряется, концентрируясь на мелких деталях, и не успевает за противником.

Хотя осуждать его всё-таки несправедливо. Понятное дело — мальчишки, отвоёвывают своё место в стае, но лучше это делать с умом, чтобы потом у Стены не торчать.

Зайдя в казарму, Твин покрутила головой в поисках Слая, но тот, видимо, ещё не вернулся. И почему она должна постоянно бегать за ним?! Вечно его где-то носит, но и без него тоже как-то не так...

Твин не помнила ни единого дня из жизни до Легиона, даже дорога в Опертам сохранилась в памяти бессвязными обрывками. Но чего ей никогда не забыть — того яблока в руке мальчишки, протянутого в попытке утешить, когда она рыдала в тёмном углу казармы. Это был первый день в терсентуме, и его она запомнит до самой смерти, потому что именно тогда в её жизни появился Семидесятый.

С тех пор они стали не разлей вода, а потом как-то уж само так вышло, что на смену их дружбе пришло нечто иное. Только вот к чему это всё приведёт? У них ведь и так нет будущего, как и у любого в Легионе. Глупо дразнить себя несбыточными мечтами, слишком опасный путь вникуда. А они всё равно, со слепым упорством, цепляются за эту мёртворождённую любовь как за последнюю возможность почувствовать себя живыми, коснуться недостижимого, дозволенного только свободным. Теперь пришло время и им пожинать плоды. Как будто раньше не знала, что будет в итоге! Нет, ну правда, на что она надеется?

«Ты лжёшь даже самой себе!»

Какого смерга! Альтера должна была заглухнуть как минимум до утра.

«Тебе плевать и на своего дружка, и на остальных. Ты просто ничтожная тварь, которая боится одиночества».

Твин зажала уши. Бесплезное решение, голос-то в голове.

«Заткнись! Ты ни черта не понимаешь!» — мысленно прокричала она.

«Не понимаю? — расхохоталась Альтера. — Да я вижу тебя насквозь! В прямом смысле слова, детка».

Твин замотала головой, прогоняя подальше навязчивый голос. Эта дрянь умеет бить по больному, лучше не обращать на неё внимания, отвлечься на что-нибудь.

Вытянув из-под койки жестяную коробку, оставленную ей в наследство одним старшаком, она извлекла пузырёк с чёрной краской и придирчиво осмотрела иглы. В своё время Твин просто нравилось наблюдать, как Двести Десятый набивал татуировки желающим, а потом и сама напросилась к нему в ученицы. От него-то она и узнала, что кость месмерита идеально подходит для работы: заточенные на конце сколы остаются острыми достаточно долго.

— Харо! Гони сюда!

Тот вопросительно посмотрел на неё. Твин жестом велела скинуть рубаху и, оценив рисунок на груди, недовольно покачала головой:

— Придётся поправить это безобразие. Готов?

Кивнув, Харо поудобнее устроился на койке. Твин зажгла масляный светильник и улеглась на друга сверху.

Альтера наконец заткнулась. Добилась желаемого и свалила, как обычно. Понять бы ещё, с чего она такой активной стала.

Иглы оставляли под бледной кожей чёрные точки, которые постепенно сливались в линии, а те в свою очередь в замысловатые узоры. Харо стал первым, на ком она опробовала своё мастерство, и, судя по всему, получалось у неё неплохо. Со временем и другие собратья начали приходить с просьбой изобразить что-нибудь эдакое, а сейчас её художества носит на себе добрая половина терсентума.

Так что можно смело сказать, что Харо раскрыл её талант. Она долго противилась набивать что-либо на его лице, но в конце концов поддалась на уговоры. Как выяснилось позже, останавливаться на этом он не собирался. За четыре года татуировка перешла с лица на шею; разрослась от кисти правой руки, плавно перетекая с плеча на спину, и заканчивалась у левого локтя. Сейчас же Твин кропотливо выводила рисунок на груди, медленно, не торопясь, заранее продумывая каждую линию до мелочей.

— Работы здесь хоть отбавляй, — сосредоточенно проговорила она, смахивая тряпицей кровь, — но успею закончить до...

Твин тяжело вздохнула. Не думать о торгах даже сейчас не получалось.

— Много лишних мыслей, — упрекнул Харо. — Прими как есть. Так проще.

Ещё один философ, мать его!

— Что я должна принять, скажи на милость, если у меня больше ничего не останется!

Он не ответил. Да и что скажет, сам ведь прячется, что черепаха в панцирь. Только с виду такой невозмутимый, думает, наверное, что незаметно со стороны, как он переживает.

— Смотри, кто объявился.

Твин даже не подняла головы. И так понятно, о ком речь.

— Неплохо, — Слай прислонился к стене и принялся рассматривать её работу. — Распутывать воронов самое оно.

— Засунь своё мнение себе в задницу, — лениво огрызнулся Харо.

— Прости, дружище, не могу, — хихикнул Слай, — у меня там всё ещё хер мастера и мечты о прекрасном будущем.

— Где тебя носило? — холодно спросила Твин.

— Да Шустрый с Триста Шестым с охоты вернулись. Правда, добыча у них так себе.

Твин подняла голову:

— О чём ты?

— Сейчас расскажу. Керс? Керс! Оглох, что ли? Поди сюда, второй раз пересказывать не буду.

Хотя Слай обращался только к другу, вокруг быстро собрался весь загон. Всем хотелось узнать, что такого могло произойти, чтобы Бифф отменил спарринги.

— Шустрый рассказал, они шли по туннелю вчетвером, — дождавшись Керса, начал Слай, — собирались разойтись уже в Пустошах. Выбрали проход у Кривого Когтя, ну знаете, пик на западе.

— Да все знают Кривой Коготь, — раздался голос из толпы. — Ближе к делу давай.

Слай обернулся и приподнял бровь:

— А вас здесь вообще не стояло!

В толпе сердито зашикали на выскочку.

— Ладно. Короче, не дошли они до Пустошей. Клянутся, что на плачущих нарвались. Едва ноги унесли. Ну... или трупы.

— Что за трупы? — моргнул Керс.

— Да Белф с Койотом. Триста Шестой сказал, плач не сразу слышали. Сначала вроде тихое такое поскуливание, сперва подумали, псов не всех перебили. А потом как дало по ушам, стало мерещиться всякое. Койот как с цепи сорвался, кинулся на Белфа, руку ему отгрыз... Пришлось его остановить. Но и Белфа не спасли — много крови потерял.

— Твою мать!

Кто-то тихо присвистнул.

— Хорош втирать, — Девятнадцатый фыркнул. — Там отродясь плачущих не бывало. До них километров пять на запад вдоль хребта. Они ж далеко не забираются.

— Да мне как-то насрать, веришь ты или нет, — Слай ощерился. — Ты бы слышал, как Бифф орал. Тоже не верил сначала, а потом в город рванул. Как горгоной ужаленный, прямо в Гильдию.

— И что это значит?

— Ничего хорошего, — проворчал кто-то. — Если туннели нечистые, придётся в обход ходить.

— Не только, — покачал головой Керс. — Плачущие — что тени, никакого оружие их не берёт. А вот откуда эти тени взялись, другой вопрос.

— Будто ты знаешь!

— А ты мозгами пошевели. Что у нас на западе?

— Опертам.

— Да не так далеко.

— Пустоши?

— Сиджилум, — подсказал Слай.

Все смолкли, раздумывая над услышанным.

— Нет, вы серьёзно? — хохотнул Девятнадцатый. — Сиджилум — страшилка для олухов вроде вас. Мало ли какая дрянь из Пустошей лезет.

— Тогда почему в других туннелях их нет?

— Теперь есть, — заметил Слай. — Но это не значит, что они из Пустошей пришли.

— Вам бы только уши развесить, придурки, — отмахнулся Девятнадцатый.

— Керс, а ты что думаешь? — Харо приподнялся на локтях.

— Ничего не думаю. Может, Сиджилум и страшилка, но предки для чего-то же его запечатали.

— Хреново как-то запечатали, — ухмыльнулся Слай, — раз оттуда лезет не пойми что. Если, конечно, оттуда.

— Или не всё запечатали, — Твин толкнула Харо в грудь и окунула иглу в краску. — Не дёргайся.

— Может, и не всё, — согласился Керс. — Седой как-то говорил, ходов намного больше, чем на картах, и многие из них пересекаются. Но раз плачущие так далеко забрались, может, Сиджилум тоже как бы разрастается?

— Это как ещё? — не понял Слай.

— Чёрт его знает, может, как зараза какая-нибудь... А Седой что сказал?

— Извини, как-то не спрашивал. Я и так с трудом в лазарет пробрался.

Керс разочарованно хрустнул шеей. Таков уж их умник — не уймётся, пока до сути не докопается. Хотя какая здесь может быть суть? Даже в Гильдии толком не знают, что за дрянь и откуда полезла.

Жаль ребят, конечно. Койот был отличным малым, да и Белф тоже. Но такое случается время от времени. Не на прогулку же отправились. В туннелях разное может произойти, хотя в байки о плачущих всё-таки верится с трудом. Может, выброс газа какой-нибудь? Или стыдно признаться, что с псами не справились?

Она в очередной раз стёрла капли крови и оглядела рисунок. На сегодня достаточно. Рука начала уставать, да и крови всё больше, мешает. Но вышло хорошо: продолговатыми чешуйками узор упирался в широкую линию и расходился от неё горизонтальными лучами, сливаясь со старым рисунком. По рёбрам тянулись вниз острые зубцы. Многих деталей ещё не хватало, но даже так смотрелось очень неплохо.

Харо поднялся на ноги и похлопал её по плечу. Видно, что остался доволен.

— Всё ещё дуешься? — Слай плюхнулся рядом.

— Нет.

— По тебе видно...

Твин сердито выдохнула и посмотрела ему в глаза. В них плясали лукавые огоньки, а на щеках обозначились ямочки. Вот же пройдоха, знает, что ей не устоять перед этой вот улыбочкой!

Она отвернулась.

— Ладно, можешь злиться сколько угодно, — сдался Слай. — Дело твоё. Просто постарайся вспомнить, что я тебе обещал ещё в Опертаме.

Надо же, не забыл! Она-то прекрасно помнит: обещал, что будет с ней до конца, обещал, что сделает всё, чтобы их не разлучили, а если даже разлучат, то обязательно найдёт способ всё равно быть вместе... Детская болтовня, короче.

— Слай, ты живёшь в каком-то выдуманном мире! Какие, к чёрту, обещания? Нас купят, и мы до самой деструкции будем служить какому-нибудь зажавшемуся знатному... или поляжем на Арене. Повзрослей уже наконец!

— Ну да, — невесело хмыкнул он. — Как ты там нас назвала? Жалкие подражатели свободным?

Твин виновато потупилась. В тот раз она и впрямь перегнула палку. Уже год прошёл, а Слай всё никак не забудет эти слова. Может, всё-таки не стоит с ним так жёстко?

— Ладно, прости, ты прав. Лучше и в самом деле об этом не думать. Просто иногда лезет в голову всякое...

Слай притянул её к себе и крепко обнял:

— Гони всё это подальше, Твин. Никто не знает будущего, даже сама Госпожа.

Частная собственность является неприкосновенной до тех пор, пока действия её владельца не противоречат положениям закона. Неприкосновенность может быть отменена только при наличии неоспоримых доказательств причастности владельца к преступлению.

Заветы потомкам, 04.012

Максиан всегда восхищался Залом Советов, вполне справедливо считавшимся едва ли не первым чудом Регнума. Именно здесь принимались делегации из соседних городов, обсуждались дела государственной важности и проводились самые значимые торжества.

Высокий свод украшали впечатляющие сцены Великой Войны. Гигантский огненный столб на фоне крошечных городов вздымался к неподвижным белым облакам. Справа — стальное дуло танка, нацеленное на женщину с младенцем; слева — безликое войско, оцетинившееся стволами штурмовых винтовок. Всё это — послание потомкам, чтобы не забывали, к чему приводят технологии в совокупности с гордыней и алчностью.

Не менее впечатляюще выглядели и стены, служившие картой всего Прибрежья: с его лесами, степями и тремя основными городами — Регнумом, Опертамом и Южным Мысом. Каждая линия, каждая пометка были обстоятельно продуманы и тщательно сверены.

Мелкие города и деревни отмечались знаками, раскрывающими основной промысел местных жителей. Коровья или овечья головы говорили о разведении скота, колос — фермеры выращивают злаковые, ремесленные инструменты — поселение славится плотниками или кузнецами.

Были и другие метки, менее безобидные: «Будь настороже, путник, — сообщали скрещённые топоры, — здесь можно остаться без кошелька и даже проститься с жизнью».

Оскаленным черепом отмечались поселения дикарей — бельмо на глазу королевства. Уруттанцы, как они себя называли, упорно сражались за каждый клочок земли. Сколько бы королевские войска ни сжигали их лачуги, те упрямо возвращались вновь и вновь, будто им мёдом намазано.

Впрочем, объяснение их настойчивости весьма банально. После Великой Войны «чистые» земли стали самым ценным ресурсом человечества. Даже дикари, чья кровь давно смешалась со скверной, не смогли бы выжить в местах, которые на карте были отмечены древним знаком невидимой опасности: три жёлтых лепестка, замкнутые в круге.

Мало кто из ныне живущих помнит истинное значение этого символа, но о чём он предупреждает, знает каждый мальчишка в королевстве. Путник, повстречав такой знак, обходил проклятое место за километры, а по возвращении домой спешил в Храм Песен и жертвовал всё, что мог, умоляя богов уберечь его семью от скверны.

Стену с картой разделяли пилястры с электрическими лампами — остатки древних технологий, от которых люди так и не смогли до конца отказаться. Свет они давали слабый, тусклый, современные электрогенераторы не отличались мощностью и тем паче надёжностью.

Бывало, весь каструм и вовсе оставался без электричества до тех пор, пока мастера не устранят поломку, а это могло затянуться и на неделю. Поэтому в дополнение к лампам чуть ниже висели керосиновые светильники. Но днём зал не нуждался в освещении: высокие окна пропускали достаточно света даже в пасмурную погоду.

Кроме самого Максиана за громоздким мраморным столом сидели ещё пятеро. Торец стола, как и полагалось, занимал король.

Руки Юстиниана украшали массивные перстни. На замшевом жилете поблёскивали золотые пуговицы. Высокий воротник касался самого подбородка, то и дело цепляя любовно причёсанную бороду. Рукава атласной рубахи король небрежно закатал почти до самого локтя. Бесцветные брови нахмурены: на этот раз генерал Силван, возглавляющий королевскую армию, явился с плохими вестями.

— Два посёлка близ Регнума и пять у Южного Мыса. Дикари разграбили всё подчистую! Если не вмешаться, Прибрежье снова рискует остаться без урожая. Они что проклятые вóроны, сметают всё на своём пути.

— И что вы предлагаете, Силван? — Юстиниан задумчиво поправил бороду.

Силвана уважали во всём королевстве. Слава былых побед пусть и поблёкла, но с его опытом считались даже враги. Несмотря на преклонный возраст, он оставался крепким закалённым в боях солдатом и проводил почти всё время в гарнизоне, называя его своим единственным домом.

— Нужно отправить к Мысу пару сотен стрелков с кавалерией, пусть отстреляют ублюдков и сожгут их хибары дотла.

— Разве это остановит грабежи? — поинтересовался Корнут.

— Не остановит, но пыл поубавит, — пояснил Силван. — Кому охота зимовать под открытым небом?

— Если отправить половину войска, тогда Регнум останется без защиты, — проговорил король. — Можем ли мы позволить себе так рисковать накануне Вóроновой Осени?

— Не беспокойтесь, Ваше Величество, — кисло улыбнулся Силван, — больше месяца поход всё равно не продлится. К тому же с нашими воронами прекрасно справится и пара десятков стрелков. В крайнем случае подключим терсентум.

— Ваша взяла, генерал, займитесь этим.

— Так точно, Ваше Величество.

— Раз уж мы заговорили о грабежах, — Аркарус, королевский казначей, сердито сверкнул глазами, — последнее время сопротивление сильно досаждаёт караванам на Теновом тракте. На прошлой неделе наглецы снова напали на торговцев, а несколько месяцев назад выкрали десяток осквернённых.

— Всё это мы уже слышали, — отмахнулся Силван. — Ущерб от них едва ли стоит королевского внимания. Дюжина алых львов — и головы недоносков украсят Площадь Позора не позже следующего четверга.

— Эти, как вы их любезно назвали, недоноски, умудряются избегать даже тщательно организованных облав, — сухо заметил Корнут. — За два года полиции так и не удалось выяснить, откуда тянется змеиный хвост, зато успели собрать впечатляющую коллекцию серебряных стрел. Вы, Силван, настолько привыкли созерцать свои былые заслуги, что совершенно не замечаете, что творится у вас под носом.

Тонкие губы генерала побелели от ярости. Он уже было открыл рот, намереваясь поставить выскочку на место, но Юстиниан небрежным жестом пресёк перебранку:

— Продолжайте, Корнут.

Канселариус бросил надменный взгляд на военачальника:

— Меня давно беспокоит этот сброд. Подумать только, как беглые рабы, которые и грамоте-то не обучены, могут быть так хорошо организованы!

Максиан с трудом сдержал улыбку. Весь этот разговор слишком похож на плохо разыгрываемый спектакль. Юстиниан что-то задумал, и Корнут явно подпевает ему.

— Что вы этим хотите сказать? — Максиан опустил локти на столешницу и сцепил пальцы в замок.

— Смею предположить, изрядного ума для такого недостаточно. Ходят слухи, что за ними стоит кто-то с неплохими связями, — первый советник едва заметно улыбнулся и многозначительно посмотрел на Максиана. — Может быть, даже кто-то из высших сановников.

«Вот оно что! Ну что ж, сыграем в твою игру, Корнут, только правила придётся изменить. Не так уж ты умён, как думаешь».

— Надеюсь, ваши подозрения имеют под собой серьёзные основания, — насмешливо заметил Максиан. — Иначе вы рискуете прослыть сплетником, господин канселариус. А это недопустимо при вашем положении.

— Принцепс прав, — согласился Юстиниан. — Нужны факты, а не досужие домыслы.

— Понимаю, Ваше Величество, — Корнут поднял ладони. — Как я и сказал, это всего лишь предположения. Твёрдых доказательств пока нет, но если допустить, что это правда, тогда складывается совсем иная картина.

Максиан внимательно наблюдал за королём. Тот деланно хмурился, всем видом выказывая сомнения в словах канселариуса. Усыпляют бдительность, не иначе. Юстиниан, конечно, всё ещё прислушивается к его советам, но Корнут давно запустил свои скользкие щупальца в монаршую голову.

— Говорите прямо, уважаемый, — возмущённо бросил сенешаль. Толстые щёки управляющего замком колыхались при каждом слове, губы недовольно кривились. — Не всем понятны ваши намёки.

— Речь идёт о возможном заговоре.

— Главное слово здесь — «возможном», — перебил Максиан. Вся эта подковёрная возня начинала жутко раздражать. — Кому какое дело до вашей паранойи, господин первый советник!

Уголки губ Корнута нервно дрогнули:

— Мой долг, как вам известно, просчитывать всевозможные варианты. Даже если со стороны они кажутся абсурдными.

— За это я вас и ценю, — кивнул Юстиниан. — И если допустить, что вы правы, то дела обстоят хуже некуда. Как доказать причастность кого-то из знати, если полиция не может даже обыск провести без одобрения Сената?

Теперь всё встало на свои места. Старая песня о полномочиях полиции. Похоже, Юстиниан так и не отказался от этой идеи. Он уже давно жалуется на недостаток власти короны. Хотя полиция и в его юрисдикции, но за Сенатом последнее слово во многих вопросах, и это задевает королевское самолюбие.

— Вы утрируете, Ваше Величество, — возразил Максиан. — Сенат довольно быстро реагирует на подобные запросы.

— Вы прекрасно знаете, какими вескими должны быть причины, чтобы получить санкцию, — ошетинился Корнут. — Это потеря драгоценного времени и очевидная фора для преступников. Стоит ли тогда удивляться беспомощности полиции?

— Точнее, беспомощности короны, — проворчал Юстиниан. — У Сената слишком много власти. Даже вы, Максиан, будучи принцепсом, ничего не решаете самостоятельно. Какой тогда толк от вашей позиции?

— К этому обязывают Заветы, — напомнил он. — И только благодаря им Прибрежье уже три века остаётся единым государством.

— Да-да, мы все хорошо знакомы с Заветами, — Корнут раздражённо закатил глаза. — Но не забывайте, Максиан, у них есть и слабые стороны. Что будет, если гнилая идея сопротивленцев поселится в головах осквернённых, и те вдруг решат, что заслуживают прав наравне со свободными?

Это был удар ниже пояса, и предназначался он не ему. Корнут знает все слабые места советников и умело дёргает за ниточки, когда дело касается его интересов. Бывший рядовой служитель Храма Песен, он каким-то чудом оказался наставником Юстиниана ещё во время правления Урсуса. Религиозность принца стала первой струной, на которой тогда умело сыграл молодой духовник. Прирождённый манипулятор, ничего не скажешь.

Слова канселариуса достигли цели. По лицам присутствующих проскользнул тщательно скрываемый страх. Даже Силван нервно заёрзал на своём стуле. Страх перед осквернёнными — универсальный рычаг давления. Понятное дело: кому захочется, чтобы эти уродливые существа, которым под силу стереть в порошок любого на своём пути, свободно разгуливали среди людей?

— Вы зашли слишком далеко, Корнут, — Максиан сурово посмотрел на канселариуса. — Восстанию не бывать. Легион уже век вполне успешно справляется со своей задачей и ни разу не дал повода сомневаться в своих методах. Не знай я вас столько лет, я бы подумал, что вы умышленно мутите воду.

— Не будьте так категоричны, Максиан. Порой самые безумные предположения оказываются верными, — возразил король. — Вы, конечно, рациональный человек, но иногда вам не хватает широты взгляда. Всё, о чём твердит Корнут, сводится к тому, что власть короны слишком ограничена, и я давно уже подумываю над законом, который позволит полиции действовать более эффективно.

Максиан покачал головой:

— Я уже говорил, что Сенат не одобрит подобное, и даже я не способен повлиять на их решение.

— Вы так рьяно спорите, принцепс, что создаётся впечатление, будто вы чего-то боитесь, — съязвил сенешаль.

— Например, мой дорогой друг? — наигранно вскинул брови Максиан.

— Не знаю, может, того, что обнаружится в тёмных закутках вашего дома? Вам ведь виднее.

— Вы не перестаёте меня удивлять своей проницательностью, — Максиан рассмеялся. — Но не забудьте припрятать казённое, если вдруг полиция постучится и в вашу дверь.

Сенешаль презрительно фыркнул, но продолжать перепалку не стал.

— Помнится, вы что-то подобное говорили и о сделке с Конфедерацией. И тем не менее Сенат тогда её одобрил, — напомнил король.

— Союз с Конфедерацией никак не противоречит законам государства, Ваше Величество.

— А я убеждён, вы сможете найти способ повлиять на их решение, — Юстиниан своим тоном дал понять, что спор окончен. — Корнут, не пора ли вам посетить терцентум. Кажется, скоро начнутся торги?

— Через месяц, Ваше Величество, — уточнил тот. — Сразу же после закрытия сезона.

— Превосходно. Хотелось бы весной отправить на Арену что-нибудь свеженькое.

Максиан скрипнул зубами. Казалось бы, давно пора привыкнуть, что к рабам относятся, как к кускам мяса на прилавке, но его всё равно коробило от подобного.

— Скольких вы хотели бы приобрести на этот раз?

— Пять-шесть, не более, — поразмыслив, отозвался Юстиниан. — Чёртовы скорпионы стоят целое состояние. Пора подумать о дополнительных выплатах с Легиона, чтобы покрывать хоть часть потерь в результате боёв. Эти выродки мрут же как мухи.

— Отличная мысль, — закивал казначей, почувствовав себя в своей стихии. — Я проверю отчёты и смогу предложить вам несколько опций.

— Хорошо, займитесь этим, — небрежно отмахнулся король. — На сегодня достаточно, господа.

Ровена сидела у окна и равнодушно наблюдала, как небо окрашивается алым. Цвет ярости, цвет беды, цвет ненависти. Такого цвета были сейчас её мысли и, наверное, даже душа.

Она посмотрела на отцовский портрет, который всё это время держала в руках. Теперь папино лицо почему-то казалось печальным, в глазах укор и разочарование, словно он ожидал от неё чего-то другого.

— Скажи мне, что делать? — прошептала она портрету. — Убить его?

Оставить это чудовище на страницах истории несчастным праведником, павшим от руки обезумевшей

осквернённой племянницы? Запятнать имя отца? Нет, ни за что! Он заслуживает только долгой и мучительной смерти. В позоре и забвении.

Как же так? У неё ведь было всё, чего только можно пожелать. Рождённой в величии и роскоши, ей позволялось многое, только не использовать свой дар, ни даже заикаться о нём.

Будучи ребёнком, она не понимала, почему отец так злился, когда в порыве озорства вынуждала его вдруг спеть забавную песенку или громко рассмеяться без причины. После подобной выходки отец не разговаривал с ней часами, и это было худшим наказанием, ведь она не могла провести ни одного вечера без очередной истории о древнем мире, прекрасном и полном чудес.

Однажды Ровена заставила старую няню плясать так долго, что та не могла подняться с постели на следующее утро. Всю неделю папа даже не смотрел в её сторону, только приходил по вечерам и холодно желал приятных снов. На все мольбы прочесть хотя бы маленькую сказку он просто молча покидал спальню.

Какое-то время спустя отец взял её с собой в Опертам. И там в один день, вместо привычной прогулки по саду, няня отвела её к карете и оставила с Севиром. Обычно весёлый, тот угрюмо молчал, изредка бросая на Ровену сочувственные взгляды. В ответ на вопросы, хмурясь, он просил подождать и нетерпеливо оглядывался на парадные двери. Наконец появился отец и, даже не взглянув в её сторону, молча забрался в экипаж.

По городу ехали долго. Карета скрипела и пошатывалась, папа негромко спорил с Севиром, отчего-то злился, что-то доказывал. Из всего сказанного Ровена поняла, что отцовскому другу не нравится место, куда её везут. Она помнила, как испугалась, подумав, что её оставят плохим людям, которые забирают всех «неправильных» детей.

«Ты не любишь меня! — сквозь слёзы упрекала она отца. — Ты хочешь избавиться от меня!»

Папа долго успокаивал её, утирал слёзы со щёк и повторял, что скорее умрёт, чем отдаст её кому-либо. Истерика прекратилась, но Ровена ещё долго недоверчиво поглядывала на него, пока тот пытался объяснить, куда они едут и зачем.

Отец не солгал: никому отдавать её он не собирался. Но то, что Ровена увидела в тот день, навсегда отпечаталось в её памяти. С ног до головы облачённые в чёрное дети, некоторые даже младше её самой, вперемешку со старшими, под злые крики надзирателя и пощёлкивания кнута бегали по огромной площадке. Другие раз за разом с истовым упорством повторяли одни и те же движения. Третьи, поодаль от остальных, валялись в пыли и яростно молотили друг друга кулаками.

На вопрос, почему детей заставляют это делать, папа сказал, что их учат сражаться. Что до конца жизни им суждено служить другим, и, если она не хочет оказаться среди них, ей придётся научиться скрывать свой дар и никому никогда о нём не рассказывать.

Тысячи слов не подействовали бы на Ровену так, как этот урок. Подрастая, она не уставала удивляться мудрости отца и каждый день мысленно благодарила его за всё, что он успел для неё сделать.

Когда его не стало, мир перевернулся, и она столкнулась с иной реальностью, где уже не была центром, вокруг которого крутилось мироздание. Теперь она обыкновенная сирота, пусть даже из королевской семьи, а её место давно заняли дочери нового правителя.

— Нет, но почему это всё происходит со мной!? — Ровена всхлипнула и разрыдалась. Громко, отчаянно, выплёскивая обиду и гнев на несправедливость, на собственное бессилие. — Умоляю, скажи, что мне делать? Дай мне хоть какой-то знак!

В ответ снова молчаливый упрёк зелёных глаз. Он погиб из-за неё. Это она во всём виновата.

В дверь громко постучали, не так, как это делает Восемьдесят Третья или Морок, нет, кто-то другой. Ровена в спешке спрятала портрет под подушкой и принялась вытирать слёзы.

— Ровена, открывай! — прогремел голос дяди.

О боги, что ему нужно?! Она метнулась к двери и в растерянности застыла. В комнату вошёл король, а за ним незнакомая женщина в белоснежном халате с серебристым кейсом в руках.

— Простите, дядя, — залепетала Ровена при виде нахмуренного в негодовании лица. — Не ожидала...

— Чем ты тут занималась? — перебил он, осматривая спальню.

— Просто читала. Наверное, слишком увлеклась, — попыталась оправдаться она, понимая, как глупо это выглядит со стороны.

Дядя многозначительно посмотрел на неё и надменно бросил незнакомке:

— Приступайте.

Женщина плотно прикрыла дверь и, повернувшись к Ровене, указала на кровать:

— Будьте так любезны, дорогая, прилягте у края.

Ровена испуганно посмотрела на короля, который уже опустился в кресло и с нескрываемым нетерпением наблюдал за происходящим.

— Выполняй, — произнёс он тоном, не терпящим возражений, и, сжавшись, она побрела к кровати.

Что он собирается с ней делать? Кто эта женщина и для чего всё это нужно?

«Всемогущая Терра, защити меня! — мысленно взмолилась Ровена. — Не дай меня в обиду!»

Усевшись на краешек и затаив дыхание, она наблюдала за незнакомкой. Та открыла кейс, достала какую-то склянку:

— Прошу вас, юная госпожа, — и небрежно прыснула на руки резко пахнущей жидкостью, — снимите нижнее бельё.

— Но... — Ровена снова посмотрела на дядю.

По плотно сжатым губам она поняла — лучше делать что велено, и, неуклюже избавившись от туфель, дрожащими руками приподняла юбку.

— Не бойтесь, моя дорогая, больно не будет, — слащаво заверила женщина. — Всего лишь маленький осмотр. Всё займёт не более минуты. Вам даже платье не потребуется снимать.

Щёки Ровены запылали от стыда, когда та резким движением раздвинула её ноги. Взгляд дяди ощущался всей кожей, её знобило от ужаса и омерзения, но всё ещё было непонятно, что ему нужно и зачем он привёл медичку.

Ровена вздрогнула, когда пальцы женщины коснулись её сокровенного, и, глотая слёзы, прикрыла рот ладонью. Хуже унижения она и представить себе не могла. Её разглядывали, проверяли, щупали, как товар перед покупкой.

— Всё в порядке, Ваше Величество, — сообщила наконец доктор. — Она невинна.

— В полном смысле этого слова? — уточнил он.

— Там повреждений тоже не обнаружено.

— Хорошо.

— Можете одеться, моя дорогая, — женщина отошла в сторону, и Ровена, едва сдерживая слёзы, оправила юбку.

В сторону дяди даже смотреть не могла. Не из-за стыда — ненависть и ярость нестерпимо полыхали в ней. В висках возникло знакомое покалывание, и она едва не поддалась соблазну приказать этим двоим покинуть её спальню через окно.

«Нельзя раскрываться! Не сейчас, — уговаривала она себя. — Пока мне ничто не угрожает. Он не посмеет притронуться ко мне при свидетелях».

— Оставьте нас, — приказал король и, дождавшись, когда за доктором захлопнется дверь, приблизился к Ровене. — До меня дошли слухи, что ты на днях приходила к Максиану и пробыла с ним почти два часа. Что, скажи на милость, ты там делала?

Ровена застыла, боясь пошевелинуться. Сердце грохотало так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди, ноги сделались ватными от страха.

Если бы ему было что-то известно, он бы не медика привёл, а палача. Похоже, решил, что между ней и Максианом что-то было. Что за нелепость!

— Отвечай! — грубо схватив её за подбородок, он заглянул в глаза. — И не смей мне лгать, Ровена.

— Я спрашивала о Заветах, — выпалила она первое, что пришло на ум. — Учитель задал написать изложение, а мне было многое непонятно.

— И это всё понадобилось делать на ночь глядя?

— Простите, у меня и в мыслях ничего плохого не было, — Ровена слотнула ком в горле, но слёзы предательски катились из глаз.

— Ещё раз узнаю, что ты приходила к нему, особенно так поздно, — процедил король, — и я не выпущу тебя отсюда, пока сам... не решу, что с тобой делать. Я понятно выразился?

— Понятно, дядя.

В последний раз приблизив своё лицо и жадно втянув ноздрями воздух, Юстиниан развернулся и вышел из спальни.

Так вот какова её участь: стать игрушкой в руках короля, в руках родного дяди. Настанет день, и он сделает это. Он будет насиловать её, издеваться над ней, пока не надест, а потом продаст какому-нибудь старому извращенцу.

Ровена опустила на пол и взвыла от бессилия. Как долго ей придётся жить под одной крышей с этим убийцей с измазанными по локоть в братней крови руками?

— Я проклинаю тебя, слышишь? Тебя и всю твою семью! Твоих детей и внуков! Весь твой поганый род до скончания времён! — прокричала она.

Плевать, если кто услышит. Пусть схватят и казнят, пусть избавят её от унижительного существования в тени этой гнусной твари. По крайней мере не придётся сидеть с ним за одним столом и притворяться, что ничего не происходит.

Ей уготована жалкая жизнь очередной жертвы этого мира. Ничтожное зёрнышко, перемолотое в жерновах тщеславия.

Чем её жизнь лучше жизни осквернённых? Те хотя бы могут позволить себе быть самими собой, а не как она, трусливо скрываться и молиться богам, чтобы одной ночью вдруг не открылась дверь, и в комнату не вошёл он; чтобы не обнаружилась правда, заставляя её вздрагивать от каждого шороха в ожидании палача. А это неизбежно.

И какой у неё выбор? Сжать зубы и терпеть до самой смерти? Даже если дядя не тронет её, а просто продаст, как породистую кобылу, какому-нибудь наштигованному золотом знатному, что это изменит?

Они сыграют свадьбу и будут жить «счастливо» ровно до тех пор, пока не появится младенец-осквернённый, которого тут же вырвут из её рук и отдадут Легиону. И так будет с каждым её ребёнком, пока не выяснится настоящая причина. А после — унижительная казнь на Площади Позора.

Ровена горько усмехнулась, представляя, как её дитя клеймят очередным номером, а её собственная голова украшает самый высокий кол на Площади. Люди будут презрительно сплёвывать при одном упоминании её отца. О нём будут говорить как о малодушном самодуре, который покрывал осквернённую дочь, попирая законы государства.

Хороша же перспектива, нечего сказать! Впрочем, выход есть.

Как во сне, Ровена медленно поднялась и подошла к окну. Всего один шаг. Быстрая смерть, почти мгновенная. Она ведь любит смотреть на море, так почему бы не стать его частью?

Створки со скрипом распахнулись. Безграничная гладь манила, шум прибоя убаюкивал, тёплый ветер ласково трепал волосы.

Сама того не замечая, она оказалась на подоконнике. Всего лишь маленький шагок, и всё закончится. Исчезнет ненавистный дядя, исчезнет скверна, исчезнет она сама. Быть может, там, после смерти, она встретит своих папу с мамой, быть может, там... она наконец будет счастлива?

Ровена вдруг почувствовала долгожданную лёгкость и умиротворение, захотелось окунуться в них с головой, забыть всё и навсегда и стать, наконец, по-настоящему свободной.

Дверь с грохотом распахнулась. Ровена закрыла глаза и приготовилась шагнуть. Чьи-то руки схватили за платье и потянули назад. Не удержавшись, она рухнула на пол вместе со своим спасителем.

— Госпожа, что вы творите?! — глаза Восемьдесят Третьей расширились в изумлении.

— Зачем ты пришла? Ты всё испортила! — так и продолжая лежать на каменном полу, Ровена прикрыла лицо руками.

— Всё в порядке? — послышался голос Морока.

— Дверь закрой! — рявкнула легата. — Снаружи!

Она помогла Ровене подняться и, усадив её на кровать, опустилась рядом на пол:

— Не знаю, что у вас там стряслось, но это не повод сигать с такой высоты.

— Ты ничего не понимаешь!

— Может, и не понимаю, госпожа, но точно знаю, что на одну причину умереть всегда найдутся две, чтобы жить дальше.

— У меня не нашлось, — Ровена сползла с кровати и села рядом. — Это единственный выход.

— Нет, это просто слабость, — фыркнула легата. — Боритесь, госпожа! Рвите врагов зубами до последнего вздоха. Даже если вы проиграете, победа уже не покажется им такой лёгкой и сладкой.

— А если враг непобедим? Если он способен втоптать тебя в пыль? Не лучше ли тогда сохранить свою честь?

— Честь вы сохраните, когда, умирая, будете до последнего вгрызаться в глотку своего врага!

— Боюсь, мои зубы не так остры.

— Не узнаете, пока не проверите, — глаза Восемьдесят Третьей лукаво блеснули.

Ровена задумчиво взглянула на свою собеседницу. Она-то уж точно знает, о чём говорит. Выжить в Легионе способен далеко не каждый, и никто из них там не оказывается по своей воле.

Забавно, вот они сидят вдвоём — принцесса и невольница. Но так ли уж велика разница между ними? Да если бы не отец, и ей бы носить эту ужасную маску на лице и кланяться в пол каждому свободному.

Разве это справедливо? Чем осквернённые всё это заслужили? Только тем, что это написано в каком-то там кодексе? Не будь его, дядя никогда б не посмел и пальцем её тронуть, не погиб бы отец, не было бы столько поломанных судеб.

Ей вдруг стало обидно, но почему-то ещё и стыдно за себя, за свою слабость, за то, что опустила руки, даже не попытавшись хоть что-то сделать. Восемьдесят Третья права! Можно уйти тихо, как тень, а можно хорошенько встряхнуть это осиное гнездо, уже не боясь быть изжаленной.

Технологии — это искушение, поддавшись которому человечество уже однажды разрушило безопасный, полный изобилия и красоты мир, погрузив его во мрак бездны.

Мы, выжившие после Великой Войны, сознательно отказались от всех благ высокотехнологической цивилизации, оставив только самое необходимое для жизни.

И мы призываем наших потомков помнить, к каким последствиям приводят алчность и жажда власти вкупе с технологиями и оружием массового поражения. И всем сердцем надеемся, что люди будущего будут относиться к природе и окружающему миру разумнее и уважительнее, чем это делали наши современники.

Отрывок из автобиографии Аврелия Первого «Размышления на руинах» от 23 года после Великой Войны

Корнут опаздывал. Непростительно для первого советника короны, но кучер, видимо, снова налакался. Пришлось послать за наёмным извозчиком.

Хотелось бы провести этот день с большей пользой — дел целый воз и тележка, а вместо этого придётся развлекать всяких высокомерных толстосумов, слетевшихся со всех сторон Прибрежья, как коршуны на запах крови. Но испытывать благосклонность Юстиниана лучше не стоит, пропустить закрытие гладиаторского сезона равносильно плевку в королевский лик.

К счастью, наёмный извозчик не заставил себя долго ждать, и уже через десять минут Корнут смотрел на мелькающие дома через окно кареты. Удобство, конечно, ни в какое сравнение с его собственным экипажем: сиденье узкое, продавленное, бесконечный скрип колёс. Но выбирать не приходилось. Ничего, со своим кучером он позже разберётся.

Со скучающим видом Корнут рассматривал бесконечную череду домов, жмущихся друг к другу, как синицы на морозе. Мелькали закусовые с кричащими вывесками, натёртые до блеска витрины торговых лавок, запёртые двери жилых домов.

Разноцветные фасады постепенно редели, всё чаще мозолили глаз обшарпанные стены с обвалившейся штукатуркой и мутными оконными стёклами некрашеных рам. По приказу кучер выбрал самый короткий путь, пролегающий через фавелы столицы. Благо тесные проулки сегодня пустовали. Весь Регнум, если не половина Прибрежья, собрался на Фулгурской Арене.

Подковы пары гнедых выбивали искры из мостовой. Карета скрипела и угрожающе раскачивалась, редкие прохожие недовольно сторонились, уступая дорогу летящему с грохотом экипажу.

Шум Арены стало слышно ещё задолго до того, как они подъехали к южному входу. Высокие стены стремительно выросли вдалеке, доминируя над двухэтажными зданиями.

Спустя несколько минут, жалобно скрипнув, карета остановилась. Корнут поднял взгляд на стены Арены. Если бы не долг службы, и за километр бы не подошёл к этому проклятому месту. Хотя сооружение действительно грандиозное: гигантские стены шестиугольником вздымались к самому небу. Ровная белоснежная кладка — все до единого блока доставлены из самого Южного Мыса — сильно отличалась от привычного для столицы багрового камня. Каждый угол гексагона украшали флаги с тремя красными волнами по центру белого поля — герб Прибрежья.

Невероятно, сколько усилий и денег потратил Августин, отец Юстиниана, чтобы отстроить такую громадину всего за пару лет. Наверняка торопился оставить свой след в истории.

Под самыми стенами оставались те немногие торговцы, которым не удалось попасть внутрь. Вяло зазывая многочисленных покупателей отведать «свежих» пирогов с мясной начинкой или утолить жажду фруктовой водой, они с угрюмыми минами лениво отгоняли от товара назойливых мух.

Внезапный рёв заставил Корнута вздрогнуть: начались бои. Обычно перед основным сражением посылают неопытных гладиаторов разогревать толпу. Такие схватки предназначены для увеселения зрителя и обходятся, как правило, малой кровью, дабы не перенасытить народ — впереди ждёт грандиозная битва.

Сидевший рядом телохранитель выбрался из экипажа и услужливо придержал дверь для Корнута. Стоило ему только шагнуть на мостовую, как карета чуть приподнялась, оставив дверцу в руках озадаченного стражника.

Корнут медленно выдохнул и сунул телохранителю несколько золотых вместо дюжины серебрянников, запрошенных извозчиком:

— Заплати.

— А это куда? — тот растерянно глянул на злополучную дверь.

— Себе на память оставь, болван, — буркнул Корнут, уже направляясь к Арене.

Алые львы, охраняющие вход в элитный сектор трибун, учтиво расступились. Поднявшись по узкой лестнице,

Корнут направился напрямиком к королевской ложе, скупно приветствуя по дороге разномастных чиновников и других представителей высших сословий, тех, кого мало-мальски знал в лицо. Каждый пытался заговорить, что-то спросить, но Корнут, бурча под нос извинения, даже не сбавлял шагу.

— Господин канселариус! Не могли бы вы уделить мне минутку? — на пути выросла грузная фигура шефа полиции.

— Позже, Брайан, — раздражённо отмахнулся Корнут, — не до вас сейчас. Дайте пройти.

Тот с виноватой улыбкой поклонился и вжался в стену прохода.

Королевская ложа была переполнена. В самом центре восседал Юстиниан в окружении почётных гостей. Здесь присутствовали и мэр Южного Мыса — необъятный толстяк и при этом заядлый игрок, и первый магистр Осквернённого Легиона, походивший скорее на прожжённого вояку, нежели на правящее лицо одной из самых влиятельных структур государства, а также несколько менее значительных персон, вроде главного магистра Гильдии и хозяина оружейного завода.

Чуть поодаль, удобно устроившись на мягкой софе, весело щебетали дочери Юстиниана. Сёстры и вовсе не обращали внимания на молчаливую кухню, что, казалось, была полностью поглощена своими мыслями и не замечала никого вокруг.

Корнут неприязненно покосился на Максиана, увлечённого беседой с мэром Мыса. Проклятый выскочка. Не стоило Юстиниану допускать эту лицемерную погань в совет, будь тот хоть трижды самой влиятельной фигурой государства. Он-то, Корнут, видел его насквозь: верный пёс мёртвого короля, он им и останется до последнего вздоха.

Хотя, стоит отдать должное, и у него есть чему поучиться — хитёр, точно лис. За десять лет так и не удалось раскопать на него хоть что-то существенное. Но побеждает тот, у кого больше терпения, а у него, Корнута, выдержки хоть отбавляй. Порой в таких делах спешка может только навредить.

Корнут низко поклонился присутствующим, сухо коснулся губами бледной руки королевы и уселся за низкий стол, ломящийся от вина и фруктов.

Все пять ярусов зрительских трибун были забиты под завязку разномастным народом. Тысячи голосов галдели, гудели, как пчелиный рой. Толпа вновь взорвалась аплодисментами, требуя ещё крови. Корнут мазнул равнодушным взглядом по покидающим арену гладиаторам.

— Где вас носило, Корнут? — недовольно бросил король, дождавшись, когда гвалт стихнет.

— Прошу меня простить, Ваше Величество. Как обычно, подводят те, от кого меньше всего ожидаешь.

Юстиниан укоризненно покачал головой и повернулся к магистру Легиона:

— Как я уже сказал, Брутус, вашему чемпиону давно пора на покой. И смею надеяться, сегодня настанет именно этот день.

— Вполне возможно, — загадочно улыбнулся тот, поправляя острый воротник атласного пиджака. — Признаюсь, я слышан о вашем бойце, и кажется, он и впрямь подаёт большие надежды. Что ж, посмотрим, каков он в деле против достойного противника.

— Чтобы не быть голословным, предлагаю сыграть по-крупному, — Юстиниан пригладил бороду, сверкнув массивными перстнями на пальцах. — Ставлю пятьсот тысяч на победу Пятого и ещё столько же, что Вихрь падёт от его секиры. Конечно, если вы не побоитесь рискнуть такой суммой.

Глаза Брутуса насмешливо блеснули. Он степенно отпил из серебряного кубка, украшенного по краям мелкими самоцветами, и так же степенно кивнул:

— Вызов принят, Ваше Величество. Легион готов поставить миллион на победу Вихря.

Юстиниан азартно потёр руки:

— Что скажете, Дий, вы в деле?

Южанин повернул к королю покрасневшее от вина лицо и заискивающе улыбнулся:

— Безусловно! Пятьсот тысяч ставлю на Пожирателя. Эта лошадка ещё никогда меня не подводила. И столько же против Пятого. Не обессудьте, Ваше Величество, но ваш чемпион слишком молод, а я доверяю опыту куда больше юношеского безрассудства.

— Что ж, дорогой друг, — небрежно бросил Юстиниан, — сочувствовать вам не стану. Не обеднеете. Кто-нибудь ещё желает к нам присоединиться?

Король обвёл взглядом собравшихся. Владелец завода, щуплый старик в расшитом золотой нитью жилете, поставил триста тысяч на победу королевского чемпиона. Сенешаль скрипя зубами добавил ещё сто, а Максиан как всегда вежливо отказался, сославшись на полную некомпетентность в подобных вопросах.

Корнут незаметно ухмыльнулся. Ещё бы! Якшаться с осквернёнными, а после делать на них ставки стало бы верхом цинизма. И как Юстиниан умудряется не замечать этих нелепых отговорок? Да в них поверит разве что какой-нибудь олух из Северной Ямы.

— Что насчёт вас, канселариус? — любопытствовал Дий. — Или вы так же, как и наш уважаемый

принцепс, не интересуйтесь боями?

— Я отказался от сана, но не от богов, — натянуто улыбнулся Корнут, — а они, как и Заветы, не одобряют подобных мероприятий.

— И всё же вы здесь, — иронично отметил Максиан.

— Мне показалось, или вы только что назвали меня ханжой? — приподнял бровь Корнут.

— Ни в коем случае, мой дорогой друг, я просто предлагаю ненадолго забыть о высоком и насладиться мирскими утехами.

Корнут выдавил кислую улыбку: «Посмотрим, как долго ты сможешь ими наслаждаться».

Из динамиков на стенах Арены вырвался скрежет. По трибунам пронёсся возмущённый ропот.

— Граждане Прибрежья! — голос вперемешку с помехами прогремел прямо над головой. — Сегодня состоится последний бой сезона, и уверяю, вас ждёт грандиозное зрелище!

Свист и аплодисменты смешались в одну гигантскую лавину, накрывшую арену оглушительным рёвом.

— Приготовьтесь, господа, у меня припасён для вас особый сюрприз, — Юстиниан многозначительно оскалился, затем подошёл к краю ложи и, постучав пальцем по массивной головке микрофона, неторопливо заговорил. — Приветствую вас, жители Прибрежья! Этот год особенный как для Регнума, так и для всего нашего государства. Шесть — священное число. Недаром у Фулгурской Арены шесть граней, шесть башен-хранителей воздвигли предки на руинах павшей державы, шесть великих богов, дарующих жизнь и благоденствие нашим землям. И ровно триста шесть лет назад мир погрузился во мрак, омылся кровью невинных и был поглощён всепожирающим пламенем, — Юстиниан выдержал недолгую паузу для пушного эффекта. — Но вопреки всему человечество выжило. Наши предки, воздвигнувшие Первый Город из пепла и добровольно отрёкшиеся от технологий, несущих смерть и хаос, явно предвидели будущее. Только благодаря их мудрости Прибрежье не просто существует, но процветает. Так воздадим им должное и не будем забывать о прошлых ошибках, которые едва не стоили жизни всему человеческому роду!

Трибуны взревели, заколыхались, как Рубиновое море во время шторма. Юстиниан дождался, пока шквал людских голосов утихнет, и, набрав в лёгкие воздуха, проголосил:

— Да начнётся вновь Великая Война Трёх Держав!

На арене появился первый отряд бойцов — пятеро ординариев в броне из дублёной кожи поверх синих рубах. Каждый из них держал в руке меч и прикрывался щитом. Возглавлял отряд чемпион в отполированных до блеска пластинчатых доспехах. Голову его защищал шлем, литая маска-забрало отбрасывала блики на солнце, грозно скалясь на собравшихся стальным рядом острых зубов.

— Встречайте: армия Эвриариха! — взревел ведущий, и толпа откликнулась бурей аплодисментов. — И возглавляет её молодой чемпион, успевший всего за два года покорить не только Арену, но и наши сердца! Приветствуйте Пятого из Золотых Скорпионов, новую звезду Регнума!

Трибуны встретили гладиатора одобрительным свистом и восхищёнными криками. Тот поднял вверх внушительную секиру, как бы обещая, что бой придётся по вкусу зрителю. Гости короля оживлённо зааплодировали. Юстиниан самодовольно пригладил бороду и что-то шепнул Лауре. Королева застенчиво улыбнулась и отвела взгляд.

— А вот и Бореас, страна ветров и льда, — прогремел бесплотный голос, — и ведёт эту грозную силу в бой знаменитый Вихрь, безусловный чемпион Прибрежья!

Трибуны неистово взревели. Многие повскакивали на ноги, голоса во всё горло при виде любимца, легендарного Девяносто Седьмого. Жестокий, безжалостный и, главное, умеющий красиво убивать.

Корнут сощурился, рассматривая броню скорпиона. Легион, на удивление, не поскупился: воронёную сталь покрывали золотые узоры, шлем украшало навершие острых, как бритва, шипов. Какие доспехи! Да что уж, даже наплечники — и те без сомнений можно назвать произведением искусства.

Вихрь шёл уверенно: истинный хозяин арены. Он вскинул обе руки, сжимающие короткие мечи, а затем развёл их в стороны в полупоклоне.

Его отряд носил лёгкие чёрные доспехи поверх жёлтых сорочек — биколор Бореаса.

— И, наконец, Айшал — загадочная страна заходящего солнца, войско, которое ведёт сам Пожиратель из Южного Мыса!

Команда «Айшала» выделялась огненно-алым облачением. Чемпион в круглом шлеме с красным гребнем низко поклонился трибунам, и все три команды, как по приказу, остановившись напротив королевской ложи, опустили на колена.

Юстиниан взмахнул рукой, приказывая приступать к битве, и осквернённые разошлись в стороны, занимая свои позиции. Толпа напряжённо притихла в предвкушении кровавого месива. Корнут не без удивления подловил себя на том, что и сам уже с нетерпением ждёт начала. Хотя Юстиниан и держал в секрете подготовку к финальной битве, но намёки сенешаля однозначно давали понять, что скучно не будет.

Оглушающий гул сирен сотряс трибуны.

Бой начался.

Отряды тут же разделились, двигаясь навстречу друг другу. Мечи встретились со щитами, лязг металла заполнил арену.

Корнут с любопытством наблюдал, как Пожиратель лениво отбивается от наглеца в синем. Удары отражал уверенно, с лёгкостью. Наконец наигравшись, он резко замахнулся, и его тяжёлый меч сияющей дугой погрузился в плечо противника, рассекая грудную клетку вместе с доспехом, как нож подтаявшее на солнце масло. Кровь прыснула фонтаном, тело, разрубленное на части, повалилось в белый песок.

Корнут с отвращением смотрел на бурые внутренности, что вывалились прямо у ног чемпиона. Лёгкая тошнота тут же подкатила к горлу. Он отвернулся и пригубил из чаши. Терпкое вино избавило от позывов и сохранило съеденный завтрак там, где ему и было место. Сколько раз приходилось наблюдать подобное, а привыкнуть так и не смог.

Среди гладиаторов царил хаос: синие били жёлтых, красные синих, жёлтые — тех и других. Корнут насчитал уже двоих, чьи жизни унесла Арена. Так демоны Тейлура поглощают души грешников, впрочем не исключено, что это место и есть одна из ипостасей самого бога тьмы.

— Пора немного приправить наше блюдо, — Юстиниан лукаво подмигнул гостям и поднял вверх указательный палец.

Загудел сигнальный рог, послышался тяжёлый скрип оси. Восточные ворота поля медленно опустились на землю. По трибунам прошёлся взволнованный ропот, перебиваемый пронзительным треском. Осквернённые застыли, тут же забыв о противниках, и попятились подальше от источника звука. Чуют, небось, что запахло порохом.

Вихрь кинулся к своему отряду; Пятый, окружённый соратниками, уже стоял наготове, всматриваясь в темноту прохода.

Из тени показалось белёсое туловище, отдалённо напоминающее гигантский человеческий остов. Ростом не меньше трёх метров, существо удивительно плавно передвигалось на длинных тощих конечностях. Корпус опирался на согнутые пополам лапы, внешняя сторона которых походила на заточенные клинки. На короткой шее вертелась круглая голова, непропорционально огромная в сравнении с костлявым торсом. Выпученные жёлтые глаза уставились на воинов, нижняя челюсть опустилась, обнажая зубы-ножи размером с человеческую ладонь.

— Невероятно! — выдохнул мэр Мыса. — Это же богомол! И где вы его только раздобыли?

— И впрямь впечатляет! — подтвердил Брутус. — Представляю, во что вам обошлось выманить эту пакость из леса.

— Эта пакость сожрала пять ординариев, пока те загоняли её в ловушку, — с гордостью признался король. — Но взгляните, оно ведь того стоило!

Брутус с восхищением поднял кубок, предлагая выпить за здоровье правителя.

Такого Корнуту видеть не приходилось. Редкая тварь, и весьма кровожадная. Таких в окрестностях Регнума век не водилось. Сложно поверить, что только ради забавы его привезли сюда из Безмолвных лесов, рискуя в любой момент выпустить на волю бестию.

Осквернённые, безусловно, опытные охотники, и по законам Легиона каждый боец, даже из ординариев, обязан провести четыре года, охотясь на самых опасных тварей в городской округе. Но вряд ли кто-то из них хоть раз имел дело с богомолем как с дичью.

Пятый что-то выкрикнул бойцам.

Повернув на звук голову, богомол снова издал омерзительный рокот, напоминающий скрежет лезвия о точильный камень, потом ненадолго замер, оценивая добычу, и, ловко перебирая передними конечностями, двинулся прямо на бойцов короля.

Остальные попятились, явно не торопясь вмешаться. Не удивительно: их задача выиграть сражение, а геройствует пусть кто-то другой. Меньше соперников — легче победа.

Пятый, похоже, руководствовался иными принципами. То ли горячая кровь, то ли желание показать себя, то ли дремучая глупость... Разве разберёшь, что в головах у этих вырожденков? Он издал боевой клич и бросился навстречу голодной твари, на фоне которой казался щуплым мальчишкой с игрушечным топориком.

Острой конечностью богомол рассёк воздух прямо над чемпионом. Не пригнись тот вовремя, вмиг лишился бы головы.

— Куда ты лезешь, идиот! — процедил сквозь зубы Юстиниан.

Корнут покосился на короля. Тот заметно нервничал — кому охота продуть целое состояние!

Секира Пятого с глухим чавканьем врезалась в переднюю лапу существа. Бледная кровь брызнула из рубленной раны. Богомол яростно затрещал, закружился волчком в попытках достать наглеца, но чемпион ловко уворачивался от ударов, вздымающих песок арены на добрые полметра.

Пара бойцов из его отряда подкрались к богомолу с двух сторон. Ещё один обошёл тварь сзади, выждал удачный момент и в несколько прыжков вскарабкался на тощую спину, цепляясь за выступающие шипы позвонков.

Богомол взбрыкнул, пытаясь сбросить с себя ординария, но тот ловко вонзил меч в толстую шкуру и, держась за него как за опору, выхватил из голенища сапога кинжал.

Удар за ударом выбивали из тела твари блёклую жижу. Богомол заверещал, подпрыгнул, замолотил конечностями по воздуху. Ловкач всё же не удержался и рухнул в песок.

Двое других продолжали рубить мечами задние лапы, как дровосеки ствол векового дуба. Под таким напором тварь, наконец, осела, погрузившись острыми лапами в землю.

— Недурно! — похвалил Брутус. — Слаженно работают. Я уже начинаю всерьёз беспокоиться за свои деньги. И как я мог пропустить такой самородок...

Юстиниан снисходительно улыбнулся, довольный лестью магистра. Публика одобрительно редела — зрелище однозначно пришлось им по душе. Туннельными псами и воронами уже давно никого не удивить, их и за воротами столицы предостаточно.

Корнут же с презрением смотрел на бурлящую толпу. «Хлеба и зрелищ!» — так, кажется, говорили древние? Отвлёкшись, он и не заметил, как отряд «Айшала», воспользовавшись удачным моментом, напал на королевский с тыла.

Прикрываясь щитами, бойцы в синем отступали. Пятый, оставив недобитого богомола, бросился на подмогу. Учув ослабление, тот подтянулся вперёд, волоча искалеченные конечности, и широким взмахом, как художник кистью, рассёк на части двоих, потерявших бдительность в схватке друг с другом.

Толпа в ужасе ахнула.

Чемпион Южного Мыса, видимо решив, что более подходящего момента может и не подвернуться, устремился к Пятому. На его пути встал один из синих, стараясь выиграть время для своего командира: с тварью нужно было покончить немедленно.

Видя, что упускает вражеского чемпиона, Пожиратель яростно взревел. Пятый выкрикнул что-то ободрительное соратнику и кинулся к богомолу. Секира вспыхнула красным. Удар, и тварь, потеряв равновесие, завалилась набок. Второй удар обрушился на уродливую голову, и та раскололась на части, вывалив белёдые мозги прямо на сапоги чемпиона.

Боец, осмелившийся встать на пути Пожирателя, едва успевал прикрываться щитом, от которого вскоре почти ничего не осталось. Парировал ординарий недолго, скорее от отчаяния, чем в надежде, что уцелеет в этом противостоянии.

Пожиратель наконец выбил меч из руки противника и неожиданно отшвырнул свой в песок. Откинув забрало, он схватил побеждённого за грудки и оскалился.

Корнут внимательно разглядывал лицо скорпиона. Чемпион Южного Мыса мало чем походил на человека: бугристая кожа, бледно-синяя, как у утопленника; немигающие, без зрачков, глаза; огромный рот с острыми, как иглы, зубами. Такое и во сне не привидится. Он представил подобную образину, стоящую на страже за дверью кабинета, и брезгливо передёрнул плечами. Слава богам, такие уроды встречаются не слишком часто, обычно они нежизнеспособны и погибают если не в утробе матери, то вскоре после рождения.

На лице бойца в синем промелькнул ужас. Пожиратель распахнул огромную пасть и вгрызся в горло сопротивляющейся жертвы, вырывая куски плоти вместе с мышцами на глазах у ошарашенной публики. Кровь несчастного пузырилась на подбородке чемпиона, стекала на броню, окрашивая в бурый. Выродок жадно заглатывал куски вместе с горячей кровью, пока не добрался до позвонков.

Корнут не выдержал и отвернулся. На такое он точно не подписывался. Одно дело — благородное сражение на мечах, другое — богомерзкое пиршество, устроенное ублюдком на потеху зрителям.

— Какая мерзость! — с отвращением проговорил Юстиниан. — Зачем он это делает?

— Набирается сил, — пояснил Дий обыденным тоном. — На то он ведь и Пожиратель, Ваше Величество.

Толпа бушевала в экстазе. Когда ещё увидишь, как один осквернённый поедает другого! Может, для Мыса это и привычное явление, но на Фулгурской Арене такого ещё не случалось.

— Похоже, Брутус, ваш чемпион решил дождаться, пока остальные перебьют друг друга, — Юстиниан снова поднял вверх палец и очертил им дугу в сторону ворот за спиной команды Легиона. — На дух не переношу нечестную игру.

Сигнальный рог вновь загудел. На арену с воем, похожим на гортанный хохот, длинными прыжками вырвались гиены.

Корнуту приходилось видеть подобных в один из визитов в Южный Мыс. Хищники около полутора метров в холке охотятся в основном стаями. Опасные звери, умные.

Запах крови, витающий в воздухе, сводил голодных животных с ума. Они хлестали себя по бокам длинными хвостами, нетерпеливо переминались на массивных лапах и не сводили алчущих глаз с жалкой кучки двуногих, так

удачно попавшихся прямо к обеду.

Вихрь жестом приказал отряду окружить его. Бойцы вплотную выстроились по кругу, прикрывая собой командира. Самая крупная тварь из стаи глухо зарычала, огрызнулась и ринулась прямо на кучку бойцов. Стая не отставала.

Песок у ног гладиаторов взметнулся вверх, закружил сплошной полосой. Спустя мгновение воронка выросла в настоящий смерч и скрыла отряд от зрительских глаз.

Стая резко остановилась, нервно заметалась. Вожак прижал огромные уши к голове, опустил острую морду. Инстинкт самосохранения предупреждал об опасности, когда голод подсказывал: добыча там, всего в одном прыжке.

Смерч кружил на месте, будто вросший в землю. Вожак оглянулся на свою стаю и выгнулся, видимо, всё же решившись попытать счастья.

Невидимый взрыв разорвал воронку изнутри, и песок, ещё мгновение назад гонимый по кругу чужой волей, ударной волной окатил арену. Со стороны нижних трибун донеслись возмущённые возгласы, люди едва успевали прикрываться, спасаясь от едкой пыли. Облако на миг скрыло происходящее, а когда песок улёгся, отряд Вихря уже расправлялся с бестиями, что натыкались друг на друга, визжали, мотали мордами.

Сам чемпион остался позади. Припав на колено, он собирался с силами, пока его бойцы добивали ослепших тварей.

Один из гладиаторов, утратив бдительность, подобрался к вожаку стаи слишком близко. Животное ударило тяжёлой лапой, угодив в плечо и сбив того с ног. Зубы тут же впились в лицо несчастного, с хрустом кроша кости.

Другая гиена завизжала и закрутилась волчком, зубами пытаясь выдернуть меч из окровавленного бока. Вскоре её мучения остановил клинок, вспоров толстую шею.

С третьей тварью справились не сразу: та грозно рычала и металась из стороны в сторону, не подпуская к себе ни на шаг. В воздухе сверкнула сталь; через миг кинжал оказался торчащим прямо между глаз животного, и оно замертво рухнуло в песок.

Вожак огрызался, не отходя от своей добычи. Один из бойцов с криком бросился на тварь, другой подскочил сбоку и всадил под рёбра меч по самую рукоять. Зверь был повержен, хотя и успел полоснуть когтями, разорвав кожаную броню, а вместе с ней и грудь осквернённого.

И пока Корнут с интересом наблюдал за эффектным выступлением команды Вихря, Пятый сошёл на поединке с Пожирателем. С неистовой яростью чемпионы наносили друг другу сокрушительные удары. Сталь врезалась в сталь, сминая броню, словно лист бумаги.

Пожиратель превосходил и в опыте, и в тактике, но Пятый отбивался легко, непринуждённо. Подгадав момент, он оттолкнул противника и нанёс удар. Сталь блеснула алым, излучая кровавое сияние. Секира скользнула по шлему краем острия и прорвала металл, как фольгу. От удара забрало покосилось, и Пожиратель, яростно взревев, сорвал бесполезный шлем.

— И как вы переносите его присутствие! — не сдержался Корнут.

— Вы удивитесь, но на самом деле он довольно весёлый малый, — нервно хохотнул южный мэр, не отрывая взгляда от происходящего. — Давай же! Покажи этому сосунку!

Последние слова явно вырвались невольно, и Дий смущённо осёкся. Юстиниан мрачно взглянул на него и многозначительно прочистил горло.

Боевой топор Пятого скользнул рядом с плечом противника, тот, даже не уклоняясь, бросился в атаку. Меч то звенел о броню, то сталкивался с лезвием, кружил в воздухе сверкающими полосами.

Допусти Пятый хоть малейшую ошибку, и это мерзкое создание вгрызётся ему в глотку немедленно. Корнут невольно начал болеть за королевского чемпиона. Не потому, что если тот проиграет, Юстиниан ещё месяц будет срываться на каждом встречном, а просто потому, что второго акта каннибализма его организм не выдержит, и он выблюет последние остатки завтрака прямо под нос самым влиятельным персонам страны.

Мощным ударом Пожиратель выбил секиру из рук Пятого. Тот ловко перехватил меч противника голой перчаткой и, не обращая внимания на сочащуюся из порезов кровь, сжал другую в кулак и замахнулся. По стали перчатки пронеслись красные блики.

— Да! — Юстиниан вскочил с кресла, с восторгом наблюдая за своим фаворитом.

Пожиратель застыл, непонимающе впившись белёсыми глазами в лицо врага. Его нижняя челюсть, вперемешку с кровью и осколками зубов, валялась в паре шагов.

Из месива, что когда-то было жуткой пастью, свисал длинный язык, кровь ручьём заливала доспехи. Осквернённый захрипел, медленно осел наземь и остался неподвижно лежать в песке, окрашивая вокруг себя алым.

Трибуны взревели, приветствуя молодого чемпиона.

— Пятый! Пятый! — орали со всех сторон.

Тот подобрал оружие и огляделся: для него бой ещё не закончен.

Дий казался безмерно расстроенным то ли из-за полумиллиона золотых, которые он так легкомысленно прогнул, положась на веру в своего чемпиона, то ли от самой мысли, что лишился гладиатора, которым так кичился при любой возможности. Прикрывая рукой глаза, он сокрушенно покачивал головой.

— Будет вам, Дий, — Брутус похлопал его по плечу, — я самолично подберу вам кого-нибудь из своих скорпионов.

— Благодарю вас, мой друг, — отозвался тот. — Какой позор...

— Видимо, мясо того ординария оказалось с душком, — злорадно ухмыльнулся король.

Оставшиеся воины «Айшала», лишившись предводителя, бились отчаянно, до последнего вздоха. Вихрь рубил мечами всех подряд направо и налево. Арена превратилась в побоище, омытое кровью поверженных. Раненых не щадили, таков был приказ.

Трупы невольников вперемешку с останками монстров усеяли поле. Корнута мутило от одного вида кишок и отрубленных конечностей. Каждый раз, натываясь взглядом на очередное растерзанное тело, он брезгливо морщился и отворачивался. Вино уже не спасало. Нескоро же он сможет спокойно смотреть на еду!

Его внимание вновь привлёк Пятый. Тот одним ударом почти обезглавил последнего бойца Вихря и замер, наблюдая за опасным противником, который пока атаковать не спешил. Оба уже изрядно измотанные, они набирались сил для последней схватки.

Пятый рывком сдёрнул искорёженный наплечник, висевший на единственном уцелевшем ремне, размял плечи. Вихрь стоял неподвижно, наблюдал за врагом, оценивая шансы. Но публика ждать не хотела.

— В бой! В бой! — тысячей голосов требовали трибуны.

Вихрь, будто поддавшись на уговоры зрителя, двинулся навстречу Пятому, но неторопливо, с осторожностью. Корнут не сразу увидел едва заметное прихрамывание на левую ногу. Ранен, но скрывает, не выдаёт слабых мест.

— Клянусь, если этот сукин сын победит, я дам ему столько женщин и вина, сколько он пожелает. Пусть потом хоть упьётся до полусмерти и подохнет на очередной шлюхе!

Корнут чуть не подавился вином. Слышать подобное от Юстиниана доводилось нечасто. Оказывается, король не просто боится проиграть с полдюжины усадеб в престижном районе столицы. Нет, это принцип: показать, что он никогда не ошибается. Своего рода самоутверждение среди тех, кто хоть как-то мог конкурировать с его положением в обществе.

Корнут успел уловить мимолётную улыбку на лице Максиана. Кажется, похожие догадки посетили не его одного.

Провернув свой лабрис в воздухе, Пятый изготвился. Мечи в руках соперника опущены — усыпляет бдительность, заставляет расслабиться. Было заметно, как чемпион короля сомневается: атаковать или дожидаться, пока враг нападёт первым. Но Вихрь прервал его терзания, с криком кинувшись вперёд. Рядом с ним взвились два миниатюрных смерча. Как верные псы, они неслись перед хозяином, разрастаясь с каждой секундой всё больше и больше.

Пятый даже не пошевелился, только крепче сжал свою верную секиру, готовясь к шквалу, который вот-вот на него обрушится. Едва смерчи достигли пары метров в высоту, Вихрь вскинул мечи, и белая туча бурей налетела на королевского чемпиона, поглощая, скрывая того от зрительских глаз.

Не теряя времени, Вихрь ворвался прямо в песчаное облако.

Трибуны стихли. Юстиниан подскочил, следом за ним подскочил и магистр Легиона.

Сквозь мглу почти ничего не разобрать. Едва различимые очертания лишь путали, порождали всё больше вопросов. Наконец песок начал медленно оседать — буря стихла так же внезапно, как и появилась. Со всех сторон стали доноситься возгласы, чередуя ликование с досадой.

Чемпион в чёрных доспехах возвышался над противником. Мечи упёрлись в открытое горло поверженного. Рядом, полузасыпанный песком, сверкал на солнце шлем Пятого, в нескольких метрах валялась его верная секира.

Корнут разочарованно выдохнул. Ничего, чемпион короля ещё молод, почти мальчишка. Когда наберётся побольше опыта, принесёт своему хозяину славные победы. Юстиниан несомненно пощадит его, ведь Пятый весьма отважно сражался и вполне заслужил второй шанс.

Вихрь повернул голову в сторону королевской ложи, ожидая приказа.

— Жизнь! — прокричал кто-то в толпе.

— Жизнь! Жизнь! — подхватили многочисленные голоса.

Зрителю полюбили молодой гладиатор, никто не осудит короля за скупость или малодушие.

— У него большой потенциал, — заверил Брутус, не сводя глаз с арены. — Думаю, пощада вполне уместна.

Юстиниан не ответил. Неспешно подняв сжатый кулак, он оттопырил большой палец в сторону.

— Жизнь! Жизнь! Жизнь! — требовал народ.

Поразмыслив пару секунд, король медленно приставил палец к шее. Вихрь повернулся к Пятому и надавил на

рукояти. Лезвия плавно вошли в плоть, изо рта чемпиона хлынула кровь, молодое тело забилося в конвульсиях и вскоре обмякло.

Юстиниан обернулся. Его бледное лицо застыло в каменном безразличии.

— Я не даю второго шанса, — холодно бросил он потрясённым гостям и покинул ложу под разочарованные вопли толпы.

Решение короля озадачивало. Такой ярости, а это была именно ярость, Корнута не видел у того с тех пор, как Юстиниану стало известно о выжившем в Мёртвых Пустошах. И если в прошлый раз причина была очевидна, сейчас оставалось только гадать. Неужели дело в уязвлённом самолюбии? Или всё намного глубже?

Корнута почувствовал на себе взгляд и инстинктивно обернулся. Максиан многозначительно посмотрел ему в глаза.

Скривившись, Корнута вышел вслед за королём. Стоит ли сейчас пытаться заговорить с ним? Или лучше подождать, пока поостынет?

— Господин советник! Пойдите!

Он резко обернулся и закатил глаза: этому-то что ещё нужно?

Шеф полиции, пытаясь от бега, поравнялся с ним и отдал честь.

— Прошу меня простить, может, сейчас и неподходящее время, — затараторил он, — но у меня для вас очень важная новость.

— Выкладывайте, раз уж начали, — с трудом сдерживая злость, отозвался Корнута.

— Вы просили немедленно сообщить, если найдём что-то на Пера. Так вот, намеренно мои люди взяли одного: пытался скрыть новорождённого выродка. Болван прихватил с собой всю семью, представляете!

— Ближе к делу, Брайан, — поторопил его Корнута. Все мысли пока занимало произошедшее в ложе.

— Мы вышли на агентов Стального Пера, — отчеканил шеф полиции.

Корнута будто ледяной волной окатило.

— Агенты Пера, говорите? Могу ли я встретиться с вашим заключённым?

— Разве что на Площади Позора, господин советник, если он там ещё висит. Обычно дольше чем на сутки их там не оставляют.

— Вы идиот! — прошипел Корнута. — Висельники не разговаривают! А нам нужна информация.

— Не волнуйтесь, мы выбили из этого неудачника всё, что возможно, — принялся оправдываться Брайан. — И где найти агентов, и даже пароль. Да он готов был рассказать, какого цвета исподнее его жены, когда мы пригрозили отправить в Легион его оставшихся детей. Поверьте, большего он бы вам не рассказал.

Корнута устало вздохнул. Его окружают одни недоумки. Внедрить в сопротивление такого вот мстителя, у которого отобрали чадо, — идеальный вариант. Теперь всё начинать с нуля.

— Жду вас у себя вечером. Расскажите мне всё до единого слова. Здесь неподходящее место для подобных разговоров, если вы не заметили.

— Есть! — шеф полиции отдал честь и скрылся за занавесями ложи.

Что ж, может, всё не так уж плохо. Ему удалось ухватить за хвост мелкую гадюку, но он не сдастся, пока не размотает весь клубок и не пообрубает змеиные головы все до единой.

В соответствии с правками о частной организации Осквернённый Легион, гражданином государства может считаться только лицо, получившее от Надзора за генетической чистотой граждан сертификат, подтверждающий право называться человеком. Любая попытка подделать такой сертификат или выдать другое лицо под именем, значащимся в оном, карается двадцатью годами лишения свободы без права на апелляцию или досрочное освобождение.

Заветы потомкам, 06.011

Ровену не радовали ни нежный аромат гиацинтов, пёстрым ковром устилавших сердцевины идеально круглых клумб, ни весёлый щебет птиц, ни радужные блики воды, с журчанием разливающейся по каменным лепесткам фонтана.

И всё же Королевский сад оставался для неё маленьким оазисом в бескрайней пустыне суровой действительности. Здесь она раньше часами читала в тени старого дуба, беседовала с приятельницами или самозабвенно мечтала о будущем. Но теперь вся эта беззаботная жизнь осталась в прошлом. После случившегося невозможно думать ни о чём, кроме как о своей дальнейшей судьбе. Уже ничто не будет прежним, и наивно полагать, что вся эта пышная роскошь зелени и волнующее благоухание цветов помогут отвлечься хоть на минуту. Впрочем, она здесь не за этим.

Одаривая редких прохожих скупой улыбкой и короткими приветствиями, Ровена отправилась вглубь сада. Там, в маленькой рощице у ограды, можно спрятаться от посторонних глаз, не рискуя быть кем-то услышанной.

Остановившись у старого клёна, она устроилась на траву и прислонилась спиной к широкому стволу. Восемьдесят Третья осталась скромно стоять чуть поодаль.

— Присядь, пожалуйста, рядом, — попросила Ровена.

Поколебавшись, та устроилась на земле в нескольких шагах, то и дело оглядываясь по сторонам с видом нашкодившего ребёнка. Миндалевидные глаза насторожённо блестели, брови слегка нахмурились. Очевидно, ей не очень нравилась эта затея, но и отказать в просьбе легата не посмела.

— Я долго думала над твоими словами, — помолчав, произнесла Ровена. — Ты права, нельзя опускать руки, что бы ни случилось.

— Рада это слышать, госпожа! Но... — Восемьдесят Третья осеклась.

— Говори, не бойся меня обидеть, — настояла Ровена.

— Я чувствую ваши сомнения.

— Интересно! А что ещё ты чувствуешь?

Телохранительница прикрыла глаза и сосредоточенно застыла:

— Вы боретесь с собой, не верите в ваши силы.

— Да-а... И что бы ты сделала на моём месте?

Восемьдесят Третья удивлённо посмотрела на Ровену, явно не ожидая, что её мнение кого-то интересует:

— Наверное, бросила бы это пустое дело и прислушалась к своим истинным желаниям.

— А если эти желания могут привести к беде?

— К беде?

— Предположим, к смерти.

— Если они того стоят, госпожа, — пожал плечами телохранительница, словно говоря о чём-то обыденном вроде утренних умываний, — но, думаю, вы выбрали неподходящего советчика.

— Ошибаешься, ты именно та, кто мне нужен. И всё же я не понимаю, зачем намеренно делать то, что, скорее всего, тебя убьёт. Какой в этом смысл?

— Мы все умрём так или иначе. Важнее то, что мы сможем рассказать Госпоже Смерти по пути на ту сторону.

— А зачем ей что-то рассказывать?

— Дорога до Земель Освобождённых очень далека.

— Значит, Смерть любит хорошие истории? — Ровена усмехнулась.

— Ради них она и выбирает, кого проводить. И это великая честь!

— Разве она не всех провожает?

— Нет, госпожа, на всех у неё точно не хватит времени, — по краям глаз собеседницы появились лучики улыбки.

Удивительные создания эти осквернённые. Боги свободных отвернулись от них, и они нашли своего, причём,

похоже, более реального, чем пантеон, которому молится всё Прибрежье. Что может быть проще: проживи славную жизнь — и удостоишься чести встретиться со Смертью как со старым другом. И никакого тебе Тейлура с его бесконечным списком грехов, никаких храмов и хвалебных од. Только ты, Смерть и твоя история.

— Я хочу спросить тебя кое-о-чём, только пообещай, что будешь предельно откровенна.

Восемьдесят Третья озадаченно нахмурилась:

— Не могу пообещать наперёд, госпожа. Я ведь не знаю, о чём вы спросите.

— Хорошо, давай поступим так: если ты не будешь готова ответить, просто скажи мне об этом. Или промолчи. И избавь меня от вида этой треклятой маски, будь добра!

Восемьдесят Третья воровато огляделась по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, выполнила приказ. Ровена удовлетворённо улыбнулась, отметив при этом едва затянувшуюся рану на нижней губе и небольшой синяк на скуле собеседницы.

— Должно быть, больно? — она коснулась своей губы.

— Просто царапина, — Восемьдесят Третья смущённо потупилась. — Не обращайтесь внимания.

— Ладно... Скажи мне, ты бы хотела стать свободной?

— Это невозможно, госпожа! Осквернённым нет места среди людей.

— Не отвечай мне заученными фразами, пожалуйста, — Ровена тяжело вздохнула. — Попробуй представить, хоть на минуту, что у тебя вдруг появился такой шанс.

— Как это?

— Ну, как будто у тебя появилась возможность стать свободной, вместе со всеми твоими собратьями. Но для этого придётся пойти против хозяев и даже Легиона. Решилась бы ты на такое?

— Простите мне мою грубость, госпожа, но вы, кажется, не понимаете, о чём говорите, — Восемьдесят Третья поджала губы.

— Так объясни.

— Большинство из нас понятия не имеют, что делать со свободой. Мы приучены подчиняться приказам, и из моих сестёр и братьев мало кто способен на самостоятельные решения. Мы совершенно не умеем жить среди свободных и всё равно будем искать кого-то на замену хозяевам. К тому же многие осквернённые сильно отличаются от людей, нас всегда будут бояться и обходить стороной.

В сказанное верилось с трудом. Разве так бывает, чтобы раб не мечтал о свободе?

— Выходит, свобода вам не нужна?

— Не знаю, не могу отвечать за всех. Может, и нужна, но не совсем та, о которой вы говорите. Освобождать нужно детей. Тех, кого не успел ещё изуродовать Легион. А таким как я лучше доживать свой век как привыкли.

Кажется, теперь всё встало на свои места. Годами осквернённым вбивают в головы, что они должны быть благодарны за то, что им предоставили возможность служить людям и что они не были убиты ещё во младенчестве. После такого, наверное, сложно приспособиться к новой жизни, и многие предпочтут оставить всё как есть только из страха перед неизвестностью. Тогда это, пожалуй, многое объясняет — и то, что никто из них даже не пытается сбежать из-под гнёта, и то, с каким восторженным безумием, вроде того Пятого, они сражаются и погибают под аплодисменты кровожадной толпы. Просто другой жизни они не видели.

— Значит, вам нужен тот, кто сможет разорвать этот порочный круг, а не бросит вам свободу, как кость собаке, — задумчиво проговорила Ровена.

— Скорее всего.

— А если вдруг найдётся такой человек, приняла бы ты его сторону?

Восемьдесят Третья сцепила пальцы и поднесла к губам, сосредоточенно обдумывая ответ.

— На этот вопрос я не могу вам ответить, госпожа, — наконец призналась она.

— Считай, что уже ответила, — Ровена рассмеялась и, посмотрев собеседнице прямо в глаза, заговорила. — Выслушай меня, пожалуйста. После того вечера я многое переосмыслила. Видимо, мне нужна была хорошая встряска, чтобы понять, кто я на самом деле и чего хочу от своей жизни. И это всё не без твоей помощи.

— Вы преувеличиваете мою роль, госпожа.

— Её сложно преувеличить, — возразила Ровена. Легата даже вообразить не может, насколько ценными оказались её слова о борьбе. — Поэтому сейчас я хочу, чтобы ты меня выслушала. Возможно, это прозвучит странно, но я готова стать тем человеком, который освободит осквернённых. Но без тебя я не справлюсь. Мне нужна твоя помощь! Твоя и всех, кто готов пойти не только против Легиона, но и против всего Прибрежья, если понадобится.

Восемьдесят Третья ошеломлённо уставилась на Ровену. Тень недоверия скользнула по её лицу, уголки губ еле заметно дрогнули:

— Не понимаю, чего вы добиваетесь? Или это какая-то шутка?

Ровена сдержанно вздохнула. Глупо было надеяться, что она вот так вот просто возьмёт да поверит. Нет,

нужно что-то весомое, что поможет убедить легату в её искренности. Но, раскрывшись, не подпишет ли она себе тем самым смертный приговор? Ведь она полностью передаст свою жизнь в её руки. Стоит ли так рисковать? Или всё-таки отступить, пока не поздно? Сдаться и надеяться, что всё обойдётся, или просто смириться, в конце концов.

Смирение... Какое же горькое на вкус это слово! И запах у него точно у тлена, как и запах участи, уготованной для неё дядей.

— А ты сама узнай! — Ровена решительно протянула Восемьдесят Третьей руку.

Та испуганно округлила глаза и замотала головой:

— Нет-нет, я не могу!

— Можешь! Я хочу, чтобы ты увидела.

— Вы не понимаете... Это больно!

— Больнее мне уже не будет. Ну же, смелее!

Восемьдесят Третья недолго поколебалась и, коротко выдохнув, слегка сжала протянутую руку. Кожа под её пальцами побелела, давящая боль впиалась в виски острыми шипами.

Ровена вскрикнула, но не услышала собственного голоса. Тишина накрыла всё вокруг глухой пеленой, смолк щебет птиц в саду, шелест листьев над головой. Чужая воля рванула её в удушливую черноту, сжала, как синичку в огромной ладони.

«Воздух! Мне нужен воздух!»

Ровена начала задыхаться, первобытный ужас леденящей волной окатил её с головы до ног.

«Она убьёт меня! — судорожно промелькнуло в голове. — Зря я ей доверилась».

Невидимая рука внезапно отпустила, оставив её парить в беззвучной пустоте. Ровена жадно глотала воздух, пытаясь усмирить вырывающееся сердце.

«Где я? Что это за место?»

Из темноты проступило лицо отца. Глаза, полные нежности и умиления, смотрели сквозь неё, куда-то в пустоту.

— Папа? — прошептала Ровена. Голос вернулся, и она повторила, но уже громче. — Папа! Ты меня слышишь?

Он не ответил. Это не призрак — воспоминание! Восемьдесят Третья проникла в её память.

Разноголосый шёпот заполнил бесформенное пространство. Некоторые фразы звучали отчётливо, но отрывками, без какого-либо смысла, другие и вовсе не разобрать. И вот уже вместо отца перед ней добродушное лицо старой няни, которое тут же сменилось на Максиана с хитрой улыбкой на устах.

Лица, знакомые и давно позабытые, мелькали одно за одним, словно ветер перелистывал страницы раскрытой книги. Голова закружилась от мелькающих образов, которые вскоре слились в одну сплошную размытую полосу.

— Она слишком мала для такого! — прогремело вдруг отчётливо, и гомон стих.

Ровена рассматривала лицо Севира со строгим взглядом из-под светлых бровей.

— Слишком мала... — повторил голос, и образ ослепительно ярко вспыхнул.

Она зажмурилась, выждала, пока свет перестанет бить в лицо, а когда открыла глаза, обнаружила, что стоит посреди засыпанной песком площадки. Вокруг неотличимые друг от друга фигуры в чёрной, до боли знакомой форме, издали доносятся зычные крики, солнце нещадно палит над головой.

Терсентум. Она снова вернулась в тот день.

Ровена медленно повернула голову в надежде увидеть отца. Её догадки подтвердились: он стоял рядом и молча наблюдал за осквернёнными.

— Папа! — позвала она.

Он не шелохнулся.

— Папа, это же я! Прошу, ответь!

— Храни свою тайну, или окажешься на их месте, — его голос, начисто лишённый интонации, звучал неестественно холодно. — Или окажешься на их месте... На их месте!

Последнюю фразу он прокричал и резким рывком обернулся к ней. Ровена едва сдержала вскрик: багровые как кровь глаза сверлили её немигающим взглядом.

— Вы осквернённая! — вдруг воскликнул отец голосом Восемьдесят Третьей.

Слова прозвучали как обвинение, и на Ровену вдруг накатила злость за то, что та так беспардонно копалась в её голове, заняла место отца, а теперь ещё упрекает в чём-то.

— Не смей осуждать меня! — она вцепилась в плечо лжеотца.

Земля под ногами задрожала, песок слился с фигурами в сплошную непроглядную марь, с бешеной скоростью завертевшуюся вокруг. Пальцы скользнули по воздуху: Восемьдесят Третья куда-то исчезла. Ровена не успела ничего сообразить, как снова очутилась на площадке, точь-в-точь как прежняя, разве что вместо деревянной ограды каменная, а песок белый, будто снег.

Совсем рядом валялся мальчишка, на вид не старше двенадцати. На бритой голове кровоточила рана. В отчаянии он вцепился в плечи сидящей сверху девчонки, в ком Ровена сразу же узнала Восемьдесят Третью и тут же с удивлением обнаружила, что отчётливо чувствует всё, что и невольница: пальцы мальчишки, впившиеся в кожу сквозь грубую ткань, ноющую боль в левом боку, хрупкое горло в ладони.

Мальчишка брыкался как мог. Щёку обжёг удар, второй чудом не угодил в правый глаз. Его сопротивление начинало злить: упрямец никак не хотел смириться с поражением, а крики соратников только распалляли ярость. Восемьдесят Третья сильнее сжала горло соперника, и Ровена ощутила приятное покалывание в ладони.

Всё произошло само собой. Она просто открылась зову, а рука стала проводником. Горячей волной через неё хлынула чужая жизнь, наполнила щекочущей лёгкостью, ощущением полной неуязвимости, неукротимой мощи.

Мальчишка вскрикнул, попытался вырваться. Поняв, что ему это не под силу, он вытянул дрожащую от слабости руку и поднял три пальца вверх, принимая поражение.

Бой окончен, но жажду уже не сдержат. Хотелось ещё и ещё, и пускай только посмеют помешать! Энергия переполняла её, опьяняла, кружила голову. Она неуязвима! Она бессмертна! Её никому не остановить!

Всё это Ровена пропускала сквозь себя, находясь одновременно и в теле легаты, и в стороне, обычным наблюдателем. Она с наслаждением вкушала божественную сладость чужой жизни, принадлежащей теперь им обеим. В эйфории она наблюдала за тонкими струйками крови, сочащимися из глаз Восемьдесят Третьей, и думала, что именно так плачут боги.

Внезапно Ровену отшвырнуло обратно в пустоту. Издалека донёсся едва различимый щебет птиц. Озорной ветерок коснулся щёк, обдав их приятной прохладой.

— Принцесса?

Она открыла глаза. Перед ней сидела Восемьдесят Третья. Лицо бледное, губы пересохли и потрескались, словно она провела весь день под палящим солнцем без единого глотка воды.

— Тот мальчик... — Ровена ощутила жуткую слабость и прислонилась к тёплому стволу клёна. — Что с ним стало?

Восемьдесят Третья помрачнела:

— Я не хотела, чтобы так вышло. Потеряла контроль...

— Не вини себя, ты же была ребёнком, — Ровена провела ладонями по лицу. — Но как я вообще там оказалась?

— Я могу только догадываться, госпожа. Такое со мной впервые.

Выходит, прикоснувшись тогда к лжеотцу, она попала прямиком в память Восемьдесят Третьей? Впрочем, это не то, о чём стоит сейчас беспокоиться. Куда важнее, что она скажет. Теперь от неё зависит слишком многое. Пути назад уже нет, и остаётся надеяться, что Ровена в ней не ошиблась.

— Второй раз за последний месяц моя жизнь в твоих руках, Восемьдесят Третья, — осторожно заговорила она. — Ты ведь понимаешь, как я рискую?

Та опустила голову, перебирая пальцами смятые стебли травы.

Молчит... Неужели откажется? «Ну скажи хоть что-нибудь, умоляю!»

— В ваших воспоминаниях я видела Севира, — медленно проговорила телохранительница. — Он ещё жив?

— Не имею ни малейшего представления, если честно. Ты с ним знакома?

— Нет ни одного осквернённого, кто бы не слышал о нём. Он, как и Первый, настоящая легенда!

— Первый? Кто это?

— Первый раб Легиона, госпожа, — пояснила Восемьдесят Третья. — Севира тоже можно назвать первым. Первым, кто получил право носить имя и...

— Был освобождён моим отцом, — завершила за неё Ровена.

— Ваш отец был великим человеком! Мы помним и чтим его имя.

— Рада это слышать. Он стремился к справедливости, но его подло убили... Я хочу продолжить его дело, но прежде я найду каждого, кто участвовал в заговоре против него, и накажу по закону.

— Месть — благородная цель. Ваше стремление достойно уважения.

— Причина ведь не только в мести. Взгляни на меня! Я человек! Как и ты. Как и каждый осквернённый. Мы люди, ты понимаешь это? Скажи мне, кто дал право кучке высокомерных мерзавцев решать, кому быть свободным, а кому носить клеймо? Заветы? Их написали предки, по чьей вине, между прочим, мы такими и рождаемся. В пекло Заветы, в пекло предков, в пекло Кодекс Скверны и Легион! Никто, кроме нас самих, не смеет распоряжаться нашими жизнями!

Глаза Восемьдесят Третьей растроганно заблестели, и она смущённо отвернулась.

— Как видишь, — продолжила Ровена, почувствовав, что задела легату за живое, — у меня достаточно причин бороться за права осквернённых. Ты же говорила, что нужно сражаться до последней капли крови. Так вот, я готова! Только, пожалуйста, будь честна со мной, и, если не решишься стать моим Севиром, я пойму, не волнуйся.

Единственное, о чём тебя прошу — сохрани мою тайну.

— Об этом можете не беспокоиться, госпожа. Ваша тайна умрёт вместе со мной. Но... — Восемьдесят Третья замялась. — Прежде, чем я смогу ответить, хотелось бы кое-что уяснить. Вы говорите о борьбе с Легионом, но как вы себе это представляете? Даже если мне удастся уговорить своих, всё равно это капля в море. Что может горстка скорпионов против целой страны?

— Горстка скорпионов во главе с королевой, я думаю, может очень многое, — заговорщически подмигнула Ровена. — Первым делом нам нужно доказать, что Юстиниан всего лишь узурпатор и братоубийца. Тогда корона достанется мне по праву единственной законной наследницы.

— Но кто вам поверит? Прошло ведь столько лет.

— Мы найдём способ, обещаю. Так что ты решила? Ты со мной?

Восемьдесят Третья широко улыбнулась.

— Вы одна из нас, госпожа, — с гордостью произнесла она, — а своих осквернённые не бросают! К тому же отличная история получится, как раз для прогулки со Смертью.

Каждый гражданин имеет право на приобретение рабов второй (ординарии) и третьей (сервусы) категорий. Для приобретения рабов первой категории (скорпионы) необходима лицензия, выданная организацией Осквернённый Легион и подтверждающая право на владение рабами первой категории.

Заветы потомкам, Кодекс Скверны, 050

— Смотрю, ты совсем сдаёшь позиции, — Севир приветливо похлопал его по спине, едва не сбив с ног. — Скоро тебя уже вносить придётся.

— Я тебя сам куда хочешь ещё внесу, мать твою за титьку, — добродушно проворчал Седой. — Есть что выпить? Жажда замучила.

В тесной комнатке, кроме стола да масляной лампы, больше ничего и не было. Впрочем, как и во всём доме, который Максиан несколько лет назад, после возвращения Сто Первого, великодушно предоставил тому в безвозмездное пользование. На первых порах старый дом на отшибе служил беглецу убежищем, а позже, после основания Стального Пера, стал в шутку называться штабом.

Кряхтя, Седой опустил на расшатанный стул и потянулся за услужливо поставленной перед ним деревянной кружкой.

— Эх, хорошо! — обтерев пивную пену с усов, он откинулся на спинку сиденья, что тут же угрожающе затрещала. — Какие новости в замке, Ваше Высокородие?

— Замок цел, король сыт, — Максиан невесело усмехнулся. — Мы тут как раз закрытие сезона обсуждали...

— Не сыпь мне соль на рану, — поморщился Седой, — и без того тошно. Талантливый чертяка этот Пятый... Был. Чтоб твоему королю всю оставшуюся жизнь козью трещину во сне видеть!

— Да, и впрямь жаль парня, — произнёс Севир. — В Пере бы ему цены не было.

Седой перевёл взгляд на бывшего воспитанника. Брови нахмурены, синие глаза лихорадочно блестят, криво сросшийся после многочисленных переломов нос заострился, под глазами тёмные круги. Легендарный Сто Первый, герой, на истории которого выросло целое поколение осквернённых. Деструкция, безжалостная ты сука, плата за способности, о которых никто из них даже и не просил.

Он вспомнил, как тот, ещё сопляком, попался на краже: тащил хлеб с кухни себе и своей шайке. О других всегда думал больше.

— Хреново выглядишь, малец. А говорил, с пятёрку лет ещё протянешь.

— Ну спасибо, поддержал так поддержал, — расхохотался Севир. — Ошибался я, старик, ой как ошибался. Если до следующего лета дотяну, и то хорошо.

— Да брось, всех нас ещё переживёшь, — отмахнулся Максиан. — Такие как ты живучие, как тараканы.

— Не знаю, как тараканы, а ваше нытьё слушать ещё полвека я не собираюсь. Как-то уж без меня, пожалуй.

Усмешка быстро стёрлась с лица Максиана. Он внимательно посмотрел на друга и покачал головой:

— Без тебя Перо распадётся, ты ведь это понимаешь? Ты думал, что станет с теми, кого ты уже успел вытащить из Легиона? Нет, Севир, сдохнуть для тебя непозволительная роскошь. Особенно сейчас, когда о вас уже говорят даже в каструме.

Севир сделал большой глоток пива и громко поставил кружку на столешницу.

— Есть у меня на примете кое-кто. На замену.

— Преемник, значит? — Максиан понимающе хмыкнул. — Что ж, надеюсь, с ним проблем не возникнет. Восторга он, конечно, не вызывает, но раз ты так решил...

Седой недовольно глянул на Сто Первого. Неужто растрепал, что не положено? Севир растерянно нахмурился, затем, видимо догадавшись, прочистил горло:

— Ну... К-хм... Не совсем. Хотя зря ты так на Клыка, он только с виду туповат. Но есть вариант получше. И если всё пойдёт по плану, Перо останется в надёжных руках.

— В смысле — по плану? — удивлённо мигнул Максиан, но тут его лицо помрачнело. — Постой-ка, ты что удумал?

— Да так, ерунда. Не бери в голову.

— Только не говори, что преемник твой всё ещё топчет землю терсентума!

— Это ты сам сказал, — буркнул Севир.

— Ты же меня лично убеждал, что до торгов вытащить оттуда кого-либо невозможно, — не унимался принцепс. — Нехорошо лгать друзьям, особенно тем, кто первым протягивает руку помощи.

— Никто тебе не лгал! Было бы всё так просто, Легион давно бы растащили по кусочкам.

— Нет, погоди! Пятнадцать лет я не спал ночами всего за одну ошибку молодости...

— Может, хватит только о своей заднице думать?! — рявкнул Севир. — Сказал же, никто никого вытаскивать не собирается. А не будь ты таким трусом, то и тебе не пришлось бы.

— А ты не подумал, что у меня не было другого выбора? — принцепс осклабился. — Так же, как и у тебя, там, в Пустошах.

Севир поджал губы так, что те побелели, крылья носа медленно вздувались, взгляд стал колючим, холодным. Пора всё это прекратить, пока не стряслось чего. Седой с силой грохнул кулаком по столу:

— Видели бы вы себя со стороны! Собачитесь, что сосунки за погремушку. Смотреть противно!

Севир угрюмо потупился. Максиан фыркнул, но промолчал.

— Что там насчёт нашего уговора? — поостыв, спросил он.

Седой покачал головой:

— Не выйдет, привилегии только у Юстиниана. Придётся вам, Ваше Сиятельство, тащить свою задницу на аукцион.

— И как ты себе это представляешь? Принцепс Сената и второй советник короля перекрикивает каких-то разжиревших толстосумов, чтобы заполучить девчонку-скорпиона? Что обо мне после такого в газетах напишут?!

— А королевские советники уже не люди? — съязвил Севир.

Максиан грозно сверкнул на него глазами, затем повернулся к Седому:

— Должен же быть способ. Что если подставное лицо отправить?

— Тоже не выйдет.

— Это ещё почему? Выкупить её, потом оформить на меня перепродажу уже в спокойной обстановке. Не вижу здесь проблемы.

— Чёрт, Максиан, да ты будто сегодня на свет появился, — Севир закатил глаза. — Легион проверяет всех желающих прикупить скорпиона. Контролирует каждую проданную душу, поставки антидота, рождаемость, смертность... Будь уверен, какому-нибудь Биллу с Гнилого Проулка никогда не продадут и самого вшивого из них. Где мы, по-твоему, откопаем это твоё «подставное лицо»? А может, у тебя в кармане припрятан запасной магнат или чиновник на худой случай?

— Ну, допустим, — сдался принцепс. Видимо, никаких магнатов в его кармане не нашлось. — Какие тогда гарантии, что Пятьдесят Девятую не уведут у меня из-под носа?

— Золото — вот твоя гарантия, — отозвался Седой. — Припасись им, да побольше, а я уж постараюсь, чтоб на неё не позарились. Будь покоен, вернёшь себе дочь, и проживёте вы недолго и, скорее всего, не очень счастливо. Как раз до первого появления Альтеры.

— Оставь свой сарказм при себе, старик, — процедил Максиан. — Говори прямо, если есть что сказать!

— Хорошо, объясню, коли сам не допёр, — Седой подался вперёд и принялся загибать пальцы. — Во-первых, ты хоть раз подумал о ней самой? Чего она хочет? Что ей вообще нужно от этой жизни? Во-вторых, даже если она не перережет тебе глотку, когда узнает, что ты натворил, за неё это сделает Альтера. И всё, отправят её на плаху, как пить дать. В-третьих, у неё уже есть семья, а ты чужой, чужим и останешься.

— Семья? — Максиан хмыкнул. — Это ты о тех трёх недоумках? Не их ли ты называешь семьёй?

— Ты не прав, друг, — Севир опустил руку ему на плечо, стараясь сгладить ситуацию. Долго злиться он никогда не умел. — Кто знает, что бы с ней было, не будь рядом этих «недоумков».

— Всё бы с ней было нормально, — проворчал принцепс, убирая его руку. — Меньше бы вляпывалась во всякое.

Седой разочарованно вздохнул. Похоже, Максиан и впрямь не понимает, на что идёт. Это ему не сиротку удочерить. Девчонке психику годами ломали, а он вдруг вообразил, что та сразу бросится ему в объятия, заливаясь слезами счастья от встречи с папочкой. Наивный припудренный идиот.

— Мой тебе совет: хорошенько обдумай всё, взвесь. Не котёнка с улицы подбираешь. Её прощение всё равно тебе не поможет. Как не спал ночами, так и не будешь.

— Не нужно меня поучать, старик, — гнев Максиана поутих, но в глазах ещё угадывалась досада. — Считаешь, за пятнадцать лет я не успел ничего обдумать? Да я давно готов ко всему, даже умереть от её руки, если на то пошло.

— Будь по-твоему, — Седой вышел из-за стола. — Надеюсь, ты понимаешь, на что идёшь.

Надеяться то ещё пустое занятие. Девчонка не простит. Да и кто бы смог!

Но имеет ли он право осуждать его? Он, старый надзиратель, чья совесть запятнана не меньше принцепса. Или забыл, как почти полвека назад добровольно пошёл на службу Легиону, будучи уверенным в святости своих убеждений?

Как же, осквернённые — нелюди, месть природы за нарушенный баланс, генетическая отрыжка цивилизации. Разве подобным тварям есть место среди людей?! Не дураки же Заветы писали! Предки-то лучше знали, какой

дряню были напичканы бомбы или чем там они друг друга забрасывали.

Сколько же уродов он успел насмотреться за все эти годы! По сравнению с ними шестипалые и даже трёхрукие казались каноном эстетики. Чаще, конечно, попадались совсем обыкновенные, от людей и не отличишь, пока скверна наружу не полезет. Случалось, и ошибались: «чистых» детей забирали. А может, и не ошибались вовсе... Неплохой способ от неудобного избавиться, конкурента там какого устранить. А дальше уже никто разбираться не станет. Обычно таких распределяли к ординариям или в сервусы, если здоровьем совсем слабые.

Со временем Легион перестал казаться ему святой добродетелью и скорее напоминал гигантскую мясорубку, прокручивающую через себя чужие жизни. А потом он стал замечать не различие, а сходство. И каково же было его удивление, когда он осознал: осквернённые — такие же люди, как он сам. Не монстры, о чём внушали с детства каждому свободному гражданину, а просто немного отличающиеся от «нормальных». И чем дольше он находился с ними, тем больше разрасталось в душе разочарование. Разочарование в себе, в мудрости предков, в самой системе, в конце концов.

Гаденькое чувство чудовищной неправильности глодало его из года в год, пока в конце концов не появился Сто Первый — светловолосый мальчонка с озорным взглядом, уже тогда умудрившийся собрать вокруг себя целую стайку таких же одиноких, никому не нужных зверёнышей. И лёд тронулся.

Ох, и хлопот же с ним было! С ним и всей его шайкой. Чего только стоила их выходка с разломом у порога казармы...

Седой видел в Сто Первом себя — бритоголового салабона в рядах королевской армии. Такого же замученного, вечно голодного, но гордого собой. Оказалось, осквернённым также есть чем гордиться. Разве что повод на первый взгляд пустяковый: избежал кнута, принёс с охоты добычу пожирней и получил добавку на ужин. Чем не заслуги?

Незаметно для себя учитель стрельбы из лука вдруг стал Седым, хотя седина тогда ещё только начала проклёвываться. Поначалу он даже злился за прозвище, пока, наконец, не дошло: стая приняла его, заужала. Его не боялись и ненавидели, как других надзирателей, а именно уважали, прислушивались к советам. Да-а, хорошие были времена!

Но стаи больше нет. Остался только Севир. Одноухий, Ящер, Двести Тридцатая, та ещё оторва, Восемьдесят Восьмой... или Шестой? Нет, всё же «восьмой»: помнится, всё дразнили его за номер. Всех увела Госпожа. Кого-то лет пятнадцать назад, кого-то чуть позже. А теперь и Севир туда же намылился. Видно, что не хочет бороться, устал. И самое горькое, что и понять его можно. Жизнь тяжёлая выдалась. Славная, но суровая.

Терсентум уже спал. По крайней мере старательно делал вид. Сигнал к отбою отгремел задолго до возвращения Седого, и тёмный двор встретил его тишиной.

Он зажжёт керосиновую лампу поярче и взялся за недавно начатый список. Торги не за горами, нужно успеть закончить к визиту канселариуса. У короля особые привилегии в выборе скорпионов. Ежегодно, за пару дней до торгов, терсентум посещает первый советник и выбирает для службы нескольких лучших на его взгляд из списка. Бывало, покупал сразу с десятка. Ещё бы после такого Легион не шёл на уступки!

За спиной скрипнула половица. Он обернулся, внимательно оглядел тесную комнатку, заваленную всякой всячиной. Кто-то наблюдал за ним. Это чувство ни с чем не спутать, когда по коже холодок, а холка дыбом.

Ну конечно же!

— Семидесятый, чёртов ты плут! — проворчал он. — Какого хрена ты здесь делаешь?

Всего в паре шагов воздух заколебался, и через мгновение рядом показался поджарый юнец с виноватой улыбкой.

— Прости, Седой, не хотел пугать. Я это... по делу.

Седой укоризненно покачал головой:

— Надеюсь, оно того стоит, иначе высеку, что козу кривую.

Мальчишка замаялся. Видно, что никак не решится начать. Может, и правда что-то важное? Слай тот ещё пройдоха, но в воровстве пока замечен не был. Да и было бы что тут красть. Разве что пригоршню медяков в ящике стола. Хотя на кой они ему сдались, он и ценности-то их до конца не понимает.

— Так и будешь молчать? — брови Седого удивлённо взлетели вверх, когда Семидесятый неожиданно шагнул вперёд и бухнулся перед ним на колени.

— Я знаю, ты можешь помочь, — глаза мальчишки были полны мольбы. — Твин... Я... Ты же знаешь, мы с детства вместе. Придумай что-нибудь! Я сделаю всё, что прикажешь! Ну хочешь, мастера убью, а ты займёшь его место? Только скажи... Любого могу! Или нужно что украсть? Что угодно могу, да хоть корону самого короля.

Семидесятый заикался, из-за сбивчивой речи толком не понять, что ему вообще нужно.

— Встань! — гаркнул Седой. — Я тебе не хозяин, нечего тут колени передо мной протирать.

Мальчишка поднялся, смущённо отвёл глаза.

— Так, давай сначала. Что ты там говорил насчёт Твин?

— Не разлучай нас, Седой! Есть же способ...

Слова явно давались ему с трудом: не привык просить, не умеет.

— С чего ты взял, что я могу помочь? — Седой горько хмыкнул. — Сам, что ли, не знаешь, как торги ведутся?

— Знаю, потому и пришёл, — буркнул себе под нос Семидесятый. — Послушай, я правда сделаю, что прикажешь. В долгу не останусь.

— Не сомневаюсь. Да только не по адресу ты обратился, сынок.

— Так придумай что-нибудь! Плевать, кому продашь, главное, чтобы вместе были.

Способ, может, и есть, да вот как объяснить пацану, что на его Твин давно уже покупатель нашёлся?

— Прости, Слай, ничем я тебе помочь не могу, — Седой удручённо вздохнул. — Жизнь чертовски несправедлива, не спорю, но порой проще смириться.

— Не можешь или не хочешь? Я мало предложил? Тебе нужно больше? Годы моей службы? Вся жизнь? Забирай к псам, только сделай, о чём прошу!

Вся жизнь, значит? Не велика ли плата за юношескую любовь?

Седой потёр виски и оценивающе взглянул на мальчишку. Ловкий, крепкий, не дурак, годный хист. Таких Перо ценит. Жаль, Севиру пока не до Четвёрки. Только вот как с Твин поступить? Обещал же Максиану помочь... Хотя не пошёл бы он в кобылью трещину! Он же ей всю жизнь испоганит. Вину свою искупить хочет, да только вот не за свой счёт. Что он ей даст? Отцовскую любовь? На кой она ей, если настоящая любовь здесь, на коленях молит?

— Месмерит бы вас всех подрал! — проворчал он. — Присядь, не виси над душой.

Глаза Семидесятого восторженно загорелись. Он мигом оказался на стуле и нетерпеливо уставился на Седого.

— Так и быть, внесу вас в список, но без каких-либо гарантий. Дам вам лучшую характеристику, однако окончательное решение за покупателем, сам понимаешь. Придётся тебе, малец, надеяться только на счастливый случай.

— А остальных тоже внесёшь? — просиял Слай.

— Не борзей, — осадил его Седой. — Сделаю, что смогу, но только при одном условии.

— Я же говорил, за мной не заржавеет.

Седой поскрёб бороду. Ещё один свой человек в замке не помешает. Тем более с такими-то способностями. Главное, чтобы слово сдержал. Хотя такой точно сдержит, гордость не позволит бегать от обещаний.

— Хорошо, я тебе верю. Если всё пойдёт как нужно, с тобой свяжутся. Будешь делать всё, что прикажут, без лишних вопросов и без этих твоих шуточек. Готов на такое?

Семидесятый кивнул.

— Что, даже не спросишь, кому служить придётся? — удивился Седой.

— Ты же сам сказал, чтоб без лишних вопросов.

Смышлёный малый, не пропадёт! И девчонка будет в надёжных руках, если, конечно, снова не вляпаются во что-нибудь по старой привычке.

Мутантам строго воспрещено носить любую другую одежду, кроме положенной униформы. Все части тела, за исключением верхней половины лица, должны быть сокрыты. За нарушение этих пунктов владелец невольника несёт наказание в виде штрафа, определяемого судом исходя из среднего годового дохода, а сам мутант подвергается публичной экзекуции.

Заветы потомкам, Кодекс Скверны, 023

В дверь тихо постучали. Ровена тут же подскочила и с нарастающим волнением, с которым, как ей казалось, она уже давно справилась, выскочила из спальни.

Восемьдесят Третья при её появлении поклонилась и выжидательно глянула на напарника. Морок, заступивший на пост ещё с вечера, приподнял руку перед собой и тряхнул сжатым кулаком подобно азартному игроку, готовому бросить на стол игральные кости.

Ровена уже успела познакомиться с некоторыми условными сигналами осквернённых: так Морок сообщал о своей готовности. Восемьдесят Третья одобрительно кивнула, и, пропустив его вперёд, они осторожно двинулись по коридору.

Уже перевалило далеко за полночь. Каструм опустел, погрузившись в сонное молчание, но шанс столкнуться с дозорными всё равно оставался велик. Приходилось полагаться на провожатых и надеяться, что их никто не заметит, как не заметят и отсутствие Морока на посту, хотя он заверил, что в такое время львов там не бывает.

К величайшему облегчению, до конца коридора они добрались без особых приключений и, выбравшись из дворца, очутились в проходе, ведущем к центральному холлу.

Дорога предстояла сложная. Нужный сектор располагался в противоположной части замка, а скорость, с которой они передвигались, поистине удручала: короткие перебежки то и дело чередовались с частыми остановками.

Ровена даже дышать боялась. Казалось, стук её сердца слышен на весь каструм — так сильно оно грохотало в груди. Увидь её кто сейчас, глубокой ночью, в компании двух скорпионов, беды не миновать. Дядя точно не поверит в рассказы о невинном любопытстве. Если за беседу с Максианом он готов запереть её в четырёх стенах, то, что сделает за дружбу с осквернёнными — даже представить страшно.

Восемьдесят Третья держалась совершенно спокойно, и это придавало немного уверенности. На каждый сигнал Морока она реагировала мгновенно и тут же своим примером показывала, что нужно делать: замереть, вжаться в стену или быстро пересечь слишком освещённый участок.

Стражники попадались трижды. При звуке их голосов Ровене казалось, что вот-вот рухнет в обморок. То и дело смахивая холодную испарину со лба, она молила Карну об удачном исходе дела, которое теперь казалось ужасно глупой затеей. Может, не стоило ввязываться во всё это? Вернуться бы в уютную, безопасную спальню и забыть обо всём как о страшном сне... Да вот только как после такого смотреть в глаза Восемьдесят Третьей?

Наконец они добрались до нужного поворота. Ровена облегчённо выдохнула, но, как оказалось, преждевременно. Рядом со входом на территорию королевских скорпионов беседовали четверо гвардейцев, а прямой как стрела коридор не оставлял никакого шанса пробраться незамеченными.

Тронув плечо Восемьдесят Третьей, Ровена, не скрывая тревоги, вопросительно заглянула ей под капюшон. Легата коснулась двумя пальцами своего запястья, но почему-то её заверения, что всё под контролем, не особо успокаивали. Если кто-то из охраны хотя бы заподозрит неладное, всё покатится в пропасть к Тейлуру.

Морок замер у стены, о чём-то напряжённо раздумывая. Спустя несколько секунд он поманил их за собой и, не скрываясь, беззаботным шагом направился напрямиком к стражникам.

Да что он творит?! Ровена в ужасе вжалась в стену, не смея пошевелиться.

— Не бойтесь, госпожа, — прошептала Восемьдесят Третья, взяв её за руку. — Нас не заметят, но лучше времени не терять.

Нехотя Ровена засеменила за осквернённой, не сводя глаз с гвардейцев. Те будто ничего не замечали вокруг себя и продолжали обсуждать пышногрудую кухарку Лили и то, что она умела делать с их мужскими достоинствами.

Как это возможно? Вот ведь она прошла всего в шаге от одного из стражников, а тот и носом не повёл. Ничего не понимая, Ровена шла вперёд, будто во сне, пока они не остановились рядом с казармой. Слабый свет из приоткрытой двери лился на пяточок утоптанной земли. Изнутри доносились приглушённые голоса.

Получилось! Она завертела головой, осматривая тёмный двор с мрачного вида зданием на другом конце тренировочной площадки. К осквернённым гвардейцы не совались, их дело отмечать, кто входит или покидает

часть, посему здесь они уже в безопасности.

— Добро пожаловать в нашу обитель, госпожа, — Восемьдесят Третья стянула маску и радостно улыбнулась.

— Невероятно! — выдохнула Ровена. — Но как?!

— Да я и не такое могу, — хитро подмигнул Морок. — Хотите, покажу кое-что?

И тут её осенило. Если он способен провести несколько человек мимо гвардейцев, почему бы ему не проделать то же самое, когда ей понадобится попасть к Максиану? А что, мысль вполне ничего!

— Хватит бахвалиться, — проворчала легата. — Иди к остальным, мы сейчас.

Двадцать Первый насмешливо отдал честь, подражая алым львам, и скрылся за дверью.

От волнения мысли Ровены металась и путались. Все высокопарные речи, которые она готовила на протяжении целой недели, напрочь вылетели из головы. Она беспомощно поглядела на телохранительницу, ища поддержки.

— Не бойтесь, никто вас не укусит, — негромко рассмеялась та. — Они выслушают вас, обещаю.

— Я не только по этому поводу переживаю, — Ровена вздохнула. — Что, если никто не согласится?

— Согласятся, я уверена. У вас всё получится.

Ровена благодарно улыбнулась и, собрав остатки смелости, перешагнула порог казармы. Длинное одноэтажное помещение с рядами двухъярусных кроватей освещалось парой масляных ламп. По грубо сколоченной тумбочке на каждое место да маленький стол в дальнем углу — вот и всё убранство, на которое расщедрился Юстиниан для своих рабов. Впрочем, она сильно сомневалась, что казармы терсентума хоть как-то отличались от увиденного.

Ровена с трудом подавила вспыхнувшее в груди негодование. Неужели так они живут всю жизнь? Ни имущества, ни личного пространства. Всё на виду у других. Да их содержат, как скот в загонах!

В нескольких шагах, рассевшись друг напротив друга, тихо беседовали скорпионы. Завидев её, они тут же повскакивали на ноги и склонились в поклоне, приветствуя почётную гостью. По всей видимости, они уже были предупреждены о её визите: у всех на лицах маски, капюшоны покрывали головы.

А вот избавившийся от маски Морок, наоборот, скалился в самодовольной улыбке. Большие острые уши плотно прилегали к голове, раздвоенная верхняя губа обнажала звериные клыки. Ровена улыбнулась в ответ. Внешность Двадцать Первого отнюдь не отталкивала, он даже вызывал некую симпатию за свой весёлый нрав и простодушный взгляд на вещи, которые порой со стороны казались сложными.

Остальные не решались нарушить правила, оставаясь в масках. Ровена переборола дрожь в коленках и, продолжая приветливо улыбаться, подошла к ним ближе. С некоторыми, судя по номерам, она была условно знакома, других же видела впервые. Наверное, это и есть те самые гладиаторы, можно сказать, счастливчики, которые в силу своей неопытности или удачи пережили закрытие сезона.

— Сгинь, — шикнул Двадцать Первый на соратника и указал на нижний ярус кровати. — Располагайтесь, госпожа, будьте как дома.

— Благодарю, Морок, — Ровена присела на краешек жёсткой койки и положила руки на колени. — Пожалуйста, снимите маски. Я хочу говорить с вами на равных, а не как с рабами.

Воцарилось неловкое молчание. Один всё же решился и открыл лицо. Остальные тут же последовали его примеру, смущённо поглядывая на Ровену. Она украдкой рассматривала скорпионов — в основном обычные лица, ничем не отличающиеся от человеческих.

— К сожалению, здесь не все, — принялась оправдываться Восемьдесят Третья. — Ещё четверо в карауле. С ними я позже поговорю.

— Не беспокойся, дорогая, — Ровена натянуто улыбнулась, собираясь с мыслями. — Вы, верно, гадаете, почему я здесь? Не буду скрывать, я и сама спрашиваю себя о том же. Но не потому, что не знаю, чего хочу я, а потому, что не имею ни малейшего представления, чего хотите вы.

Скорпионы внимательно ловили каждое её слово. Она сделала короткую паузу и обвела всех взглядом.

— Это я и хотела бы выяснить, но сначала расскажу о том, что я ищу. А ищу я поддержки и верных друзей, готовых бороться за лучшую жизнь. Восемьдесят Третья говорила, что многие из вас слышали о моём отце и о том, что он успел сделать перед смертью, — некоторые из осквернённых закивали. Во всяком случае, они готовы выслушать, а это дорогого стоит. — Но мало кто знает, к чему он на самом деле стремился, за что погиб в Мёртвых Пустошах и по чьей вине до сих пор прав у вас меньше, чем у бродячей собаки. Мой отец мечтал освободить осквернённых и наделить их равными правами со свободными. Первым стал Севир, и это был лишь маленький шаг к большой победе. Отец мог бы сделать ещё многое, но был предан собственным братом! Юстиниан устроил засаду во время охоты, а что случилось дальше, вы наверняка знаете.

Ровена неуверенно взглянула на свою телохранительницу. Та едва заметно кивнула, уверяя, что всё идёт как нужно.

— Не так давно я спросила Восемьдесят Третью, хотела бы она жить так же, как и свободные, и получила

весьма неоднозначный ответ. Я долго размышляла над ним и поняла, что могу предложить вам жизнь, в которой у вас будет право на выбор, право на семью и на рождение детей, право принимать за себя решения, но при этом вы не будете брошены на произвол судьбы. Я позабочусь о том, чтобы у вас было всё необходимое. Но за это придётся бороться и даже рисковать жизнью. И прежде, чем продолжить, я должна быть уверена, что вы действительно этого хотите.

Она умолкла. От напряжения воздух стал плотным, почти осязаемым, вот-вот заискрится. Скорпионы молчали, обдумывая только что услышанное.

— Мало ли чего мы хотим! — наконец отозвался один, с номером «67» над бровью. — Не обижайтесь, госпожа, но всё, что вы сейчас сказали, больше напоминает фантазии избалованной девицы, заскучавшей от беззаботной жизни.

Ровена поджала губы и холодно взглянула на говорившего:

— Я действительно похожа на избалованную девицу?

— Дело не в том, на кого вы похожи, — пояснил Сто Шестидесят Шестой. — Просто непонятно, в чём ваша выгода, а тем более как вы всё это собираетесь проверить. Сказочно как-то звучит.

— Сказочно — это ещё мягко подмечено, — фыркнул Двести Тридцать Четвёртый. — Как по мне, горелым здесь смердит. Слишком уж сладко заливает.

— Полегче, — ошетибилась Восемьдесят Третья, — не забывай, кто перед тобой!

— Глаза разуй! — огрызнулся тот. — Она из свободных. Девчонка хмари напустила, что тот месмерит, а ты уши развесила. Только нам всем потом расхлёбывать, случись что.

Ровена досадливо выдохнула. Понять их несложно. Кто бы поверил в такое! Да ещё и из уст избалованной девицы, как выразился Шестидесят Седьмой. Конечно, к старшей по казарме они прислушиваются, но у любого доверия есть границы.

— Он прав, — перебила она легату, которая уже открыла рот, чтобы осадить грубияна. — На его месте я бы рассуждала точно так же. Мои слова кажутся вам пустой болтовнёй, и, наверное, так оно и выглядит со стороны. Вы спрашивали о выгоде? Да, она есть. Я хочу отомстить за отца и продолжить его дело. Вы спрашивали, как я это «проверну»? Без вашей помощи — никак. Но если мы объединимся, то у нас появится шанс.

— То есть вы хотите прикончить короля нашими руками, я вас правильно понял? — подытожил Двести Тридцать Четвёртый.

— Если бы я хотела его убить, то давно бы это сделала сама. И поверь, для меня это проще, чем кажется!

Слева раздался короткий смешок:

— Хотелось бы это видеть!

Неожиданно на Ровену нахлынула злость. Не на них, скорее на себя. На свою неуклюжесть, неумение донести мысль даже до неграмотных рабов. Пропасть, разверзшаяся между ними, росла с каждым словом. Что ж, хуже уже не будет. Раз она оказалась среди волков, то если не доказать свою силу, придётся уйти с позором и не солоно хлебавши.

— Хотел бы увидеть? — переспросила она с холодной улыбкой. — Что ж, вполне осуществимо.

Ровена повернулась к тому, кто назвал её избалованной девицей, и пристально посмотрела ему в глаза. Давно же она этого не делала, если, конечно, не считать последней встречи с Максианом.

Сконцентрироваться получилось не сразу — мешало волнение. Но вскоре знакомый жар медленно растёкся по телу, и она неуверенно направила мысленный сигнал, сразу же почувствовав слабое сопротивление чужого сознания. Стоило слегка надавить, и мембрана тотчас лопнула. Овладеть его волей получилось на удивление быстро, и поначалу она даже засомневалась: как-то уж всё слишком просто. Но это ощущение не спутать ни с чем, походит на то, когда надеваешь на себя одежду не по размеру.

— Прекрати дышать, — произнесла она первое, что пришло на ум.

Шестидесят Седьмой попытался вдохнуть, и в его глазах промелькнуло недоумение, как у обиженного мальчишки, у которого отобрали деревянного солдата. А уже через мгновение лицо его налилось кровью, и, хватаясь за перекладину кровати, он сделал несколько шагов, надеясь спастись бегством от невидимого душителя.

Вокруг изумлённо зашептались. Осквернённый повалился на колени, его пальцы начали в панике царапать каменный пол. Словно сквозь прозрачный занавес Ровена увидела, как кто-то бросился к собрату в попытке помочь. На висках скорпиона вздулись вены, рот открывался в безмолвном крике.

— Теперь можешь дышать, — приказала она и тут же отпустила его волю.

Шестидесят Седьмой принялся судорожно глотать воздух. Остальные обескураженно уставились на неё.

— Мне показалось или..? — Морок повернулся к Восемьдесят Третьей и указал на Ровену, а потом на себя. — Она что — тоже?

Та еле заметно улыбнулась и заговорщически подмигнула.

— Могла бы и предупредить, — с наигранной обидой проворчал Двадцать Первый.

— Не имела права, как теперь и все вы. Попробуйте хоть заикнуться перед кем-то, — предупредила легата, — и будете собирать свои зубы по всему загону.

Ровене вдруг стало стыдно. Нужно было придумать что-то побезобиднее. Нельзя покушаться на чужую жизнь, пусть даже невсерьёз. Теперь никто из них точно не захочет связываться с ней, решат, что безумна. Она неуверенно подошла к ещё не до конца пришедшему в себя скорпиону и протянула ему руку:

— Ты в порядке? Прости, не стоило мне так делать.

Шестьдесят Седьмой внимательно посмотрел на неё из-под нахмуренных бровей, заставив невольно отпрянуть. По взгляду несложно было догадаться, что у него на уме. И если он решится отомстить, то и телохранительница не спасёт.

— Теперь я точно не засну, — вдруг расхохотался он. — Впечатляет!

— Смени портки, братишка, — подначил кто-то за спиной.

— Смотри, как бы тебе ничего не пришлось менять, — беззлобно пробурчал в ответ Шестьдесят Седьмой.

Ровена вдруг ощутила давно позабытую лёгкость, словно знала каждого из них чуть ли не с пелёнок. Никто не осуждал её, не тыкал пальцем, а наоборот, восприняли всё как забаву, над которой тут же посмеялись.

— Допустим, это многое объясняет, — Двести Тридцать Четвёртый почесал свой бритый затылок, — но мы-то вам зачем, раз сами прекрасно справитесь?

— Если убить короля тайно, правды никто не узнает, — Ровена грустно покачала головой. — И короны мне не видать, как собственных ушей. В лучшем случае власть перейдёт к королеве, а в худшем — к какому-нибудь будущему мужу одной из моих кузин. Нужно доказать, что Юстиниан занял трон незаконно, тогда я останусь единственной наследницей престола, и никто больше не сможет на него претендовать. Если просто убить его публично, для всех он останется Юстинианом Великодушным, павшим от руки чокнутой осквернённой. Этим я подпишу себе смертный приговор и запятнаю имя отца. Но есть и другой способ: нужно добиться справедливого суда и доказать вину дяди. Тогда я стану королевой и смогу бороться за нашу свободу.

— Неудивительно, что вас до сих пор не раскрыли, — усмехнулся Морок. — Я б до такого в жизни не допёр.

— Проживёшь здесь ещё пару лет — и не такому научишься, — рассмеялась Ровена. — Хотя это не совсем моя заслуга. У отца остались верные друзья, даже больше, чем я ожидала. Как раз одного из них мы должны отыскать. Севир, вот кто нам нужен. Если он до сих пор жив, конечно, а в этом я почти не сомневаюсь. Его показания как свободного человека станут главным доказательством против Юстиниана.

Кто-то из собравшихся присвистнул:

— Вот это новость!

— И где его искать?

— Есть идеи, но пока рано о чём-то говорить. План такой: находим Севира, захватываем королевскую семью в заложники и требуем публичной встречи с Сенатом. Желательно, чтобы никто не пострадал, иначе нас обвинят в убийстве граждан. Придётся держать оборону, возможно не один день, пока нас не согласятся выслушать, — по тому, как внимали ей скорпионы, стало ясно, что теперь они восприняли её всерьёз. Ей удалось отвоевать место в стае. — Мы должны рассказать правду всем, чтобы каждая дворняга узнала о том, что натворил Юстиниан. Так мы обезопасим себя и заставим Сенат судить убийцу по закону. После никто из его семьи не сможет претендовать на трон, а нас не осудят. Понимаю, что прошу почти невозможного. Поверьте, я рискую не меньше вашего, но иначе просто не могу... Единственное, что я могу пообещать вам — свободу, когда займу трон. С Легионом можно покончить, если объединиться. Да, это произойдёт не сразу и может стоить нам очень дорого, но и у нас тогда будет больше возможностей. А когда мы победим, клянусь, никто из вас не окажется на улице. Я позабочусь о каждом освобождённом.

Ровена устало опустилась на койку. Сил больше не оставалось. Казалось, за каждое слово она платила жизненной энергией, и теперь, совершенно опустошённая, ожидала вердикта тех, в чьих руках была её дальнейшая судьба. Сейчас она обнажена и незащищена как никогда. Но почему-то не было ни страха, ни сожалений. Она готова бороться за будущее и вправе надеяться, что её старания будут оценены по достоинству.

— Шестьдесят Седьмой к вашим услугам, — тот, кого она недавно едва не убила, первым преклонил перед ней колено.

— Двадцать Первый пойдёт за вами хоть в пекло, — откликнулся Морок.

— Двести Тридцать Четвёртый тоже с вами, госпожа.

Один за другим перед ней произносились номера, и она никак не могла до конца поверить, что всё это происходит не во сне. В одном сомнений точно не оставалось: без Восемьдесят Третьей они бы и слушать её не стали. Ровена благодарно улыбнулась телохранительнице, и та, подмигнув в ответ, опустилась на колено, последней произнеся свой номер.

По завершении одиннадцатилетнего периода обучения осквернённый не может быть продан, не прослужив четырёх лет в Легионе в качестве охотника (если является скорпионом или ординарием) или прислуги (если является сервусом).

Выдержка из устава Осквернённого Легиона

— Ни фига ты не понимаешь! — Керс просунул руку в трещину в валуне и принялся соскребать со стенок бледно-голубые грибы.

Острые шляпки сыпались прямо в ладонь, окрашивая перчатку белой пылью. Собранное бережно складывалось в мешочек, который он носил с собой как раз на такой случай.

— Пошевеливайся, — донёлся из-за спины голос Харо.

Керс торопливо сгрёб оставшиеся поганки и спрятал добычу в поясной сумке:

— Ну что там ещё?

Харо молча вытянул стрелу из колчана за спиной. Керс осмотрелся, пытаясь выяснить, что такого заметил друг. Застывшими рыжими волнами перед ними расстилались Мёртвые Пустоши. Куцые кустарники тихо шелестели то ли от ветра, то ли от какой-то живности вроде ящериц, коих здесь пруд пруди. Жёлтая земля вперемешку с осколками скал навевала тоску. Грязно-рыжее небо слилось с такой же грязно-рыжей почвой в сплошное застывшее пространство, и ничто не нарушало омертвевшего спокойствия. Разве что еле различимое облако пыли, клубящееся вдали.

Керс прищурился, пожал плечами:

— Пыль как пыль, чего ты так напрягся? Ладно, пойдём. Берлога должна быть где-то рядом.

Друг даже не пошевелился, продолжая смотреть вдали.

— Харо, мать твою, ты можешь сказать, что видишь? — вот что иногда бесило в Сорок Восьмом, так это его молчаливость. Хотя нет, приступы абсолютно непредсказуемых поступков бесили в нём куда больше. Благо случалось такое нечасто, да и имело свою логику, если задуматься. Логично, понятную, наверное, только самому Харо.

— Это наши, — неохотно отозвался он.

— Наши — понятие весьма расплывчатое, — Керс запрыгнул на камень и начал всматриваться в быстро растущее пятно пыли. — Ничего не вижу.

Харо вскинул лук. Скрипнула тетива, стрела тонко просвистела и растворилась в жёлтом облаке.

— Ты в своём уме, дружище?! — возмущённо выдохнул Керс. — Ты что творишь!

— Воронов притащили, — невозмутимо пояснил тот и снова выпустил стрелу, даже не целясь.

Вот всегда с ним так.

— Смерг вас всех раздери! — Керс запустил руку в поясную сумку за зажигалкой.

Наконец нашарив жестяной цилиндр, он откинул крышку и чиркнул кремнём. Красный язычок огня вильнул и сразу же погас.

— Не трать стрелы, подпусти их поближе, — бросил Керс и полез на здоровый валун.

Грай, почти неразличимый ещё несколько минут назад, стремительно нарастал. Керс уже мог отчётливо разглядеть воронов: кажется, восемь, не меньше. Просто так от этих птичек не отделаться, если уж сядут на хвост.

Он оживлённо замахал, привлекая внимание бегущих. Один из них поднял руку в ответ: заметили.

— Спорю на весь мешок дури, это наша парочка.

— Оставь эту дрянь себе, — хмыкнул Харо. — Я же сказал, наши это.

От скрипучего граканья закладывало уши. Твари размером с крупную собаку и размахом крыльев не меньше пары метров — настоящее проклятье Регнума. Сколько бы ни жгли их гнёзда, сколько бы ни отстреливали гадов, они упорно продолжали плодиться среди Красных Скал, не желая покидать уже облюбованные места.

По осени вороны сбивались в большие стаи и нападали на менее защищённые части города и близлежащие сёла. Убивали всё, что можно было сожрать: домашних животных, мелкий скот, людей. Так они обучали подросший молодежь охоте.

От стаи отделилась одна тварь, пикируя на бегущих. Просвистела стрела, и ворон тяжело рухнул в пыль, остальные возмущённо заклокотали и поднялись выше.

— И на черта вы их нам приволокли? — выкрикнул Керс, когда между ним и собратьями осталось не больше десятка метров.

— Пошёл ты! — только и успел огрызнуться Слай, и парочка пролетела мимо Харо. Керс усмехнулся,

наблюдая, как Семидесятый грохнулся в пыль, поскользнувшись на сухой траве, а Твин, отвлекшись на напарника, едва не впечаталась носом в валун.

— Олухи, — покачал он головой.

— Чего ты ждёшь?! — прохрипела Твин, задыхаясь от продолжительного бега.

— Спокойно, всё под контролем!

Вороны начали кружить над самой его головой. Нужно выждать, пусть опустятся пониже. Второй попытки уже не будет — пока соберётся с силами, его растащат по кусочкам, как тот пирог, который однажды притащил в загон Седой. Ни Харо, ни остальные тут ничем уже не помогут. Даже поодиночке эти твари серьёзная угроза, а здесь их целая стая.

Керс внимательно наблюдал за птичками. Массивные клювы с острыми наростами по краям плавно переходили в плоские головы на длинных шеях. Гигантские крылья шумно взбивали воздух, когти с человеческий палец хищно целились прямо в лицо. Один за другим они опускались всё ниже и ниже, готовясь разорвать добычу на части.

Щёлкнула стальная крышка, сухо чиркнул кремёнь.

— Пригнись! — Керс поднёс зажигалку к небольшому шарикку с фитилём и, когда тот загорелся, подбросил его вверх.

Воображение тут же нарисовало ослепительное пламя, в мгновение ока пожирающее надоедливых тварей.

От мощного взрыва зазвенело в ушах. Керс едва успел прикрыться рукой. Яркая вспышка резанула глаза, на мгновение стало ослепительно жарко, кожу под одеждой неприятно защипало.

Вороны жалобно зарокотали. Пахнуло палёными перьями, и туши тварей глухими шлепками посыпались наземь. Те, которых не сожгло пламя, с возмущённым карканьем мигом разлетелись в стороны. Спустя секунду Пустошь снова застыла в привычной тишине.

— На сегодня у нас печёная воронятина в собственном соку, — Керс спрыгнул на землю и принялся стряхивать пепел с одежды. — От лучшего повара Прибрежья, между прочим.

Он мельком осмотрел свою форму. Убедившись, что всё в порядке, скинул капюшон и маску. Наученный его горькими опытами, Седой распорядился обшить ткань кожаными заплатами в местах, где чаще всего приходилось чинить.

— Бровь спалил, — Харо подошёл к друзьям и помог им подняться.

— Проклятье! — проворчал Керс. — Скоро как ты ходить буду.

— Спасибо, Слай, за увлекательную пробежку! — Твин отпустила руку друга и повернулась к своему напарнику. — Говорила же, в обход нужно.

Тот виновато пожал плечами:

— Сама же видела, куда след вёл. Откуда мне было знать!

Устало выдохнув, Керс скинул наплечный мешок. Самое время промочить горло, пока эти двое будут выяснять отношения.

— Может быть, оттуда, что обычно они там и гнездятся?

— В следующий раз ты поведёшь, раз такая умная.

— Так и сделаю, не сомневайся, — буркнула Твин и пнула с досады какой-то камень.

— Ага, но только не здесь, — Керс сделал глоток, крикнул от удовольствия и протянул флягу Харо. — Этот наш.

Тот глотнул синего дыма и поморщился.

— Не нравится — не пей. Тоже мне, гурман нашёлся.

— Дай-ка лучше мне, — Слай перехватил ёмкость.

Твин раздражённо закатила глаза:

— Не увлекайся, — и вырвала фляжку у Семидесятого, пролив часть на его сапоги. — Так что ты там говорил насчёт вашего?

Керс подозрительно сощурился: хрена им лысого, а не месмерита. Сами полдня выслеживали.

— Там поищи, — Харо кивнул в сторону холма справа.

— Кто тебя вообще за язык тянул? — Керс с упрёком посмотрел на друга. Вот уж лучше бы и дальше молчал. — А мы что Седому принесём? Поганки с вороньим помётом?

— Вдвоём всё равно не выкурим. Нашумели.

— Отлично, — подмигнула ему Твин. — Так и быть, половина достанется вам.

Самоуверенности ей, конечно, не занимать, но оказаться в берлоге с потревоженным месмеритом — то ещё приключение. В закрытом пространстве смерг куда опаснее из-за яда, который он распыляет вокруг себя при атаке. Попади хоть капля секрета в глаза, и жертва сразу превращается в безвольную куклу.

— Зови, если что, — хмыкнул Слай, прислонившись к валуну. — Выкуривать она его собралась...

Твин состроила дразнящую гримасу и, печатая шаг, направилась к невысокому взгорку.

— Держи, пока не видит, — Керс протянул флягу Слаю.

Тот сделал пару глотков, довольно выдохнул и плюхнулся на землю:

— Так себе прогулка...

— Похоже, придётся остаться на ночь, — Керс потёр небритый подбородок. — Как-то неохота спину под плеть подставлять.

— Не ной, — Харо сплюнул. — Время есть. Выманим.

— Эй! Сюда! — раздался радостный возглас Твин.

— Ну что там опять? — Слай обернулся.

— Нашла!

Он с ворчанием поднялся и неохотно поплёлся к насыпи.

— Пойдём проверим, — вздохнул Керс. — Может, что и получится...

Слай уже почти добрался до Твин, когда та вдруг вскинула руку. Проигнорировав явное предупреждение, он шагнул вперёд, и... через мгновение оба исчезли.

Керс недоуменно взглянул на Харо, и они, как по сигналу, бросились к месту, где ещё секунду назад стояли друзья. Провал казался огромным. Земля с тихим шуршанием продолжала осыпаться, снизу доносился едва различимый шёпот. Керс заглянул в зияющую чернотой яму, пытаясь хоть что-то рассмотреть:

— Вы там живы?

— Не ори!

Ага, Твин точно жива. Вскоре послышалась и приглушённая брань Слая: угораздило же их провалиться прямо в берлогу.

— Плохи дела, — покачал головой Харо. — Придётся лезть.

— В жопу вас всех! — процедил Керс, вытягивая из мешка факел, припасённый для туннелей. — Найди пока вход. Если не вернёмся через четверть часа, можешь паниковать. Эй там, разойдись!

Провал оказался действительно глубоким. Керс чуть не подвернул ногу при падении.

— Ш-ш! — слева кто-то пошевелился. Твин?

Он торопливо зажёл факел и осмотрелся. Тесный земляной проход в паре метров плавно расширился в просторную нору. Твин стояла в двух шагах, вжавшись в стену и держа кинжал наготове. Слай, застывший у самого конца прохода, обернулся и указал в темноту: месмерит совсем рядом. Впрочем, и так понятно, смердит, будто стая туннельных псов старательно гадила под себя всю неделю.

Керс изучающе оглядел низкий свод. Конструкция явно не внушала доверия. Значит, приём с воронами здесь не пройдёт, всё обвалится к чертям, даже пискнуть не успеют. Как вариант, погнать зверя огнём прямо к выходу, а там уже Харо его перехватит.

— Это самка, — тихо сообщил Слай.

— С чего ты взял? — Керс прислушался.

Из глубины едва уловимо доносилось тонкое попискивание. Слай прав. И это очень плохо. Выкурить не получится, зверюга детёнышей своих не бросит. Чёрт, зря они разделились. Лук Харо пришёлся бы как нельзя кстати.

— Ну и вляпались же, месмерита вашего под хвост...

В ответ из темноты берлоги донеслось недовольное рычание, будто кто-то набрал полный рот воды и протянул длинное «у-у-у». Тварь давно учуяла непрошенных гостей, но нападать не спешила, выжидала.

Месмериты — опасные противники, хитрые. Из-за громадных размеров и коротких лап двигались медленно, неуклюже. Потому предпочитали подпустить врага поближе и только тогда уже распыляли в воздухе свою секрецию. Их железы пользовались большим спросом и, кажется, применялись не только в медицине. Кто его знает, что там ценного, но Легион поставлял эту дрянь в Гильдию с завидной регулярностью.

— Есть идеи?

Керс покачал головой:

— Выкуривать рискованно. Эта дыра на добром слове держится. Огнём тоже бесполезно, сосунков своих не оставит, только ещё больше разозлится. Ваши предложения?

— Есть два варианта, — подытожила Твин. — Я отвлекаю, Слай добывает. Или ищем второй выход.

— Первый вариант, — без раздумий отозвался Слай. — Скажешь, когда будешь готова.

— Не факт, что другой выход вообще есть, так что погнали.

— Тогда прикрой нас, — Твин потёрла колено, видимо, ушибленное при падении. — Начинаем.

Воздух вокруг Слая заколебался, от пальцев прошлась волна, и кисть стремительно начала исчезать. Твин с криком бросилась прямо к зверушке, вызывая на себя её внимание.

Месмерюга разъярённо рычала, топала по кругу, хлестала длинным хвостом. Твин то приближалась к ней, то

отступала назад.

Дразнит, заставляет выпустить хмарь наугад, чтобы успеть отскочить.

Полуслепые, месмериты ориентируются в основном на слух. В потёмках берлоги, где они проводят большую часть жизни, зрение бесполезно.

Лучший способ обезвредить тварь — заставить промахнуться и уже потом добить, не рискуя превратиться в безвольный кусок мяса. Действие секрета не слишком продолжительно, около суток, но кому захочется ловить глюки в норе столько времени, даже рядом сдохлым зверем. Так-то месмериты не единственные хищники в Пустошах.

Твин остановилась отдышаться, упёрлась ладонями в колени. Зверь зарычал и двинулся к неподвижной цели. Она подпустила его поближе и, когда расстояние сократилось до нескольких шагов, отпрыгнула назад и едва не врезалась в стену.

Тварь встала на дыбы, но плевать не торопилась, будто чуяла подвох. Твин сердито крикнула и прыгнула вперёд, приземлившись в последний момент на бедро. Похоже, планировала проскользнуть под животное, но прогадала, оказавшись прямо у задних лап.

Заставив факел вспыхнуть ярче, Керс приготовился взять зверюгу на себя. Смерг издал характерное потрескивание, собираясь наконец выпрыснуть яд, но внезапно замер и развернулся, учуяв Слая позади.

— Чёрт! — Керс кинулся к месмериту, размахивая факелом, но поздно: из широко разинутой пасти вырвалось чёрное облако.

Вспыхнуло зелёным, раздался яростный вскрик. В одно мгновение Твин очутилась на спине зверя, готовясь всадить кинжал в голову. В воздухе тонко просвистело, и череп животного разорвало на части.

«Да что тут вообще происходит?» — Керс не успел сообразить что к чему, когда Твин спрыгнула с заваливающейся на спину туши и молниеносно скользнула в темноту.

В тусклом сиянии промелькнул силуэт Харо. Фигура, охваченная зелёным пламенем, замахнулась, целясь в его грудь кинжалом, но неожиданно возникший совсем рядом Слай сбил её с ног и прижал своим телом к земле.

— Здорóва, Альтера, — Харо невозмутимо направился к мёртвому месмериту.

— Придурки! — Керс раздражённо закатил глаза.

И вот как с ними охотиться? Перебьют же друг друга раньше, чем доберутся до добычи.

— Ты куда вообще целился? — Слай подскочил на ноги, увлекая за собой Твин.

— Я не знал, что она там.

— Кто тебя вообще просил лезть? И без тебя прекрасно справлялись!

Керс только сейчас заметил, что из плеча Твин сочится кровь. В стене за дохлым смергом торчала ещё одна стрела, что, видимо, и зацепила её.

— Ага, я видел!

— Заткнись, Харо! — не выдержал Керс. — Тебе вообще было велено ждать снаружи.

— Вертел он нас всех на...

— Ты тоже заткнись. Лучше бы под ноги смотрел! Твоя задача была по-тихому прибить зверюгу. И вообще, если работаем вместе, каждый должен заниматься своим делом, а не лезть куда не просят.

— Да что вы так завелись! Все живы, и ладно, — Твин коснулась раненной руки. — Керс, поможешь с перевязкой?

Он бросил короткий взгляд на пристыжённо молчащих братьев и подобрал мешок Твин:

— Пойдём отсюда. А вы поаккуратнее с железами.

— Со щенками-то что делать? — Слай склонился над парой скулящих детёнышей, жавшихся друг к другу в углу.

— Да что угодно, хоть с собой забирай, — Керс последовал за подругой, уже скрывшейся в проходе.

Помедлив, пока глаза не привыкнут к солнцу, они выбрались на поверхность. Едкий запах месмерита впитался в одежду и шлейфом тянулся за ними, будто из норы и не вылезали.

Твин сдёрнула маску и вдохнула свежий воздух полной грудью. По её лицу стекали крупные капли пота, оставляя за собой тёмные полосы мокрой пыли, губы пересохли и потрескались. Она опустилась на землю, привалившись спиной к пригорку.

Надорвав рукав её рубахи, чтобы не мешал, Керс извлёк из мешка всё необходимое и, стараясь не попасть на рану, принялся тщательно обрабатывать края спиртом.

Повезло, что слегка задело. Харо хистанул: пролети стрела на сантиметр ближе — без руки бы осталась. Баран, и что у него только в башке творится?!

— Готово, — Керс туго затянул узел и уселся рядом. Впереди ещё ждал долгий переход по тоннелям. К ночи, может, и доберутся до терсентума, если повезёт не нарваться на псов.

— Альтера его чуть не убила, — отвлёт от мыслей голос Твин. — Никогда бы себе этого не простила.

— Сам нарвался. Забудь, всё обошлось.

— Не оправдывай её.

— Послушай, — Керс заглянул ей в глаза, в которых отчётливо читалась досада, — ты не сможешь контролировать Альтеру до тех пор, пока не примешь себя такой, какая есть. Она часть тебя, сколько бы ты ни твердила обратное.

— Ошибаешься. У нас нет ничего общего, кроме тела. И, боюсь, однажды она всё-таки возьмёт верх.

Наверное, чертовски сложно вечно бороться с тем, что невозможно ни убить, ни изгнать, ни даже просто отвернуться и заткнуть уши. Он бы и рад ей помочь, но как?

Керс снова приложился к фляжке, мысленно согласившись с Харо: поило выдалось крепковатым. Нужно поаккуратнее с пропорциями.

— Тебе не кажется, что ты слишком налегаешь на эту дрянь? — Твин осуждающе покачала головой.

Он равнодушно пожал плечами:

— Какая разница? Лучшее всё равно, считай, позади.

— Здесь и не поспоришь, — тяжело вздохнула она.

Керс словил себя на том, что уже целую минуту не может оторваться от её глаз, бездонных, как ночное небо. Догадывается ли она? Впрочем, неважно. Между ними всё равно ничего не может быть, слишком сильная у неё связь с Семидесятым. Настолько сильная, что кажется, они не проживут и дня друг без друга. Даже представить трудно, что сейчас на душе у Твин, в преддверии торгов.

— А давай сбежим? — неожиданно для себя выдал он. — Вот прямо сейчас, и катись всё к псам! Вчетвером как-нибудь справимся.

— Совсем сбрендил? — обалдела она. — Говорю же, много бухаешь.

— А что? Кто нам помешает?

— Хотя бы антидот. Долго без него протянем?

— У уруттанцев что-то найдётся на замену, живут же как-то.

— Да они нас и на километр не подпустят. Керс, мы никому нигде не нужны. А без людей нам не выжить, нравится нам это или нет.

— Можно попробовать податься к северянам.

— А что ты о них знаешь? Кто они? Как относятся к таким, как мы?

И то верно. Про северян он знал не больше остальных. Люди технологий, да и всё, в общем. Керс прикончил синий дым. В голове начинало мутнеть, но так было проще не думать. Самое обидное, что Твин права. Он это прекрасно понимает, а всё равно от безнадёги хоть волком вой.

— Братишка, всё будет нормально, вот увидишь, — она положила ладонь на его руку.

От её прикосновения по телу пробежала лёгкая дрожь. Он давно привык сдерживать себя, но на этот раз побороть искушение поцеловать её оказалось не так-то просто. Может, из-за дыма, а может потому, что скоро её не будет рядом. Собравшись с духом, он отдёргнул руку.

— Прохлаждаетесь? — из норы показался довольный Слай.

В руках он крепко держал детёныша месмерита. Следом выбрался Харо, неся второго.

— Прокусил мне палец, представляете? — гордо сообщил Семидесятый, подняв щенка за холку. — Смергова личинка!

Белёные глаза сердито уставились на своего мучителя. Плоская морда с большим носом-кнопкой скалилась острыми, как иглы, зубами. Из разинутой пасти стекала на землю тягучая слюна. Острые уши прижались к короткой шее, мясистый хвост яростно молотил воздух.

— Не мучай животину! — Харо толкнул друга плечом.

— Вы серьёзно собрались тащить их с собой? — опешила Твин.

— А что тут такого? Сойдёт за добычу. Всё равно сдохнут ведь без мамки, а так, может, и пригодятся для чего.

— Интересно, что скажет Седой? — Керс представил очумелые глаза старика при виде живых детёнышей самой опасной твари окрестностей.

Слай осмотрел щенка, размышляя над ответом:

— Думаю, скажет что-то вроде: «Отличная работа, мальцы! Прикажу, чтобы выдали вам по двойной порции на ужин».

— У вас совсем мозги усохли от этих ваших поганок?! — орал Седой, обхватив голову руками. — Что мне, по-вашему, с ними делать?

Вместо того, чтобы избавиться от провонявшей одежды, смыть грязь и набить пустые животы горячей похлёбкой, они опозоренно стояли посреди каморки помощника мастера и выслушивали очередную гневную тираду.

— Вот этих троих, — Седой по очереди ткнул кривым пальцем, — ещё понять можно. У них ветер в голове. Но ты, Керс... Да от тебя разит этим твоим синим пойлом за версту! Коли мозг совсем пропил, хоть бы костным пораскинул. Вот скажи, на кой они мне всрались?

Керс понурил голову и пожал плечами. Он-то здесь при чём? Откуда ему было знать, что его шутку воспримут буквально!

— Мы можем завтра отнести их назад, — неуверенно предложила Твин.

— Да ну? И кто вам позволит? — фыркнул старик. — Значит так, вы сейчас же от них избавитесь или, клянусь, до самых торгов будете гадить в портки у Стены Раздумий. Впитали, засранцы?

Они разом оживлённо закивали.

— Не понял, вы ещё здесь? — рявкнул Седой.

— Вот тебе и добавка к ужину, — хохотнула Твин, прикрывая дверь. — Ну что, Слай, сытно накормили?

— Ага, по самое не хочу.

— Жаль зверюг, — Харо выловил одного из клетки. Щенок возмущённо взвизгнул и клацнул зубами у пальца. — Лучше бы в берлоге оставили.

— Зато от голода не подохнут, — возразил Керс, запуская руку за другим, — мучиться не будут.

Детёныш уворачивался, словно предчувствуя близкую смерть, но вскоре был схвачен за шкуру. Керс поднял его на уровень глаз, наблюдая, как щенок извивается, жалобно скуля, и месит короткими лапками воздух. Поколебавшись, он опустил ладонь на голову месмерита. Тихо хрустнула шея, и маленькое тельце безвольно обмякло.

Харо с сожалением потрепал своего по холке и, взяв покрепче за морду, проделал то же самое.

Слай молча наблюдал за ними, раздумывая о чём-то своём. Видно, винит себя. Не пристало убивать беззащитных, неправильно это. Твин коснулась его плеча, стараясь подбодрить.

— Ладно, возвращайтесь в загон, сам от них избавлюсь, — Керс взял у Харо ещё тёплое тельце щенка и пошагал в противоположный конец двора. Там можно сжечь, не рискуя спалить весь терсентум.

Раньше как-то и в голову не приходило, что с тварями Пустошей у них намного больше общего, чем с людьми. Осквернённых так же боятся и презирают, за ними так же охотятся и так же бессмысленно убивают, когда те становятся ненужными.

Любая попытка смены власти, переворота, подстрекания к гражданской войне или других действий, ведущих к незаконным изменениям государственного режима, карается смертной казнью через повешение без права на апелляцию или помилование. Все члены семьи осуждённого лишаются социальных статусов, занимаемых постов и нажитого имущества с пожизненным запретом на службу в любой государственной структуре или общественной организации.

Заветы потомкам, 09.023

Настольная лампа нервно замерцала, грозясь погаснуть в любой момент. Видимо, генератор опять барахлит. Ещё не хватало, чтобы каструм снова остался без электричества.

Максиан устало потянулся, разминая затёкшую спину, хрустнул шеей, потом глянул на окно. Мелкий дождь беззвучно крапал по стеклу; серебристые брызги скапливались на гладкой поверхности в крупные чёрные капли и рывками соскальзывали к раме, как слизи оставляя после себя ломанные дорожки.

Как же не вовремя, чёрт возьми! Ещё до дома добираться, а, как назло, позабыл плащ в прихожей. Впрочем, глупо ожидать иной погоды в середине осени. Остаётся надеяться, что пока он разберётся с оставшимися документами, дождь прекратится.

И надо же было именно сегодня приехать верхом, доверившись солнечному утру. До старости рукой подать, а он так и не усвоил, что осень в своём коварстве может соперничать только с разгневанной женщиной.

Засиживаться на работе допоздна со временем стало своеобразным ритуалом. Максиан тянул до последнего, дома всё равно толком никто не ждёт. Девочки выросли, у них теперь свои интересы, а жена с головой погрузилась в личную жизнь. Их больше ничего не связывало, кроме многолетнего брака, с годами превратившегося в привычку сосуществовать под одной крышей.

Возможно, с появлением дочери всё изменится, и ему будет куда спешить по вечерам. Он давно всё подготовил: небольшой уютный домик в соседнем районе уже обставлен и ждёт новую хозяйку. Как знать, быть может, он и сам туда переедет со временем, но пока думать об этом слишком рано. Седой прав, спешить нельзя, нужно, чтобы она свыклась с новой жизнью, а там, глядишь, и простит его за то, что натворил.

А пока приходится убивать время. И лучше делать это с пользой, копаясь в кипе срочных для подписи бумаг и изучая новые запросы, бесконечной рекой поступающие в замок. Бесчисленные прошения, жалобы, требования, от них клонило в сон, но он стойко вчитывался в каждое слово, и после документ отправлялся либо в стопку справа — отказать, либо слева — на пересмотр.

В дверь негромко постучали, скрипнули несмазанные петли, и в кабинет робко зашла Ровена. Бледная, взволнованная, она коротко поприветствовала Максиана и, не дожидаясь приглашения, опустилась в кресло.

— Какая приятная неожиданность! — он с лёгкой насмешкой выгнул бровь. — Я уже подумал, ты меня избегаешь.

— Прости. Мне нужно было время собраться с мыслями.

Он встал из-за стола и подошёл к шкафу:

— Не в моих правилах спаивать молодёжь, но в этот раз я сделаю исключение. У меня припасено неплохое вино из Опертама.

— Не откажусь.

— Не пойми меня неправильно, — Максиан протянул ей бокал, наполненный почти до краёв рубиновым напитком, — я вынужден был приставить к тебе наблюдение. Не мог же я оставить тебя в таком состоянии совершенно одну.

— Наблюдение? — удивилась Ровена. — Надо же! Приятно осознавать, что хоть кому-то я небезразлична.

— Значит, ты пришла не из-за этого?

— Нет, конечно. Признаться, я и не знала, что за мной кто-то присматривает. Но, кажется, догадываюсь, кто это может быть. Восемьдесят Третья, не так ли?

— Угадала! Что ж, раз ты не из-за этого, чему тогда обязан?

— А разве я не могу просто навестить старого друга отца? Без каких-либо причин?

— Конечно, можешь! Я в твоём распоряжении, милая.

Принцесса вымучила вялую улыбку и смущённо покосилась на бокал:

— На самом деле ты прав. Причина есть. Мне нужно поговорить с тобой о кое-чём очень важном.

Максиан едва сдержал ухмылку. Кто бы сомневался! Учитывая обстоятельства, её визит не мог быть беспричинным.

— Ты мне как дочь, Ровена. Да ты и сама об этом прекрасно знаешь. Что бы тебя ни тревожило, я всегда готов выслушать и помочь, если это в моих силах, разумеется.

Бледные щёки принцессы порозовели, во взгляде появилась уверенность. Она пригубила вина и сосредоточенно посмотрела на Максиана:

— Тогда пообещай серьёзно отнестись к тому, что я сейчас скажу.

Когда кто-то просит пообещать что-либо заранее, следует насторожиться. В таких просьбах обязательно кроется подвох. Впрочем, по лицу и так видно, что задумала неладное. Девчонка ещё не научилась скрывать эмоции, но раз уж он назвал её дочерью, придётся соответствовать званию примерного отца.

— Ну хорошо, обещаю, — нехотя уступил он. — Надеюсь, потом не придётся жалеть. Чует моё сердце, речь пойдёт явно не о нарядах и безделушках.

— Сердце чует или нашептал кто? — поинтересовалась она саркастичным тоном.

— А ты способная ученица, — Максиан одобрительно кивнул. — Но на этот раз я действительно не имею ни малейшего представления, о чём пойдёт речь.

— И всё же до твоей проницательности мне далеко.

— Проживёшь с моё, будет тебе и проницательность, и рассудительность, и вечерние боли в... пояснице. Но не будем о старческих недугах. Я весь внимание.

Ровена мгновенно переменилась в лице. Взгляд сделался серьёзным, губы плотно поджались. Она снова сделала небольшой глоток, видимо, вино придавало ей смелости.

— Ты был преданным другом моему отцу, Максиан, и поддерживал его даже в самых безумных начинаниях. Но всё же ты кое-что задолжал ему.

— Неужели? И что же я упустил?

— Скорее, допустил. Допустил преступника к трону.

— Преступники прячутся по тёмным переулкам, дорогая, а в наших кругах победителей не судят.

— Значит, вот как ты это называешь, — Ровена презрительно сощурилась. — Теперь он для тебя победитель?

— Взгляни правде в глаза: для тех, кому хоть что-то было известно о произошедшем, Юстиниан стал чуть ли не героем — предотвратил восстание, спас Прибрежье от хаоса и сверг обезумевшего короля с престола. Как видишь, истина многолика, — Максиан боролся с нарастающим раздражением. Меньше всего хотелось возвращаться к этой теме.

— И какому лику поклоняешься ты, дорогой Максиан? — Ровена язвительно усмехнулась.

А девчонка знает, как ужалить побольнее! Сложно поверить, что перед ним всё та же беззащитная принцесса с ранимой душой и открытой улыбкой. Всё-таки она изменилась с предыдущей встречи. Взгляд стал озлоблённым, испытывающим, голос резким, а вопросы слишком взрослыми.

— Чего ты добиваешься, Ровена? Взывать к моей совести бесполезно, она давно мертва.

Принцесса поправила сбившийся локон и с вызовом посмотрела ему в глаза:

— Я хочу справедливости, Максиан. И мне нужна твоя помощь. Уверена, Севир жив и ты наверняка знаешь, где его найти.

Он подошёл к окну и принялся вглядываться в бездонную черноту за стеклом.

— Я уже говорил...

— Не вынуждай меня силком вытаскивать из тебя правду! — Ровена громко хлопнула ладонью по столешнице, привлекая к себе внимание. — Поверь, в этот раз ты меня уже не остановишь!

Максиан непроизвольно передёрнул плечами, от её угрозы стало как-то не по себе. Кто же перед ним? Убитая горем девочка или отчаявшаяся осквернённая, жаждущая возмездия?

— Ты забываешься, дорогая. Я на твоей стороне, а с друзьями так не поступают.

— Верно, не поступают, — она обнажила белоснежные зубки в злой ухмылке, — но друзья не лгут и не скрывают правду.

Похоже, девчонка слишком идеализирует дружбу. «Сколько же разочарований тебя ещё ждёт впереди, милое дитя!»

— Тогда начнём с тебя, — Максиан устроился в кресле поудобнее. — Расскажи мне, чего ты хочешь, а я постараюсь помочь если не делом, так советом.

Ровена гневно сверкнула глазами:

— Я хочу справедливого суда над узурпатором и всеми, кто имеет хоть малейшее отношение к гибели отца! Я хочу равных прав со свободными для всех осквернёнными и полную отмену рабства в любой её форме.

— Совсем с ума сошла! — опешил Максиан. — Ты вообще понимаешь, что несёшь?

— Так просвети! Объясни глупой, наивной дурочке, как жить дальше! До каких пор я смогу скрываться? И как мне спасти от ищеек моих будущих детей? Объясни, как избежать казни только за то, что я такой родилась?

Максиан не нашёл, что ответить. Она говорила о неизбежных вещах и, кажется, полностью отдавала себе

отчёт в каждом произнесённом слове. Пора бы уже принять, что наивная девочка осталась в прошлом.

— Не хочу лгать ни себе, ни уж тем более тебе, так оно и будет, — признался он. — И тебе, скорее всего, придётся с этим смириться. Хотя насчёт казни я бы не был так категоричен. Юстиниан не позволит опорочить свою и без того сомнительную репутацию. Скорее, это будет внезапная смерть во сне или что-то в этом роде.

— То есть ты сейчас мне говоришь, что я должна покорно идти на заклание только потому, что ты не видишь другого выхода? Поверить не могу! И это я слышу от того, кто ещё минуту назад называл меня своей дочерью!

Максиан тяжело поднялся из кресла и наполнил опустевший бокал:

— Не драматизируй, будь добра. Это реальность, Ровена, от неё не никуда не сбежишь. Самое время понять, что порой жизнь бывает чертовски несправедлива.

— О! Я как раз всё понимаю! — принцесса презрительно скривилась. — Это ты не понял. Я никуда не бегу и бежать не собираюсь. Наоборот, пусть они бегут от меня, пока целы.

— И что ты собираешься сделать? Забраться королю в голову и приказать убить себя?

— Нет. Я захвачу его в заложники. Его и всю семью. А потом потребую от Сената публичной аудиенции. Севир даст показания, а я уж постараюсь заставить дядю заговорить, можешь не сомневаться.

— И это всё? — Максиан расхохотался. Ничего нелепее он в жизни не слышал. — Да это же верх наивности, моя дорогая. Как ты собралась захватывать каструм? Вилкой и шпильками для волос? А может, у тебя припрятана армия в пудренице как раз на такой случай?

— Осквернённые — вот моя армия из пудреницы! — выпалила Ровена, подскочив с кресла. — Ты сильно удивишься, узнав, что они готовы пойти за мной до самого конца.

Похоже, он что-то упустил. Если это правда, девчонка заигралась с огнём и вот-вот подпалит не только себя, но и всех, кто окажется рядом. Максиан подошёл к принцессе и стиснул её плечи, быть может, чуть сильнее, чем того хотелось.

— О каких осквернённых ты говоришь, Ровена? — он старался, чтобы его голос звучал как можно мягче. — С кем из них ты уже успела обсудить это?

— Со всеми скорпионами каструма! — чуть ли не выкрикнула она ему в лицо. — И все до единого приняли меня, как свою! Я не одна, Максиан! И пришла я к тебе не плакаться в жилетку, а за помощью. Разумеется, ты вправе отказать мне, но это ничего не изменит. Я не отступлюсь, даже не попытаюсь отговорить меня!

До боли знакомое липкое чувство зашевелилось в груди. Предчувствие беды? Страх? Тоска? А может, всё сразу? Пожалуй, он сильно недооценил принцессу, если, конечно, она не блефует. Зря он понадеялся на Восемьдесят Третью. Похоже, та и сама замешана во всём этом дерьме.

Он стиснул плечи Ровены ещё сильнее и слегка её тряхнул:

— Ты хоть понимаешь, во что ты ввязалась? Сенат даже слушать тебя не станет! В лучшем случае тебя поднимут на смех, в худшем — увидят угрозу. И в обоих случаях тебя ждёт единственный итог: плаха на Площади Позора, рядом со всеми, кого ты уже успела втянуть в эту безумную авантюру.

Принцесса гневно отбросила его руки:

— Вот увидишь, я заставлю их выслушать!

— Ты и впрямь глупая, наивная дурочка, возмнившая себя перстом правосудия! — он раздосадованно покачал головой. — Ты разочаровываешь меня, Ровена.

— А ты — бессовестный, трусливый лжец! Где тот Максиан, что всегда готов бороться за справедливость? Или отец ошибался в тебе так же, как ошиблась и я?

— Не смей говорить о том, чего не понимаешь! Ты слишком молода и неопытна, они тебя размажут, как жука по стенке.

— Так помоги мне! — в её голосе послышалась мольба.

— Да что я могу сделать! Даже мне такое не по силам. Я всего лишь старый сановник. Да, у меня есть опыт и связи, однако твой отец обладал куда большими возможностями — и чем всё закончилось? Мой тебе совет, девочка: остановись, пока не поздно.

— Тебе легко говорить! — она горько усмехнулась. — Ты прожил достаточно долго, а у меня всего лишь пара лет в запасе. И это в лучшем случае... Я хочу жить, Максиан! Слышишь? Жить! Как нормальные люди, не озираясь в страхе по сторонам, словно какой-нибудь преступник.

Последние слова она прокричала, смахнув со стола бокал, и тот осколками разлетелся по каменному полу. В её голосе звенела сталь, глаза лихорадочно блестели, а щёки пылали. Как же сильно она похожа на своего отца! Тот же горящий взгляд, почти те же слова, когда они вот так же спорили ночи напролёт.

Но самое поразительное — если это правда, — ей удалось собрать вокруг себя осквернённых. Он-то знает, чего стоит заслужить их доверие, а девчонка вот так просто, всего за месяц умудрилась переманить их на свою сторону. И, кажется, он тоже начинает верить ей... Нет, план провальный, безусловно, но если всё тщательно обдумать...

Максиан в сердцах оттолкнул кресло и упёрся руками в стол: «Тейлур тебя побери! Куда ты лезешь, старый пень?! А как же дочери? У них же вся жизнь впереди! Какое у тебя право посягать на их благополучие в угоду собственной совести?»

— Прости, дорогая, но здесь я бессилен, — устало произнёс он. — Можешь ненавидеть меня, проклинать... Да что угодно. У меня всё равно ничего нет, кроме прожитых лет и горстки золотых, которых едва хватит на достойную старость. Да и плевать, если бы не семья. Пойми, мне есть что терять. И меньше всего на свете я хочу видеть, как из-за моей безрассудности страдают мои же дети. Можешь делать что пожелаешь, но здесь я тебе не помощник.

— Понимаю, — подозрительно спокойно отозвалась принцесса. — Что ж, другого от тебя я почему-то и не ждала. Неудивительно, что папа погиб так рано. С такими друзьями у него просто не было шансов!

Она уже собиралась покинуть кабинет, как вдруг обернулась и пристально посмотрела ему в глаза:

— Я обязательно напомню тебе об этом разговоре, когда за твоим новорождённым внуком придёт ищейка. Какую песню ты тогда запоёшь, господин советник короля?

Дверь громко захлопнулась.

Максиан залпом осушил бокал и налил ещё. Девчонку нужно остановить. Любой ценой. Она окончательно обезумела, сама погибнет и невинных за собой потянет.

«Это я во всём виноват! И кто меня за язык тянул? Благородство решил проявить, старый идиот».

Но как остановить её? Решительности принцессе точно не занимать, а если и впрямь скорпионы на её стороне, то всё очень и очень плохо. Сколько их сейчас в кастрюле? Около дюжины или чуть больше. Негусто, но и меньшего достаточно, чтобы весь Регнум поставить на уши. Может, доверие их сложно заполучить, но они же как дети малые, ничего, кроме терсентума, не видели. Какой с них спрос? Да и антидот прилично мозги разжижает.

Возможно, стоит попытаться поговорить со скорпионами, но кто он для них? Очередной свободный, чужак, как выразился Седой. Слушать его точно не станут, даже легата, раз уж и та приняла сторону Ровены.

Или всё-таки свести её с Севиром? Но что это даст? Сумеет ли он отговорить её? И станет ли вообще это делать? От него сейчас можно ожидать чего угодно.

Нет, этот вариант тоже нежизнеспособный. Остаётся ещё два, и один хуже другого: избавить несчастную от страданий или пустить всё на самотёк. И если в первом можно обойтись малой кровью, то со вторым не всё так просто...

Неужели нет другого выхода? Она же дочь Урсуса, в конце концов. Как вообще он допускает подобные мысли?

Нет, убить Ровену он точно не сможет, рука не поднимется. Но не обрекает ли он её на гибель своим бездействием, пусть даже косвенно? Её план совсем никудышный и безусловно обречён на провал. Захватить короля в заложники... Да как ей вообще такая глупость в голову пришла! Половина Сената и так прекрасно знает, в чём замешан Юстиниан, а треть из них едва ли не сами участвовали в заговоре. Многие из них давно пляшут под дудку Легиона, ведь его золото неплохо греет руку.

«Нет, милая принцесса, у тебя здесь нет шансов».

Конечно, он бы мог направить её жажду справедливости в правильное русло. Свести с Пером, например, а там и видно будет, что можно сделать. Что мешает убедить других осквернённых перейти на её сторону? Она ведь идеальный кандидат в лидеры: добра, красива, умна до безобразия, хоть и неопытна. К тому же одна из них. Да за неё любой будет готов положить голову на плаху.

Чёрт! А ведь звучит неплохо, если задуматься. С войском осквернённых под боком можно и рискнуть. Свергнуть Юстиниана, дискредитировать Легион, выхолотить Сенат от сорняков, а там у народа уже не будет особого выбора.

Конечно, придётся держать скорпионов на короткой цепи и давать свободу дозированно, чтобы бед не натворили. Случись что, гражданская война обеспечена. Но если старательно внушать свободным, что они неопасны, со временем осквернённых примут, с ними свыкнутся.

Максиан судорожно потёр лицо. Как же быть? Помочь или отойти в сторону?

В случае поражения плата будет кровавой. И ладно если его голову с плеч, пострадает же вся семья. В лучшем случае они до конца жизни будут ходить с клеймом позора, а о худшем даже думать не стоит...

И как же Пятьдесят Девятая? Много ли он сможет ей дать, если ввяжется в это безумие? Да её голову насадят на кол рядом с его собственной, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Осквернённая рядом с хозяином-преступником — этим всё сказано. Нет, однажды он уже предал её, и второму разу не бывать. Никогда!

Как бы ни был велик соблазн встряхнуть всю эту прогнившую систему, он не имеет права подвергать близких такой опасности.

«Прости, Ровена, но в этот раз нам с тобой точно не по пути».

Мутант не может считаться человеком, не имеет права называться гражданином и принадлежит организации Осквернённый Легион полностью либо частично до самой смерти.

Заветы потомкам, Кодекс Скверны, 002

Корнут брезгливо перешагивал лужи. Утренняя морось превратила землю в бурое болото, липшее комьями к начищенным до блеска сапогам.

Навстречу ему спешил мастер терсентума: рослый детина в кожаной куртке, застёжки которой грозились вот-вот лопнуть на внушительном брюхе. Здоровяк походил на всклокоченного медведя после зимней спячки. Чёрные волосы неряшливо торчали в стороны, густая борода доставала до самой груди. Высокие сапоги с рядом потёртых блях на голенищах по щиколотку утопали в грязи.

— Рад снова приветствовать вас, господин советник! — пробасил он и широко улыбнулся, обнажив кривые зубы. — А мы вас уже ждали!

— Чудесно, — проворчал Корнут. — Не будем терять времени, я хочу поскорее ознакомиться со списком. Государственные дела не ждут, знаете ли.

— Конечно-конечно! Прошу, пройдёте ко мне в кабинет, а после, если пожелаете, сможете осмотреть товар.

Мастер повёл его к небольшой постройке, сиротливо жавшейся к высокому каменному забору. Левее начинался хозяйственный двор, за ним другой, в конце которого серели длинные здания казарм. Со стороны тренировочной площадки то и дело доносились крики.

Тесная комнатуха, гордо названная кабинетом, пропахла гарью и керосиновыми испарениями. Мутные оконные стёкла едва пропускали свет, грязный пол скрипел под ногами. Грубо сколоченный стол был завален бумагами вперемешку с разнообразным барахлом, на краю парила кружка какого-то варева с острым травяным запахом.

— Прошу, — мастер указал на потёртое кресло. — Чаю предложить или сразу вина?

— Благодарю. Пожалуй, от вина не откажусь, — Корнут не имел ни малейшего желания попробовать ту гадость, которую толстяк назвал чаем.

— Превосходно! У меня как раз есть отличное опертамское, — мастер выудил из шкафа пыльную бутылку и пару кружек. Немного повозившись, он разлил вино по сосудам, и комната наполнилась приятным ягодным ароматом.

Корнут отпил из незамысловатой кружки и откинулся на спинку. Видавшее виды кресло жалобно скрипнуло. Да, мастер не обманул: вино и впрямь достойное.

— В этом году у нас есть несколько примечательных особей, — прогудел толстяк, неуклюже подражая речи благородных.

Протянув листок, он взгромоздился на хлипкий стул. Корнут принялся внимательно изучать список. Каждый пункт начинался с номера скорпиона и заканчивался кратким описанием способностей. Но, к его разочарованию, в этот раз выбор оказался скуднее обычного.

— Негусто, — протянул он, — даже двух десятков не наберётся.

— Мы предлагаем короне лучших из лучших. Если пожелаете, могу показать и остальных.

— Посмотрим-посмотрим... Пока разберёмся с имеющимися, — Корнут вернулся к списку. — Номер сто шестнадцать: здесь говорится о способности управлять животными. Это как понимать?

— Так, как и написано, уважаемый. Девчонка может диктовать зверью свою волю. Интересный экземпляр, между прочим.

— Не вижу в этом пользы. Вы наверняка в курсе, чем закончился последний бой на Арене. Королю нужны воины, а не дрессировщики. Вот, например, триста шестой неплох. И девятнадцатый, пожалуй, ничего. Насколько он на самом деле неуязвим?

— Девятнадцатый-то? Кожа абсолютно непробиваема. Кость получилось сломать только с третьего раза. Живучий ублюдок, скажу я вам.

— Замечательно!

Кто знает, может, и чемпионом станет, если, конечно, доживёт.

— Хм. Номер семьдесят. Он правда становится невидимым?

— Естественно! — живо заверил мастер. — И неплохой боец к тому же!

— Любопытно... Полезная способность.

Гипноз, звуковые атаки... Нет, всё это не то. Нужно отбирать тщательнее, Юстиниан до сих пор вспыхивает

как спичка при малейшем упоминании о Пятом. Неудачный выбор легко приведёт его в бешенство.

Поколебавшись, Корнут обвёл кружком очередной номер. Скорость вполне можно использовать в бою, пожалуй, этот тоже подойдёт... А это ещё что?

— Меткость? Да вы издеваетесь! Это что ещё за способность такая? Среди алых львов каждый второй может ею похвастаться.

— Речь идёт о золотом скорпионе, а не о каких-то там ряженных солдафонах, — мастер принял оскорблённый вид. — Этот сукин сын способен снести голову месмериту одной стрелой с полутора километров. На рожу он, правда, так себе, но уверяю вас, за него на торгах ещё драться будут.

— Полтора километра? — с сомнением переспросил Корнут. — Из лука?

— Именно. Конечно, многое зависит и от оружия. Впрочем, скоро сами убедитесь.

— Убедимся, — Корнут поставил галочку рядом с номером лучника. — Какие-то все они у вас в этом году... не впечатляющие.

— Ну уж простите, заказывать способности Легион ещё не научился, — проворчал мастер.

— А было бы весьма кстати! Ладно, что тут у нас? Останавливает время? Хотелось бы взглянуть.

— Как пожелаете, господин канселариус.

Отметив ещё несколько номеров, Корнут небрежно бросил список на стол:

— Всё хотел спросить, по какому... эм... алгоритму вы присваиваете номера рабам. Нумерология? Гороскоп? Тайный ритуал?

Мастер громко расхохотался, да так, что задрожали стёкла. Огромный живот трясся в такт всклоченной бороде, и Корнуту на миг показалось, что перед ним и впрямь какой-нибудь мутировавший зверь, а не главный надзиратель столичного терсентума. С каждым годом его живот, как и борода, всё ниже опускался к земле. Глядишь, лет через пять он уже с трудом будет передвигаться.

— Легион верит только в цифры на бумагах. Никакого тайного смысла вы здесь не найдёте, — выдавил он наконец, смахивая слёзы. — Сдох один осквернённый, номер освободился для новенького. До конца своих жалких жизней они все остаются на учёте. Таковы правила.

— Понимаю. Признаться, у меня всегда вызывала большое уважение ваша организованность. Чего только стоят регулярные поставки антидота!

Толстые губы мастера растянулись в самодовольной улыбке, будто он самолично участвовал в основании Легиона.

— Антидот — это вам не шутки. Скажем так: он жизненно необходим не столько осквернённым, сколько их хозяевам.

— Что вы имеете в виду? — Корнут с интересом взглянул на собеседника.

Тот мгновенно стушевался. Очевидно, ему ужасно хотелось показать свою значимость перед вышестоящим, и он не сразу сообразил, что сболтнул лишнее.

— Э... Я хотел сказать, если бы не антидот, они бы дохли как мухи, — выкрутился мастер. — Легион заботится о своих клиентах.

— Он и так о них обязан заботиться, — пробурчал Корнут. — С такими-то ценами!

— Вы абсолютно правы, уважаемый, — подхватил толстяк, явно радуясь, что удалось выкрутиться из неловкого положения. — Может, цены и правда кусаются, но, согласитесь, скорпионам нет равных, особенно на арене.

— Я не поклонник боёв, но мнение Его Величества полностью совпадает с вашим. Что ж, в заключение хотелось бы взглянуть на товар.

— Как пожелаете, господин канселариус, — пыхтя, мастер поднялся и заковылял к двери. — Седой! Быстро сюда, старый пёс!

Спустя минуту на пороге кабинета появился уже знакомый с прошлых визитов сухощавый старик с длинной грязно-серой бородой.

— Подготовь всё, — толстяк сунул ему список чуть ли не под самый нос, — и поживее! У тебя пять минут.

Корнут допил вино и кивнул, когда мастер услужливо предложил добавки.

— Может, мой вопрос покажется вам не к месту, — осторожно заговорил главный надзиратель, — но чем не угодил Его Величеству Пятый?

Вопрос не был неожиданным, что неудивительно: решение Юстиниана и в самом деле потрясло многих. Мало кто знал о размерах ставок, и пойти против народа, требовавшего пощады для любимца, со стороны выглядело странно, если не глупо. Газетчики вот до сих пор никак не уймутся, особенно тот треклятый Шарпворд.

— Боюсь, ответить на этот вопрос я не смогу, — Корнут изобразил досаду. — Для меня это стало такой же неожиданностью.

— Нам, обычным смертным, великих не понять, — заговорщически подмигнул толстяк. — И всё равно жаль

засранца. Как он этого Пожирателя отделал, а!?

Никакого желания вспоминать всю ту мерзость, творившуюся на Арене, у Корнута не было. Зрелище, конечно, незабываемое, но восхищаться подобным — это уже слишком.

— Мне сложно разделить ваш восторг, уважаемый. Я сторонник старых традиций, — брезгливо произнёс Корнут. — Может, они, и кажутся жестокими, но ещё неизвестно, что хуже: выпалывать сорняки или скапливать их в одном месте.

— Будет вам, — отмахнулся мастер. — Кто ж убивает корову, дающую молоко?

— Корова вряд ли может стать угрозой человечеству.

У Корнута, бывшего в своё время служителем храма, даже сам факт существования осквернённых вызывал глубокое омерзение. Если бы не Заветы, сейчас каждый второй бы рождался уродцем или калекой, но хуже всего эти так называемые скорпионы. Какую чудовищную силу они в себе таят, раз способны чуть ли не щелчком пальца убить любого на своём пути! Они и есть самая настоящая угроза.

Кто сможет остановить их, если вдруг им взбредёт в голову уничтожить Прибрежье вместе с его жителями? Да они сотрут в порошок Регнум за одну ночь, не оставив камня на камне. Скорпионы — как бомбы древних, способные взорваться в любую секунду, стерев с лица земли то, что возводилось веками потом и кровью. Наивно надеяться, что этого никогда не произойдёт, а ещё наивнее верить, что их удастся сдержать, случись нечто подобное.

Понятное дело, где спрос, там и предложение, но будь его воля, давно бы отменил проклятый Кодекс Скверны и вернул закон об эвтаназии. По сравнению с тем, что творит Легион, убийство младенцев выглядит куда милосерднее.

— Поверьте, об этом даже речи быть не может, — покачал косматой головой мастер. — Им промывают мозги так долго, что они и пальца поднять не посмеют на хозяина. За пятнадцать лет службы я не припомню ни одной попытки даже к побегу. Только представьте, ни одной!

— Неужели? — Корнут расплылся в скептической улыбке. — А что насчёт Севира?

— Какого Севира?

— Не прикидывайтесь, вы прекрасно знаете, о ком речь.

— Ах, вы о том освобождённом... Что ж, осквернённые довольно легко внушаемы. Даже затуплённым мечом можно порезаться, если сильно постараться.

Мастеру явно разонравился этот разговор. Ложь точно не его конёк. Не сбегали, как же! Пусть свои сказки побережёт для олухов из Северной Ямы.

— Думаю, всё готово. Прошу за мной, господин канселариус, — в очередной раз поднявшись, здоровяк жестом пригласил Корнута следовать за ним.

Арена терсентума представляла собой прямоугольную площадку длиной метров триста, обнесённую низкой деревянной оградой. По правой её стороне ровными рядами выстроились невольники. По закону им позволялось носить только строго определённую форменную одежду: свободные штаны, не сковывающие движений, сорочка, поверх которой при необходимости надевалась лёгкая броня, да грубые сапоги до колен. Но главным отличием служили глубокий капюшон и маска. Кроме глаз, все остальные части тела скрывались, что вполне справедливо: кто захочет видеть рядом с собой образину с чешуёй вместо кожи или пастью как у Пожирателя?

Конечно, Корнута доводилось встречать и вполне приятных на вид особей, но никогда не угадаешь, что за выродок скрывается под капюшоном. В основном рабы выбирались не по внешнему виду, если они не предназначались для борделей, само собой. Да уж, дорогие бы шляхи получились из скорпионов!

Корнут невольно улыбнулся, вспомнив скандал трёхлетней давности, когда жёнушка хозяина ткацкой фабрики застала своего ненаглядного в постели с осквернённой. И всё бы ничего, да вот только рабыня мало чем походила на обычную женщину, мягко говоря. Что ж, людям свойственно грешить, и не ему судить о чужих страстях, со своими бы совладать.

В терсентуме сейчас находилось чуть больше полусотни невольников. Корнут успел насчитать пять рядов, приблизительно по десять голов в каждом. Не много, даже для скорпионов, что являлись штучным товаром. Каждый из них стоил с десятков ординариев, чьи способности были либо бесполезны, либо вообще отсутствовали. Хотя и среди тех попадалось немало примечательных гладиаторов, причём достаточно известных.

Едва они подошли, помощник вскинул руку, и выбранные осквернённые вышли вперёд.

— Желаете посмотреть всех или только тех, в ком сомневаетесь? — услужливо поинтересовался мастер.

— Всех слишком долго.

— Как скажете.

Мастер перечислил номера, которые Корнут обвёл в кружок, и приказал названным отойти в сторону.

— Номер триста шестьдесят четыре! — рявкнул он.

Скорпион вышел из строя и, поклонившись, вытянул руку перед собой. С сухим треском на его ладони

заиграли миниатюрные молнии. Разряды паутиной опутывали руку осквернённого, медленно скапливаясь в клубок.

— Недурно! — Корнут одобрительно кивнул.

— И это ещё не во всю силу. Хотя даже такой вот шарик сшибёт кого угодно.

— Я приму это во внимание.

Мастер махнул рукой. Шаровая молния тут же распалась на мелкие искры, и раб вернулся в строй.

— Пятьдесят девять.

Вперёд шагнула низкорослая невольница. В руке помощника мастера сверкнул метательный нож. Корнут не сводил глаз с происходящего, ещё не до конца понимая, что тот намеревается сделать. Старик швырнул оружие в девчонку, а уже через мгновение она стояла перед ним, протягивая ему тот самый клинок.

— Эта не та, что время останавливает? — спросил Корнут.

— Именно, господин. Ко всему прочему, удар у неё как у кувалды. Раскроит череп, глазом не моргнёте. Два в одном, как говорится.

— Хм... — умение и правда интересное, но тот, с молниями, кажется полезнее. Лучше пока не спешить с решением.

— Номер сорок восемь.

Помощник передал осквернённому короткий лук со стрелой. Тот небрежно натянул тетиву и, не целясь, выстрелил в противоположный конец арены.

— И это всё? — непонимающе моргнул Корнут.

— Желаете проверить мишень сейчас или чуть позже?

— Позже, полагаю.

— Конечно-конечно. Четыреста двенадцать!

Оставшиеся трое не произвели особого впечатления. Разве что выделился один, раскрошивший камень в пыль одной лишь силой мысли. Опасный тип, но применения ему Корнут так и не придумал. Оставалось выбрать кого-то из тех трёх, что вышли вначале.

Девчонку или того, с молниями? Для Арены он самое то, да только уже есть четверо, прекрасно подходящие на роль гладиаторов. А вот девка может и жизнь спасти — вон как ловко перехватила нож. Вполне сгодится для сопровождения.

— Пусть будет девчонка.

— Хороший выбор, — мастер хитро улыбнулся. — Вы ведь мишень ещё не видели...

— Достаточно и этих.

— Как пожелаете, господин советник. Но на вашем месте я бы всё-таки взглянул.

Ещё бы! Втюхать шестерых куда выгоднее. Впрочем, можно и проверить, с него не убудет.

— Ладно, уговорили. Показывайте, что там у вас, — бросив короткий взгляд на строй невольников, Корнут последовал за толстяком. — В этом году рабов в терсентуме куда меньше, чем в предыдущем, не так ли?

— Есть такое дело, — нехотя подтвердил мастер. — Проклятые сопротивленцы, чтоб им пусто было!

— А разве Легион не заботится о безопасности перевозок?

— Как же не заботится! Да их сопровождает чуть ли не армия наёмников. А толку-то, как видите... Только за эти два года сукины дети увели с полдюжины молодых скорпионов. Представьте, какие потери, учитывая, что их по всему Прибрежью даже тысячи не наберётся!

— Подозреваю, Легион не оставит это так просто.

— Откуда мне знать, господин советник! Даже если не оставит, разве это не дело полиции? А они палец о палец не ударили.

Корнуту совершенно не понравился тон, которым этот неотёсанный болван судил о том, в чём ничего не смыслит. Знал бы он, сколько сил потрачено, чтобы только выйти на уже остывший след! Но даже этого недостаточно. Все, кто сейчас под подозрением, — мелкие сошки, не имеющие почти никакого отношения к Перу.

— Поверьте мне на слово, полиция не стоит в стороне. Здесь не всё так просто, как вам кажется.

— Вы наверняка слышали о серебряных куницах? — помолчав недолго, заговорил мастер. — Забавные твари. Мелкие, но очень опасные: прокусит кожу — считай, покойник. Их яд убивает почти мгновенно.

— Слышал, как же. Их шкуры весьма ценные.

— А знаете ли вы, как на них охотятся?

— Не интересовался, — признался Корнут, гадая, к чему тот клонит.

— На кунью тропу ставится специальный капкан с куриными потрохами. Важно, чтобы свежие, на тухлятину их не заманить. И крови побольше вокруг для аромата. Как только куница подберётся к лёгкой добыче — клац! И вот вам новая шкурка для дамского плечика. К чему это я: подготовить бы один такой караван, выманить ублюдков и порубать их в капусту, чтоб другим неповадно было. Десяток скорпионов — и проблема решена.

Не скрывая раздражения, Корнут закатил глаза. С какими идиотами иногда приходится иметь дело! Неужели он считает, что никто до подобного не додумался?

Да только куница в капкан не спешит, будто заранее чует ловушку. Хоть бери и дежурь на тракте или у каждого дома, где только родился очередной выродок: вдруг попадётся папаша-недоумок, который захочет спасти своё чадо.

Постой-ка... А ведь это мысль! Что, если куриные потроха сами придут в нору к кунице?

— Благодарю, мой друг. Я приму ваш совет во внимание.

— Всегда пожалуйста, — от ощущения собственной значимости мастер сиял, как новенький золотой. — Мишень слева, вот, взгляните.

Только сейчас Корнут понял, что уже несколько минут стоит у стены с рядом мишеней — выкрашенные белым доски с красным кругом по центру. В самой сердцевине одной зияла дыра размером с кулак. Рядом на земле валялись обломки стрелы. От удара древко разлетелось в щепу, остались только часть с оперением да сплюснутый в лепёшку наконечник — видать, угодил в каменную стену.

— Теперь понимаю, почему вы так настаивали, — не скрывая восхищения, проговорил Корнут. — Я уже начинаю сомневаться в своём выборе.

— А зачем сомневаться? Где пять, там и шесть, верно? Даже не сомневайтесь, они сослужат вам хорошую службу.

Корнут снова перевёл взгляд на мишень. Кажется, Юстиниан говорил как раз о пяти-шести скорпионах. Такой стрелок в каструме лишним точно не будет.

— Ваша взяла, — сдался Корнут. — Добавьте к остальным и этого.

Мастер расплылся в довольной улыбке:

— Прекрасный выбор, господин канселариус. Будьте уверены, вы не пожалеете.

В конце комнаты раздался залиvistый смех.

— Нанни! Нанни! Гляди! — восторженно заголосила Фиалка. — Она мой палец в рот потянула и сосёт!

Нанни подняла голову и беззлобно шикнула на расшумевшуюся подопечную:

— Тише, перебудуишь здесь всех!

Та пристыжённо смолкла, но спустя мгновение снова донёсся звонкий хохот.

Младенец на руках Нанни громко кряхтел, причмокивая соской почти опустевшей бутылки. Рука уже затекла: тяжёлый карапуз, ест за четверых. Зато здоровый!

— Да что ты пристала! — весело возмущалась Фиалка. — В пальцах молока нет! Оно в коровках. Знаешь, как коровки разговаривают? Му-у-у...

Нанни не сдержала улыбки: помощница из этой малышки вышла бы отличная, жаль, что хист слишком яркий — прирождённый скорпион.

Фиалка в душу запала с первого дня. Прошло уже пять лет, а Нанни помнила всё, как будто это случилось только вчера. Новая партия новорождённых прибыла промозглым вечером. Четверо младенцев, от недели до пары месяцев от роду, кричали во все глотки. Голодные, измученные, требующие материнского тепла.

Как только она взяла на руки маленький комочек, весь покрытый короткой тёмной шерсткой, малышка, сразу умолкнув, посмотрела на неё своими огромными зелёными глазками и вдруг улыбнулась. Ребёнок пах молоком и почему-то полевыми цветами. С тех самых пор это пушистое чудо стало для няньки-сервуса маленькой Фиалкой и самой любимой подопечной, хотя Нанни пыталась всё же не выделять её в ряду остальных. Здесь все одинаково заслуживают любви и тепла.

Карапуз заснул, опустошив бутылочку до дна. Осторожно, чтобы не разбудить, Нанни поднялась и уложила ребёнка в люльку — грубо сколоченный ящик с жёстким матрасом. Таких вот пронумерованных ящиков в комнате находилось больше дюжины, два последних заняли новенькие: мальчуган, ничем не отличающийся от обыкновенного человеческого ребёнка, и Змейка — двухмесячная малышка с блестящей серой кожей и жёлтыми змеиными глазами. Фиалка не отходила от неё ни на шаг, играя с малюткой при каждой возможности.

Когда Нанни поинтересовалась у своей любимицы, чем её так привлекла новенькая, Фиалка ответила: «Она такая красивая! Пусть будет моей сестричкой».

И Нанни возражать не стала. Любовь способна залечивать даже самые глубокие раны, а порой это единственное, что удерживает на краю бездны. И если даже такие, как её пушистик, — презираемые в Легионе больше остальных — способны соперничать и дарить любовь другим, значит, не всё ещё потеряно.

— Ну всё, моя хорошая, — Нанни потрепала Фиалку по голове. — Скоро отбой, тебе пора.

Девчушка грустно вздохнула и, прижавшись щекой к её животу, обвила ручонками талию:

— Ты придёшь?

— Постараюсь, ладно?

За спиной осуждающе прочистили горло. Напарница прошла мимо, окатив обеих ледяным взглядом.

— Давай, беги, — мягко подтолкнула Нанни подопечную.

Та угрюмо зыркнула на вошедшую и выбежала из помещения.

— Ничем хорошим эти твои сюсюканья не закончатся, — проворчала Джина, заглядывая поочерёдно в люльки, — помяни моё слово!

Нанни тяжело вздохнула и принялась собирать пустые бутылки в корзину.

— Можешь отмалчиваться, конечно, — не унималась напарница, — но ты хоть раз подумала, что с нами будет, если кто-то из плётчиков застукает тебя ночью в бараке с мальками?

— Подумала, — отмахнулась Нанни. — Нам ли к кнуту привыкать!

— А мне и своих шрамов хватает! Пусть твои тебе и достаются. И вот чего ты этим добиваешься? Большинство из них вырастет отбитыми ублюдками, так зачем ради них спину подставлять?

— Дура ты, Джина! — укоризненно покачала головой Нанни. — Оттого они и растут отбитыми — ласки живой не знают. Если бы такие как ты не тряслись за свои шкуры, глядишь, и скорпионам полегче бы стало. Им было бы за что бороться. Легион и так отбирает у нас всё!

Джина едко улыбнулась, вытягивая из-под захныкавшего младенца мокрую пелёнку:

— А тебе-то от этого какая выгода?

— Везде ты выгоду ищешь. Мне достаточно и того, что эти малыши унесут с собой в казармы хоть что-то светлое.

Напарница презрительно фыркнула:

— Ничтожная капля в море!

— А ведь море как раз и состоит из капель, подруга, — Нанни заправила свою рубаху в такие же серые штаны и, не дожидаясь очередной колкости Джины, покинула инкубатор.

Осквернённые не имеют права носить имён, владеть имуществом и заводить семьи. Они целиком и полностью принадлежат частной организации Осквернённый Легион до продажи, а после — лицу, владеющему подтверждающим покупку сертификатом, выданным уполномоченными лицами. Дети, рождённые рабами, также принадлежат организации Осквернённый Легион и не имеют права на прохождение проверки на генетическую чистоту.

Заветы потомкам, Кодекс Скверны, 020

Из всех даже самых безумных вариантов, которые он мог только вообразить, случилось самое невероятное. Нет, Керс был искренне рад за друзей. Рад, что Твин и Слай останутся вместе, рад, что мечта Харо попасть на Арену наконец-то исполнится. Да вот только за себя радоваться не особо получалось. Пройди они вчетвером по мосту над пропастью, гнилая доска обязательно треснет именно под его ногами. Чего уж там, не привыкать, любимчик судьбы, мать её.

Вот и наступила та последняя ночь, о которой Керс даже думать боялся. Завтра опять один, опять никому не нужный, как раньше, в Южном Мысе. Впереди только полная неизвестность, и в ней вряд ли кроется хоть что-то хорошее.

Он сделал большой глоток синего дыма и передал флягу Слаю. Здесь, за пустующей в это неурочное время столовой, они собирались чуть ли не каждую ночь, не боясь быть застуканными кем-то из плётчиков. Кому вообще придёт в голову сюда соваться! Главное не шуметь, только вот сейчас, наоборот, слишком уж тихо: никто не решался заговорить, хотя каждому наверняка было что сказать.

Керс мельком глянул на Твин. Та сидела опустив глаза, как нашкодивший ребёнок.

«А ты-то тут при чём, глупышка? Жизнь у нас такая: хлебаем дерьмо ложками, давясь и надеясь, что вот-вот оно закончится, а новая-то порция уже на подходе... И так, пока не сдохнем. Может, хоть тебе немного повезёт, а мне уже рассчитывать не на что».

Да и кому он сдался! Глим? Так ей дурь нужна, не слепой же. Ну и потрахаться, если приспичит. А такую как Твин ещё поискать надо, да только вот не по нему одежда шита.

— Какого смерга, не сдох же я, в конце концов! — не выдержал он затянувшегося молчания. — Что за тухляк?!

— Я вот тут думаю, кто нас теперь дымом снабжать будет, — съехидничал Слай. Твин сердито двинула его в плечо, мол, за языком следи.

— Рецепт тебе запишу, — ухмыльнулся Керс.

— Ага, только читать сначала научи, — напомнила Твин. — Ты же у нас здесь единственный грамотный.

— Слушай, Керс, может, тебя Гильдии продадут? — предположил Слай. — Перетри с Седым, вдруг что выйдет. Ты же сам говорил, что не прочь там служить.

— Ты бы ещё предложил к Перу присоединиться!

— А оно тут при чём?

— Да при том, что звучит твой совет так же бредово, как и само существование каких-то там борцов за права осквернённых. Седой ничего не решает, Слай. Кто больше заплатит, того и лошадь.

— Как знаешь, — друг пожал плечами. — Моё дело подсказать. А вот насчёт сопротивления — зря ты так. Кто тогда на караваны нападает?

— Кто-кто, мало ли швали по дорогам таскается!

— А на кой им осквернённые сдались, ты не подумал?

— Чёрт, Слай, хорош тут чушь пороть! — Керс начинал злиться на его наивность. Котелок вроде варит, а верит в такие глупости. — Мы товар. Нас продают. Что тут непонятного?

— Согласен, — поддержал Харо. — Нет никакого Пера. Сказки для слабаков, ждущих, когда кто-то придёт и освободит их задницы.

Слай отпил из фляги и наморщил нос:

— Ладно, забыли.

Разговор явно не клеился. Может, оно и к лучшему. Что они ему скажут? Что всё будет хорошо? Так не будет! Всё хорошее уйдёт утром вместе с ними. Уж ему-то знакомо лживое лицо надежды.

А может, спалить всё тут к хренам собачьим? Сжечь этого грёбаного Биффа со всеми его плётчиками, сбить замки с загонов, чтобы собратья успели спастись, а остальных — в пепел, и чтоб камня на камне не осталось от этой треклятой зоны.

Не, ну а что? Подыхать, так с песней! Всё равно терять уже нечего. Керс клацнул зажигалкой. Забавно. Любой из них способен разгромить терсентум без особых усилий, а вместо этого они дрожат при малейшем звуке кнута. Слабаки... И он такой же.

— Керс? — Твин напряжённо приподнялась. — Ты в порядке?

— Мать твою, ты что удумал? — Слай подскочил и потянул за собой подругу.

Керс непонимающе моргнул:

— Что не так?

— Хренасе! — Харо с любопытством заглянул ему в лицо. — У тебя глаза светятся.

Что там у него светится — большой вопрос, мало ли что им под дымом почудилось. Но что-то явно было не так. Откуда эта злость? Мысли будто не принадлежали ему, нащёптывались кем-то невидимым на ухо.

Твин небрежно смахнула с плеча руку Слая и уселась напротив:

— Дай-ка мне эту шгуку. Пусть пока у меня побудет.

Керс неохотно протянул ей зажигалку, потёр лицо.

— Где твой антидот? — глаза Твин беспокойно поблёскивали в темноте. — Керс, к тебе обращаюсь. Ты когда в последний раз принимал антидот?

— Вот пристала, — натянуто улыбнулся он, ища поддержки у Харо, но тот с неизменно каменной рожей молча наблюдал за происходящим.

— Тебе вопрос задали, братишка, — Слай вызывающе скрестил руки на груди.

— Не помню, может, пару недель назад, может, больше...

Пошарив в поясной сумке, Твин протянула ему знакомый пузырёк. Керс недовольно покосился на флакон с чёрной жижей. Чёрт, да что они пристали? Им-то какая разница!

— Ну, чего ждёшь?! — прорычала она. — Не вынуждай меня силой вливать в тебя это!

Нехотя, он откупорил пузырёк и поднёс его к уголку глаза. От вязкой капли тут же привычно защипало. И вот чего Твин добивается? Будто от антидота легче станет.

— Пойдём поговорим, — поднявшись, она протянула ему руку.

Слай нахмурился, собираясь что-то сказать, но Харо многозначительно прочистил горло, и тот, бормоча что-то себе под нос, уселся обратно у стены.

Твин крепко сжимала ладонь, ведя его за собой подальше от остальных. Антидот уже начал действовать. Ярость сменилась апатией, медленно переходящей в некое подобие эйфории, когда мир кажется ярче, а проблемы не такими значительными.

— Зачем ты убиваешь себя? — она с укоризной посмотрела ему в глаза, едва они повернули за угол.

— С чего ты взяла? — он с невинным видом приподнял бровь.

— Ты что, за дуру меня держишь? — Твин сердилась, но даже это у неё получалось как-то по-особенному, мило, что ли.

— А что ты хочешь от меня услышать?

— Не знаю... Всегда считала тебя умнее всех нас вместе взятых, — она разочарованно вздохнула. — И сильнее. Выходит, ошибалась?

— Тебе легко говорить. Ты же ничего не теряешь! С тобой останутся Слай и Харо...

— Да я бы всё отдала, чтобы и ты... — она запнулась на полуслове.

Кажется, перегнул. Упрекать её он точно не собирался. Керс коснулся её подбородка, и от этого прикосновения она слегка вздрогнула.

— Поверь, Твин, я рад за тебя. Правда рад. Но не осуждай меня, ладно?

— Постараюсь... Только ты должен мне кое-что пообещать.

— И что же?

— Ты остановишься. Прямо сейчас. Прекрати уничтожать себя, Керс. Просто потерпи немного, со временем станет легче, поверь мне!

Вера... Ещё одна лживая сука. Куда опаснее надежды, между прочим. Разве не вера толкает на безумные поступки? Разве не веры ради предки разрушили всё, что могли разрушить? Разве не из-за неё осквернённых уничтожают, поработают, относятся к ним хуже, чем к зверью?

— Просто пообещай мне, — тихо попросила она.

— Ты ведь не отстанешь?

Твин замотала головой.

— Ну хорошо, обещаю.

— Вот и отлично, — недолго поразмыслив о чём-то своём, она застенчиво улыбнулась. — И ещё кое-что...

Привстав на носочки, Твин обвила руками его шею и потянулась к губам. Нет, не поцелуй, призыв, всего лишь застенчивое прикосновение, будоражащее, мягкое, но такое пьянящее. Оно обжигало, манило, и Керс не

сдержался, не в этот раз.

Он прижал её к себе, наслаждаясь ею, наслаждаясь дыханием, наслаждаясь запретным, но таким вожделенным поцелуем. Рука невольно скользнула ей под рубаху, нашла её маленькую грудь.

Твин тихо застонала, мягкие губы подрагивали...

— Что мы творим?.. — вдруг прервала поцелуй, дыхание её было тяжёлым, прерывистым.

— Н-не знаю, — как же сильно он её хочет, прямо здесь и сейчас. Но переступи черту — и возврата уже не будет, всё полетит к чертям. Нет, так нельзя! Нужно собраться, это просто прощальный поцелуй в подарок. Видно же, Твин хотела дать надежду на что-то светлое, поделившись капелькой любви, которая на самом деле не имеет к нему никакого отношения.

Ему стоило немалых усилий остановиться, выпустить её из объятий. Ту, кого он так жаждал все эти годы.

Твин смущённо опустила глаза и принялась заправлять рубаху.

— Извини, если... — идиот, только хуже сделал!

— Нет, всё в порядке, — она задумчиво закусил губу и подняла на него взгляд. — Но теперь ты точно обязан сдерживать своё обещание!

— Нет... Не, не про то... Слушай, ты права. Не волнуйся за меня, ладно? Всё это ерунда, мелкие неудобства, — он нежно провёл ладонью по её щеке. — А вот смерть — неприятность посерьёзнее. Но мы ведь все живы, верно?

Пока живы...

— Выходит, жизнь — сплошное неудобство, оканчивающееся серьёзной неприятностью? — она печально улыбнулась.

Керс вспомнил о своём шраме. То ещё «неудобство», будь оно неладно.

— Мысль уловила.

Твин понимающе кивнула и подняла согнутую в локте руку со сжатым кулаком. Керс повторил за ней жест и коснулся её руки своей.

— До встречи... брат, — голос её слегка дрогнул. — До или После.

— До или После, Твин.

Сколько раз он слышал эти слова, прощаясь перед очередной охотой, но только сейчас по-настоящему понял их значение. Шанс хотя бы раз увидеться с семьёй до Земель Освобождённых — ничтожно мал.

Слай устало поднялся им навстречу. Харо вопросительно взглянул на Твин.

— Всё под контролем, — заверил Керс, стараясь не смотреть в сторону Семидесятого.

Тонкий злорадный голосок в голове не давал покоя, то и дело твердя, что Слай его брат, а Твин связана с ним обещанием, и что с братьями так не поступают. Керс снова и снова повторял себе, что не случилось ничего такого, просто оба на мгновение поддались эмоциям, с кем не бывает.

— Надо бы возвращаться, — Твин прислонилась к стене и с угрюмым видом принялась ковырять носком сапога землю.

Слай поднял руку в прощальном жесте, затем крепко обнял его:

— Береги себя, братишка. Постарайся ни во что не вляпываться.

— Это по твоей части, так что и ты постарайся. Ради неё, — последние слова произнёс тихо, чтобы их мог слышать только Слай. Тот подозрительно задержал на нём взгляд, но промолчал.

— Встретимся После, брат, — прощаясь, Харо грубовато пихнул поднятую руку. — Надолго задерживаться в этой жопе я не собираюсь.

— Не забудь запастись историей поинтересней, — подмигнул ему Керс.

Чертовски сложно осознавать, что это последняя ночь с друзьями, с его семьёй. С теми, с кем он провёл лучшие годы своей жизни. Что бы ни произошло, а эти трое останутся с ним до самого конца, пускай даже в памяти.

Побудка прозвучала, едва Слай провалился в сон. От синего дыма голова раскалывалась на части, двоилось в глазах.

— Что, уже? — под боком сонно заворочалась Твин, прижимаясь к нему ягодицами.

Какая же она горячая, чёрт возьми! Он лихорадочно вжался в её промежность, ощущая нарастающее желание.

— Давай по-быстрому, — прошептала она на ухо.

Ему было плевать и на суматоху вокруг, и на похмелье. Сейчас для него ничего не существовало: ни братьев, ни казарм, ни терсентума, только он и его маленькая Твин.

Слай задумчиво наблюдал, как после она неохотно сползла с койки и побрела в сторону душевых, даже не

озаботившись подобрать одежду.

Спрыгнув вниз, он выждал, пока мир не прекратит вращаться, и принялся выискивать свежую сменку. Форма Твин обнаружилась на её койке, под второпях сброшенной ночью вчерашней.

— Что, брат, бурная ночь? — Триста Шестой издевательски оскалился.

Отмахнувшись от шутника, Слай с трудом дополз до душевых и под недовольное бурчание соратников протиснулся мимо очереди. Швырнув ворох одежды на скамью, он присоединился к Твин, пытающейся оклематься под ледяными струями.

Уже через минуту шум в голове поутих, мысли перестали пугаться. Порция горячего завтрака, и будет как новенький. Всё-таки не стоило ночью налегать на дым, знал же, как от него погано поутру.

Твин, пошатываясь, подошла к скамье и, выискивая в ворохе одежды свою, принялась одеваться. Слай скользнул взглядом по её спине, покрытой многочисленными шрамами. Только сейчас он заметил, как она исхудала. Можно легко сосчитать позвонки и рёбра. Такое уже случалось, когда их чуть не разлучили. Теперь даже думать не хотелось, что бы с ней произошло, если бы Седой подвёл, если бы тот скользкий тип с физиономией хорька не выбрал кого-то из них. Но повезло, как и в Опертаме. Только там плата была плёвой, а на этот раз что-то подсказывало: малой кровью может и не обойтись.

Единственное странно, что Керс не прошёл. Он же любому даст фору — со своим-то хистом! Мастер даже цену на него взвинтил выше остальных, он собственными ушами слышал. Хотя ладно, не пропадёт, такие где хочешь выживут. С антидотом, конечно, он зря, но со временем успокоится, смирится.

— Слай, пошевеливайся, — Твин в нетерпении мялась у порога, пропуская мимо ушей сердитые реплики соратников.

Пальцы слушались плохо. Натянуть чёртовы штаны на мокрое тело непростая задача, особенно с похмелья. Наконец дождавшись его, Твин толкнула дверь и вышла в загон.

— Даже не верится, — она осмотрелась и приветливо махнула сидящему на своей койке Керсу. Тот, видимо, ждал, пока очередь не рассосётся.

— Ты о чём?

— Только представь, это наше последнее утро здесь. Последний раз мы просыпаемся вот так, в загоне, среди своих. Не будет больше ни побудок, ни серой жижи на завтрак, ни вечно недовольного Одноглазого, ни Керса с его чокнутыми затеями. Мы сейчас как будто на полосе стоим, на границе, и смотрим, как наша привычная жизнь неумолимо превращается в прошлое.

Слай страдальчески закатил глаза. Меньшее, что сейчас его волновало — это прошлое. Куда интереснее увидеть, что там, за стенами, не говоря уже о замке. Вот это приключение! А она тут со своей унылой философией.

Завтрак прошёл в напряжённом молчании. Каждый уткнулся в свою миску, стараясь не смотреть ни друг на друга, ни на Керса, усердно изображавшего непринуждённое безразличие. Всё, что можно было сказать — сказано ещё ночью. Как бы ни было тяжело, придётся двигаться вперёд, прокладывая тропку в новую жизнь, сойдя наконец с проторённой тысячами пар сапог дороги.

Чудом судьба не разлучила ни с Твин, ни с Харо, а ведь могло быть гораздо хуже. Старик предупреждал: от него зависит только то, кто попадёт в список, а соперников было немало. Кто бы не хотел служить в замке? Это же прямая дорога к сытой жизни и славе, если, конечно, повезёт стать гладиатором. Правда, радоваться рано, должок перед Седым никуда не делся, а что старый смерг запросит — ещё надлежало выяснить. Не то чтобы это сильно напрягало, больше тревожила неизвестность. Что бы тот ни имел в виду под словами «позже свяжутся», звучало это по меньшей мере настораживающе. Непрост старикашка, ох как непрост! Только и он не пальцем деланный, случись что, ни себя, ни Твин в обиду не даст.

Седой ждал у крыльца столовой, собирая тех, кому предстояло ехать в замок. Как-то непривычно было видеть его в пиджаке и начищенных до блеска сапогах. Даже причесался немного.

С Керсом толком и не попрощались. Тот лишь задержал на них взгляд и, коротко кивнув, слился с толпой, спешащей на выпас. Для остальных — это очередной изматывающий день в терсентуме.

Твин выглядела подавленно, да и у самого на душе гиены скребли. Керс как старший брат, всегда подскажет, выручит, вдруг что. Нет больше Проклятой Четвёрки, и никогда уже не будет. Слай коснулся ладони Твин, как бы обещая, что всё будет хорошо, и они ещё свидятся с ним До, хотя сам в это почти не верил.

Твин с тревогой кивнула на Харо. Этот только со стороны такой непошибаемый, защита у него такая. Сложно представить, что он чувствует сейчас. С Керсом Сорок Восьмой всегда был ближе, чем с остальными, они сдружились ещё в Южном Мысе, объединившись против старшаков.

Когда все собрались, Седой, перекинув папку с гербом Легиона — золотой скорпион со скованными клешнями — из одной руки в другую, приказал следовать за ним и резво зашагал к главному двору, где их уже поджидал Бифф с кучкой плётчиков.

— Ну что, счастливики, — пробасил мастер, дождавшись, когда они остановятся. — Вас выбрали для службы

самому королю. Можете гордиться собой, из вас получится отличное мясо для Арены. Может, даже поставлю на кого-то пару золотых... Ну что, ублюдки, славной вам смерти!

— Слава Осквернённому Легиону! — донеслось в ответ по традиции.

— Чтоб тебе в пекле гореть, жирная тварь, вместе с твоим сраным Легионом, — пробормотал Слай себе под нос.

Бифф вперился в него сверлящим взглядом — похоже, всё-таки услышал — и, сплюнув, поковылял к своей хибаре.

Плётчики повели их к воротам, за которыми прятался фургон с четвёркой лошадей в упряжи. Слай вдруг подумал, что именно через эти ворота он впервые покидает терсентум. Выходя на охоту, они пользовались обычно другим путём, а здесь он бывал только однажды, четыре года назад, когда их привезли из Опертама.

У фургона ждали трое стражников с кандалами наготове.

— Забирайтесь, — Седой распахнул дверь, обитую железными листами.

Пропустив Твин вперёд, Слай уже собирался последовать за ней, как вдруг сухая рука помощника мастера тяжело легла на его плечо:

— Уговор не забыл?

Он молча кивнул. Забудешь такое!

Седой подозрительно сузил глаза и, хмыкнув, убрал руку. Слай запрыгнул в повозку и устроился рядом с Твин. На её вопросительный взгляд только отмахнулся: ерунда, не бери в голову.

Когда все расселись по местам, двое стражников принялись сковывать их по рукам и ногам. Слай недовольно фыркнул, когда один из солдат, держа кандалы наготове, кивком приказал ему вытянуть руки. Видно по брезгливо сморщенной роже, что не привык иметь дело с осквернёнными. Боится, прячет страх за презрением.

Защёлкивая стальные браслеты на запястьях, стражник вынужденно наклонился, и Слай, подавшись внезапному искушению, зычно рыкнул прямо ему в ухо. «Храбрец» подпрыгнул от неожиданности и, ухватившись за кобуру, неуклюже попятился.

— Кто напердел? — Триста Шестой деланно помахал рукой перед носом.

— Эй, с сапога моего слезь! — Девятнадцатый дёрнул ногой. — Броненосец херов.

Под глумливые смешки солдат сконфуженно посторонился, но его напарник, видать, оказался поопытнее. Выхватив револьвер, он нацелил его на Слая:

— Я тебе сейчас башку продырявлю, шутник сраный!

— Отставить! — рявкнул Седой, забираясь внутрь. — Уберите оружие, сержант. Скорпионы, всем заткнуться и сидеть смирно!

Чертыхаясь себе под нос, стражник сковал ноги Слая и поспешил за своим командиром. Снаружи проскрежетал засов, глухо щёлкнул замок, и фургон, дрогнув, закрипел колёсами.

— Ну что скисли? — старик насмешливо оглядел бывших подопечных. — В замок едем. К самому королю!

Никто не ответил. Неудивительно, сомнительное удовольствие сидеть в железной коробке в кандалах. Да и наигранная весёлость Седого выглядела здесь неуместно.

— Да не всё так плохо, мальцы. Некоторых из вас ждёт Арена, а может, даже слава. В худшем случае будете охранять изнеженных господ, пока те будут спать, жрать и тужиться на золотых унитазах.

— Тоже мне великая честь, — буркнул Харо.

— Надеюсь, подтирать им ничего не придётся, — проворчал Девятнадцатый.

— Если потребуется, — отрезал Седой. — Советую не забывать своё место и быть осторожнее с этими вашими шуточками. Коли прикажут, будете и подтирать, и подмывать, и жопу свою подставлять.

Триста Шестой тихонько выругался.

— Поздравляю, Девятнадцатый, тебя ждёт великое будущее, — хохотнул Слай. — Мечты сбываются, да, дружище?

Тот бросил на него мрачный взгляд и повернулся к Харо:

— Эй, Сорок Восьмой! Никогда не думал, что скажу это, но сейчас я тебе даже завидую. Тебя-то с такой рожей уж точно ничего подставлять не попросят.

— Вот и завидуй молча! — прошипела Твин.

— Вы сейчас похожи на вшивых туннельных псов, готовых перегрызть соседу глотку за вонючую кость, — рассердился Седой. — Повзрослейте уже! Теперь любая оплошность может стать для вас последней. Не протянуть вам и дня, если не будете держаться друг друга.

Все пристыжённо умолкли. Старик прав, у них нет ничего, кроме крепкого плеча собрата. Глупо ожидать от свободных хоть чего-то хорошего, те рабов даже за людей не считают.

— И ещё, — продолжил Седой, — никому не верьте, что бы вам ни сулили. Не обольщайтесь добрым отношением, не расслабляйтесь, если даже с вами будут обращаться как с равными. Вы ничего не знаете ни о

высокородных, ни об их мире.

В очередной раз Слай убедился, что Седой не так прост. И как раньше он этого не замечал! Откуда старому учителю знать о нравах господ? А рассуждает так уверенно, будто всю жизнь в замке провёл.

Твин зевнула и опустила голову ему на плечо. Некоторое время Слай ещё держался, копясь в путаных мыслях о предстоящем, но вскоре от мерного покачивания веки отяжелели, а глаза начали слипаться. Уставший разум требовал отдыха после бессонной ночи. Он и не заметил, как провалился в глубокий сон, тревожный, без сновидений, что осенняя марь, затянувшая небо.

— Хватит уже дрыхнуть! — прозвучал над ухом голос Твин.

Слай разлепил глаза и попытался сообразить, где находится. Полумрак, соратники, кандалы, что уже прилично натёрли запястья. Точно! Их же в замок везли.

— Что, приехали уже? — он потянулся и начал разминать занемевшие кисти рук. — А Седой где?

— Ушёл четверть часа назад. Вот и ждём неясно чего.

Дверь фургона была заперта. Через стальные прутья смотрового оконца лился солнечный свет. Стражники, видимо, ждали снаружи — оттуда доносилась неразборчивая речь, которая вдруг резко прекратилась.

— Идут, — встрепенулся Шустрый. — Сам король собирается нас смотреть.

— Что, прям щас?

— А что будет, если ему кто-то не понравится?

— Заткнитесь! — шикнул Девятнадцатый. — Пусть дослушает.

— Сказали Седому вернуться через день, — продолжил Шустрый. — Говорят, не котят покупают, всё должно быть по договору. Завтра нас осмотрят и, если кто не подойдёт, вернут в терсентум.

— Хитро́, — заметила Твин. — То есть вроде купили, но вроде и нет.

Снаружи тяжело зашаркали, лязгнули засовы. Прижмурившись, Слай дал глазам привыкнуть к свету и с любопытством подался вперёд.

Перед повозкой стоял Седой в компании ряженого здоровяка в красной броне и низкорослого осквернённого. Королевский стражник с минутой придирчиво рассматривал прибывших, потом, сделав какое-то важное умозаключение, одобрительно кивнул:

— Выбирайтесь! — и, дождавшись, когда все выстроятся перед ним, продолжил. — Завтра вы предстанете перед королём, и советую запомнить на будущее: каждый его приказ, как и любого вышестоящего в замке, должен выполняться беспрекословно. Если вам скажут сражаться друг с другом, вы будете сражаться. Если вам велят убить своего товарища, вы незамедлительно его убьёте. Всё ясно?

— Да, господин.

— Надеюсь, — процедил сквозь зубы гвардеец и зашагал прочь, бряцая доспехами.

Слай проводил его внимательным взглядом: гнилой тип, по роже видно. Молчавший до этого скорпион шагнул вперёд.

— Добро пожаловать в Каструм Региум, желторотики! Мой номер восемьдесят три. Здесь я старшая по казарме, так что все вопросы ко мне. А пока следуйте за мной, и лучше не отставать, не то потом вас по всему замку как цыплят вылавливать.

Когда с них сняли последние оковы, Восемьдесят Третья молча развернулась и зашагала к соседнему двору.

— Удачи, мальцы! — долетел в спину голос Седого.

Слай оглянулся на старика. Ссутулившись, тот неподвижно стоял у повозки, провожая взглядом своих воспитанников. Может, он и непрост, но сердце у него есть. Пошёл ведь навстречу, помог с Твин. Наверное, зря он так на него думал.

Но вскоре голос совести был заглушён открывшимся видом, от которого прямо захватывало дух. Такой красоты и во сне не привидится. Слай с восторгом разглядывал пышный сад за невысокой каменной оградой, вдалеке виднелись многочисленные дозорные башенки и черепичные крыши, напоминающие чешую огненной змеи, верхушка стеклянного купола ослепляла блеском в лучах солнца. Шпили на башенных крышах, казалось, доставали до самого неба. Или, наоборот, небо тянулось вниз, чтобы прикоснуться к грандиозным сооружениям древних. С трудом верилось, что всё это построили обычные люди, пусть даже свободные.

Они пересекли круглый зал с тем самым стеклянным куполом и, свернув в один из коридоров, вскоре оказались в длинном дворе с бараками и хозяйственными постройками. Отсюда старшая вывела их в прямой как стрела проход, заканчивающийся забором со сторожевой будкой у ворот, с другой стороны от которой ошивалась пара стражников. Сама часть, где держали королевских скорпионов, напоминала терсентум в уменьшенном виде: слева в углу длинное здание, явно построенное позже самого замка, правее засыпанная песком площадка с мишенями и турниками, дальше — ещё одна постройка — похоже, казарма.

Осматривая место, где, возможно, придётся провести всю оставшуюся жизнь, Слай не сразу сообразил, что слышит какой-то шум. Точно, это же море! Сейчас оно совсем рядом, а он ещё никогда не видел его вблизи. Хотя и

отсюда его не видно, разве что если на стену забраться.

С любопытством рассматривая их новую старшую, когда та избавилась от маски, он отметил, что у неё вполне симпатичное лицо. Правда, скулы широковаты. И глаза необычные, будто шуряты от яркого солнца.

Тоже сняв маску, он втянул носом солёный воздух и ткнул в спину Харо:

— Жаль, не чуешь. Морем пахнет.

Тот равнодушно пожал плечами.

— Здесь мы и живём, — сообщила старшая. — Вон там загон, а там — санитарная зона. Столовую кто-нибудь из наших покажет, с замком я позже вас ознакомлю. Ну что, кузнечики, прыгайте внутрь. Сейчас принесу вам постельное.

— Какая зона? — моргнул Девятнадцатый.

— Да хрен её знает, — проговорил Шустрый, провожая Восемьдесят Третью подозрительным взглядом, — но звучит как-то стрёмно.

— Она и сама какая-то стрёмная, — пробурчал Триста Шестой. — В смысле странная, что ли.

— Та брось, — Девятнадцатый хмыкнул. — Ничего так самочка. Я б ей пристроил своё жало.

Казарма оказалась просторной, даже вполне уютной, что не могло не радовать. Слай с интересом осматривал новое жилище. За спиной восхищённо присвистнули:

— Гляди, даже стол есть... Живут же некоторые!

Внезапно двери с грохотом захлопнулись. Несмотря на открытые створки окон, стало настолько темно, что рук не разглядеть. Кто-то задел плечо. Рядом зло выругался Девятнадцатый. Безоружные, они стояли в крошечной тьме, что те беспомощные щенки.

— Говорил же, стрёмное здесь всё, — проворчал Шустрый.

Будто в ответ из дальнего угла донеслось до боли знакомое рычание.

— Да ну нафиг! — Слай нащупал в темноте Твин, убеждаясь, что она рядом и в безопасности.

— Твин, подсвети, — голос Харо прозвучал в нескольких шагах впереди.

— Даже не думай, — запротестовал Слай, сжав её плечо сильнее.

— А у тебя есть другие варианты? — отозвалась она.

Да уж, вслепую и без оружия на месмерита ходить ещё не приходилось. Керса бы сюда с его зажигалкой.

— Только не геройствуй, — предупредил её Слай.

Она хохотнула в ответ. Её руки вспыхнули зелёным, слегка рассеивая мрак. Твин осторожно вышла вперёд, стараясь осветить как можно больше пространства вокруг себя. Месмерит зарычал громче, но звук, казалось, исходил сразу со всех сторон, сбивая с толку. Здесь вообще всё сбивало с толку.

Харо пригнулся и вытянул что-то из голенища сапога. Вот засранец! И как только ему удалось протащить нож? Впрочем, обыскивали их не особо тщательно. Наверное, не ожидали, что кто-то посмеет спрятать оружие.

Сорок Восьмой сосредоточенно всматривался в темноту, но смерга нигде не было видно.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Триста Шестой. — Таковую пакость сложно не заметить.

Справа мелькнуло тёмное пятно, слева раздался едва слышный смешок. Харо резко развернулся на звук; клинок тихо свистнул и с треском вонзился в перекладину кровати.

— Во дебилы! — донеслось возмущённо из темноты. — Шутки, что ли, не понимаете?

Тьма мгновенно рассеялась. Оказалось, дверей загона никто не запирает. Иллюзия, вот что это. Рядом с ещё подрагивающим ножом стоял «месмерит» — низкорослый хмырь с острыми ушами, как у туннельного пса.

— Что здесь происходит? — на пороге появилась Восемьдесят Третья со стопкой простыней в руках.

— Охотились на смерга, а поймали псину, — заключил Девятнадцатый.

— Двадцать Первый, с тобой я позже разберусь. Погоди, а это ещё что? — не глядя спихнув кипу белья Триста Шестому, она направилась к торчащему из перекладки ножу.

— Это чей?

— Ну мой, — вызывающе отозвался Харо.

— Маскуними! — приказала Восемьдесят Третья, выдернув нож.

— Мне и так нормально.

— Второй раз повторять не стану!

— А он стесняется, — пояснил Девятнадцатый. — Понимаешь ли, Сорок Восьмой у нас больно застенчивый.

Приблизившись к Харо, старшая сердито нахмурилась, намекая, что долго ждать не собирается. Тот нагнул голову, намеренно подчёркивая её рост: даже поднявшись на носочки она едва бы доставала ему до плеча. В ответ на его вызов Восемьдесят Третья угрожающе сложила руки на груди и недобро оскалилась. Видимо, смекнув, что лучше не нарываться, он наконец стянул маску, но сделал это нарочито медленно, чтобы хоть как-то побесить новоявленную начальницу.

Слай хмыкнул — Харо неисправим. Так уж сложилось, что к старшкам у него особая неприязнь.

Восемьдесят Третья оценивающе осмотрела его татуировки и насмешливо фыркнула:

— Слушай сюда, красавчик. Не знаю, как там в вашем терсентуме, а здесь раз в неделю проводится обыск. Каждый меч, каждый нож и даже каждая стрела стоят на учёте. Найдут что-нибудь запрещённое — десять ударов кнутом. И будь уверен, это тебе не плётчики, секут так, что несколько месяцев на спине спать не сможешь. Повторное нарушение — уже казнь. Дошло до твоей высоты или громче прокричать?

— Дошло, — рыкнул Харо.

— Молодец. Значит, не совсем безнадёжный. Двадцать Первый, притащи остальное.

Не обращая внимания на угрюмые взгляды, тот направился к двери. Девятнадцатый шагнул ему навстречу, всем видом показывая, что выговором тот не отделается.

— Оставь его, — одёрнул соратника Слай. Не хватало ещё драку учинить в первый же день.

Зло сплюнув коротышке под ноги, Девятнадцатый неспешно отступил, продолжая сверлить шутника взглядом. Старшая одобрительно хмыкнула и последовала за Двадцать Первым, но уже на выходе замедлила шаг и обернулась:

— Отдыхайте пока, кузнечики. Свободные места сами отыщете, не маленькие, поди. И можете расслабиться, никаких месмеритов в замке не водится.

Отчуждение части территории, принадлежащей Прибрежью, или иные действия, направленные на нарушение территориальной целостности государства, наказываются лишением свободы от двадцати лет или смертной казнью в зависимости от тяжести преступления.

Заветы потомкам, 09.051

Ветер лениво покачивал изумрудное покрывало Наутикских равнин. С тихим шелестом трава клонила вдогонку неуловимому озорнику, пушистые облака отбрасывали тени на безмятежно-зелёную гладь.

Вдалеке, у самого горизонта, стремительно ширилась огненная полоса, которую легко можно спутать с закатом, если бы не стоящее в зените солнце. Внезапно облака рванули вперёд, будто напуганный кем-то табун диких лошадей. Тени беззвучно заскользили по высыхающей прямо на глазах траве. Пунцовая марь поглотила небо, накрыла собой ещё минуту назад зелёную равнину.

Пожухлая трава захрустела под подошвами сотен сапог, клубы пыли взвились под лошадиными копытами. Река густой крови медленно растекалась под ногами когорт, орошая опалённую землю.

Солдатские сапоги утопали в месиве, разбрызгивая багровую грязь в стороны. Тонкими ручейками кровь вперемешку со сломанными стеблями и ржавыми листьями медленно подступала Орму прямо к ногам. Но, казалось, он не замечал ни заполонившего родные равнины воинства, ни алой реки, уже омывавшей его ступни, ни языков пламени, пожирающих юрты, ни дыма, клубящегося ввысь густыми столбами.

Он не мог оторвать глаз от бесформенной тьмы, пульсирующей за спиной королевского войска. Ни живое, ни мёртвое, что-то совсем чужое, непонятное человеческому разуму, пока безликое, застенчиво прячущееся, но уже пугающе опасное. И это что-то, он точно знал, намного страшнее пролитой уругтанской крови.

Орм сосредоточился, представил, что касается пальцами смолистой тьмы. Перед глазами замелькали образы: тяжёлая дверь с поблёкшим от времени знаком скверны; зелёные глаза — молодые, девичьи; высокая фигура с оружием северян.

Тьма словно почувствовала, что за ней следят. Сжалась, возмутилась, оттолкнула нежеланного наблюдателя. Орм распахнул глаза. Что бы это ни было, оно пока далеко. Дальше, чем погибель и разрушения, что несёт армия прибрежцев, которая совсем скоро уже будет здесь. Быть может, к вечеру, быть может, и раньше.

Он старательно запечатлел в памяти увиденное: тьма, девичьи глаза, старая дверь, северянин. Нет, не нелепица — кусочки мозаики, полного узора которой он пока не мог разобрать.

Подвешенные к отполированному навершию монетки мелодично зазвенели, когда Орм нашарил рукой свой посох. Затем, выбравшись из юрты, он огляделся.

— Агот! — куда же опять запропастилась эта девчонка? — Агот! Ах ты ж дочь гиены! Просил же не отходить далеко.

Из-за соседней юрты показалась рыжеволосая голова. Большие чёрные глаза испуганно моргали. Орм грозно насупил и поманил пальцем:

— Поди-ка сюда.

Агот нерешительно приблизилась и остановилась в нескольких шагах. Он насмешливо прищурился: вот лисица, знает, что влетит.

— Отыщи Альмода, да поживее!

Рыжая егоза тут же скрылась меж юрт, сам же Орм поспешил к вождю. Сложно сказать, сколько времени осталось, нужно предупредить, созвать всех, кто способен держать в руках топоры.

Ни о чём не подозревающие уругтанцы занимались привычными делами. Женщины стряпали обед у костров, детишки с визгом носились по посёлку. Мужчин почти не было: на пастбищах охраняли скот от дикого зверья.

Навстречу на несгибающихся ногах ковылял мальчишка, соседский сын. Застыв, он уставился на Орму единственным видящим глазом из трёх — тем, что посередине — и собрался что-то сказать своим беззубым ртом.

— Не сейчас, Айдж, — опередил его Орм. — Знаю, сам видел. Предупреди кого сможешь. Прибрежные псы уже на подходе.

— Пло-ое бьиско, — глотая звуки, произнёс тот. — Мно-о к-ови чую.

— Так не тяни же, за дело! Если не послушают, скажи, я велел.

Замена растёт. Хороший шаман из него получится. Видения его, конечно, другого рода — запахи — и с ними нужно уметь общаться, понимать, о чём они говорят. Мальчишке учиться и учиться, но раз и он учуял, значит, дела и впрямь плохи.

Юрта вождя оказалась забита народом. Самые опытные охотники решали, как поступить с зарвавшимися

гиенами. Если не уберечь скот, голод неминуем — зима уже на носу.

— Проходи, Орм. Налей себе арака, — Гард указал на огромный чан. — Сауг постарался на славу, достойное пойло вышло.

— Не время для возлияний. Сейчас же собирай всех! Беда грядёт.

Вождь свёл густые брови:

— И что на этот раз?

— Я видел армию короля. Блиско. Очень блиско.

— Сколько у нас времени?

— Несколько часов, если Матушка-Земля сжалится.

Охотники обеспокоенно зашептались, поглядывая на вождя.

— Проклятье! Чего расселись, созывайте всех! Живо!

Те немедля повскакивали, Гард окликнул ближайшего воина:

— Собери женщин и детей. Пусть возьмут самое необходимое, ничего лишнего брать не позволяй. Как знать, чем всё обернётся.

Охотник кивнул и поспешил из юрты.

— Поздно же ты, шаман, — Гард задумчиво потёр руку, на которой недоставало двух пальцев. — Что со скотом-то делать?

— Бросать всё и бежать, — Орм тяжело вздохнул. — Главное, детей да женщин убережь. Пусть все, кто может сражаться, отвлекут солдат на себя, а мы уведём остальных подальше. Посёлок уже не спасти, Гард. Я видел, как горят юрты, как чёрный дым вздымается к самому небу.

Вождь тяжело поднялся и заковылял к чану с выпивкой. Орм осуждающе покачал головой: старый друг неисправим, арак хлещет как воду.

В юрту ворвался запыхавшийся сын Гарда. Могучий, бесстрашный, с неукротимой жаждой показать себя. На бритом затылке — пучок светлых волос, орлиный нос рассекал грубый шрам, под правым глазом другой, посвежее — подарок от вожака стаи, которого Альмод сразил голыми руками. Молодой, но уже один из лучших воинов племени, если не всего Уругта. Таким когда-то был и его отец, пока арак вконец не затуманил ему разум.

— Я слышал, прибрежники рядом.

— Правильно слышал, — проворчал Гард, — чтоб им пусто было...

— Так надерём им задницы, за чем дело стало? — Альмод просиял в предвкушении битвы.

— И кому ты собрался задницы драть? Королевской армии? — вождь ощерился. — Как бы они тебе чего не надрали... Нет, сын, поступим так: отбери лучших стрелков да коней порезвее. Нужно отвлечь ублюдков. В бой не вступай, держи их на хвосте, пусть думают, что вот-вот нагонят. Уводи их на запад, подальше от деревни. И чтоб без геройства, понял?

Альмод недовольно скривился, но перечить отцу не стал. Подхватив короткий лук, он молча покинул юрту, даже не оглянувшись.

— Ты должен пойти с нами, Гард, — Орм смотрел, как старый вождь натягивает лоскутную куртку из шкур поверх груботканой рубахи.

— За юбками бабскими прятаться предлагаешь? — расхохотался тот. — Я кто, по-твоему, сучка трусливая? Я воин, Орм! А ты шаман, так и делай что должен. Встретимся у Тихой рощи.

— Как знаешь... Своё ты уже отвоевал, пора бы и молодым дорогу уступить.

О приближающейся гибели говорить не дозволено — таков закон Матери. Гард тоже чувствует свою погибель, но гордость сбежать не позволяет: постыдно воинам трусить перед лицом смерти. Что ж, пусть тогда уйдёт с честью.

Снаружи раздались выстрелы, женские крики. Сначала далеко, потом всё ближе. Хаос лавиной обрушился на посёлок. Вопли смешались с топотом копыт, бранью, лязгом железа. Раскатисто загрели взрывы.

Гард бросил угрюмый взгляд:

— Несколько часов, говоришь?!

Орм досадливо выругался: старый дурак, не усмотрел! Отвлёкся на тьму.

— Убирайся! Спасай женщин и детей, — взревел вождь. — Да молись Матушке, чтоб уберегла. Их кровь на твоей совести будет, шаман!

Последние слова он выкрикнул уже в спину. Выбравшись из юрты, Орм огляделся. В такой мешанине и самому потеряться недолго.

— Сюда! — выкрикнул он. — Бегите сюда! Живее!

Мечущиеся в панике женщины оборачивались, сбегались на его зов. В руках держали младенцев, узелки с едой, за их юбки хватались ревушие карапузы. Дети постарше помогали тащить припасы.

То и дело поторапливая, Орм привёл их к загонам. Лошади нервно всхрапывали, били копытами, чуя дым, принесённый ветром с другого края деревни.

Там и здесь среди юрт уже сверкали доспехи солдат. Крики, скрежет стали, пальба — всё слилось в оглушающий шквал. Пожар разрастался, огонь, перепрыгивая с юрты на юрту, заражал жилища, жадно пожирал их, оставляя после себя лишь пепел.

Вдалеке мелькали конские крупы. Альмод успел собрать воинов и теперь пытался увести прибрежцев от поселения, отвлекал на себя, засыпая противника стрелами.

Все, кто мог держать в руках оружие, встретили врага с яростным отчаянием. Сражались с ненавистью, граничащей с безумием, рубили, падали замертво, окрашивая пожухлую траву своей кровью.

Орм помог Агот забраться в седло и огляделся. Айджа нигде не было видно.

— К Тихой роще! И не оглядывайтесь! — скомандовал Орм. А ему ещё нужно найти мальчишку, пока не поздно.

— Я никуда без тебя не поеду! — дочь в ужасе смотрела на него блестящими от слёз глазами.

— Я отыщу Айджа и сразу за вами. Езжай! — он с силой хлопнул пегую кобылу по крупу, и та рванула вперёд, унося прочь возмущённые крики маленькой наездницы.

Переступая через убитых, Орм пробирался вглубь поселения. То и дело приходилось прятаться от солдат: воином он никогда не был, да и оружия, не считая посоха и ритуального кинжала, при себе носить не привык.

Стоило облегчённо выдохнуть, лишь только мимо пронёсся всадник в латах, громко понукая взмыленную лошадь, как из-за юрты выскочил солдат и, с криком занеся меч, бросился на Орма. В первый раз удалось увернуться, но следующий удар задел плечо, разорвав рукав куртки. Крепко сжимая в руках посох, Орм спокойно смотрел на врага. Даже шаману следует встречать смерть достойно, как и подобает каждому уругтанцу.

В воздухе тихо просвистело. Солдат с криком рухнул набок, зажимая руками ногу с торчащей из икры стрелой.

— Уходи отсюда, Орм! — крикнул охотник и занёс топор над раненым прибрежцем.

Коротко поблагодарив своего спасителя, он бросился на поиски мальчишки. Повсюду тела: уругтанцы, реже — королевские солдаты. Бой неравный, напали внезапно, резали всех подряд без разбору. Почему он увидел предупреждение так поздно? Неужели замысел Матери требует столько жизней?

Мальчишка нашёлся не сразу. Орм долго стоял над разрубленным пополам телом, не в силах принять утрату. Не уберёт, проглядел, опоздал... Прибрежцы не щадили танаиш, убивали с особой жестокостью, к зверью и то относились жалостливее. Будь они прокляты!

Неподалёку прогремел выстрел. Справа, совсем рядом, заверещал младенец. От его крика Орм словно очнулся, огляделся по сторонам и ринулся к загоревшейся юрте.

Младенец голышом лежал на козьей шкуре, захлёбываясь прерывистым плачем. Рядом, в паре шагов, вытянув руку, лежала лицом вниз молодая женщина. Орм хорошо знал её: ещё совсем недавно отхаживал несчастную после тяжёлых родов, молил Мать не оставлять дитя сиротой. А теперь она лежит у его ног с огромной раной на спине... Оставляя за собой кровавый след, она из последних сил ползла к своему чаду.

Он завернул ребёнка в шкуру и, прижав к груди, кинулся прочь. Спасти хотя бы этого. Раз Маа привела сюда, значит, хотела, чтобы дитя выжило.

Чудом увернувшись от пули, Орм обогнул очередную юрту, ещё не тронутую огнём, и едва не споткнулся об обезглавленное тела в знакомой куртке. В последней агонии мёртвая рука схватила его за щиколотку, и он, невольно отпрянув, тут же пристыдил себя: старый друг прощается, а он скачет, что трусливая девка.

— Возвращайся поскорее, Гард, а я уж отыщу тебя как-нибудь.

Взглянув на павшего друга в последний раз, Орм поспешил к загону. Повезло: нервно ударяя копытом землю, гнедой всё ещё дожидался своего хозяина.

С трудом взобравшись в седло, Орм окинул пылающий посёлок прощальным взором и ударил каблуками в бока животного.

— Пошёл, пошёл! — прикрикивал он, подгоняя коня, чтобы убраться подальше, чтобы не видеть больше смерти тех, кого знал, кто был ему дорог.

Дорога до Тихой рощи занимала чуть больше часа, а Орму казалось, что уже прошла целая вечность. Утомлённый собственным криком, младенец наконец-то заснул, тревожно причмокивая пальчик. Всю дорогу перед глазами стояло разрубленное на части тело мальчишки. Как же так вышло? Такой одарённый танаиш... Зачем Мать позвала его к себе? Какой в этом всё смысл?

Едва деревья перестали казаться сплошной бурой полосой, как Орм заметил рыжее пятнышко, мелькающее среди сухой травы. Он вымученно улыбнулся: дождалась, чертовка. Осиротевшая несколько лет назад, девчонка так привязалась к нему, что временами просто не давала проходу.

Как только Агот приблизилась, Орм протянул ей свёрток с младенцем и спрыгнул на землю. От долгой езды ноги затекли, мышцы дрожали от напряжения.

— Остальные ещё не вернулись?

— Нет, отец, — девчонка шмыгнула раскрасневшимся носом. — Я так боялась, что больше не увижу тебя!

Орм с нежностью потрепал огненную копну волос и направился к роще, где жалкая горстка спасшихся нашла убежище. Подвёл его Дар на этот раз. Как же он не увидел Решения раньше? Что помешало? Неужели та тьма? Нет не может она быть такой сильной. Маа никогда бы не допустила.

Равновесие — основа мироздания. Там, где сгущается тьма, свет становится ярче. Что-то грядёт, Орм чуял это нутром. Последние годы танаиш, дети нового мира, рождались всё чаще и чаще. Замысел здесь точно есть, и коли Мать пожелает, то сама откроет его, как открыла и часть мозаики. Или, может, это и есть то самое Решение?

Роща стенала рыданиями и скорбью. Женщины хватали его за рукава, спрашивали о мужьях, сыновьях, но что он мог им ответить? Разве в такой бойне что-то разберёшь? В ответ им Орм удручённо качал головой, подбадривал словом, просил мужаться.

В течение нескольких часов они встречали остальных. Раненые, усталые, в глазах безутешная тоска. Выжили немногие, но миссию свою всё же выполнили — спасли кого смогли. Видимо, в этот раз увидел Айдж куда больше него самого: крови пролилось слишком много.

К ночи вернулся отряд Альмода. Вроде уцелели почти все, но несколько лошадей всё же остались без всадников.

Не обнаружив среди выживших отца, молодой вождь, не сказав ни слова, ушёл вглубь рощи. Орм решил его пока не тревожить: пусть побудет один, выпустит горе. Слишком многое легло на его плечи всего за один день. И самое худшее, что ему придётся начинать всё заново, спасти свой народ от холода и голодной смерти. Хотя и народом их теперь не назвать — жалкая горстка стариков, детей да женщин. Защитников почти не осталось. Может, кто из других поселений и выжил, но не ходить же по равнинам разыскивать, когда в затылок уже дышит зима. Здесь бы самим пережить холода.

А ведь не первая стычка с побережцами, да только в этот раз король, видимо, сильно рассерчал. За несколько часов их едва не стёрли с лица земли, как букашек. Ничего, уруттанцам не привыкать. Подрастут молодые воины, родятся новые, но сейчас нужно думать не об этом. Возвращаться теперь некуда: посёлок сожжён дотла, стада разбрелись по всей равнине. Завтра поутру не мешает выловить хотя бы часть, чтоб молоко да мясо на первое время были. Только вот дальше что? Возвращаться на пепелище?

— Куда мы теперь пойдём, отец? — Агот протянула шаману пшеничную лепёшку с куском вяленой телятины.

— Увидим, — только сейчас Орм вспомнил, что не ел с самого утра.

Он жадно проглотил скудный ужин и запил его простой водой. Здесь, в роще, прожить можно. Ручей рядом, горы неподалёку, только вот псы да гиены... Они же замучаются отбиваться от тварей, больно их здесь много развелось. Да и Мыс слишком близко, не дадут им здесь покоя.

— Как там Альмод?

— Вроде ничего, — пожал плечами девчонка. — Вернулся к остальным, поел даже немного.

— Хорошо. Скажи ему, что я здесь жду, разговор есть.

Голоса за спиной постепенно стихали. Обессиленные, изморённые горем, уруттанцы погружались в тревожный сон. Завтра новый день, новая жизнь, начавшаяся со слёз утраты. Но рассвет, встреченный в слезах, обычно сулит улыбку счастья на закате. Боль поутихнет, добро наживётся, а погибшие обязательно вернуться рано или поздно, здесь уж как Матушка распорядится.

И всё бы ничего, вот только та тьма... Страшные времена грядут, это и без Дара почувствовать можно. Нет, возвращаться назад нельзя. Что толку пытаться возродить то, что скоро будет окончательно уничтожено? Не побережцами — чем-то куда страшнее. Знать бы только, сколько времени осталось.

За спиной сухо хрустнула ветка. Орм окинул сына вождя сочувствующим взглядом и жестом пригласил присесть рядом. Тот молча опустил на траву и сделал плоток из бурдюка. Орм недовольно нахмурился: явно не вода студёная.

— Мне жаль твоего отца. Гард прожил славную жизнь и обязательно вернётся в своё время.

— Я знаю, — вздохнул Альмод, — но легче от этого мне не становится.

— Оплачем погибших позже, молодой вождь. Выжить — вот что сейчас важно!

— Скажи, старик, как так вышло? Почему раньше не предупредил?

— Я вижу то, что Мать дозволит.

— А разве она не должна заботиться о своих детях? Что ж это за мать-то такая?

— В тебе говорит горе, Альмод, потому и не видишь главного. Подумай сам: ты жив — значит, так нужно. Выжили те, чей путь ещё не окончен. Разве нас Мать не уберегла?

Сын Гарда недоверчиво покривился.

— Теперь ты вождь! — Орм не сердился, понимал его, но как донести до юнца, что не время горевать, что от него теперь зависят жизни тех немногих, кто пережил этот день? — Так веди свой народ, а не сопли пускай. Твой отец бы такого не одобрил.

— А куда вести-то? — Альмод фыркнул. — Зима на пятки наступает, а мы без крова, без одежды, без

скотины... Раз ты такой мудрый, может, подскажешь?

Ещё по пути в рошу Орма посетила одна мысль. Сначала он отбросил её в сторону, не восприняв всерьёз, но сейчас она всё больше казалась как раз той спасительной соломинкой. И не только для уруттанцев — возможно, для всех живущих в этих землях. Во всяком случае он обязан это выяснить.

— Может, и подскажу, — задумчиво проговорил Орм. — Есть кое-что, да только неизвестно, что опаснее: остаться здесь или...

Молодой вождь невесело хмыкнул.

— Чего хмыкаешь-то? Сам же спросил.

— Ну хорошо, говори, шаман, перебивать не стану.

Орм опустил ладонь на плечо Альмода. Ещё мальчишка, и двадцати не стукнуло. Ни опыта, ни знаний, как бы не натворил чего на горячую голову. Тяжело же с ним придётся, но попробовать стоит.

— Исайлум, — он искоса поглядел на новоиспечённого вождя.

— Никогда! — мгновенно взъярился Альмод, но тут же осёкся и продолжил уже спокойным тоном. — Никогда я не попрошу помощи у этого проклятого танаиш!

— И напрасно! Ты ещё мальчишкой был, мало что понимал.

— А что тут понимать! — перебил Альмод. — Он убил Ауд.

— Севир не убивал её, ты прекрасно это знаешь.

— Но он её не уберёт!

— Не забывай, Севир потерял не только Ауд, но и собственное дитя, которое она носила под сердцем. Он любил твою сестру, можешь в этом не сомневаться.

— А мне за это ему в ноги кланяться? Мы приняли его как своего, хотя по закону он враг. Да, Севир танаиш, дитя природы и всё такое, но разве не ты постоянно повторяешь, как опасны рабы Легиона и какое зло они в себе таят? А отец принял его, даже женил на единственной дочери, доверил самое ценное. И что из этого вышло?!

Устало вздохнув, Орм поднял голову к небу, на редкость для осени чистому, без единого облачка. Звёзды мириадами усыпали бездонный простор, складывались в узоры, мерцали и переливались алмазами.

— Взгляни на небо, сын Гарда. Как много звёзд, и каждая из них — песчинка в бесконечном океане мироздания. И у каждой есть своё предназначение. Ни ты, ни я даже не догадываемся о смысле их существования, но это не значит, что его нет.

— К чему сейчас эта пустая болтовня, шаман? — досадливо отмахнулся молодой вождь. — Или, может, звёзды подскажут мне, как отстроить новые жилища? Или чем накормить завтра мой народ?

— Нет, не подскажут. Никто не подскажет. Но запомни, Альмод: у всего есть смысл, и неважно, постигнешь ты его или нет. Севир пришёл к нам не зря. Не просто так и твой отец принял его вопреки обычаям. Даже смерть Ауд — часть замысла Матери. И больше того, я чувствую: этот день — очередное звено событий, смысла которых мне пока не понять. Пока...

— Хочешь сказать, вся эта кровь пролита сегодня только ради того, чтобы мы попали в Исайлум? — Альмод насмешливо посмотрел на него.

— Думаю, да. Что мы теряем, в конце концов?

— Честь и гордость, вот что! Да я и крохи хлеба не приму из рук этого ублюдка.

— Ты просил моего совета, и ты получил его. Исайлум — единственное место, где мы сможем перезимовать, не рискуя замёрзнуть насмерть или быть растерзанными диким зверьём. Решение за тобой, Альмод, но определись, наконец, кто ты — вождь или заносчивый мальчишка, трясущийся над собственным самолюбием.

Король — второе лицо после Сената, представляющее государство и народ. Любое принятое монархом решение, касающееся политических вопросов, считается законным, если оно входит в его полномочия или официально одобрено Сенатом. Дополнительные полномочия монарха определяет Сенат, исходя из интересов граждан государства.

Заветы потомкам, 08.030

Твин с наслаждением растянулась на непривычно просторной лежанке. После сытного обеда клонило в сон. Кормили в замке вкусно, в добавке не отказывали, и все, не упуская случая, объедались до отвала. Она и вспомнить не могла, когда в последний раз доводилось так набить живот, да к тому же полдня бездельничать.

Всего в замке держали дюжину скорпионов, не считая их шестерых. Кроме Восемьдесят Третьей, старшей по казарме, и Морока, который оказался неплохим малым с отличным чувством юмора, она успела познакомиться ещё с пятью. Остальных худо-бедно знала с терсентума.

Сейчас старожилы отсутствовали: кто на тренировках, кто на службе. Новеньких же оставили дожидаться смотра. Время тянулось медленно, час сменялся другим, а за ними всё не приходили. Хотя Твин это не особо огорчало. Наслаждаясь приятным ничегонеделанием, она краем уха слушала болтовню собратьев, иногда вставляя пару-тройку слов для поддержания разговора.

— Может, про нас забыли? — Триста Шестой нервно щёлкал костяшками пальцев.

— И что с того? — Шустрый громко зевнул.

— Ну не могу я вот так, без дела, — посетовал тот. — Может, кости разомнём? Кто за спарринг?

— Шёл бы ты со своим спаррингом к смергу... в дупло, — проворчал Девятнадцатый. — У меня эти выпасы уже поперёк горла стоят.

— Ну ты сравнил! Спарринг — это тебе не выпасы. Для Арены пригодится, — Триста Шестой мечтательно вздохнул.

— Что, никак не даёт покоя слава Двести Седьмого?

— А даже если так! Всё лучше, чем в сопровождение. Прикинь, всю жизнь таскаться за кем-то или, того хуже, торчать у двери ночи напролёт, пока хозяин попукивает в своей тёпленькой койке. Хороша перспектива, нечего сказать!

— Согласен, — поддержал Харо. — Лучше на Арене подохнуть, чем до самой деструкции вылизывать задницы свободным.

— Ну это ещё с какой стороны посмотреть, — Девятнадцатый закинул руки за голову. — Если мозги на месте, всегда можно неплохо устроиться.

Харо презрительно фыркнул, и Твин его прекрасно понимала. Девятнадцатому легко говорить — со смазливой рожей жить среди свободных куда проще. В гладиаторах у Сорок Восьмого будет хоть какой-то шанс показать себя. Всё лучше, чем всю жизнь терпеть брезгливые взгляды господ. Но в его неуёмном стремлении к саморазрушению было что-то ещё. Что? Она могла только смутно догадываться. Быть может, причина в одиночестве или в желании быть кому-то нужным... Кто ж его разберёт! Из него и слова лишнего не вытянешь, а стоит только затронуть эту тему, так вовсе послать может. Всё твердит, что ему и так нормально. Совсем замкнулся после Дис...

— Не спишь? — спрыгнув с верхнего яруса, Слай примостился рядом.

«Вот тебя тут только и не хватало!»

— Тебе своего места мало? — Твин неохотно подвинулась.

— А может, я соскучился, — он придвинулся ещё ближе и потянулся к её губам, как бы проверяя, не пойдёт ли.

Соскучился он! И часа спокойно отдохнуть не даст...

— Ну и наглый же ты, Семидесятый! — нарочито проворчала она, но отталкивать его не стала.

Довольно улыбнувшись, Слай запустил руку ей под рубаху, другой притянул к себе. Твин рывком перехватила его запястья и прижала руки к стене, потом забралась сверху:

— Проверим, кто кого? Победителя призов.

— Гляди, Триста Шестой, — хохотнул Шустрый, — тут без тебя спарринг устроили.

— От такого спарринга и я бы не отказался, — ехидно встрял Девятнадцатый.

Недобро сощурившись, Слай пристально посмотрел на шутника. Знакомый взгляд, не суливший тому ничего хорошего.

— Даже не думай! — Твин склонилась над ним и, дразня, легонько коснулась его губ, но тут же отстранилась.

— Победителю призь, говоришь? — он ловко высвободил руки, нежно сдавил её шею и прильнул к губам, приоткрывая их кончиком языка.

Твин чертовски заводило, когда его дыхание делалось тяжёлым, прерывистым. Внизу живота сразу приятно заньло. Она упёрлась ладонями ему в грудь и задвигала бёдрами, наслаждаясь его твёрдой готовностью.

— Да вы издеваетесь, мать вашу! — завозмутился Девятнадцатый. — Я кроме смотра вообще ни о чём думать не могу, а вам лишь бы потрахаться.

— Тихо вы все! Идёт кто-то, — резко подскочив, Шустрый напряжённо уставился на дверь.

Твин замерла, прислушиваясь к уже различимым шагам.

— Чёрт, как всегда вовремя! — Слай прижал её к себе, и она только и успела заметить, как воздух вокруг заколебался, будто в жару над раскалённым песком.

— Перестань! — упрекнула Твин. — Может, это за нами.

В дверях показалась знакомая фигура. Восемьдесят Третья молча окинула всех внимательным взглядом:

— Где ещё двое?

— Здесь, куда ж им деться, — Триста Шестой ткнул пальцем в сторону их койки.

— Все ко мне, сейчас же! — рявкнула старшая.

От волнения в животе образовалась пустота — вот и пришло время. Неважно, выберут её в гладиаторы или нет, лишь бы с Семидесятым не разлучали.

Поколебавшись, Твин мягко оттолкнула Слая, и тот с недовольным ворчанием рассеял маскировку.

— Ловко! — подметила Восемьдесят Третья. — Пошевеливайтесь уже.

Расправив рубаху, Твин направилась к старшей. Слай, продолжая что-то бурчать под нос, двинулся за ней следом. И вот как у него это получается — злиться, что их так грубо прервали, когда вот-вот решится их судьба?

— Слушай сюда, кузнечики! Раздевайтесь до штанов и повяжите это на пояс, — она небрежно бросила на ближайшую лежанку пучок красных лент.

— Мне это тоже снимать? — Твин стянула мешковатую рубаху, оставшись в нагрудной повязке, схваченной на плечах крест-накрест тонкими ремешками.

— Не, это можешь оставить, чтоб господ не смущать.

— И на том спасибо! — язвительно скривилась она. Сам факт, что на неё в таком виде будут пялиться свободные, мало воодушевлял. Ещё б донага приказали раздеться.

— А это что? — Триста Шестой брезгливо приподнял ленту двумя пальцами.

— Отличительный знак. Ну что, желторотики, готовы?

— Отличительный? — затянув узел на ленте, Слай подозрительно выгнул бровь. — Что-то не понял, там другие будут?

— Сами всё увидите, — раздражённо отмахнулась Восемьдесят Третья. — И давайте веселее, вас уже ждут.

Дождь прекратил моросить только к обеду, но небо всё ещё оставалось затянутым серыми тучами. Манеж, служивший сегодня ареной, пока пустовал, лишь в дальнем углу кучковались шестеро с обнажёнными торсами и синими лентами на поясах. Гладиаторы. Ждут своего часа.

Максиан украдкой взглянул на Ровену. С каменным лицом, принцесса не сводила глаз с полупустого манежа, задумчиво перебирая тонкими пальчиками жемчужные бусы. Знакомая безделушка. Кажется, они принадлежали Лисс.

Чуть левее оживлённо шептались дочери Юстиниана. Королева устроилась на мягкой софе рядом с мужем. По обе стороны монаршей четы расселись приглашённые: такие же заядлые игроки, как и сам король. Это они привели своих рабов, и теперь обсуждали между собой размеры ставок.

— Как насчёт по восемьсот на каждую голову? — предложил Далмаций, сморчок сморчком, однако потомственный владелец крупнейшего оружейного цеха в Прибрежье.

— Можно и округлить, — отозвался Гай, глава одной из самых богатых семей столицы. Долговязый и щуплый, с жидкими бесцветными волосами, он чем-то походил на серого палочника, виденного Максианом во время визита в Серебряные Долины. — Чего мелочиться из-за жалких пары сотен.

— Будь по-вашему, — сдался Юстиниан. — Корнут, вы хорошо ознакомились с досье?

— Безусловно, Ваше Величество.

— Прекрасно. Хотелось бы обойтись без досадных неожиданностей. Я, конечно, полагаюсь на своё чутьё, оно у меня довольно острое в этом вопросе, но, судя по недавнему опыту, даже оно способно подвести.

— Не стоит себя винить, Ваше Величество, — заискивающе пролепетал Гай. — Осквернённые всемь

непредсказуемые существа. Даже такой искушённый игрок как вы не всегда способен предугадать исход боя.

— В этом-то и весь смысл, — Юстиниан назидательно поднял указательный палец. — Какое же удовольствие в предсказуемости?

Гости с умными физиономиями закивали. Максиан едва сдержал улыбку, умиляясь столь откровенному лицемерию. Интересно, в чём тогда смысл проиграть целый миллион, а потом хладнокровно убить своего единственного чемпиона? Да король ещё более непредсказуем, чем те, кого он так презирает. Возможно, в этом его преимущество, но слишком уж оно всё пахнет безумием.

— Кстати, о предсказуемости, — Юстиниан повернулся к Максиану. — Что насчёт закона, о котором я вам говорил? Насколько мне известно, Корнут давно подготовил всё необходимое.

— Да, Ваше Величество, я уже получил весь пакет документов. Заседание по вашему вопросу назначено на первый месяц зимы.

— Это вы так пошутили? Может, ещё до весны отложить? Куда торопиться, не так ли?

— К сожалению, Сенат слишком загружён вопросами, которые невозможно проигнорировать. К тому же сейчас не самый подходящий момент после того скандала с газетчиками. Наберитесь терпения, Ваше Величество, мне ещё предстоит переговорить с сенаторами с глазу на глаз.

— Я полагаюсь на вас, Максиан. Не забывайте об этом.

«Ещё бы ты не полагался! Сам же прекрасно понимаешь, что шансов у тебя меньше, чем у осквернённых получить свободу. Даже твоё золото для взяток не спасёт. Кто захочет добровольно впустить в свой дом неотёсанных полицаев в грязных сапогах? Закон твой, дорогой Юстиниан, не менее абсурден, чем предлог для его принятия».

— Наконец-то, — Корнут подошёл к ограждению и чуть подался вперёд, обращаясь к начальнику гвардейцев. — Ведите их уже.

Из ворот на противоположной стороне манежа показались новые скорпионы короля. Надзиратель трусцой поспешил им навстречу, месяц промокший песок тяжёлыми сапогами.

Максиан с любопытством вглядывался в пока ещё плохо различимые фигуры. Один из рабов, низкорослый и тощий, как бездомный кот, сильно выделялся на фоне остальных. Грудь невольника скрывала узкая повязка. Женщина. Впрочем, ничего удивительного, среди скорпионов их хватает, хотя встречаются они куда реже.

Надзиратель добрался до конца импровизированной арены и теперь торопливо подгонял осквернённых к ложе.

— Корнут, что это за недоразумение? — чванливо поинтересовался король, указав пальцем на рабыню. — Вон там, с левого края.

— Не спешите с выводами, Ваше Величество. Особь весьма примечательная.

Скорпионы остановились в десятке шагов и преклонили колена, не смея поднять глаз на ложу. Юстиниан внимательно изучал своих новых рабов, и на его лице отчётливо читалось глубокое презрение.

— Номер триста шесть! — проголосил Корнут, одним глазом подглядывая в папку с досье.

Один из осквернённых выпрямился во весь рост. Бритоголовый, впрочем, как и остальные, широкоплечий верзила с приплюснутым носом и шрамом над верхней губой.

— В досье указано, он использует скверну как силу. Также на короткое время создаёт вокруг себя защитное поле.

— Недурно! — с хитрой улыбкой прокомментировал Гай. — Интересно посмотреть его в деле.

Король одобрительно кивнул.

— Семидесятый.

Скорпион с довольно симпатичной физиономией и лукавым прищуром глаз неспешно, даже вальяжно, поднялся с колен и с любопытством уставился на присутствующих.

— Какой наглец! — расхохотался Юстиниан. — Не томите, Корнут. Что на этот раз?

— Становится невидимым, Ваше Величество.

— Хм... Полезная способность!

— Деятнадцатый! — Корнут коротко глянул на поднявшегося. — Кожа прочна как доспех. Практически неуязвим.

— Практически? — мигнул король.

— Травмы возможны, но при весьма особых обстоятельствах.

— Хорошо, продолжайте.

— Номер сорок восемь.

Максиан в очередной раз посмотрел на Ровену. Принцесса холодно скользнула по нему взглядом и отвернулась. Пусть злится, со временем поостынет. Пора ей привыкать, что в жизни не всегда всё складывается именно так, как того хотелось бы.

Королева брезгливо фыркнула:

— Ну и уродец!

Привлечённый её реакцией, Максиан обернулся на невольника. Весь в татуировках, лицо походило на оскаленный череп, не до конца сформировавшийся нос и сплошь чёрные глаза вполне гармонично дополняли его образ. Жуткий тип, но доводилось видеть и похуже.

— Чрезвычайно меткий стрелок. Вдобавок, усиливает урон снаряда. Мне кажется, он отлично подходит для сопровождения.

— Не знаю, Корнут, на арене он будет смотреться намного уместнее, — Юстиниан задумчиво пригладил бороду.

— Как вам угодно, Ваше Величество. Пятьдесят девять. Останавливает время. Владеет сокрушительным ударом.

Сердце Максиана глухо ухнуло. Наверное, ослышался. Он пристально посмотрел на девчонку, надеясь убедиться, что это всего лишь разыгравшееся от напряжённых дней воображение.

Воображение оказалось ни при чём. Да что же это?! Седой ведь обещал! Может, это какая-то ошибка? Корнут вполне мог что-то напутать.

Но её лицо... Как же она похожа на Анну! Максиан не мог оторвать глаз от осквернённой, а в груди боролись гнев с отчаянием. Несомненно, это она, его дочь!

В эту минуту он готов был придушить Седого голыми руками. Пёс поганый, чтоб ему пусто было! Как красив заливал: «Золота припаси — и будет тебе счастье!»! А он и рад был уши развесить... Простофиля!

— И наконец, двести восемсем... К-хм... Прошу прощения. Двести восемьдесят седьмой, — Корнут бросил тяжёлый взгляд на скорпиона, словно тот виноват в его оговоре. — Скорость, отличные навыки ближнего боя.

— Замечательно! — Юстиниан вскинул руку, давая знак, что пора начинать. — Время для ставок, господа.

— Пять синих и один красный, — заявил Далмаций.

— Ставлю на четырёх синих и двух красных, — внёс свою лепту Гай. — А что насчёт вас, Ваше Величество?

— Пожалуй, три на три, — поразмыслив, отозвался Юстиниан.

— Интересное решение, — Далмаций слащаво улыбнулся.

Максиану потребовалась вся имеющаяся выдержка, чтобы взять себя в руки и не привлечь к себе излишнего внимания. Всё, к чему он стремился все эти годы, лишилось смысла. Сейчас, на этой «арене», едва очищенной от конского навоза, определится дальнейшая участь его дочери. А ему остаётся молить богов, чтобы её не выбрали в гладиаторы. Возможно, тогда у него ещё будет шанс повлиять на её судьбу.

Холод — последнее, что сейчас заботило Твин. Хуже и не придумаешь: без маски, полуобнажённая, выставленная на всеобщее обозрение, она не могла перестать думать о странном господине в чёрном пиджаке, что так пристально рассматривал её. Нечто жуткое улавливалось в его взгляде, непонятное, а то и вовсе зловещее. Слай тоже это заметил, и теперь то и дело угрюмо косился на ложу.

Их оставили ждать в стороне, пока гвардеец в алых доспехах раздавал приказы другим осквернённым. То, что им придётся с кем-то сражаться, стало ясно ещё в загоне. Вполне предсказуемо: как ещё новому хозяину убедиться в их пригодности для Арены?

Но это ерунда в сравнении с никак не унимающейся тревогой. В груди неприятно ныло в предчувствии чего-то недоброго, и Твин прислушалась к своим ощущениям. Нет, они точно не принадлежат ей. Её вдруг осенило: «Альтера! Вот оно что! Ну посмотрим, что у тебя на этот раз».

Сконцентрировавшись, она мысленно утончила воображаемую стену, давая Альтере возможность говорить. Но та почему-то молчала...

«Неужели я чую страх?»

Ответа не последовало. Альтера закрылась, и тревога тут же рассеялась.

Это что-то новенькое! Интересно, с чего бы вдруг?

— Что-то не так? — Слай исподлобья зыркнул в сторону господина в пиджаке. — Всё из-за того ублюдка, да?

— Утомись уже! Я в порядке, — Твин оглянулась на Харо. Тот немигающе смотрел на ложу. — На кого это он так уставился?

— Видишь ту девицу? Вон, у самого края, — Слай многозначительно улыбнулся.

Твин мельком глянула, куда он указывал. Теперь всё ясно. Незнакомка и впрямь очень красива: длинные золотые волосы, миловидное личико, выразительные глаза. Да что говорить, даже таких нарядов видеть ещё не доводилось.

— Понятно, — протянула Твин. — Эй, Харо! Что там у нас с синими?

— Два скорпиона, остальные ординарии, — не оборачиваясь, бросил друг.

— Да хорош уже на неё пляиться! Знаешь, что за такое могут сделать? — Слай выпятил большой и указательный пальцы, изображая огнестрел, и нацелился в висок друга. — Или вздёрнут на ближайшем суку.

Харо что-то невнятно буркнул, но от ложи всё-таки отвернулся.

— Ну что, готовы надрать говнюкам задницы? — Деятнадцатый демонстративно разминал плечи.

— Было бы что драть, — разочарованно вздохнул Триста Шестой. — Хлюпики какие-то.

— Так даже лучше, верно, Сорок Восьмой? — ощерился Деятнадцатый. — Хотя сомневаюсь, что тебе по зубам даже кто-то из них. Слушай, когда тебя будут иметь, советую расслабиться и получать удовольствие. Как знать, может, тебе понравится.

— По собственному опыту судишь? — огрызнулся Харо.

— А не пошёл бы ты на х... Уй! За что?! — Шустрый двинул ему в бок, так и не дав завершить напутствие.

— Да завалитесь уже! — процедил тот. — Достали вы оба своей грызнёй.

Гвардеец наконец закончил с командой противников и теперь торопливо шагал к ним.

— Дерётесь до первой крови, — заявил он, приблизившись, — и без сюрпризов, ясно? Вон, видите охрану? Пристрелят на месте, и квакнуть не успеете.

Выдержав небольшую паузу, гвардеец обвёл их оценивающим взглядом, затем ткнул пальцем в Триста Шестого и Слая:

— Ты и ты — пойдёте первыми. Потом вы двое. Девчонка с пугалом последние. Начинаем по сигналу.

С этими словами он отошёл в сторону и, набрав побольше воздуха, протяжно дунул в рог.

— Что-то я не понял, кого это он пугалом назвал? — Харо оскалился на гвардейца.

— Догадайся с трёх попыток, тугодум, — Деятнадцатый гаденько хихикнул.

Твин незаметно коснулась руки Слая:

— Удачи!

— Она мне не понадобится, — задорно подмигнул он и вместе с Триста Шестым направился к центру арены.

Уверенной походкой к ним навстречу уже шли двое. Твин не сводила глаз с Семидесятого, а сердце предательски колотилось. Это не спарринг на тренировочной площадке, как знать, чем всё может закончиться. Конечно, убивать никто никого не станет, но мало ли...

Синие разошлись в стороны. Слай подался чуть правее, атаковать не спешил: оценивал соперника. Ординарий, но выше него едва ли не на голову, шире в плечах, массивнее, хотя по этому поводу Твин не волновалась — Семидесятый давно выработал собственную стратегию, и размеры врага для него не имели особого значения. По крайней мере до сегодняшнего дня. Куда опаснее хист, если он вообще имеется. Понятное дело, ординарий скорпиону не ровня, но и среди них встречаются достаточно опасные противники.

Высокий медленно приближался. Слай принял оборонительную стойку, нелепо закрыв кулаками лицо. Твин улыбнулась: знакомый приём. Этот точно клонет.

Поведя плечами, соперник атаковал. В самый последний момент, когда удар должен был обрушиться Слаю на голову, кулак ординария вдруг беспрепятственно прошёл сквозь воздух.

Со стороны ложи послышался одобрительный возглас.

Синий недоуменно завертелся по сторонам, потом что-то раздражённо выкрикнул. Внезапно ноги его подкосились, и он бухнулся в песок. Слай появился прямо перед ним и с размаху въехал коленом в челюсть.

Ординарий закачался и завалился вперёд.

Крепкий гад! От такого удара челюсть должна крошиться в щепки как нефиг делать.

Слай снова исчез, не дожидаясь, пока противник очухается. Зря спешит хистовать, лучше бы силы поберёг.

С трибуны сердито крикнули. Кому-то из господ явно не понравилась тактика Семидесятого.

Высокий тряхнул головой, подскочил, начал наугад месить воздух вокруг себя. Слай появился слева, пригнулся, уворачиваясь от кулака, и нанёс удар в живот. Затем второй, потом снова исчез. Высокий согнулся, чуть попятился и замер, уставившись зачем-то на песок. В какой-то момент, резко выпрямившись, он со всего маху двинул кулаком в пустоту.

Рядом чертыхнулся Харо. Твин затаила дыхание, надеясь до последнего на промах, но ординарий всё же угадал — Семидесятый, сбитый с ног мощным ударом, валялся в песке, пытаясь подняться.

Противник замахнулся ногой, целясь в голову, но Слай в последний момент успел откатиться в сторону и применил маскировку.

— Добивай его уже, хватит выделываться, — напряжённо прошептала Твин.

Ординарий кружился волчком, высматривая в песке следы. Вскоре сообразив, что второй раз его уловка не сработает, он замахнулся, видимо, полагаясь на удачу, но впустую. Снова появившись, Слай обрушил удар, тяжёлый, с оттяжкой, и Твин показалось, что даже отсюда она услышала хруст сломанной переносицы.

Семидесятый больше не хистовал. Следующий удар он нанёс ординарию под ухо: бил наверняка, чтобы тот

уже не поднялся. Соперник пошатнулся, завалился набок, но всё-таки не отключился. Тогда Слай оседлал его и продолжил добивать, пока тот в конце концов не поднял три пальца вверх, принимая поражение.

Протяжный гул рога оповестил, что бой окончен.

Только сейчас Твин вспомнила о Триста Шестом, но с ним, как всегда, всё было в порядке. Скрестив руки на груди, здоровяк стоял рядом с поверженным противником и с интересом наблюдал за поединком друга.

Гвардеец поманил рукой победителей. С довольным видом, под жидкие аплодисменты они подошли к господской ложе. Хорёк что-то сказал им и отправил восвояси.

Повезло — Слай отделался лишь лёгким испугом, хотя правый глаз уже начал заплывать, а из раны на переносице сочилась кровь. Главное, что переломов нет, а синяки да ссадины заживут быстро.

— Непростые ребята, будь начеку, — шепнул он ей.

— А неплохо так этот хрен тебе всадил! — Десятнадцатый восторженно заржал.

— Я сейчас сама тебе всажу, если не уймёшься! — не выдержала Твин. И как можно быть таким говнюком?!

— Позже, крошка, — подмигнул тот, — не у всех же на виду.

Ей с трудом удалось удержать Семидесятого. Разгорячённый боем, он готов был разорвать мудака на части, если это, конечно, вообще возможно.

Рог затрубил вновь. Десятнадцатый хрустнул костяшками, послал воздушный поцелуй Твин и вместе с Шустрым бодро зашагал навстречу противникам.

Она проводила их хмурым взглядом и повернулась к Харо:

— Кто их соперники?

— Скорпион тот, что слева.

— Значит, нам достанется второй.

— Как видишь.

Она снова почувствовала на себе чей-то взгляд и непроизвольно оглянулась. Человек в чёрном пиджаке тут же отвернулся. Да что ему нужно! Почему так пялится?

— Хрена себе!

Привлечённая возгласом Триста Шестого, Твин посмотрела на арену. Шустрый неподвижно лежал на песке. Над ним возвышался ничем не примечательный соперник — обычный скорпион, подтянутый, невысокий.

— Как это он его... — она удивлённо заморгала, — так быстро?

Слай разочарованно пожал плечами:

— Нефиг клювом щёлкать.

— Одним ударом вырубил, — Триста Шестой присвистнул. — Мощно!

Десятнадцатый, кажется, смекнул, что здесь не шутят и, бросившись со всей дури на своего противника, сбил его с ног. Похоже, страх придавал ему сил: он орудовал кулаками без передышки, пока враг не перестал сопротивляться и не поднял руку, принимая поражение.

Бой закончился. Аплодировали все сидящие, кроме той, светловолосой, на которую залип Харо.

— Неплохо! — похвалил Триста Шестой. — Суетливо маленько, но с чувством.

— И с обосранными портками, — хмыкнул Слай.

Шустрый уже очухался: привстал, держась за голову, и оглядывался по сторонам. Раздосадованно сплюнув, Триста Шестой кинулся ему на помощь, когда Десятнадцатый ленивой походкой проплыл мимо поверженного собрата.

— Ну ты и козёл! — бросил ему Слай.

— А что такого? — тот изобразил саму невинность. — Руки-ноги целы, сам доковыляет.

— Как это он тебя так быстро? — спросила Твин, когда Шустрый остановился рядом, держась за плечо друга.

— Хистанул, говнюк, — он обиженно шмыгнул носом. — Башка до сих пор раскалывается.

Да, не свезло ему. Оставалось надеяться, что у другого скорпиона хист окажется менее опасным или хотя бы он не будет вырубать одним ударом.

Вновь затрубил рог. Оставшиеся противники двинулись вперёд, к середине арены.

— Будь осторожнее, малыш, — Слай украдкой коснулся её руки.

Твин шумно выдохнула, затем повернулась к Харо:

— Который из них скорпион?

— Тот, помельче.

— Хорошо. Он мой, а ты займись громилой.

— С чего это вдруг? — ошетинился Сорок Восьмой.

— Спорить сейчас будем? — Твин вызывающе посмотрела ему в глаза. — Сказала же, бери того здоровяка!

Харо недовольно оскалился, но уступил. Видно, всё-таки задела его самолюбие. К чёрту, пусть дуется! Его победа на первом месте — сам же рвался в гладиаторы.

Скорпион быстро приближался. Поджарый, с наглой улыбочкой — как самонадеянно! Видно, опыт в таких боях имелся. Твин остановилась в нескольких метрах и приготовилась. Взгляд случайно скользнул по клейму, и она ненароком улыбнулась. Тринадцатый. Счастливый номер!

Мериться силой с ним бесполезно — переломит её пополам, как пруттик. Нужно работать на скорость. Пусть он выбьется из сил, а потом она нанесёт решающий удар.

Твин мельком взглянула на друга. Тот действовал по тому же принципу: ловко уворачивался от кулачищ громилы, держал дистанцию, копил силы. Главное, чтоб долго не тянул.

Скорпион плотоядно ухмыльнулся и бросился на неё. Твин подпустила его поближе, подалась влево, дождалась замаха и нырнула под руку. Её кулак крепко врезался в бок врага.

— Неплохо! — выдавил Тринадцатый, потирая ушибленное место. — Скучно нам с тобой точно не будет.

Радоваться рано. Соперник пока изучает её, небрежные движения выдавали его с головой. Каким бы ни был его хист, на себе проверять не очень хотелось.

Замах, уклонение, ещё замах. Твин снова увернулась и неожиданно наткнулась на кулак снизу. Дыхание спёрло и, не удержавшись, она рухнула на колено. Острая боль в ребре не давала вздохнуть, перед глазами заплясали разноцветные круги. Скорпион же отступил: играет, не спешит добивать.

Дождавшись, когда боль поутихнет, она поднялась и изготовилась. В следующий раз она уже на такое не попадётся.

— И это всё, на что ты способна? — Тринадцатый с издёвкой поцокал языком. — Слабые же пошли желторотики!

Провоцирует. «Ничего, ещё поглядим, кто кого».

Она оглянулась на Харо, что в этот момент едва увернулся от огромного кулачища. И на виске, кажется, кровь...

Краем глаза Твин успела заметить движение. Вовремя отпрыгнув от атаковавшего противника, она попятилась. Знакомая ярость шевельнулась в груди. Альтера объявилась. Может, и правда стоит её выпустить? Хоть какая-то от неё польза.

Тринадцатый казался неумолимым, даже не вспотел, пёс бы его побрал! Твин держала дистанцию, вела его за собой, подзадоривала едкой ухмылкой, но противник осторожничал, всё чего-то выжидал.

Нужно заставить его хистануть! Это ослабит засранца, отберёт энергию. Главное — вовремя увернуться.

«Ну что, подруга, тогда твой выход», — она мысленно разрушила барьер. Воля Альтеры с лёгкостью отбросила несопротивляющуюся Твин, завладела телом. К такому никогда не привыкнуть: всё видишь, чувствуешь, но как будто со стороны, даже не в состоянии вмешаться в происходящее. А ещё ярость — жгучая, неистовая и невыносимо мучительная.

— И долго ты ещё собираешься скакать? — Тринадцатый, казалось, начинал терять терпение. — Сражайся, соплячка! Не позорь скорпионов.

— Сам напросился! — Альтера злорадно хохотнула. По рукам пробежало обжигающее пламя. При свете дня его почти не заметно, и это хорошо — можно застать врасплох.

Она прыгнула на скорпиона, целясь в ехидно оскаленную рожу. Тот скрестил руки над головой и неподвижно застыл.

Время остановилось.

«Только не прибеи... — Твин осеклась. Странная поза для защиты... Что это он удумал? — Стой, здесь что-то не так!»

Но поздно: Альтера в прыжке врезалась в невидимую преграду; время тут же вернуло свою власть, а Твин — контроль над телом.

По воздуху прошлась мелкая рябь, чужая сила безжалостно отшвырнула в песок. Боль разрывала на части, мышцы сковало, судорога охватила всё тело. Альтера бесследно испарилась, будто её и не было. Теперь самой всё разгребать. Твин сжала зубы, не в силах даже стонать от боли.

— Готова! — Тринадцатый победоносно навис над ней. — Так и быть, разрешу у меня отсосать, но сначала отдай-ка этого.

Его сапог с силой врезался ей в рёбра. Дыхание спёрло, но из-за судорог боль почти не чувствовалась. Скорпион снова замахнулся, но внезапно пошатнулся и рухнул рядом.

— Поднимайся! — послышался голос Харо.

Твин попыталась пошевелиться, но безрезультатно. Мучительно скривившись, она с бессилием смотрела на протянутую руку друга. Судороги только начали отпускать.

— Ну же! — поторопил друг.

В этот момент она заметила за его спиной того самого громилу. «Какого чёрта, Харо! Зачем полез, когда не просят?!»

Твин попыталась предупредить его, но из груди вырвался только слабый хрип. Здоровяк сбил Харо с ног и принялся осыпать его ударами, не давая продохнуть.

Твин попыталась встать, вот только тело слушалось плохо, ноги подкашивались. Она хотела помочь другу, но силы словно кто-то высосал, оставив лишь пустую оболочку.

Громила наконец поднялся, оставив Харо лежать на песке. Тот с трудом перевернулся на живот, сплюнул кровью.

Кровь. Её так много... Всё лицо Сорок Восьмого залито ею. Сам виноват, говорила же заняться ординарием Герой, мать его.

Тринадцатый уже очухался. Неторопливой походкой он приблизился к Харо и всадил сапогом ему в бок. Ординарий, не желая пропускать веселье, тут же присоединился к своему напарнику.

Твин всё же удалось подняться и, пошатываясь, двинулась на стоящего к ней боком громилу. Нужно хоть как-то отвлечь их, они же его убьют! Сил хватило на неуклюжий прыжок. Пальцы вцепились в скользкие от пота плечи, колени упёрлись в поясницу.

— Отвали, сучка! — прорычал ординарий и, дёрнув её за руку, с лёгкостью отшвырнул на землю.

Она только и успела перевернуться на живот, и тут же от тяжёлого удара потемнело в глазах. Где-то вдалеке послышался сигнальный рог...

— Твин! Ты меня слышишь?

Она с трудом разлепила глаза. К горлу подкатывала тошнота, тело ломило от боли, а голова раскалывалась на части. Да уж, бывало и получше.

— Можешь подняться?

Только сейчас Твин сообразила, что перед ней Слай. Ухватившись за протянутую руку, она с трудом удержалась на ногах и повисла на его плече.

— Харо?

— Живой вроде, — Триста Шестой склонился над ним, помогая подняться.

Твин вымученно улынулась: смотри-ка, даже держится на ногах! Крепкий, засранец! Победители ещё стояли у ложи. Значит, в отключке провалялась недолго.

— Идти сможешь?

— Думаю, да, — шаги давались с трудом, без помощи точно бы не добралась.

Девятнадцатый, как ни странно, промолчал. Наверняка припас какую-нибудь гадость на потом.

Шустрый подхватил под руку Харо. Тот что-то неразборчиво проворчал, но упираться не стал. Досталось ему прилично: кровь залила лицо так, что татуировок почти не видно.

— Дерьмово выглядишь, братишка, — Твин не удержалась.

— Ты тоже ничего, — он вымучил слабую улыбку, правда, вышла она у него жутковато.

Проведя рукой по щеке, Твин непонимающе посмотрела на перепачканную красным ладонь. А это ещё откуда?

— Бровь рассечена, — Слай перехватил её запястье. — Не трогай.

— Неплохо повеселились, — Харо сплюнул. — Керсу бы точно понравилось.

— Ага, конечно, — Слай ухмыльнулся. — Тоже мне, нашёл любителя помахать кулаками. Да он мастак продувать в спаррингах!

— Так я и говорю, ему б понравилось.

Твин громко рассмеялась, но тут же умолкла: гвардеец в алых доспехах поднял руку, приказывая им подойти к ложе.

— Сама дойду, — буркнула она, сняв руку с плеча Семидесятого. И так, что та побитая псина. Ещё не хватало, чтоб её на себе тащили!

Харо тоже отказался от помощи и, спотыкаясь, поплёлся позади всех.

Господская ложа встретила их тишиной. Только один, в белом пиджаке, презрительно хрюкнул. Советник, учтиво склонившись, внимательно впитывал тарабарщину короля. Высокий язык из всех знакомых скорпионов понимал только Керс. Дослушав, Хорёк, как прозвал его Слай, услужливо кивнул, повернулся к ним и с надменной миной заговорил:

— Осквернённые! Всего трое из вас удостоятся чести называться гладиаторами, но ваш господин, Его Величество Юстиниан Великодушный, принял решение оставить в замке вас всех. Поздравляю, вам удалось произвести положительное впечатление. А теперь можете идти, — последнюю фразу он бросил с особой небрежностью и отвернулся, будто их здесь и не стояло.

Высокородный, не сводивший глаз с Твин, вдруг посмотрел куда-то в сторону. Она проследила за его взглядом и озадаченно нахмурилась: белокурая девчонка неотрывно наблюдала за Харо. На красивом лице читался плохо скрываемый интерес. Похоже, любопытство у них взаимное.

Странная эта девица всё-таки, как и этот, в чёрном... Кем бы он ни был, лучше держаться от него подальше. Даже от одного его взгляда по спине пробегал холодок. Было в нём что-то настораживающее, непонятное, а ещё почему-то казалось, что это далеко не последняя их встреча.

Каждый новорождённый должен ставиться на учёт в Надзор за генетической чистотой граждан. В случае, если мутация не выявлена в течение трёх лет со дня рождения, ребёнку выдаётся сертификат, подтверждающий генетическую чистоту, с правом на пересмотр в любое время. Если мутация обнаруживается после наступления трёх, но до десяти лет с момента рождения, ребёнок лишается гражданства, если таковое имелось, и передаётся в распоряжение организации Осквернённый Легион. Если мутация не была обнаружена ранее, но проявилась после наступления десяти лет с момента рождения, особь немедленно подвергается эвтаназии или публичной казни, в зависимости от решения суда.

Заветы потомкам, Кодекс скверны, 010

Всю ночь Максиан просидел, закрывшись в кабинете. Нестерпимая тоска нахлынула с новой силой, пожирала изнутри, терзала бессонницей и жгучим стыдом за малодушие.

Пятьдесят Девятая... Она так похожа на свою мать! Милая Анна, такая смелая, самоотверженная, отчаянная. Как же безумно он любил её! И любит до сих пор. Казалось, образ её поблёк со временем, стёрся из памяти, но при виде дочери снова вспыхнул, засияв ярче прежнего.

А ведь он мог защитить их, спасти и Анну, и дитя — плод необузданной страсти, щедрый дар любви, которым он так цинично пренебрёг, отвернувшись от них, спрятавшись в стенах своего уютного мирка. А потом откупался от совести золотом, на которое его любимая скрывалась от ищеек. Он дал им всего несколько лет, хотя мог подарить целую жизнь, пусть не простую и безоблачную, но всё же жизнь.

И даже после гибели Анны он мог попытаться спасти дочь от Легиона. Разве он не знал, какое будущее ждёт её, в кого там превращают невинных детей? Как он мог остаться в стороне?! Как мог отдать своего ребёнка на растерзание бездушным тварям, ради выгоды попирающим все моральные устои человечества?

Но хуже Легиона может быть только отец, отрёкшийся от собственного чада, предавший собственную кровь и плоть своей трусостью. Тогда ему казалось, это будет просто — вычеркнуть из жизни обеих, забыть об их существовании, приглушить любовь и совесть. Поначалу у него даже неплохо получалось. Но время шло, он не молодедел, а где-то там, за стенами его идеального мирка, день за днём боролась за жизнь Пятьдесят Девятая, в итоге оказавшаяся сильнее и отважнее собственного отца, награждённого многочисленными орденами и медалями.

Пока он сытно ел, она голодала. Пока он рядился на приёмы, она вдыхала спёртый воздух под маской. Пока ему воздавали почести за надуманные заслуги, её клеймили освободившимся номером, который теперь до конца жизни прослужит ей именем.

Жалкий слабак, он даже побоялся спросить у Анны, как она нарекла их дочь. Ему было плевать, а может, и хуже — он просто боялся себе признаться: узнай он её имя, и безликая девочка вдруг станет настоящей, живой, и откупиться от совести тогда уже не получится.

Спустя годы он всё-таки решился на поиски — договориться с собой так и не удалось. Несколько лет и тысячи золотых ушли впустую, и с каждым днём отчаяние становилось всё сильнее и сильнее. Он уже потерял надежду, но удача в конце концов улыбнулась ему, причём с самой неожиданной стороны: объявился тот, кого Максиан уже и не думал увидеть. И, не зная, что делать дальше, он признался во всём Севиру, рассчитывая хоть на какой-то совет.

Сефир спокойно выслушал его, помолчал с минуту и врезал ему так, что едва не сломал челюсть. Но в помощи не отказал. По его просьбе Седой достал список всех девочек, мало-мальски подходящих по возрасту. Поиски усложнялись отсутствием каких-либо примет. Горе-папаша, он лишь однажды и мельком видел свою дочь.

Месяцы тянулись один за другим, но наконец им удалось выйти на того самого ищееку. Глядя на выпущенные кишки убитой Анну твари, Максиан испытал поистине мрачное удовлетворение. Тогда-то они и напали на след, выведший их напрямиком на Второй Опертамский Терсентум.

Как выяснилось, его дочь распределили в скорпионы. Хуже и быть не могло! Таких как она Легион держит под строгим контролем, лишая их до шестнадцатилетия любого контакта с внешним миром. Максиан был готов заплатить любые деньги, чтобы вытащить её оттуда, но Сефир лишь сочувствующе покачал головой. По его словам, проще разбудить Спящего Короля, нежели выкупить скорпиона до полного обучения. Боги жестоко карают за малодушие, но расплачиваться за грехи отцов нередко приходится детям.

Как же долго он ждал этих торгов! Как мучительно медленно тянулось время. Сколько лет прожиты в бессоннице! Он был готов изо дня в день стоять перед Пятьдесят Девятой на коленях, моля о прощении. Он мог бы дать ей отцовскую заботу и обеспечить ей безбедную жизнь, пусть для мира она и оставалась бы осквернённой. Он даже раздумывал о сделке с Конфедерацией: гражданство для дочери в обмен на... Да на что угодно!

«Седой, будь ты проклят!»

Вот только вырвать раба из лап Юстиниана та ещё задача. Даже малейшее подозрение может привести к трагедии, но и это полбеда. Скорпионы каструма уже заражены безумной идеей принцессы. Каковы шансы, что Пятьдесят Девятая окажется разумнее остальных и найдёт в себе силы пойти против собратьев? А судя по тому, как она бросилась защищать своего напарника, надеяться почти не на что. Да и Седой, месмеритов сын, всё твердил о её привязанности к друзьям.

Можно попытаться устроить побег для всей четвёрки. Вытащить их из замка, передать Севиру, а там видно будет. Но в таком случае нужно наладить с дочерью контакт, войти в доверие, а для всего этого потребуется время. В том-то и беда, что времени, кажется, совсем не осталось. Ровена настроена решительно, видно, что тянуть не намерена. Молодость и терпение понятия несовместимые.

Зря он отказал ей во встрече с Севиrom. Может быть, ему бы удалось охладить её пыл? Хотя чего гадать! Вечером всё и прояснится.

Затхлый проулок тонкой лентой протискивался между голыми фасадами домов. О фонарях здесь не слыхивали, наверное, с самого основания Регнума. Максиану приходилось довольствоваться тусклым светом из окон, хотя и таковых было одно через пять: жильцы уже давно спали, экономя на освещении.

Впрочем, он в нём и не нуждался и мог бы пройти до конца улицы даже с закрытыми глазами. Единственное, с чем невозможно было свыкнуться, — вонь канализации, проходящей здесь всего в метре от поверхности. В дождь переулок и вовсе превращался в зловонное болото. Приходилось лавировать по скользким доскам, рискуя свалиться в грязь.

Максиан остановился у одного из домов, плотно жавшихся друг к другу, и толкнул дверь. Тесную прихожую освещала масляная лампа, бросая бесформенные тени на облупившиеся стены. Старые ступени возмущённо закрипели под ногами, приглушённые голоса сверху становились с каждым шагом всё отчётливее. Из-за приоткрытой двери лился тусклый свет. Последняя ступень громко скрипнула, дверной проём заслонила коренастая фигура.

— Всё нормально, свои, — послышался хриплый голос Севира.

В комнате за столом сидели двое. Не здороваясь, Максиан с порога бросился к Седому, устроившемуся у противоположного края стола.

— И тебе не хворать! — проворчал в спину командир Пера.

Максиан схватил старого хрыча за грудки и грубо вздёнул на ноги:

— У тебя минута на объяснение, иначе сверну твою поганую шею!

Старик молча смерил его спокойным взглядом, будто ничего и не произошло. Сефир негромко прочистил горло:

— О чём он, Седой?

— Да, о чём это я? — прорычал Максиан.

— Я внёс Пятьдесят Девятую в список.

— Нет, не так! — рявкнул Максиан. — Ты продал её Юстиниану. Мерзавец! Забыл, что ты мне обещал, стоя на этом самом месте? «Золото — твоя гарантия, а я уж постараюсь...» — твои слова?!

— Остынь, друг, — ладонь Севира опустилась ему на плечо. — На то наверняка были особые причины. Правда, Седой?

Максиан смахнул его руку и снова тряхнул старика:

— Она должна была достаться мне! Какие вообще могли быть причины лишить её достойной жизни?!

— Да что ты знаешь о достойной жизни! — Седой презрительно скривился. — Ты сам отказался от своей дочери. И после этого ещё смеешь говорить о достоинстве, господин принцепс?

Максиан сжал кулаки, ворот стариковской сорочки угрожающе затрещал.

— Да кто ты такой, чтобы судить меня?! Я мог бы дать ей многое, может, даже свободу...

— Свободу?! А ты спросил её, нужна ли ей свобода? Она сейчас со своей семьёй. А ты кто? Трус, бросивший её мать на растерзание ищейке. Думаешь, она простит тебя? — старик язвительно ухмыльнулся. — Ты, Максиан, ещё глупее, чем я предполагал.

— Не много ли ты на себя берёшь, старый козёл?

— Достаточно, чтобы ни на минуту не пожалеть о своём решении.

Максиан оттолкнул мерзавца и, схватившись за голову, застонал от бессилия. И чего он только пытается добиться от него? Даже если Седой упадёт ему в ноги, вымаливая прощение, всё равно уже ничего не исправить.

— Постарайся понять, Максиан, — кряхтя, старик уселся обратно на стул. — У неё есть верные друзья, готовые защитить её ценой собственной жизни. И у неё есть любовь. Настоящая, не эта ваша «благородная» мишура. Мало кто может похвастаться таким. Она выросла со своими друзьями, братьями, а ты ей, повторюсь, в

лучшем случае чужой. Или ты готов был выкупить всех четверых? Ну вот... Признайся же, будь честен хотя бы с самим собой: тебе ж плевать на неё.

— Седой, кстати, прав, — вмешался Севир. — На его месте я бы поступил точно так же. Прости, друг, но слишком уж ты заиклился на собственной персоне.

Максиан лишь удручённо отмахнулся. Бесплезно им что-либо доказывать, всё равно не поймут, если уж уверены, что Пятьдесят Девятой лучше жить в убогих казематах, нежели в собственном доме, не имея над собой хозяина. И всё только из-за так называемых друзей.

— Да что вам объяснять? Со мной она бы обрела хоть какое-то подобие свободы, не жила бы под кнутом, прислуживая кому ни попадя.

— Что в лоб, что по лбу, — Севир тяжко вздохнул. — Ты безнадежен, Максиан. Что ты вообще знаешь о жизни в Легионе? Об осквернённых? Когда тебе с детства вдальбливают в голову, что ты бесправная тварь и тебе не место среди людей... Думаешь, всё дело в кнуте или хозяине? Нет, дружище, свобода вот где должна быть, — он постучал пальцем по виску, — и её насильно туда не впишешь. Может, твоя дочь и хочет свободы, не знаю, но точно не той, что ты ей уготовил.

— А какую тогда свободу она, по-твоему, хочет? Скрываться в Пустошах и грабить караваны?

— Нет, Максиан, быть с теми, кто ей дорог, жить среди своих, не боясь, что их разлучат. Седой хотя бы дал ей эту возможность. А что бы дал ей ты? Запер бы в четырёх стенах, отняв то небольшое, что у неё было?

Возможно, Севир со стариком немного преувеличивали её привязанность к друзьям, но всё-таки они правы. По справедливости, ему бы стоило выкупить хотя бы того засранца, которого Седой назвал её «любовью», но приобретение сразу двух скорпионов принцепсом Сената вызвало бы много неудобных вопросов. А последствия таких вопросов могли стать весьма печальными как для него самого, так и для его дочери. Но гадать, что бы было, уже нет смысла, теперь придётся действовать по обстоятельствам.

— Смотрю, Севир, ты адвокатом Седому заделался. Ладно, всё равно уже ничего не изменишь, — Максиан горько хмыкнул и повернулся к Седому. — А ты лучше благодари богов, что её не выбрали в гладиаторы, иначе бы отсюда живым не вышел.

Седой напряжённо выпрямился:

— А кого выбрали?

— Мне сейчас отчитаться перед тобой? — раздражённо проговорил Максиан, но видя, что старик и впрямь распереживался, пожалел его. — Чёрт с тобой. Все номера не помню. Силач какой-то, герой, мать его, любовник и ещё один — неуязвимый, кажется.

Седой сокрушённо покачал головой:

— Дерьмово. Всё же надеялся, что Семидесятого не выберут.

— Да плевать мне на него, если честно! Пусть хоть сдохнет на Арене. Меня интересует только моя дочь. Я потратил кучу лет, а ты перечеркнул всё за один день.

Старик отмахнулся и понурил голову, размышляя над чем-то своим.

— В начале зимы Опертам должен отправить свеженьких скорпионов в столицу, — проговорил Севир. — Мы собираемся перехватить караван.

— Да вы тут все разом с ума посходили! — оторопел Максиан. — Это вам не купцов грабить. Вы что, на огнестрел с камнями да палками пойдёте?

— Ну почему сразу с палками? — хитро оскалился Севир. — Оружие у нас есть, а вот от лишнего огнестрела и боеприпасов мы бы не отказались.

— На что это ты намекаешь? — он подозрительно прищурился.

— Перо будет очень признательно доброму господину за десяток револьверов и пару ящиков патронов.

— Всего-то? А я уж подумал, ты попросишь меня привести на подмогу сотню-другую королевских солдат... Да ты издеваешься, мой наглый друг!

— Не волнуйся, золото у нас есть — заплатим. А вот выйти на оружейную — дело непростое, сам знаешь. Без твоих связей тут никак.

— Не в золоте дело, как же ты не понимаешь! Не по зубам Перу такая добыча. Своих же только угробите.

— Зря вы нас так недооцениваете, господин принцепс, — заговорил до этого молчавший Клык. Бритоголовый, с уродливым шрамом на шее, он никогда не отличался словоохотливостью, во всяком случае в присутствии Максиана. Его выступающий лоб нависал над глубоко посаженными глазами, широкие крылья плоского, почти звериного носа то и дело вздымались, мелко подрагивая, а из массивной нижней челюсти выпирали два небольших клыка. Над правой бровью клеймо с номером «194». — Среди нас есть отличные бойцы.

— В этом я не сомневаюсь, — без капли иронии отозвался Максиан. — Только одного понять не могу: зачем так рисковать ради сопливых подростков? Они и сражаться толком не умеют.

— Молодняк легко обучаем, хорошо адаптируется, — пояснил Севир. — Меньше шансов, что сбегут обратно в

Легион. Так что, друг, подсобишь?

— Ладно, постараюсь что-нибудь придумать, — сдался Максиан. С его помощью или без, они же от своего не отступятся. — Принцесса, Седой, теперь ещё и ты со своим караваном... Я что, по-вашему, всемогущий?

— А что не так с принцессой?

— Об этом я как раз и собирался поговорить. Месяца два назад она нашла розыскной лист с твоей рожей. Понятия не имею, как он оказался в архивах, я был уверен, что уничтожил все до единого. В общем, пришлось ей всё рассказать.

— Неужто признала? — Севир изумлённо выпучил глаза.

— А с чего бы ей тебя не узнать? Ровене же тогда семь было, вполне сознательный возраст.

— Шесть, — поправил Севир. — И как она отреагировала?

— Не так, как хотелось бы, — признался Максиан и пересказал их последнюю беседу, не вдаваясь в подробности.

Севир слушал внимательно, не перебивая, лишь иногда задумчиво хмурясь.

— Ну и дела-а! — протянул он, когда Максиан закончил. — План, конечно, дерьмовый, но это простительно. Девчонка ещё слишком молода и неопытна, а то, что скорпионы за ней пошли, говорит о многом.

— Сам знаю. И, к слову, ничего хорошего здесь не вижу. Мало того, что дурочка себе могилу роет, ещё и других туда тянет.

— Ну, я бы не был так категоричен. Если пустить всё это дело в нужное русло...

— Я что-то не пойму, — перебил его Максиан. — Ты это серьёзно?

Севир коротко кивнул:

— Серьёзнее некуда, друг. Понимаешь, Перо ради благого дела старается, но так-то оно всё больше по принуждению выходит, из-под палки, что ли. Осквернённым лидер нужен. Такой, за кем бы они пошли по доброй воле, кто смог бы убедить их, что они заслуживают не меньшего, чем свободные. К сожалению, у меня это не получилось. Но, судя по твоим словам, Ровена очень даже подходит на такую роль.

Кажется, благоразумие Севира он сильно переоценил. И хотя его реакция вполне предсказуема, всё же Максиан надеялся, что тот поможет отговорить принцессу, а не поддержит это безумие.

— Похоже, у тебя совсем мозги сгнили от деструкции, — он невесело рассмеялся, но, словив на себе угрюмый взгляд командира Пера, умолк.

— Деструкция здесь ни при чём. Вот гляди: около месяца уходит на очистку организма от антидота. Или ты забыл, как меня ломало после этой дряни? А после — долгое восстановление и работа над каждым освобождённым.

— Ну и?

— Представь себе армию осквернённых, готовую пойти за тобой хоть в пекло, причём по собственному убеждению. Представил? А теперь добавь ко всему этому антидот. Ядрёная смесь, не находишь? Ни страха тебе, ни сомнений, ни обсуждений твоих приказов. Полная готовность хоть умереть за идею.

— А я думал, ты борешься как раз за свободу своих собратьев, а не за смену хозяев, — Максиан укоризненно посмотрел на Севира.

— Ну почему же! Одно другому не мешает. Резкий отказ от антидота выведет всех из строя. Сначала посадим девчонку на трон, а дальше можно уже и очищать их от этой дряни.

Максиан задумчиво потёр подбородок. Мысль вполне здравая, только было одно «но»:

— Чтобы такое проверить, нам нужна пропаганда, оружие, провизия, в конце концов. Не будешь же ты их держать на подножном корме! Вот как ты это всё себе представляешь?

— А я и не говорил, что всё просто, — хмыкнул Севир. — Ресурсы на это дело требуются, причём немалые. Но не нужно недооценивать значимость слухов. Убеждать осквернённых, когда у тех мозги набекрень, конечно, то ещё удовольствие, но если пустить правильный слух — считай, основной вопрос решён.

— Допустим. Но что насчёт ресурсов? Как-то я не заметил, чтобы ты на грабежах сильно разбогател.

— Ну это уже по твоей части, дружище, — Севир сверкнул самой очаровательной улыбкой, на какую был способен. — Вот ты и придумай что-нибудь.

— С чего ты вообще взял, что я с вами? Не забывай, у меня семья, дети, долг перед народом. Тебе куда проще — терять-то нечего.

— Ты, Максиан, конечно, тот ещё смерг, — друг хмыкнул, — но и я не пальцем деланный. Думаешь, не понимаю, зачем ты нас здесь собрал? Явно не для того, чтобы Седого за грудки потрясти. И пусть сожрут меня туннельные псы, если ошибаюсь, но о принцессе ты не просто так заговорил. Ты ведь и сам о таком думал?

— Думал, да. И не один день. Но собрал я вас не для этого. Я всё же надеялся, что ты сможешь привести Ровену в чувство. Там моя дочь, Севир, и я не могу взять и закрыть глаза на всё это.

— А ты и не закрывай, — встрял Седой. — Девчонка ж к тебе за помощью пришла! Так помоги, направь на

путь истинный.

— Какой, к чертям, истинный путь! — Максиан начинал злиться. — Мне теперь думать надо, как из замка дочь вытащить вместе с её дружками, низкий за это тебе поклон...

— Не благодари, — снисходительно отмахнулся старик.

— Да что с вами не так?! — не выдержал Максиан. — Я ведь пытаюсь хоть что-то исправить, а вы только палки в колёса!..

— Лучше не ори, друг, а подумай вот о чём, — Севир нарочито выдержал паузу. — Судьба сама даёт тебе шанс не только искупить вину перед Анной. Мы можем продолжить дело Урсуса и хоть что-то изменить в этой сраной стране. Стоит ли таким пренебрегать? А о дочке твоей я позабочусь, вытащу её из замка вместе с остальными. Можешь на меня положиться.

Максиан устало откинулся на жёсткую спинку стула. Севиру всё же удалось зацепить за живое. Как знать, может, это и впрямь второй шанс. Разве и сам втайне не желал этого? Разве, идя сюда, не догадывался, что тот не упустит возможности встряхнуть Легион перед смертью? Да так, чтоб наверняка.

«Но готов ли я утопить всю страну в крови? Имею ли на это право? Не имею, очевидно, но готов, раз уже допускаю такую мысль».

С другой стороны, давно пора задуматься о будущем. С каждым годом рождается всё больше осквернённых, всё реже они умирают от ранней деструкции. Легион давно перестал быть кучкой работяг, теперь это идеально отлаженная структура, кровавая и беспощадная. Нет ни малейших сомнений, что власть над государством в итоге окажется в их руках, это всего лишь вопрос времени. С быстро растущим войском специально обученных рабов, которых не остановить даже оружием северян, Легион сметёт, как букашку, любого на своём пути.

То, что предлагает Севир, несомненно, чудовищно по своей сути. Восстание осквернённых — настоящий ночной кошмар Прибрежья. Одним богам известно, сколько прольётся крови, но на этот раз очевидное на первый взгляд зло вроде революции может предотвратить нечто более чудовищное. Если у власти окажется Легион, рабство коснётся и свободных. Тогда и без того шаткое понятие равенства, держащееся только благодаря Заветам, превратится в пустой звук. Простой народ станет услугой для горстки разжиревших вельмож, возомнивших себя на вершине этого мира. Неужели такой он хочет видеть свою страну? Такой судьбы он желает своим внукам?

— Нанни! Нанни! — дети радостно повскакивали с коек и бросились навстречу.

Десятки ручонок тянулись к ней, прося своей порции ласки. Совсем кроха схватился за штанину и принялся изо всех сил дёргать за неё, требуя внимания.

— Да что ж вы, как цыплята некормленные, — рассмеялась она. — Дайте хоть присесть!

Но малышня, не слыша её слов, обступила со всех сторон, весело гомоня и цепляясь за руки, за штаны, за рубаху — кто куда доставал. Фиалка же с несколькими её сверстниками смиренно ожидала, пока младшие не угомонятся.

Устав от всего этого неумного безобразия, Нанни беззлобно прикрикнула на распоясавшихся маленьких разбойников и дождалась тишины:

— На всех сразу меня не хватит! Если будете так нападать, то разорвёте меня в клочки, и не будет больше вашей няни.

— И сказок не будет? — с ужасом в голосе спросил мальчишка лет трёх.

— И поцелуев перед сном тоже не будет? — прохныкала девчушка.

— Не будет. Потому сделаем так: самые маленькие вперёд, и подходим по очереди, — Нанни присела на ближайшую койку. Рядом запрыгнул давешний мальчуган, с гордостью показывая всем, что именно его место выбрано любимой воспитательницей.

Обнимая и целуя малышей, ласково трепля выбритые детские головы, Нанни старалась шепнуть каждому хоть одно доброе словечко, не оставив без внимания ни единой души.

Из полумрака помещения, где держали детей-осквернённых до распределения, на неё пристально смотрели десятки поблёскивающих глазёнок, полных радости и нетерпения. Все ждали очередную сказку перед сном.

Фиалка подошла последней и, расцеловав няню в покрасневшие щеки, потянула её к своей койке:

— Какую сказку ты нам сегодня расскажешь?

— Пока не решила.

— А расскажи про мальчика и месмерита! — вдруг выкрикнули рядом.

— Да-да! Давай про злого месмерита!

— Тише вы! — прикрикнула Фиалка. — А ну все по местам, а то Нанни ничего рассказывать не будет.

Сорванцов как ветром сдуло. Заскрипели жёсткие матрасы, зашелестели грубые простыни, и уже через минуту

воцарилась полная тишина.

Нанни улыбнулась, видя, как Фиалка ловко приструнила малышку. И вот из этих невинных душ уже скоро начнут ковать кровавые мечи, гнуть их, ровнять под себя, безжалостно выбивая из них кнутом веру в светлое, в доброту и любовь. Надзиратели будут затачивать их, полировать до блеска, пока наконец не получат послушное оружие, повинующееся любому приказу. И счастье тем, кого посчитают непригодным даже для ordinaria, но Фиалка... Скоро её заберут — и какое клеймо поставят, догадаться несложно.

Нанни нежно чмокнула в лоб устроившуюся на лежанке девочку и, прочистив горло, начала рассказ:

— Давным-давно, в далёком-предалёком посёлке, у самого края Прибрежья, жил маленький осквернённый. Он был сильным, смелым и очень-очень любил свою маму. Жили они вдвоём, в уютном доме у самой реки, и часто мальчик засыпал под тихое журчание воды и пение своей мамы. Каждое утро он ходил на реку и проверял сети. Улов приносил домой и, пока мать стряпала обед, брал топор и уходил в чащу за дровами.

Нанни перевела дыхание и, поправив ворот рубахи, продолжила:

— Мальчик был послушным и никогда не забывал строгого наказа матери — не заходить дальше старого ясеня на опушке. Там, за большим холмом, в долине, жили злые люди, которые вылавливали заблудившихся детей-осквернённых и скармливали их огромному месмериту. Наш смелый мальчик, зная, сколько горя принесли эти злодеи, однажды поклялся вырасти и обязательно убить негодяев и месмерита, жиревшего с нежного детского мяса. Но пока он был ещё обыкновенным мальчиком и обходил старое дерево за сотню шагов.

— А почему злые люди кормили чудовище? — не выдержал любопытный пятилетка, которого так же, как и Фиалку, уже скоро ждала инициация. От нескончаемых вопросов этого малька порой голова грозила лопнуть, но живой ум Нанни всегда ценила, терпеливо отвечала, рассказывая всё, что знала сама. — Они же могли собраться вместе и убить месмерита.

— Помолчи уже! — осадил его Фиалка. — Надоеда!

— Злые люди боялись осквернённых деток, — пояснила Нанни.

— А почему?

— Потому что они просто по-другому выглядели и умели то, чего не умеют свободные.

— Но...

— Да тихо ты! — шикнули с соседней койки. — Не мешай.

Мальчуган было огрызнулся, но Нанни мягко пресекла ссору.

— Так мальчик и жил: помогал по дому, ловил рыбу, таскал дрова для камина, а вечерами мама рассказывала ему разные истории. Но беда приходит как всегда неожиданно. Как-то раз мальчик по своему обычаю отправился за дровами в лес и, задумавшись о чём-то своём, не заметил, как оказался у самой опушки. Старый ясень почти высох и кривым когтем торчал из чёрной земли. Рядом с деревом мальчик увидел человека, который приветливо помахал ему рукой и указал на большую корзину, полную разных фруктов. Там были и яблоки, и груши, и сливы, а сверху лежали сочные гроздья винограда. Незнакомец пригласил отведать угощение, мальчик отказался и уже собирался вернуться в лес, но от аромата фруктов заурчало в животе. Был уже полдень, и мальчик проголодался. К тому же фрукты были редким лакомством, и на повторное приглашение незнакомца он всё же не устоял и согласился отведать красное яблоко. Но стоило ему съесть его, как голова тут же закружилась. Наш мальчик упал на землю и заснул крепким сном.

Из темноты помещения донёсся испуганный детский возглас. Нанни придержала улыбку и продолжила:

— Проснулся мальчик в тёмной-претёмной пещере. Он ничего не видел, только слышал откуда-то из темноты грозное рычание. И сразу понял, что его украли злодеи и бросили на съедение месмериту. Мальчик наощупь принялся искать выход, а за спиной рычание всё приближалось и приближалось. И вот, когда издали наконец забрезжил свет, и он уже мог хоть что-то разглядеть, чудовище всё же настигло его. Огромное, лохматое, с толстым от сожранных детей брюхом, оно выпрыгнуло из тьмы и дунуло на свою жертву магическим дыханием. Мальчик тут же забыл обо всём: и где находился, и от кого убегал, и куда хотел вернуться. А монстр уже не казался страшным и мерзким, а даже чуть-чуть забавным. Как по приказу, мальчик побрёл за чудовищем обратно вглубь пещеры. Но вдруг он услышал чей-то голос, сначала очень тихий, но с каждым шагом зовущий его всё громче и громче. Мальчик всё никак не мог вспомнить, чей же это голос, но слишком уж тот казался знакомым. И тут он вспомнил мамину улыбку, нежные руки и сладкие поцелуи на своих щеках. Он вспомнил тихое пение матери и наставления не ходить к старому ясеню. И колдовство чудовища мгновенно развеялось.

— Давай, убей эту гадину! — не удержалась Фиалка.

Нанни с улыбкой продолжила:

— Месмерит почувствовал, что его жертва очнулась, и бросился на мальчика, готовясь разорвать его на кусочки. Но наш мальчик был сильным и смелым. Он воззвал к скверне, и месмерит, вспыхнув ярким пламенем, мгновенно сгорел дотла. Выбравшись из пещеры, маленький герой увидел уже заходящее солнце. Наступил вечер, и он испугался за маму. Она, наверное, ищет его, зовёт, поэтому он и услышал её. До дому он добрался уже

глубокой ночью, без дров и топора, но живой и невредимый. Мама горько плакала у окна, но, завидев вернувшегося сына, радостно вскрикнула и бросилась обнимать и целовать его. Смелый мальчик рассказал ей и о злом человеке на опушке, и о том, как победил месмерита. А ещё он спросил, не звала ли она его, на что мама сказала, что ходила весь день по лесу и громко выкрикивала его имя. С тех пор посёлок больше не боялся злых людей, ведь чудовище было повержено и не для кого больше было красть детей.

— Выходит, мальчик умел далеко слышать? — любопытный с соседней койки задумчиво почесал затылок.

— Нет, глупый! — расхохоталась Фиалка. — Он просто вспомнил маму.

Нанни удивлённо приподняла бровь:

— Верно! Так оно и было. Когда кого-то любишь, то ничто на свете, даже самые сильные чары, не заставит забыть его. А всё потому, что любовь намного сильнее колдовства, и если хранить её всегда в сердце, то никакой месмерит не будет страшен.

В соответствии с правками об организации Осквернённый Легион, раб считается частной собственностью и обязуется беспрекословно подчиняться приказам своего господина. Владелец имеет право распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению. Раб должен носить специальную форму и иметь клеймо, подтверждающее его легальность и принадлежность к организации Осквернённый Легион. Любая попытка избавить раба от клейма лишает его права на нахождение среди граждан. В этом случае он подлежит немедленной ликвидации.

Заветы потомкам, 04.018

Перед глазами всё плыло: бесформенные пятна, размытые силуэты, чьи-то неразличимые голоса. Керс попытался сфокусироваться на одной из фигур и его едва не вырвало. Подавив тошноту, он снова погрузился в бешено вращающийся вихрь из монотонных звуков и пульсирующих теней. Кровь стучала в ушах, как молот по наковальне.

С трудом нашарив на полу флягу с дымом, Керс поднёс её к пересохшим губам. Горло тут же обожгло, язык защипало. Выпивка не лезла, просилась обратно, но он стойко справился с позывом и умудрился сделать ещё глоток.

Внезапно перед ним материализовалось овальное пятно, рядом возникло другое.

— Водебил! — заявило первое. — Ичёсним теперьделать?

— Чёчё! Седовазови, — проворчало второе. — Самразберёца.

— Мать вашу... совсем охренели, — еле ворочая языком, выдавил Керс. — А ну рас... рассаса-сались!

Пятна тут же исчезли, и, удовлетворённо хмыкнув, он снова занялся флягой. Дыма оставалось на самом дне, так что всё шло по плану. Керс ухмыльнулся, представив себе рожу Биффа, когда тот увидит, в каком состоянии его «товар». Да за такое вздёрнут не задумываясь. А если не вздёрнут, что-нибудь другое придумается — дурное дело нехитрое. Но лучше, чтобы всё-таки вздёрнули, в идеале — до похмелья, а то выйдет, что зря в себя эту дрянь вливал в таком количестве.

— Керс! — кажется, или кто-то хлещет его по щекам? От дыма кожа онемела, утратив чувствительность, но ему точно только что кто-то врезал. — Керс, облезлыйтыпёс!

Он приподнял отяжелевшие веки, пытаясь разглядеть хозяйку назойливого голоса. Снова затошнило, но не так сильно. Преодолевая головокружение, он непонимающе уставился на расплывчатый силуэт. Медленно начали проступать знакомые черты: большие чёрные глаза, ровный носик, чувственные губы. Губы, целовавшие его в ту ночь...

— Твин, — он протянул руку, пытаясь прикоснуться к ней. — Моя маленькая Твин... Ты здесь! А где... братья?

На этот раз пощёчину он почувствовал, да так, что в глазах заискрилось.

— Пошёл ты! — прозвучало отчётливо, и образ мгновенно исчез.

Кажется, это была не Твин. Хотя какая, к смергу, разница!

Голова уже медленно наполнялась туманом. Мысли с трудом продирались сквозь дымную хмарь и, разочарованно вздыхая, возвращались восвояси. Как здорово думать о том, что ни о чём не думаешь! Заснуть бы и не просыпаться, но на такую роскошь надеяться без толку, с его-то везением.

Снова чей-то голос. Грубый, скрипучий, до боли знакомый. Кто, чёрт возьми, позвал Седого?! Даже подохнуть нормально не дадут!

В плечи больно вцепились, потянули вверх. Вырвавшись из хватки, Керс шмякнулся пятой точкой на пол. Седой проворчал неразборчиво и, схватив его под руки, куда-то потащил.

Рядом громко зашипело, и голову окатило ледяной водой. Керс с трудом перевернулся на колени и, пытаясь остановить дико вращающийся мир, сфокусировался на носках грязных сапог прямо перед его носом. Вода продолжала хлестать по спине, течь за шиворот. Ладони скользили по камню, в ушах словно завывала сирена.

— Принеси рвотное. И поживее! — прикрикнул на кого-то Седой.

Неподалёку торопливо затопали.

Похоже, казнь отменяется. Удача как всегда на его стороне. Да уж, этой суке точно нравится над ним издеваться.

— Ничего, откачаем, — заверил Седой, — и не таких вытягивали. К полудню будешь как новенький. Да где ж эту бестолочь носит, мать её за титьку!

Откачивать? Ну нафиг!

Выловив рукой стену, Керс попытался подняться, но помощник мастера с силой схватил его за шею и толкнул мордой вниз:

— Лежать, засранец! Устроил мне здесь представление.

Керс рухнул обратно на колени. Мир снова закружился с сумасшедшей скоростью, к горлу подкатила тошнота, и его вырвало.

— Отлично, малец! — одобрительно хмыкнул старик. — Сейчас мы из тебя всю эту дрянь выведем... Ну наконец-то! Чего встала как вкопанная? Неси сюда.

Старик присел на корточки и сунул Керсу под нос пузырёк с розовой жижей:

— Пей, живо!

— Сам пей эту дрянь, — огрызнулся он.

— Чего ты добиваешься, придурок? — прорычал Седой. — Торги, что ли, сорвать удумал?

— Как ты догадался? — Керс икнул, борясь с очередным позывом разукрасить пол содержимым желудка.

— А в чём смысл, можешь просветить? Не продадут здесь, в Мыс отправят. Зачем тебе туда?

— Какой ещё Мыс? Разве за такое не казнят?

— Казнят? — помощник мастера расхохотался. — Нет, малец, отправят на торги как миленького. А если не продадут, спишут в непригодные, и драить тебе толчки терсентума до самой деструкции. Как тебе такая перспектива?

— Дерьмовая... — об этом Керс как-то не подумал. Драить унитазы в его планы, кажется, не входило.

— Тогда пей, говнюк, или я сам волю тебе это в глотку!

Под одобрительное хмыканье Керс опустошил ёмкость. От мерзкой приторной микстуры тут же вырвало. Раз за разом желудок освобождался от выпитого. От ледяной воды он не чувствовал ни рук, ни ног, тело била мелкая дрожь, но в голове постепенно прояснялось.

Седой терпеливо дождался, когда Керс смог самостоятельно подняться, и удовлетворённо кивнул:

— Так-то лучше. Помоги отвести его ко мне.

С кем это он разговаривает? Керс попытался оглянуться, но перед глазами сразу поплыло. Пошатываясь, он сделал несколько шагов к выходу и остановился, едва не врезавшись в Глим.

— О, здорова! — он вымученно улыбнулся.

— Твин, значит? — зло прошипела подруга. — Ну ты и свинья!

Перед глазами промелькнул кулак, челюсть пронзила острая боль. Керс пошатнулся, но вовремя подоспевший Седой подхватил его под руку.

— Отставить разборки! — гаркнул он на девчонку. — Делай что велено.

Керс утёр с рассечённой губы кровь. Зубы на месте, и ладно. Выходит, это её он за Твин принял? Да уж, и впрямь нехорошо получилось.

Хотя в голове и прояснилось, но соображалось всё равно туго. Он хорошо помнил, как за час до пробудки почти залпом опустошил две фляги синего дыма. Вот только Земли Освобождённых, видимо, ему пока не светят.

До конуры Седого добрались довольно бодро. Уже на пороге Глим грубо сбросила руку Керса со своего плеча и, буркнув что-то неразборчивое, зашагала прочь.

— Попробуй только выкинуть что-нибудь! — предупредил старик, заталкивая его в хижину. — Раздевайся, схожу тебе за сменкой.

Стягивать насквозь промокшую одежду оказалось не так-то просто. Керс едва не свалился, запутавшись в портках, но всё же в этом поединке ему удалось одержать победу. Ну хоть какое-то достижение! Седой к тому времени принёс свежую форму и швырнул её на кровать.

— Проспись пока, — зло бросил он и хлопнул дверью; замок снаружи громко заскрежетал.

Запер, старый пёс. Впрочем, никуда уходить он и не собирался. Сил едва хватало, чтобы натянуть сухие портки и завалиться на койку.

Стоило голове коснуться подушки, и он мгновенно провалился в вязкую черноту, заполненную неразборчивыми образами, искажёнными пьяным разумом. Между ними то и дело мелькала точёная фигурка Твин, маня за собой куда-то, иногда оборачиваясь и укоризненно глядя в глаза: не сдержал обещания, подвёл.

«Прости, маленькая, не получилось. Я обычный слабак, ты всё правильно сказала. Какой смысл во всём этом дерьме, если ни тебя, ни братьев нет рядом? Будь проклят тот день, когда плешивый советник указал на вас троих. А я всё надеялся на чудо! Идиот, какие, нахрен, чудеса...»

Из забытья Керса выдернула громко хлопнувшая дверь. Он приоткрыл глаза, не до конца соображая, где находится, и пустым взглядом уставился на вошедшего Седого, всклокоченного, что тощий месмерит.

— Ну что, оклемался? — пришаркав к заваленному бумагами столу, старик принялся что-то выискивать.

Керс сел на кровати. Голова раскалывалась на части, горло першило, будто песка нажрался, язык намертво прилип к нёбу.

— Сушит, небось? — оглянувшись, Седой злорадно усмехнулся. — На вот, выпей.

Перехватив кувшин, Керс большими глотками влил в себя половину содержимого, не обращая внимания на стекающую по подбородку воду.

— Благодарю, — он начал понемногу приходить в себя, хотя тело ещё слушалось плохо.

— Да не за что, чего уж там, — буркнул старик, махнув рукой. — По правде говоря, не ожидал от тебя такого. Разочаровал ты меня, малец.

— Зачем ты вмешался? — Керс исподлобья глянул на него.

— Жаль дурака, вот и вмешался. Одного только не пойму, как тебе такое в голову пришло! — помощник мастера выжидательно уставился на него, но, не получив ответа, раздосадовано вздохнул. — Ну! Чего молчишь?

— Сказать нечего.

— Нечего ему сказать... Баран! И это твоя благодарность? Тюфяк ты, Сто Тридцать Шестой. Вижу, ошибался в тебе, ой как ошибался... Да поздно уже.

Керс виновато опустил глаза. Седой правду сказал, баран он и тюфяк, но что тут поделаешь! Жаль, конечно, что не оправдал ожиданий старика, он ведь столько для Четвёрки сделал. Но чего он ждал, в конце концов? Радостного ликования?

— Не знаю, что у тебя там в башке творится, — продолжал ворчать помощник мастера, — да и не хочу знать, своих забот выше крыши. Но мой тебе совет на будущее: ничего не решай на горячую голову. Поостынь сначала, выжди маленько, а потом хоть в петлю, хоть в пекло, чтоб уж наверняка не сожалеть.

— У меня ничего не осталось, Седой. Они всё забрали!

— Эх, молодость... Малейшая трудность, и у вас уже конец света. Вот скажи, малец, а разве смерть что-то изменит? Ну подохнешь, что та псина туннельная, а дальше что? У тебя вся жизнь впереди, а ты тут сопли распустил! Голова тебе зачем, а? Чтоб дурь свою глотать? Нет, чтоб мозгами пораскинуть, возможности поискать, а ты тут устроил... Недоумок!

— О чём ты, Седой? Какие у осквернённых, нахрен, возможности! — Керс негодуяще фыркнул. — Кому ты хмарь напускаешь!

— Не дерзи тут мне, сопляк! — рявкнул помощник мастера, грохнув кулаком об стол. Затем, устало вздохнув, продолжил спокойным голосом. — Послушай, сынок, возможностей куда больше, чем ты думаешь. Днём на небе звёзд не видно, но это не значит, что их нет, верно?

О каких возможностях идёт речь? Ему легко говорить, он же не осквернённый. Может, и впрямь не стоило рубить с плеча, но сделанного не воротить, так чего он ещё от него хочет?

— Ладно, Седой, я тебя понял. Только не знаю, чего ты от меня ждёшь.

— Жду, когда ты напятишь свою клятую форму, — проворчал тот, видимо, смирившись, что ничего толкового от Керса не дождётся. — Торги вот-вот начнутся, а ты тут расселся.

Терсентум кипел жизнью. Все куда-то бежали, что-то тащили, кого-то выискивали. Неудивительно, что его отсутствие осталось незамеченным.

Тяжёлые тучи нависли над головой, грозя в любой момент обрушиться ливнем. По-осеннему колючий ветер безжалостно ударил в лицо, Керс натянул маску и придержал капюшон.

— Бегом в песочницу, и чтоб без фокусов, ясно?

Коротко кивнув, Керс отправился на тренировочную площадку. Где-то слышался цокот копыт вперемешку со стуком колёс. Первые покупатели спешат, не иначе. Терсентум-то, считай, на окраине, кому ещё здесь на каретах разъезжать?

На площадке суеты было не меньше. Под крики Одноглазого собрата выстраивались в ровные ряды почти у ограды, а тех, кого выставили на продажу, оставили в самом центре.

— Где тебя носило? — прорычал надзиратель, хлестнув кнутом воздух. — Быстро в строй, недоносок поганый!

Керс бросил безразличный взгляд на раскрасневшуюся от крика рожу и поплёлся к остальным. По пути поискал глазами Глим: не мешало бы извиниться, всё же нехорошо так расставаться. Но найти её в безликой толпе чёрных масок так и не удалось.

— Смотри-ка, очухался! — Сто Двадцать Пятый толкнул соседа локтем.

— Куда ж он денется, — хохотнул Двести Семьдесят Восьмой. — Для торгов и мертвяка откачают.

Молча заняв своё место, Керс принялся рассматривать просторный помост, заботливо сооружённый для посетителей. Бифф отдавал распоряжения кому-то из стражников, в конце площадки показались первые гости.

Одноглазый прошёлся по рядам, придирчиво оглядывая осквернённых: все ли стоят ровно, у всех ли маски. Нечего тут пугать господ своими рылами!

Один за другим подтягивались покупатели. Керс безразлично рассматривал блестящие фраки, расшитые кафтаны и замысловатые куртки дворян. Кто-то из них наверняка станет его новым хозяином, но это его мало

заботило. Голова ещё гудела, хотя и не так сильно. После попойки осталась слабость в ногах да лёгкое ощущение отстранённости.

Вдруг вспомнилось, как Харо, переборщив с дымом, изрешетил стрелами дверь хибары мастера. Как же Бифф тогда орал! Высекли их в тот раз знатно. Видимо, сдал кто-то, хотя мастеру особо думать и не на кого было. Чуть что — сразу Четвёрку и в хвост, и в гриву. Правда, чаще всего всё-таки за дело.

Слаю тогда досталось больше всего. Чем уж он Биффу там досадил, не признался, но Твин его потом ещё месяц отхаживала — тот и лежать толком не мог, первое время даже боялись, что не выкарабкается.

— Оглох, что ли? — Сто Двадцать Пятый толкнул его плечом. — Иди, вызывают.

Завидев Керса, мастер недовольно скривил толстые губы. Если б не гости, без кнута бы точно не обошлось. Седой, прочистив горло, громко заговорил:

— Укрепляет некоторую материю и управляет огнём. Пламя свечи способен превратить в мощнейший взрыв, а даже самую тонкую ткань — прочнее любой брони.

Выудив из поясного кармана зажигалку, Керс вытянул руку перед собой. Воображение живо нарисовало, как из слабого язычка огня вырастает пылающий столб и взвивается к небу. Лицо тут же обдало жаром, до ушей донеслись восторженные возгласы.

Когда сполохи огня рассеялись в воздухе, со стороны гостей посыпались предложения. Трое особо рьяно перекрывали уже озвученные суммы: очевидно, его хист показался им полезным.

Седой велел вернуться в строй, и Керс, радуясь, что не придётся долго торчать перед этими чванливыми ублюдками, зашагал на место. Мог бы и спалить их всех к чертям собачьим, да обещал старику без сюрпризов. К тому же всё-таки тот дело говорит, мало ли как жизнь обернётся, а сдохнуть всегда успеется.

Торги завершились спустя несколько часов. В ожидании время тянулось бесконечно долго, ноги уже начали ныть, спина от неподвижного стояния совсем онемела. Наконец Одноглазый, зачитав быстро номера, среди которых был и номер Керса, приказал остальным разойтись по загонам. Выкупили почти всех. Осталось несколько собратьев, которых скоро отправят в Южный Мыс. Там торги начнутся только в следующем месяце.

Их отвели в главный двор, где уже ждали плётчики с кандалами наготове. Двое из них принялись обыскивать каждого. Забирали всё, что не относилось к форме: припрятанные ножи, личные вещи, безделушки — всё уходило в мешок. Зажигалку тоже отобрали. Жаль с ней расставаться, она ведь как талисман. Теперь придётся мастерить новую, а это не так-то просто.

Керс равнодушно наблюдал, как по очереди сковывают по рукам и ногам уже бывших соратников. С таким же отстранённым равнодушием он смотрел, как стальные браслеты защёлкнулись и на его запястьях.

Кто был его новый хозяин, он не знал, да и не особо задумывался. Будто это что-то изменит! Как бы сильно он ни ненавидел Легион, но столичный терсентум хранил в себе много воспоминаний. Здесь у него появилась семья, и с ними он был по-настоящему счастлив, порой даже удавалось забыть, кто он такой и что натворил в прошлом. Что говорить, сейчас и Стена Раздумий навевала лёгкую грусть. Сколько раз там торчали, прикованные к каменной кладке — не счесть. Бывало, и больше суток, как в тот раз, когда Слай стянул у лекаря слабительное и подлил в суп старшакам. Те, конечно, получили по заслугам, но Четвёрке досталось прилично. Зато сработало — к ним больше никто не лез. Оказывается, мозги можно прочистить и через задний проход.

Седой прощался с каждым, как с собственным чадом, с отеческой теплотой и обнадёживающей улыбкой. Конечно, легче от этого не сделалось, но разве не приятно осознавать, что хоть кому-то на тебя не плевать?

За спиной зашуршала галька. Обернувшись, Керс встретился взглядом с Глим. Глаза красные, густые ресницы слиплись от слёз. Подойти она не решилась, всё равно прогонят. Жаль, что в маске, хотелось бы в последний раз увидеть её мордашку. Хорошая девчонка, пусть даже себе на уме.

— Прости за всё, — тихо произнёс он, надеясь, что Глим услышит. — Не держи на меня зла, ладно?

В её взгляде было столько тоски и обиды, что Керс почувствовал себя полнейшим мудаком. Похоже, он сильно ошибался, считая, что с ним она только ради дури, да и разбитая губа наглядное тому подтверждение. Хотя какая, к псам, разница, всё равно никакого будущего у них быть не могло. Ей ещё год здесь торчать, а куда судьба потом забросит — одной Госпоже известно.

Постояв с пару секунд, Глим всхлипнула и бросилась прочь. Жаль девчонку, не хотелось бы с ней так, но успокоится со временем. Наверное...

Настала и его очередь прощаться с Седым. Старик казался непривычно напряжённым, брови нахмурены, взгляд будто сверлит насквозь.

— Всё нормально, Седой, можешь не волноваться, — заверил Керс, решив, что это из-за его выходки. — Я тебя не забуду, ты был хорошим наставником.

— Надеюсь, Сто Тридцать Шестой, очень надеюсь. Не подведи уж, — помощник мастера пожал ему руку, сунув в ладонь отобранную плётчиками зажигалку.

Керс невольно улыбнулся: вот старый жук, и как ему это удалось? Всё-таки тяжело будет без него, он ведь ему

был за отца. Пусть строгий, порой грубоватый, зато справедливый.

— На память, — подмигнул Седой. — Кстати, поздравляю: будешь на Гильдию работать, в каком-то роде.

Гильдия? Что ж, не так уж и плохо. По крайней мере он останется в Регнуме. И всё же радоваться почему-то не получалось. Тоска неумолимо разрасталась в груди. Он отгонял её, как назойливую муху, но она всё лезла, напирала, царапала горло изнутри. Чёрт, лишь бы сопли не пустить у всех на виду!

Их готовили к этому с детства, бросали из одного места в другое; казалось бы, давно пора свыкнуться, что когда-нибудь настанет и этот день. Но свыкнуться не получилось. Не потому что в терсентуме было хорошо, но всё же здесь прошла лучшая половина его жизни.

Постепенно строй собратьев редел. Керс с тоской провожал взглядом каждого, мысленно желая удачи, да побольше. Она им всем пригодится.

Вскоре объявился и его хозяин. Молодой хмырь с надменной рожей вызвал его по номеру и приказал следовать за ним. Едва слышно чертыхаясь, Керс пытался не отставать, но кандалы сильно сковывали движения, шаг получался коротким и неуклюжим.

Оглянуться назад он так и не решился. Пусть прошлое остаётся за спиной, его всё равно не вернуть.

Хозяин остановился у лакированной кареты с парой холёных лошадей в упряжке. Шкуры животных ухоженно лоснились, гривы заботливо заплетены в косы, копыта нетерпеливо бьют землю.

Рядом ошивались двое в начищенных до слепящего блеска доспехах. Никак сопровождение! Один из телохранителей смерил Керса долгим взглядом и брезгливо скривил губы.

Первым в карету забрался хозяин, за ним последовал стражник. Второй, тот, что кривился, грубо толкнул Керса в спину:

— Чего встал, выродок?

Не без труда он забрался внутрь кареты, едва не поскользнувшись на ступени. Стражник издевательски хохотнул.

«Сам бы попробовал по ступеням в оковах, кретин грёбаный!»

Внутри экипаж выглядел ещё роскошнее: обитые яркой тканью стены, широкие мягкие сиденья — всё это было чертовски непривычно и скорее смущало, нежели восхищало. Керс живо представил, насколько нелепым выглядит он сейчас со стороны: в унылой форме и кандалах, окружённый изящным убранством.

Стражнику пришлось устроиться рядом с ним, и он сразу же брезгливо вжался в стену: видать, унизительно делить скамью со скорпионом.

Кучер щёлкнул хлыстом, зычно прикрикнул на лошадей, и экипаж тронулся. Хозяин пристально изучал Керса, хотя что там можно разглядеть за маской, непонятно. Осквернённых учат не смотреть свободным в глаза, не пялиться лишний раз, чтобы не смущать, стараться вести себя как можно незаметнее, но Керс не удержался и принялся рассматривать хозяина в ответ, особо не заботясь, что о нём подумают.

— Можешь называть меня господин Номен, — наконец заговорил тот. — От тебя ожидается верная служба, раб. Помни своё место и старательно выполняй приказы. Это несложно, если постараться.

— Да, господин Номен.

Хозяин самодовольно кивнул:

— Эта твоя сила — на что конкретно она влияет?

— На некоторую материю, господин.

— Например, на какую?

— Вода, огонь, камень... В основном то, что можно потрогать.

— А живое? Ты можешь сделать меня неуязвимым?

— Нет, господин. Всё, у чего есть воля, мне неподвластно.

Номен задумчиво потёр гладкий, как у женщины, подбородок:

— Жаль. А что ты ещё умеешь?

— Фехтование, стрельба из лука, рукопашная, — разговор начинал утомлять. Что ещё, мать твою, должен уметь скорпион? Или его спутали с домашней прислугой?

— Ты грамотен? Говоришь на высоком языке?

— Нет, господин, нас такому не учат, — вынюхивает, гад. С чего бы это?

— Что ж, — Номен шумно вздохнул, — для опытов сгодишься. Гильдии как раз не помешает лабораторная крыса.

Постой-ка, что Гильдии там не помешает? Какого смерга он несёт! Керс напряжённо прищурился.

Номен некоторое время молчал, сохраняя серьёзное выражение лица, а потом громко расхохотался:

— Да шучу я! Первое время побудешь в сопровождении, а там видно будет.

«Шёл бы ты с такими шуточками!»

Хотя забавно получилось, не такой уж он и сноб, если разобраться. Где-то в глубине души затеплилась лёгкая

симпатия к этому господину. Хорошее чувство юмора всегда подкупает.

Неожиданно кони возмущённо заржали. Карету качнуло, да так, что Керс едва не впечатался носом в стену, но в последний момент всё же успел схватиться за раму и упёрся ногами в сиденье напротив.

Номен чуть было не повалился вперёд, но был успешно подхвачен рядом сидящим телохранителем. Второй негромко выругался и высунул голову в окно:

— Эй, Майк! Что там у тебя?

Кучер не ответил.

— Может, в яму угодили? — предположил встревоженный Номен. — Проверьте, вдруг помощь нужна.

Сидевший рядом с хозяином осторожно приоткрыл дверь, второй взялся пробираться к другому выходу и, задев ногу Керса, ехидно оскалился. Наконец выбравшись наружу, оба стражника обнажили мечи. Сидевший рядом с Номеном скрылся за кабиной, а его напарник остался у двери охранять экипаж.

— Дерьмо! Майк убит! — первый стражник подбежал к двери, но, издав глухой стон, вдруг повалился ничком на землю.

Кажется, горелым запахло... Керс потянулся к поясу, нашаривая своё верное оружие. Номен испуганно вжался в сиденье, будто оно спасёт его.

Другой стражник не отходил от двери ни на шаг. Выставив меч перед собой, он завертел головой в поисках скрывающегося врага. Но это ему мало помогло: в следующее мгновение в воздухе сверкнуло лезвие и с глухим чавканьем вонзилось в его шею. Недоумение на лице телохранителя сменилось ужасом, он схватился за рукоять и выдернул нож, зажал рану рукой, пытаясь остановить хлеставшую между пальцами кровь. Сделав пару шагов вперёд, видимо, ещё не до конца осознавая, что уже труп, он захрипел и рухнул на землю, так и оставшись неподвижно лежать в пыли.

Глаза Номена сделались круглыми в страхе, холёное лицо побелело, как стена столовки.

— Чего ты сидишь?! — завизжал он. — Сделай что-нибудь!

Ага, в кандалах! Керс осторожно выглянул в окно. Нападавших нигде не было видно. Если это разбойники, что вероятнее всего, действовали они умело.

Пригнувшись, он неуклюже скатился на землю — со скованными ногами особо не разбежишься. При падении ушиб бедро и едва не выронил зажигалку. Всё-таки утренняя попойка давала о себе знать.

Морщась от боли, он потянулся за окровавленным ножом, валяющимся в паре шагов — лишним оружие не бывает, жаль, до меча не достать.

— Брось, — послышалось слева.

Не шевелясь, Керс покосился на источник звука. Неподалёку от него стояли двое: здоровый детина с кривым носом и второй, в широкополой шляпе и с повязкой на морде.

— Давай, парень, не глупи, — произнёс здоровяк.

Керс медленно поднялся, не сводя глаз с разбойников. Наверняка где-то спрячутся другие, лучше быть начеку.

За каретой хрустнула галька. Всё-таки угадал. Тянуть больше нет смысла, так хоть этих двоих с собой прихватит. Лучше уж погибнуть в бою, чем позорно висеть на суку за то, что не смог защитить своего хозяина.

Большой палец нащупал крышку, звонко щёлкнуло, чиркнул кремёнь. Из рук вырвалось багровое пламя и устремилось на тех двоих, разрастаясь яркими лепестками, готовыми поглотить всё, к чему прикоснётся. Давно он так не хистовал, чтобы во всю силу, должно мгновенно испепелить ублюдков. Но вместо этого пламя застыло в воздухе и начало стремительно сжиматься, будто чья-то неопалимая рука комкала его, словно кусок мокрой глины.

Керс отпрянул, попятился короткими шагами, цепь кандалов натягивалась до предела. Они явно не обычные разбойники. Среди них осквернённый! Наверняка тот, в наморднике. Почему тогда не нападают? Чего ждут?

Пламя сжалось до размера горошины и с тихим хлопком испарилось. Последние силы ушли вместе с огнём, опустошив до дна. Откат на этот раз был сильнее обычного: руки мелко задрожали, голова пошла кругом, сердце заколотилось так сильно, будто вот-вот выскочит из груди. Опираясь о карету — ноги отказывались держать — Керс не сводил глаз с разбойников, пытаясь хоть что-то придумать.

Сражаться с ними всё равно бессмысленно. Даже до отката он едва мог передвигаться, хистовать, как оказалось, тоже бесполезно, да и времени на восстановление совсем не осталось. И угораздило же попасть в такую жопу!

— Готов, — кивнул здоровяк. — Пора брать, пока тёпленький.

В смысле, брать?! Керс выставил перед собой нож, при этом понимая, что толку от этой зубочистки не больше, чем от обосравшегося от страха Номена. Впрочем, он и сам был в шаге от того, чтобы не напустить в портки.

За спиной зашуршало. Керс даже обернуться не успел, как затылок взорвался болью. В глазах мгновенно потемнело, ноги подкосились, земля острым щебнем врезалась в ладони.

«Главное не отключиться. Давай же, соберись. Поднимайся!»

— Забирайте всё! — послышался перепуганный голос Номена. — Только не убивайте меня!

— Заберём, не волнуйся.

Опираясь на всё ту же многотрадальную карету, Керс с трудом поднялся. Голова трещала по швам, от боли мутило, но сдаваться просто так он не собирался.

— Смотри-ка, крепкий же гадёныш! — хмыкнули позади. — Куда собрался, дружище?

Сжав покрепче рукоять ножа, Керс развернулся, насколько позволяли оковы, и полоснул по воздуху.

— Вороньи потроха, вот же поганец! — стальная хватка сдавила горло, рванула назад. Керс попытался вырваться, но нападавший придушил ещё сильнее, вывернул ему руку, заставив пальцы разжаться, и нож с глухим звоном ударился о землю. — Держу, давай уже!

В руке у кривоногого здоровяка блеснула длинная игла.

Да ну нахер! Это ещё что?!

Отчаянно зарывчав, Керс вцепился пальцами в руку разбойника, снова попытался высвободиться. Горло сдавило так, что перед глазами заплясали цветные круги.

— Спокойно, малец, — оскалил зубы здоровяк. — Для твоего же блага стараемся.

Игла впилась в плечо, по мышцам разлилось раскалённым металлом, и хватка тут же пропала. Керс захрипел, жадно глотая воздух через маску. Плечо ныло от инъекции, ноги подкашивались, дрожь от напряжения.

— Тоже мне малец! — фыркнули за спиной. — Да он похуже прыща на заднице.

— Помогите лучше с конями, — бросил здоровяк. — Всё равно далеко не убежит.

Грабители направились к упряжи, быстро забыв про Керса. Медленно, держась за стенку, он двинулся к двери кареты. С каждым шагом ноги всё больше заплетались, путались в цепи. Номен продолжал вжиматься в сиденье, выпучив глаза и мелко дрожа.

— Уходите... — язык едва слушался.

«Чёрт, что за дрянь мне вкололи?»

Номен пролепетал что-то нечленораздельное и замотал головой. «Месмерит тебя подери, беги, пока тебе глотку не перерезали!»

Керс хотел сказать что-то ещё, но в голове расплзся такой туман, что едва свой номер мог вспомнить. Веки налились свинцом, губы онемели, тело сковала давящая слабость, и он, цепляясь за дверь, медленно сполз на землю, до последнего стараясь удержать сознание.

— Смотри, почти готов, — послышалось сквозь шум в ушах.

«Почти готов... А может, не всё так плохо? Разве я не этого хотел? Конечно, Госпожа не придёт, но я уж как-то сам доберусь до Земель... или куда там...»

Шум нарастал, сознание гасло, как еле тлеющий уголёк, и Керс, уже не в силах сопротивляться, провалился в глухую черноту.

Коррупция в любом её проявлении карается немедленной дисквалификацией и лишением имущества не только виновного, но и всех членов его семьи с пожизненным запретом на службу в каких-либо государственных структурах и общественных организациях.

Заветы потомкам, 09.041

Ровена изо всех сил старалась сосредоточиться на словах, то и дело сливающихся на страницах в сплошную бессмыслицу. Последняя беседа с Максианом никак не давала покоя.

Захлопнув книгу, она с ненавистью смахнула её со стола, будто та была виновна во всех невзгодах.

— Подлец! Ненавижу тебя!

Максиан — единственный, кому она доверяла, а он отвернулся от неё. И отвернулся именно тогда, когда она больше всего в нём нуждалась.

«Ценный же урок ты мне преподал, господин принцепс! — Ровена горько усмехнулась. — И как же мне отблагодарить тебя за это?»

Неудивительно, что он остался при дворе даже после смерти папы. Двуличный мерзавец! А как умело морочил ей голову, дочь называл, а потом, весь такой «заботливый», всадил нож в спину! Нужно было тогда заставить его всё рассказать. Даже намёк, как связаться с Севиром, облегчил бы поиски.

С другой стороны, все эти годы Максиан хранил её тайну, как собственную, и перешагни она ту непростительную грань, обзавелась бы опасным врагом. Ну уж нет, для неё это непозволительная роскошь, особенно сейчас, когда так уязвима. Он слишком много знает и может воспользоваться этим знанием против неё в любую минуту. С ним нужно быть предельно осторожной.

Никому нельзя верить, второго предательства ей уже не вынести. Даже с казалось бы верной помощницей теперь придётся держать ухо востро. Сегодня легата надёжная и преданная соратница, а завтра — как знать, какой демон ползет из неё наружу!

В этом мире за беспечность можно жестоко поплатиться. Хватило и Максиана, чтобы это понять. Нет уж, больше такое не повторится! Та маленькая наивная принцесса умерла ещё в тот вечер, вместе с отказом принцепса, а новая Ровена не успокоится, пока каждая мразь, причастная к смерти отца, не будет справедливо наказана.

Ровена глубоко вдохнула, стараясь сдержать вырывающийся гнев. Так и тянуло разнести вдребезги всё, что попадётся под руку.

«Успокойся. Ты должна научиться владеть собой, сдерживать эмоции».

Ну почему же рядом нет хоть кого-то, кому она могла бы всецело довериться! Кого-то любящего и преданного, того, кто смог бы защитить, уберечь от всей этой грязи, заслонить собой от опасности. Как тот скорпион... Как же отчаянно он вступился за свою напарницу, хотя мог легко погибнуть! Сколько было крови! Такую самоотверженность ей доводилось встречать только на страницах старинных романов.

Это так странно... После того момента он уже не казался ей таким жутким и отталкивающим, как поначалу. Есть в этом осквернённом что-то особенное, притягательное. Нужно обязательно расспросить о нём Восемьдесят Третью.

Ровена подняла многострадальную книгу и повертела в руках.

«Потерянные души», — прочла она на корешке.

Как верно подмечено! Именно такой сейчас она себя и ощущает: потерянной, разочарованной, опустошённой. Не найти ей Севира без помощи принцепса, не стоило обманывать себя, всё равно бы ничего не вышло. Получается, её план провалился, даже не воплотившись в жизнь. Как же так? Ведь должен быть другой выход... Что же она упустила?

Нужны улики, какие-нибудь доказательства. Севир был единственной надеждой на то, что ей поверят, а без него задуманное теряет смысл. Но ведь осквернённые выслушали её и даже готовы пойти за ней! Как теперь им сказать, что всё кончено?!

Пальцы невольно потянулись к серебряному колокольчику на столе.

«Будь что будет», — решила Ровена. Ей хотелось быть честной со своими приближёнными. В отличие от Максиана, на это она нашла в себе смелость.

Через мгновение дверь отворилась, и на пороге показалась легата.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сдавленно произнесла Ровена, собираясь с мыслями.

Вошедшая плотно прикрыла дверь, поклонилась и приспустила маску:

— К вашим услугам, госпожа.

— Я в тупике, Восемьдесят Третья. Все наши планы вот-вот рухнут, как карточный домик. Нам не найти Севира, как бы мы ни старались.

Всё это Ровена выдала, как в воду бросилась. Тянуть дальше уже нет смысла.

— Не отчаивайтесь, госпожа. Уверена, выход найдётся.

— Не в этот раз, — она обречённо покачала головой. — Ты даже представить себе не можешь, где только я этот выход ни искала!

— Обычно потерянное находится на самом видном месте, — загадочно улыбнулась наперсница.

— Что ты имеешь в виду?

Восемьдесят Третья задумчиво сощурилась, словно от яркого света, и, придя к какому-то умозаключению, заговорила:

— Всем известно, что охота начинается с поиска следа. И чем крупнее зверь, тем проще на него выйти. Такие следы не стереть лёгким ветерком, ни порой и дождём. А ваш зверь, уверена, наследил, как хромой месмерит рядом со своей берлогой.

— Хочешь сказать, чем тяжелее преступление, тем заметнее след оно оставляет?

— Ну как-то так, наверное. Большая стая всегда оставляет много следов. Скорее всего, вы просто не там ищите.

А ведь это дельная мысль! Что-то обязательно должно было остаться. Может, не столь очевидное, не столь заметное, но это ещё не означает, что менее важное. И если бесполезно что-то искать на месте преступления, возможно, разумнее заглянуть в логово самого преступника? Наверняка велась какая-нибудь переписка, или, быть может, намёки в старых газетах что-то подскажут? Хотя бы верное направление для поиска...

Ровена взглянула на лежащую перед ней книгу:

— Ты чудо, Восемьдесят Третья! Как же я сама до этого не додумалась!

Телохранительница смущённо прочистила горло:

— Вы явно преувеличиваете, госпожа.

— Не скромничай, моя дорогая, — её переполняла решимость, хотелось действовать немедленно. — Если следы и остались, то, вероятнее всего, именно там.

— Где, госпожа?

— В самом пыльном месте замка. Пойдём, сыграем в следопытов.

Ровена допускала, что сразу может ничего и не обнаружиться, как и со второго раза, и с третьего тоже, но отступать она не собиралась. Если понадобится, она изучит каждую самую заваливающую бумажку в архивах, пока не найдёт то, что ей нужно. Удача любит упорных!

Она шла быстро, почти бежала в нетерпении приступить к поискам. Возможно, это последний шанс, и она не успокоится, пока не раскопает хоть что-то мало-мальски значимое, и неважно, сколько времени на это уйдёт.

Достаточно быстро они вышли в центральный холл с шестью расходящимися от него переходами. Лучи звезды на полу упирались в стенные ниши со статуэтками богов, у ног которых лежали сухие цветы, пшеничные колоски и золотые монеты.

Лишь только Ровена собралась повернуть в нужный коридор, как вздрогнула от ужаса, услышав до боли знакомый голос, позвавший её по имени. Медленно обернувшись, она старательно изобразила приветливую улыбку.

Король в сопровождении пары львов неспешно пересекал холл. Тёмно-синий кардиган болтался нараспашку, открывая жилет с серебряными пуговицами. Золотая цепочка карманных часов тускло поблёскивала при каждом шаге, начищенные сапоги звенели стальными набойками.

Ровена украдкой посмотрела на корону и стиснула зубы: «Недолго тебе носить её, проклятый братоубийца!»

— И куда только ты так спешишь, дорогая племянница? — его взгляд сделался настолько липким, что хотелось окунуться в ванну с головой и долго смывать с себя эту грязь, пока не начнёт слезать кожа.

— Простите, дядюшка, я не заметила вас, — она поклонилась, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Разве так приветствуют любимых родственников? — Юстиниан с издёвкой поцокал языком.

Ровена шагнула к нему навстречу и, борясь с отвращением, чмокнула в щёку, пахнущую чем-то тошнотворно-приторным. Уж лучше целовать труп, потому что от этого омерзительно-склизкого тепла так и тянуло содрать себе кожу на губах.

Юстиниан коснулся её щеки и укоризненно покачал головой:

— Ты уже не ребёнок, Ровена. Не подобает принцессам носиться по замку сломя голову. Где твоё достоинство?

Внутри всё сжалось от его прикосновения. Гадостный холодок пробежался по телу, и она, едва сдерживая дрожь, изобразила смущение:

— Простите, дядя, такого больше не повторится.

— Уверен, так оно и будет.

Неловко поклонившись, Ровена прошла под круглой аркой мимо статуи Фидес и вышла в коридор, ведущий в административный сектор. Всё это время она ощущала на себе царапающий спину взгляд, от которого хотелось броситься наутёк, но вместо этого изо всех сил заставляла себя не оборачиваться, держась как можно непринуждённое.

По затянувшемуся молчанию стало ясно — Восемьдесят Третья обо всём догадалась. Ничего удивительного, такое не скрыть от женских глаз, для этого даже не нужно обладать особым даром, как у легаты.

Как же это отвратительно! Как вообще у такого достойного человека, как её дед, мог родиться такой сын?

Жутко хотелось отвлечься от всей этой гнуси. Ровена принялась судорожно придумывать хоть какой-нибудь предлог для разговора, лишь бы прекратить это ужасное молчание. Ей вспомнился тот скорпион. Конечно! Она же хотела разузнать о нём.

— Ты уже говорила с новенькими?

— Пока ещё нет, госпожа. Хотелось бы тщательнее присмотреться к ним.

— Не думаю, что стоит сильно затягивать, мы должны быть уверены в их ответе. Любая, даже маленькая, оплошность может обойтись нам слишком дорого.

— Не волнуйтесь, я обязательно поговорю с ними.

— Пожалуй, я лучше сделаю это сама в ближайшее время.

— Слишком рискованно, госпожа, — покачала головой Восемьдесят Третья. — Кажется, они неплохие ребята, но пока я не могу ручаться за них.

— Расскажи мне о них, — попросила Ровена, стараясь не выдавать сильной заинтересованности.

— Обычные скорпионы. Держатся немного особняком, но это нормально для новичков.

— А что насчёт той девушки — не помню её номера — как она? Кажется, ей крепко досталось тогда, на смотре.

— Пятьдесят Девятая? — легата усмехнулась. — О, она в полном порядке, госпожа, будьте покойны. Сорок Восьмому и то влетело похлеще.

— Сорок Восьмому?

— Ну тот, с татуировками.

— Да, конечно, припоминаю его. А что с ним?

— Ничего такого, всего парой швов отделался, — слова телохранительницы звучали так обыденно, будто та рассказывала о скучной прогулке в парке.

Ровене подобное казалось из ряда вон, а для них это чуть ли не повседневность, к которой они привыкли с самого детства.

— Я так поняла, эти двое пара? Они так отчаянно защищали друг друга.

— Нет, госпожа, просто друзья.

Невероятно! Если этот Сорок Восьмой ради дружбы способен на такое, на что тогда он пойдёт ради любви? Если, конечно, он вообще может любить. Всё же стоит присмотреться к нему, возможно, именно в нём удастся найти ту истинную преданность, которой ей так сейчас не хватает.

Наконец добравшись до библиотеки, они остановились у массивных дубовых дверей.

— Лучше тебе остаться здесь, — поразмыслив, решила Ровена. — Если вдруг кого-то увидишь, постучи трижды. Но громче, чтобы я услышала.

Восемьдесят Третья поклонилась:

— Удачи, госпожа.

На удивление, встреча с Юстинианом придала азарта. Ровена была готова хоть поселиться здесь до тех пор, пока не найдёт что-то стоящее.

Обведя взглядом книжные полки, словно противников перед боем, она зашагала напрямик к архивам. Первым делом нужно проверить всё, что относится к году гибели отца. Также не помешает заглянуть в ящики с другими датами, например, за год до произошедшего. Не исключено, что заговор созрел задолго до его осуществления. Но что именно искать? Контракты? Расходы? Переписку? Газетные вырезки?

Пожалуй, это может быть всё что угодно. Наивно надеяться, что Юстиниан оставил хоть один явный след, но за него это могли сделать другие, по глупости или небрежности.

Ровена принялась перебирать в ящиках тугие папки, скурпулёзно рассортированные по годам. Тонны пожелтевших листов с какими-то отчётами, цифрами, таблицами, вплоть до деловой переписки и устаревших соглашений.

Какой ужас! Потребуется не один месяц, чтобы всё это изучить. Она сделала глубокий вдох и принялась бегло просматривать бумаги. Многие тут же отметались как бесполезные, некоторые требовали более тщательного исследования и откладывались в ровную стопку рядом, но по-настоящему ценной информации пока не

обнаружилось.

Когда гора из «подозрительных» документов выросла до толщины энциклопедического тома, Ровена едва не разрыдалась. Помощи ждать неоткуда, всё это ей предстояло изучить самостоятельно, а за окном уже давно стемнело.

В перебирании бесполезных бумажек она провела около пяти часов. За всё время Восемьдесят Третья лишь однажды постучала, но только для того, чтобы справиться о делах и предложить принести что-нибудь съестное.

В тусклом свете лампы чтение отбирало много сил, от усталости уже двоилось в глазах. Ровена зажмурилась, потирая веки ладонями, потом взглянула на часы: время близилось к полуночи. А она нашла чуть больше чем ничего! Всего несколько листков, испещрённых мелким почерком — вот и вся добыча. И то лишь тонкие намёки, которые ещё предстояло перепроверить. Вполне вероятно, что найденное не имеет к делу никакого отношения.

Отложив очередной изученный лист, она взяла следующий и содрогнулась: таблицы и сплошные цифры с непонятными заголовками и корявыми пометками от руки. Пожалуй, лучше вернуться сюда утром. На свежую голову и работа легче спорится. В таких дебрях не разберётся даже тот, кто их наворотил!

Ровена обречённо вздохнула и ещё раз посмотрела на отчёт. Глаз зацепился за столбец с пометками. Ну что за почерк! Ничего не разберёшь. Что же здесь написано? «Поветрия»? «Посредствования»? Такого слова и не слышала... Она прищурилась, силясь вникнуть в прыгающие закорючки. «Пожертвования», вот оно что! В одном из столбцов значилось целых пять миллионов, причём с припиской: «банкнотами». Невероятно! Кто вообще, будучи в здравом уме, способен пожертвовать такие деньжищи?

Она провела пальцем от цифр справа налево, и её сердце ёкнуло. Нет, это не государство великодушно пожертвовало какому-нибудь храму или на постройку домов для нищих. Как раз наоборот! В пометке указано: «На восстановление Каструм Региум. Принято от: компания Западный Пик».

Ровена трижды перепроверила примечание, дважды удостоверилась, что оно относится именно к этим цифрам. Всё верно.

С каких это пор корона нуждается в жертвованиях? Да ещё и на восстановление замка, что в нём восстанавливать-то? Триста лет простоял и ещё столько же простоит без особых вмешательств.

После внимательного изучения выяснилось, что таких жертвований, правда, намного скромнее первого, всего более полудюжины. Даты совпадали: год гибели отца и два последующих.

Ещё не до конца веря своей удаче, она подскочила и закружилась в танце.

— Боги услышали меня! Боги услышали меня! — повторяла Ровена, словно обезумевшая.

Но вскоре её радость поутихла. Всё-таки нужно выяснить, как часто поступали похожие суммы ранее. Вдруг это нормальное явление, а она уже прыгает от счастья.

Ровена отложила лист в тощую стопочку. Остальные, ещё не проверенные документы, не мешало бы припрятать до завтра. А пока можно прерваться на вполне заслуженный отдых.

Восемьдесят Третья встретила её у двери вопросительным взглядом. Видимо, по довольной улыбке догадалась, что время потрачено не напрасно.

— Нашла! — сообщила Ровена. — Правда, ещё рано говорить о чём-то, но, кажется, мы на верном пути.

— Прекрасная новость, госпожа!

Ровена приобняла телохранительницу за плечи:

— Мы обе заслужили отдых. Проводи меня до покоев, будь добра, и можешь быть свободна. Выспись хорошенько, нас ждёт ещё много работы.

Подавая руку, Верк радушно улыбнулся:

— Добро пожаловать, дорогой друг!

Корнут пожал протянутую ладонь, ловя себя на мысли, что за прошедшие полгода старый товарищ заметно располнел и обрюзг. Он и раньше не особо заботился о своей внешности, теперь же и годы брали своё: жидкие каштановые волосы тронула безжалостная седина, отчётливо проступил второй подбородок, морщин у глаз заметно прибавилось.

— К тебе и с боем не прорвёшься, господин канцелариус, — попенял Верк, ведя Корнута к парадному входу небольшого особняка. — Напомни, сколько раз ты игнорировал мои приглашения?

— Я бы и рад навещать тебя чаще, только вот сам белого света не вижу. Издержки службы, не обижайся уж.

— Как же, как же... Какие могут быть обиды!

Корнут с любопытством оглядел просторную прихожую. Зеркала в человеческий рост в тяжёлых резных рамах, отполированный до блеска паркет, отражающий мягкий свет дорогих люстр, изящный комод из чёрного дерева ценой в небольшое состояние. Верк всегда питал слабость к дорогим предметам интерьера.

Сервус услужливо помог снять пальто и бережно повесил его на вешалку у двери.

— Прекрасный дом, друг мой! Прими мои поздравления.

Верк жестом указал на дверь, ведущую, очевидно, в гостиную:

— Благодарю. Давно хотел перебраться поближе к кастрому.

Слуга отодвинул стул, приглашая занять почётное место. Корнут бегло огляделся. Слишком уж всё лоснится, чуть ли не сплит. Может, Верк и талантливый учёный, но со вкусом у него туговато. Впрочем, здесь явно угадывалась женская рука: множество безделушек, аляповатых картин и прочего барахла, призванного мозолить хозяйский глаз. Ему такого не понять, весь этот антураж давил, отвлекал. Пожалуй, ещё одна причина порадоваться холостяцкой жизни.

— Предлагаю промочить горло, — Верк поманил сервуса пальцем и указал на пустующие бокалы, — пока подадут ужин.

— Почему бы и нет, — Корнут был не прочь насладиться хорошим вином. — Как поживает Паолина?

— Она уже месяц гостит у сестры. Обещала вернуться к Зимней Неделе.

— Значит, вкушаешь блаженство свободы?

— В какой-то мере, — признался Верк. — Сам знаешь, с её характером не сильно разгуляешься.

Корнут отпил вина и довольно причмокнул:

— Отличный вкус! Откуда оно?

— Не поверишь, но местное. Я и для тебя бочонок припас, — лукаво подмигнул друг. — Похоже, этот проклятый город не так уж и безнадёжен.

— И чем тебе на этот раз столица не угодила?

— Ты ещё спрашиваешь! Представь, буквально на днях моего хорошего знакомого ограбили прямо у терсентума. Чудом жив остался!

Корнут сочувственно вздохнул:

— Ничего удивительного. На торги не едут с пустыми руками. А разбойникам об этом прекрасно известно.

— В том-то и дело, друг, напали-то на обратном пути! Перебили охрану, увели лошадей и только что приобретённого осквернённого. Вот скажи на милость, зачем разбойникам сдался скорпион?

Действительно странно. Грабить экипаж ради пары коней и скорпиона, которого ещё и сбыть где-то нужно, весьма сомнительное мероприятие. На чёрном рынке за него едва ли дадут половину стоимости, а мороки не оберёшься, не сервус ведь, и даже не ординарий.

А может, охотились как раз за скорпионом? Тогда это объясняет нападение именно после торгов. На ум тут же пришло Стальное Перо. Это в их духе, хотя в чём смысл так рисковать ради одного выродка? Не проще ли дожидаться новой партии из Опертама, как обычно?

Хотя это могло быть и простым совпадением, мало ли олухов по Прибрежью шатается. Напали на первого встречного, но не угадали с добычей и, чтобы не возвращаться несолоно хлебавши, прихватили всё, что под руку попало. Вот только, чтобы остановить на ходу экипаж, нужна хорошая подготовка, да и со скорпионом справиться не так-то просто. Нет, запахок здесь явно подозрительный. Как и в словах жирдяя-мастера об антидоте.

В гостиную вошла низкорослая служанка, неся в руках дымящееся блюдо. В нос тут же ударил аппетитный аромат запечённого поросёнка с картофелем.

— Наконец-то, — проворчал Верк, нетерпеливо схватившись за вилку.

— Ты мне напомнил об одной любопытной вещи, — Корнут смотрел, как невольница нарезает нежное мясо ровными ломтиками. — Не так давно я тоже посетил терсентум, выбирал для Юстиниана новых рабов. То ещё удовольствие, признаться... Сам знаешь, как я к этому отношусь.

— Что поделаешь, если того требует служба.

— И не поспоришь! Так вот, в беседе главный надзиратель упомянул про антидот. И вроде ничего особенного, только вот меня смутил его тон...

— Тон? — Верк удивлённо посмотрел на Корнута.

— Понимаешь ли, мне показалось, что с антидотом не всё так просто. Может, хоть ты разъяснишь, что в нём такого особенного?

Хозяин дома задумчиво пожевал губу. Видно, есть что рассказать, но сомневается, стоит ли.

— Значит, я не ошибся, — подтолкнул его Корнут.

Помявшись, Верк окликнул другого сервуса, обслуживающего их с самого начала:

— Принеси ещё вина.

— Но ведь графин полон, господин, — промямлил тот.

— Делай что велено! — когда сервус покинул комнату, лицо Верка сделалось серьёзным, а взгляд пристально-цепким. — Ну хорошо, только по старой дружбе. Но учти, об этом лучше помалкивать. Гильдия за такое меня по

голове не погладит, да и Легион явно рад не будет, если придать огласке.

— Можешь не волноваться, — охотно заверил Корнут. — Я буду нем, как рыба.

Хозяин дома ещё какое-то время мялся, но в конце концов заговорил:

— Даже не представляю, как тот мастер узнал. Хотя припоминаю, случилась однажды утечка, но мы её быстро устранили. В общем, никакое это не лекарство, друг мой. Не существует ничего, что могло бы даже замедлить деструкцию, а тем более обратить мутацию. Это полный абсурд. Если бы оно существовало, проблема с осквернёнными давно была бы разрешена.

— Выходит, им пустышку подсовывают? — поднял брови Корнут. — В чём тогда смысл?

— Смысл есть, и весьма однозначный. Ещё давно Гильдия обнаружила, что даже ничтожная капля секрети месмерита очень, скажем так, интересно влияет на человеческий мозг. Достаточно одной сотой грамма, чтобы подопытный почувствовал лёгкую эйфорию. Доза, равная распыляемой месмеритом, погружает человека в глубокий транс. А вот вкупе с некоторыми другими веществами секреция способна воздействовать на организм определённым образом.

— Каким именно?

— Не буду вдаваться в подробности, всё равно не поймёшь, просто скажу так: при длительном употреблении этого препарата подавляются способности и притупляется мышление, делая осквернённых легко внушаемыми.

Вот это новость! Видимо, старому змею точно что-то нужно, раз он так разоткровенничался.

— Это действует только на осквернённых, я правильно понимаю?

— А чем осквернённые не люди? — недвусмысленно улыбнулся Верк и тут же умолк — в гостиную вернулся сервус, осторожно неся полный графин.

Вечер явно прошёл не впустую. Что делать с этой информацией, Корнут ещё не решил, но её ценности это не умаляло. Оставалось выяснить, что попросит взамен Верк, и тот, конечно же, не заставил его долго гадать.

— Несколько месяцев назад я выкупил ферму, — сообщил он, разминая вилкой печёный картофель. — Коровы, овцы, свиньи. Около трёх сотен голов.

Корнут иронично присвистнул:

— Впечатляет! Решил завязать с наукой и перебраться поближе к земле?

— Поближе к земле... Скажешь тоже! Нет, дорогой друг, это для старшего, пусть делом займётся. Совсем распоясался. Устал я уже по кабакам да борделям его вылавливать.

— Ну, тогда могу только поздравить. Прибыльное дело, если подойти с умом.

— Согласен! Однако ума здесь недостаточно, сам понимаешь. Ассортимент у меня большой: молоко, мясо, сыры нескольких видов. Объёмы поставок не проблема, докуплю ещё скота, если потребуется. Можешь не сомневаться, я без особых усилий могу снабжать продуктами и каструм, и даже гарнизон.

Корнут ухмыльнулся про себя. Теперь понятно, в чём дело: этот жук за просто так даже пальцем не пошевелит.

— И всё бы ничего, если бы не конкуренция, — посетовал Верк. — Меня к такой сытной кормушке даже на пушечный выстрел не подпустят, а смысла возиться со всем этим хозяйством только ради мелких лавчонок я не нахожу.

— Понимаю.

— Ты ведь знаешь, я в долгу не останусь. Процент от дохода гарантирую, плюс приятный бонус, как же без него.

Корнут задумчиво провёл пальцем по отполированной до блеска столешнице. А что, вполне осуществимо. Аркаруса уломать будет несложно, только с сенешалем придётся повозиться. Впрочем, и к нему ключик подберётся при желании.

— Бонус — это хорошо, — протянул он. — Что ж, попробовать стоит. Посмотрим, что я смогу для тебя сделать.

Верк с довольным видом вытер руки о белоснежную салфетку и поднял бокал:

— Тогда за прибыльное дело!

Допив вино, Корнут со скучающим видом наблюдал, как сервус заново наполняет бокал золотистой жидкостью.

— Всё не выходит у меня из головы твой знакомый. Тот, которого ограбили. Он, часом, не упоминал, сколько всего нападений было в тот день?

Верк равнодушно пожал плечами:

— Да нет вроде... Думаю, он единственный пострадавший. Иначе бы весь город ульем гудел. Представь, какая наглость: среди бела дня, да ещё и охрану, как свиней, под нож пустили. А с чего это тебя так взволновало?

— Если мои предположения верны, твой знакомый имел дело со Стальным Пером, а не с обычными разбойниками.

— Не припомню, чтобы он говорил о серебряной стреле, — нахмурился хозяин дома. — Но даже если так, как это поможет делу? Факт грабежа оно всё равно не отменяет.

— Ты прав, не отменяет. Скорее, это мысли вслух. Видишь ли, слишком уж они себя безнаказанными почувствовали.

— Такого бы не было, если бы полиция занималась тем, чем ей и положено заниматься, а не гоняла бы карманников по рынкам. Ничего, Легион их найдёт, можешь не сомневаться. Не любят они, когда на их собственность посягают.

Корнут раздражённо выдохнул:

— Ты не понимаешь? Нельзя, чтобы Легион вышел на них первым!

— Я учёный, а не политик, и в ваших играх ничего не смыслю. Какая разница, кто разгонит этот сброд?

— Это же очевидно. Вмешайся Легион, полицию просто-напросто на смех подымут. Представь заголовки в газетах: «Работоторговцы утёрли нос королевским жандармам» или «Когда король бессилён, за дело берётся Легион»!

— Пожалуй, звучит не очень... — до Верка наконец начало доходить. — Насколько мне известно, репутация короны и так небезупречна.

— В том-то и дело, друг мой, в том-то и дело, — Корнут откинулся на спинку стула, отмечая, что вино крепче привычного опертамского.

— И что, у полиции вообще на них ничего нет?

— Вроде кое-что обнаружилось, но и там не всё так просто. На обычную наживку ублюдки не клюют. То ли проверяют заранее, то ли доносит кто. А может, и то и другое, — Корнут развёл руками. — Вылавливать их по Пустошам бесполезно, а в городе они появляются только в двух случаях: ограбить или увести очередную семью с новорождённым мутантом. И если первое — весьма спонтанное явление, то второе хоть как-то предугадать можно. Как раз над этим я и работаю.

— Любопытно, — Верк задумчиво потёр подбородок. — А в чём тогда сложность?

— Наживка нужна настоящая, чтобы ни малейших подозрений не вызывала. Не наряжать же, в самом деле, полицейских в дамские платья, с подушкой на брюхе? Или мне ходить по улицам и предлагать каждой встречной на сносях поучаствовать в облаве?

Не дожидаясь сервуса, хозяин дома налил себе вина. По нахмуренным бровям заметно, что тот напряжённо размышляет над услышанным. Человек с таким складом ума подобные задачи воспринимает как своего рода игру, а под хмелем — и вовсе как вызов.

Спустя минуту глаза Верка хитро заблестели, а губы растянулись в торжествующей улыбке:

— Полагаю, я могу разрешить твою проблему. Служит у меня один паренёк, конюх. Честный мальчик, работающий, и жена как раз вот-вот разродится. Только бедствуют совсем: четверо детишек, пятый на подходе. Представь, как непросто прокормить такую ораву. Полагаю, за хороший гонорар они согласятся посодействовать полиции.

Корнут выпрямился на стуле. Если конюх со своей женой действительно согласится, то лучше приманки и не придумаешь. Главное, чтобы потом не пошла на попятную.

— Передай им, я готов заплатить любую сумму, — выпалил Корнут. — В пределах разумного, конечно. А если дело выгорит, ещё и премию выдам.

Как бы осквернённые ни были похожи на нас, свободных людей, ни в коем случае нельзя забывать, чем они являются на самом деле. За безобидной внешностью такого ребёнка в первую очередь скрывается опаснейшее существо, способное уничтожить любого на своём пути. Только строгое воспитание в страхе и преклонении перед свободными позволяет сохранить контроль над осквернёнными...

...Как показал опыт, особи старше десяти лет, не росшие под надзором Легиона, перевоспитанию не поддаются, а потому подлежат немедленной ликвидации. Эти крайние меры необходимы как для внутренней безопасности Легиона, так и для безопасности граждан Прибрежья.

Выдержки из устава Осквернённого Легиона

С последним месяцем осени пришёл первый снег. Твин неторопливо возвращалась с дневного поста, по дороге любясь сказочной красотой замка, его уютными двориками, изящными скульптурами и вековыми деревьями, спящими под пушистым белым покрывалом.

В свете редких электрических фонарей снег искрился и переливался, будто самоцветы на пальцах знатных дам. Остановившись в одном таком пятне мягко-золотистого света, Твин задержала дыхание и принялась изучать кристальный узор снежинки, пойманной на ладонь. Хоть что-то радует глаз...

«Постой-ка, а это ещё что?!» — казалось, снежинка тоже сложена из кирпичей, точь-в-точь, как стена напротив кабинета казначея, разве что только прозрачных. Проморгавшись, Твин присмотрелась и судорожно выдохнула: ну и привидится же всякое!.. Эти сраные камни где попало уже мерещатся.

Всё же в терсентуме жилось куда веселее. Там хоть на охоту отправляли, на выпас, в конце концов, да и с собратьями не заскучаешь — то и дело что-то вытворяли. А ещё там был Керс... Как же его сейчас не хватает! Увидь он, каким стал Слай, быстро бы его в чувство привёл. Семидесятый настолько заиклился на себе, что ничего вокруг не замечает. Ему совершенно плевать, каково ей сейчас, а тут ещё и Харо со своей унылой физиономией. Жизнерадостностью он и раньше не отличался, а теперь совсем ходит точно смерговым дерьмом обмазанный. Чёрт, да ещё немного — и сама станет такой же!

— Что там?

Чуть не вскрикнув от неожиданности, Твин обернулась и сердито посмотрела на Харо, подкравшегося со спины. Лёгко на помине!

— Знаешь, мне и Слая хватает с этими его внезапными появлениями!

— Думал, ты меня видела. Так что там у тебя?

— Смотри, какая красота! — она вытянула ладонь.

Харо мельком глянул на уже подтаявшую снежинку и равнодушно пожал плечами.

— Да уж, с чувством прекрасного у тебя явно нелады.

— Какой есть, — буркнул он. — Как прошёл твой день?

Изобразив предельную сосредоточенность, Твин принялась загибать пальцы:

— Завалила несколько смергов, погоняла псов, потом воронов... Чёрт, Харо, будто сам не знаешь! Стояла и втыкала в кирпичи с утра до вечера.

— А я сегодня целую сотню метров прошёл! От кабинета до соседнего. И обратно.

Твин присвистнула:

— Да ты счастливчик! Это же целый забег на дальнюю.

— Угу.

Она понимающе улыбнулась. Их жизнь превратилась в сплошной поток кирпичной кладки, разбавленный периодическим тасканием по замку за кем-то из высокородных. И счастье, если этот высокородный проявлял хоть какие-нибудь признаки жизни, а не просто запирался у себя в кабинете, принимая весь день посетителей, как это делает казначей.

Только теперь она поняла, насколько повезло Слаю и остальным гладиаторам. В сравнении с подпиранием стен изнурительные тренировки казались настоящим приключением. Подумаешь, полдня понапрячься, зато потом свободен как ветер! И ни брезгливых тебе взглядов, ни пренебрежительного тона, ни терпения до обеденного часа, когда вот-вот уже в портки наложишь, а отойти облегчиться ни в коем разе, иначе голова с плеч.

Но самое страшное Твин начинала осознавать только в последние дни: а ведь это продлится до конца её жизни. И никакого проблеска надежды она не видела, как бы ни старалась. До последнего вздоха ей придётся тенью слоняться за свободными и пересчитывать в уме камни у стены напротив. Если, конечно, не сойдёт с ума раньше.

Харо тоже это понимал, потому и ходил мрачнее грозовой тучи. Сколько же надежд умерло после того проклятого смотра! И ладно она — однажды всё равно придётся смириться со своей участью, куда ж ей деться, — но Сорок Восьмой... Ему бы в гущу боя, махать мечом, ну или в крайнем случае куда-нибудь на стену отстреливать воронов. Он рождён, чтобы погибнуть в сражении, и к этому он всегда стремился. Чего ему только стоило вопреки своим особенностям прилично овладеть ближним боем и добиться, чтобы его отправили в Регнумский Терсентум! А туда отправляют лучших из лучших — тех, кого обычно покупают для Арены.

Твин никак не могла избавиться от чувства вины перед другом. Если бы он не попытался ей помочь, всё бы у него сложилось иначе. С другой стороны, многим собратьям приходится куда тяжелее, так что роптать на свою участь в их случае настоящее свинство.

— Эй, да не всё так плохо! — с напускной весёлостью Твин ткнула друга в плечо. — Живут же как-то другие! Тот же Морок, например. Он уже несколько лет здесь, и не жалуется.

— Ну да, жратва-койка есть, значит, жизнь удалась.

— Кто знает, может, у тебя ещё появится шанс показать себя. И король передумает. Мало ли, всякое бывает.

Харо скептически фыркнул.

Э нет, так дело не пойдёт! Унывать нельзя, только хуже станет.

— Кстати! Что насчёт вчерашнего обещания?

— Слушай, может, в другой раз, а? — с надеждой в голосе спросил Харо. — Настроение ни к смерти.

— Ну уж нет, не отвертись, братишка. Раз пообещал — выполняй.

Он обречённо вздохнул, точно его на казнь вели.

— Вот и чудесно! — задорно подмигнула она, останавливаясь рядом со стражниками у входа в часть. — Пятьдесят Девятая и Сорок Восьмой.

Гвардеец глянул на часы, прикрепленные цепочкой к толстому журналу, и, черкнув какую-то закорючку, кивнул на будку, что служила здесь оружейным складом.

Харо сразу отправился на пустующую площадку, Твин же решила заглянуть в казарму. Слай сидел в компании пары гладиаторов и о чём-то увлечённо с ними беседовал. Заметив её, он приветливо улыбнулся и поманил рукой.

— Позже, я на тренировку, — покачала головой она.

Слай недовольно скривился и отвернул морду.

«Ну и пёс с тобой! Сам-то весь из себя, нос вон как задрал! — ну да, гладиаторы хвостом за хозяевами не ходят и стены не подпирают. Ими занимаются опытные тренеры, а она тут со своими жалкими потугами держать хоть какую-то форму. — Ну нет, рано ты, дружище, в неудачники нас списал!»

Твин с досадой хлопнула дверью и зашагала к площадке. Да уж, зазнался её Семидесятый! Мог бы предложить потренироваться вместе, хоть как-то бы проявил интерес к её жизни. А вместо того машет клешней с таким видом, будто делает ей одолжение. Но самое обидное, что когда она попыталась поделиться с ним своими тревогами, он только пренебрежительно хмыкнул: «Тоже мне проблемы!»

Остановившись у края площадки, Твин принялась разминаться, стараясь настроиться на тренировку. Чертовски хотелось развалиться на койке, но если уступить лени, вернуться к прежнему ритму будет куда сложнее.

— Ну что, готов?

Харо без особого энтузиазма поправил маску, нагрёб снега и слепил небольшой ком.

— Да вы все сговорились! — не выдержала его мрачной мины Твин. — Хоть ты прекрати ходить тут со своей унылой рожей.

— Теперь тебе моя рожа не нравится? — пробурчал он. — А говорила, что я неотразим. Вот как вам, коварным самкам, верить после такого?

Не найдя что ответить, Твин с мгновение изучала друга, демонстративно натянувшего маску чуть ли не на глаза, а потом прыснула смехом. Подловил всё-таки, засранец!

— Ты у меня самый красивый, сам же знаешь! — сквозь хохот выдавила она. — Прости, не хотела на тебе срываться. Слай выбесил, псы его раздери.

— Ты сюда поржать пришла или всё-таки делом займёмся? — Харо с невозмутимым видом перекинул снежок из руки в руку.

Твин подавила смех и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы сконцентрироваться:

— Если что-то пойдёт не так, вырубай не задумываясь.

— В смысле «вырубай»? Что это ещё за новые правила?

Она замялась, подбирая нужные слова. Как бы так сказать, чтобы не послал? Сейчас тренировки необходимы ей позарез. Альтера стала намного сильнее, всё чаще прорывается сквозь барьер. Если контроль ещё больше ослабнет, она совсем от рук отобьётся, и ничем хорошим это не закончится. Но если самой научиться управлять временем, то не придётся её выпускать, и, возможно, она наконец отступит... или вовсе исчезнет.

— Альтера меняется, Харо, становится сильнее. Просто будь начеку, ладно?

— Уверена? — с сомнением переспросил он.

— Да брось, ты же её знаешь. Сразу поймёшь, если что-то пойдёт не так. Просто не тяни.

Харо осуждающе покачал головой. Остаётся надеяться, что не подведёт, иначе быть беде. От Альтеры можно ожидать чего угодно.

Собравшись с мыслями, Твин вообразила узкий туннель, где двоим не разойтись, и разрушила невидимую стену. По спине прошёлся холодок. Нет, не ветер, она кожей ощущала присутствие той, другой. Руки обдало знакомым жаром, вспыхнуло зелёное пламя. Ярость захлестнула её, выжигая нутро, как выжигают поля после осенней жатвы.

«Наивная дурочка! — прошипела Альтера. — Ты и правда веришь, что это сработает?»

— Увидим, — Твин подала знак другу, чтоб начинал.

Тот подбросил в ладони снежок и запустил в неё. Время замедлилось. Твин смотрела на редкие снежинки, зависшие в воздухе. К лицу медленно приближался белый ком. Шагнув навстречу, она приготовилась его перехватить, но Альтера злорадно хохотнула, невидимая струна натянулась до предела, зазвенела, будто кто-то дёрнул пальцем, и лопнула.

Снежок угодил точно в лоб, сбив с ног. Твин растянулась на земле, гадая, в голове это звенит или колокол на дозорной башне.

— Эй, а полегче нельзя? — когда звон в ушах стих, она протёрла глаза от снега и поднялась. Лоб нещадно саднило, наверняка шишка вылезет.

Альтера снова ядовито захихикала. Да уж, очень весело!

— Ещё раз! — Твин начинала злиться.

Харо сгрёб в горсть очередную порцию снега:

— Сосредоточься на цели, не отвлекайся на неё.

Он прав, Альтера намеренно сбивает с толку. Нужно перехитрить её. Но едва Твин успела воссоздать туннель, та уже ждала позади так близко, что её дыхание обожгло затылок. Всё это было чертовски реально, как во плоти, и это даже немного пугало.

«Не ожидала?»

«Да что с тобой не так?! Почему ты так ненавидишь меня?»

«Ненавижу? Много чести! Ты слабое, жалкое убожество. Это тело не для тебя, милочка».

«И всё же оно принадлежит мне», — Твин сконцентрировалась и призвала скверну.

Мир замедлился, но всего на мгновение. Струна лопнула, даже не успев натянуться. Снег моментально залепил глаза и нос. Фыркая и отплёвываясь, она махнула рукой:

— Продолжаем!

Лицо уже щипало от холода, кончик носа занемел, голова и вовсе раскалывалась на части. Харо не промахнулся ни разу, что неудивительно. А вот она всё время лажала.

Но так просто сдаваться Твин не собиралась, упорно призывая хист вновь и вновь. И всё же полностью остановить время не удалось. Да что там, даже уклоняться от снежков не получалось, хотя раньше могла без труда перехватить метательный нож.

Может, всему виной долгий перерыв? Или всё-таки стоит попробовать в полную силу? Она старалась не опустошить себя заранее, откат — то ещё удовольствие. Скорее всего, причина в этом.

Твин виновато посмотрела на друга. Тот устало потёр переносицу и кивнул, давая знать, что готов продолжить.

— Хватит на сегодня, — проворчала она, не прекращая злиться на себя. — Я от холода уже носа не чувствую.

— Знакомо, — да уж, на мороз ему без маски лучше не высовываться, а то в лазарет загреметь — раз плюнуть. Зато шутить пытается. Такой Харо ей нравится куда больше! — Раньше у тебя получше получалось.

— Раньше и Альтера была слабее.

— Значит, ищи другой способ. Ты сильнее её, Твин, не забывай об этом.

— Что-нибудь придумаю, не волнуйся. Ты сейчас в душ? — она стянула перчатки. Кожа от жара вспотела, противно липла.

— Позже. Потренируюсь немного.

Благодарно похлопав друга по плечу, Твин направилась сразу в санитарную зону. Сначала она заскочила в прачечную, торопливо разделась и, отыскав среди ровных стопок свою униформу, небрежно швырнула несвежую в большую корзину в углу. После, поёживаясь от холода, побежала в душевые. Конечно, немного неудобно, что всё это дело не внутри казармы, зато ждать своей очереди не нужно. Не говоря уже о горячей воде в любое время, а не только зимой и по расписанию.

А ведь всё не так плохо, если разобраться. Главное в тонусе себя держать, недаром Восемьдесят Третья устраивает пару раз в неделю обязательные выпасы со спаррингами. Старшая неглупа, понимает, что нужно

выпускать пар.

После душа сильно потянуло в сон, вот только в загоне ещё никто не спал, хотя время уже шло к полуночи. Твин тихо выругалась: не особо выспишься в таком шуме.

Старательно не замечая Семидесятого, она пересекла казарму и, скинув второпях одежду, с наслаждением завалилась на койку. Веки тут же потяжелели, тело приятно заныло от расслабления. Сладко зевнув, она отвернулась к стене и попыталась заснуть.

— Чего развалились!? У нас гость!

Проклятье! Твин накрыла голову подушкой, мечтая, чтобы о ней забыли и дали нормально поспать.

— Какой ещё гость? — раздался голос Слая, и, не выдержав, она подняла голову, сонно всматриваясь в сторону двери.

На пороге появился женский силуэт. Глубокий капюшон, отороченный по краям серебристым мехом, скрывал верхнюю часть лица. Из-под него на плечи ниспадали золотые локоны, сквозь плотную ткань пальто угадывалась точёная фигурка. За спиной незнакомки довольно лыбились Восемьдесят Третья. Морок прошмыгнул мимо них и плюхнулся на лежанку.

Сбросив капюшон, гостя приветливо улыбнулась.

Так это же та девица! Принцесса. Морок, да и остальные тоже, часто в разговорах упоминали её. Чем она там так примечательна, кроме смазливой мордахи, неясно, но говорили все о ней чуть ли не с благоговением.

Опомнившись, Твин подскочила и, путаясь в форме, быстро натянула портки и накинула рубаху. Маска с капюшоном обнаружилась почему-то на полу. Кое-как нацепив их, она поискала глазами Слая, но его нигде не было видно.

Гостя тепло приветствовала присутствующих, а те отвечали почтительными поклонами. Твин повторила за остальными, пытаясь хоть как-то разобраться в происходящем. Никто будто и не удивлён её визиту, никто, кроме них, новеньких, даже не потянулся за масками. Очевидно, принцесса здесь не впервые. Вопрос только в том, что она вообще забыла в загоне, где ей не место.

Твин снова огляделась по сторонам: Харо здесь тоже не было. Точно! Он, должно быть, ещё на площадке или в душевых. Нужно срочно предупредить его. Она уже было приготовилась незаметно прошмыгнуть мимо собратьев, как рядом возник Слай и небрежно швырнул на койку сменную одежду.

Разговаривать с ним не особо хотелось, но дуться лучше в более подходящее время.

— Позови Харо, — шепнула Твин.

— Уже позвал, — лукаво подмигнул он, крутя на пальце какой-то ключ.

— Откуда этот... — она умолкла, отвлёкшись на громкий голос старшей по казарме.

— Новенькие, подойдите ближе, — велела та. — И намордники свои можете снять.

Без особого рвения Твин присоединилась к собравшимся вокруг принцессы, при этом удачно спрятавшись за Триста Шестым. Правда, ненадолго. Здоровяк удивлённо оглянулся и, хмыкнув, подвинулся в сторону.

— Мы уже виделись однажды, — гостя мило улыбнулась, сверкнув ровными белоснежными зубками, — но хотелось бы познакомиться с вами поближе. Моё имя Ровена, я дочь короля Урсуса Второго.

Твин подозрительно сощурилась: «Это мы и так все знаем, а вот на кой тебе сдалось знакомиться с нами, непонятно».

Ровена оглядела их в ожидании, когда они представятся. Первым представился Девятнадцатый, отвесив короткий поклон.

— Здравствуй, Девятнадцатый. Искренне рада нашей встрече!

— Семидесятый, — Слай одарил принцессу самой очаровательной улыбкой, на какую был способен.

Неожиданно для себя Твин ощутила укол ревности. С чего это он так ей скалится?!

— Я помню тебя, Семидесятый. Ты хорошо сражался, я была впечатлена!

— Благодарю вас, госпожа, — самодовольно ухмыляясь, он многозначительно покосился на Твин.

«Ну всё, держись, засранец! Теперь только попробуй полезть ко мне в койку!»

— Триста Шестой к вашим услугам.

— Приятно познакомиться, Триста Шестой! — принцесса восхищённо выдохнула. — А ты ещё огромнее, чем казался с трибун. Не хотела бы я очутиться на месте твоего противника.

Здоровяк смущённо потоптался на месте, даже слегка покраснел.

— Пятьдесят Девятая.

Девчонка смерила её любопытным взглядом и повернулась к Восемьдесят Третьей:

— Кажется, их было шестеро, не так ли?

Старшая озадаченно нахмурилась:

— Один на посту. Остальные вроде здесь. Стоп! А где?..

— Слай, мать твою! Тебе делать нехер? — в дверях нарисовался Сорок Восьмой, злой, голый, зато в сапогах и

в маске. Он непонимающе оглядел собравшихся, видимо, пытаясь сообразить, чего это все сбились в кучку посреди загона.

Восемьдесят Третья прикрыла глаза и раздражённо выдохнула. В повисшей тишине вдруг раздался истерический гогот Морока, а Слай зажал рот ладонью.

Принцесса удивлённо заморгала, повернулась к двери, но из-за обступивших её скорпионов она вряд ли могла хоть что-то толком разглядеть.

Выскочив из толпы, Твин махнула другу и ткнула себе в шею двумя пальцами, сообщая об опасности.

— А вот и наш Сорок Восьмой! — громко объявил Девятнадцатый и отступил в сторону, открывая на обозрение принцессы ничего не понимающего Харо.

На лице девчонки застыло замешательство, изящные брови поползли вверх. Ещё бы! Там есть, чему удивляться.

Харо наконец смекнул, кто перед ним, прикрылся руками и, попятившись к выходу под шутки и хохот собратьев, врезался спиной в дверной косяк.

Твин в два шага очутилась у койки, подхватила теперь понятно чью форму и, на бегу отвесив Слаю подзатыльник, выскочила из казармы.

Ну Семидесятый! Ну смергов выплевок! И как ему это в голову пришло?! Так унижить Харо перед принцессой зная при этом, как друг смотрел на неё там, на арене. Твин кипела от злости, придумывая на ходу, что сделает позже с горе-шутником.

— Клянусь, я не знала... — нагнать Сорок Восьмого удалось только у входа в санитарную часть, и, ёжась от холода, она протянула ему одежду.

Друг молча вырвал форму из рук. По резким движениям стало понятно, что Харо не просто зол — он в бешенстве. Последний раз она видела его таким, когда Дис на виду у всех зажималась с Девятнадцатым. Знатно же Твин этой твари тогда наваяла. Правда, за это у Стены потом весь день проторчала, но каждый раз при виде заплывшей морды сучки нарадоваться не могла. Харо, конечно, долго дулся, что вмешалась, но оно того стоило!

— Подожду тебя снаружи, — пробормотала Твин, переминаясь с ноги на ногу. Ну и холодно же!

— Не нужно.

— В смысле? Ты здесь, что ли, ночевать собрался? — и, не получив ответа, сокрушённо покачала головой. — Забей, брат. Просто сделай вид, что ничего не произошло.

— Уходи!

— Ещё чего!

Дождавшись, когда он оденется, Твин схватила его за руку и потянула за собой. Недовольное ворчание друга прекратилось только, когда они вошли в казарму. При виде их Девятнадцатый расплылся в довольной улыбке, Морок открыл было рот, чтобы отпустить какую-нибудь шуточку, но тут же передумал, поймав на себе тяжеленный взгляд Восемьдесят Третьей.

— Рада нашей встрече, Сорок Восьмой, — удивительно, но в голосе принцессы не чувствовалось ни насмешки, ни издёвки. Она с интересом рассматривала Харо, явно дожидаясь хоть какого-то ответного действия.

Друг стоял как вкопанный, и Твин легонько ткнула его локтем, чтобы растормошить.

— Честь для меня, — стянув маску, он отвесил неловкий поклон и с деланно-невозмутимым видом направился к своему месту.

Твин остановилась рядом с Семидесятым и смерила его осуждающим взглядом:

— Ну ты и кретин!

Слай, видимо, понял, что перегнул, и пристыжённо потупился.

Принцесса что-то негромко сказала Восемьдесят Третьей и присела на краешек свободной лежанки:

— Раз мы все в сборе, пожалуй, начну. У меня для вас есть новости, но сначала хочу ввести новичков в курс дела. Очень важно действовать сообща, только тогда у нас есть шанс.

Твин слушала принцессу, не веря собственным ушам. Та рассказывала о предательстве своего дяди, о том, что осквернённые должны бороться за свои права, и что скоро у них появится такая возможность, что главное держаться вместе, доверять друг другу и всё такое. С каждым её словом внутри нарастало очень недоброе предчувствие. Пока ещё не до конца понятно, чего девчонка хочет, но, судя по услышанному, ничего хорошего их не ждало.

— ...мы можем всё изменить! Мы уничтожим Легион и освободим всех до единого. Поверьте, каждый из вас имеет не меньше прав, чем свободные, и я намерена добиться справедливости, чего бы мне это ни стоило! — как раз из уст свободной всё это звучало крайне неубедительно, и Твин, нахмурившись, оглянулась на собратьев.

Слай не сводил глаз с принцессы — вот засранец! Триста Шестой, казалось, уже готов был поклясться той в верности, а Харо... Да пёс его разберёт, проще позже спросить. Похоже, Девятнадцатый оставался единственным, на чьём лице читалось явное недоверие. Хоть кто-то сохранил способность думать тем местом, каким и положено.

Да, новая жизнь, может, и не сулит интересной истории для Госпожи, и будущее кажется бесконечно унылым, но не до такой степени, чтобы вестись на всю эту муть о свободе.

Когда Ровена заговорила о нападении на короля, в груди и вовсе тоскливо защемило. Сразу вспомнились слова Седого, сказанные по дороге в замок. То ли старик хорошо знаком с повадками знатных, то ли просто исходил из жизненного опыта, но будто в воду глядел, когда предупреждал их ни во что не ввязываться.

«Не смей слушать эту девку!» — рявкнуло на ухо.

«Отвали, без тебя разберусь», — Твин заново возвела воображаемый барьер, который теперь не особо-то и помогал, и переключилась на речь принцессы.

— ...конечно же, у вас есть выбор. Единственное, о чём прошу, — не мешать, если решите остаться в стороне. Можете не спешить с ответом, у вас есть время всё обдумать.

Твин незаметно усмехнулась. Выбор, как же! Прищучат во сне, и глазом не моргнёшь. Ну и угораздило же так вляпаться! Кто там ныл о беспросветном будущем? Вот и получи приключения на задницу.

Хотя по другим и не скажешь, что против воли — чуть ли не с открытыми ртами принцессу слушают. Восемьдесят Третья так вообще сияет, как начищенный сапог.

— А теперь к самому главному, — продолжила Ровена. — Мне удалось найти доказательства, что Легион замешан в убийстве отца. Прямыми их не назовёшь, но сам факт регулярного перечисления крупных сумм в королевскую казну именно в те годы косвенно говорит о его причастности к заговору. В крайнем случае мы сможем обвинить Юстиниана в коррупции, а это тоже весьма серьёзная аккриминация.

Заметив непонимание в глазах собравшихся, она поспешила объяснить:

— Есть бумаги, в которых указано, что под видом пожертвований Легион отправлял очень много денег в замок, как раз перед убийством моего отца и ещё год после. Я специально всё сверила и выяснила, что компания, от лица которой проводились эти операции, принадлежит одному из магистров Легиона. Очевидно, что к пожертвованиям эти деньги не имеют никакого отношения. Это подкуп или оплата за услугу, трактовать можно как угодно, но точно не в пользу короля.

Шестьдесят Седьмой растерянно почесал свой бритый затылок:

— Всё это слишком сложно для нас, госпожа.

— Да, я понимаю... Конечно, с Севиром было бы проще, но мы рискуем потратить месяцы, если не годы, на его поиски. Боюсь, такой роскоши мы не можем себе позволить. Просто поверьте, этих доказательств достаточно, чтобы запустить судебный процесс. И мы вынудим убийцу во всём сознаться!

— Хорошо, — пожал плечами Морок. — Когда приступаем?

— Сколько времени вам нужно на подготовку?

— Думаю, недели будет достаточно, — поразмыслив, выдала старшая. — Ну, ещё пару дней для раздумий оставим желторотикам.

— Превосходно! Может, у кого-то есть ко мне вопросы?

Твин украдкой взглянула на Слая. Тот задумчиво опустил глаза, переваривая услышанное. Никто из собратьев не проронил ни слова, даже Девятнадцатый — и тот будто язык проглотил.

— Ну что ж, — Ровена поднялась. — Я искренне рада повидаться с вами, мои верные друзья. Пусть удача будет на нашей стороне.

Задержав взгляд на Харо, принцесса направилась к выходу. Восемьдесят Третья кивнула Мороку и поспешила за своей госпожой.

— Херня какая-то, — сплюнул Девятнадцатый, когда те ушли. — Дерьмецом всё это пахнет.

— Как по мне, неплохо звучит. А тебе, братишка, всегда всё дерьмецом пахнет, — отмахнулся Триста Шестой. — Под носом лучше бы себе протёр, вдруг там чего налипло.

— Очнись, туша! Забыл, что Седой говорил? — взъелась Твин. — Не лезть куда не следует!

— Седой вообще много чего говорил, — вмешался Харо. — Не знаю, как вы, а я за.

— Совсем сбрендил? — Твин опешила от такого поворота. — Какого смерга, Харо?!

— Я тоже за, — Триста Шестой насмешливо ей подмигнул. — Арена, конечно, хорошо, но здесь что-то новенькое. Чую, знатно повеселимся!

— Во дебилы! — Девятнадцатый закатил глаза. — Девчонка же вас всех использует. Все эти её рассказы про свободу хмарь месмеритова, а вы уши развесили.

— Слушай, брат, я тебя понимаю, сам не поверил ей поначалу, — вмешался Шестьдесят Седьмой, — но принцесса другая, знаю, о чём говорю.

— Ага, другая. Рожей посмазливее. А вы и рады бубенцами позвенеть.

— На твоём месте я бы всё-таки гонор поубавил, дружище, — глухо проговорил Шестьдесят Седьмой. — Нехорошо против своих идти. Рискуешь.

— И чем это я рискую? — ошетинился Девятнадцатый.

Твин обвела взглядом братьев. Кажется, никто вмешаться не собирался. Даже Слай, хотя по хмурому лицу видно, что затея девчонки ему тоже не особо нравится.

— А разве эта ваша принцесса не говорила о выборе? — она влезла между спорящими. — Может, мы как-то уж сами решим?

— А где гарантии, что вы не сдадите нас с потрохами?

— Ты чё, говнюк, стукача в ком-то из нас увидел? — Девятнадцатый угрожающе хрустнул костяшками. — Ну давай, ткни пальцем... Я ж тебе его потом в жопу запихну.

Шестьдесят Седьмой ринулся было на говорившего, но Слай преградил ему дорогу:

— Остынь, брат. Никто никого сдавать не собирается.

— А что насчёт тебя? — поинтересовался Двести Тридцать Четвёртый. — Ты хоть с нами?

— Подумаю, — хмыкнул он. — У нас два дня, забыл?

Смерив Девятнадцатого недобрым взглядом, Шестьдесят Седьмой всё-таки отступил. А вскоре и остальные разбрелись по койкам, размышляя каждый о своём.

Потянув Харо в укромное место, Твин схватила его за грудки:

— Ты в своём уме, братишка?! Ты что творишь?

В тусклом свете лампы его глаза вызывающе блеснули:

— Это тот самый шанс, Твин! Разве не видишь? Не собираюсь я гнить в этом дерьме до самой деструкции.

— Нет, Харо, это не шанс! Это прямой путь к виселице. Тоже мне достойная смерть!

— Может, и виселица, а может, и свобода. Псов бояться — в туннели не ходить, сестрёнка. Подумай сама, нам дают возможность хотя бы попытаться что-то изменить! — Харо мягко отвёл её руки. — Хочешь, втыкай дальше в кирпичи, а я в деле.

С досадой проводив Сорок Восьмого взглядом, Твин побрела к своей койке. Нужно попытаться позже ещё раз с ним поговорить, а пока не стоит накалять, и так все на взводе.

— Да уж, — Слай нагло уместился рядом, будто ничего и не произошло. — Влипли мы знатно.

— А с тобой я вообще говорить не хочу! — она вытолкала его со своей лежанки. — Вали давай! Как ты вообще до такого додумался, не понимаю? Харо же твой брат!

— Да я просто шутил! — он уместился на пол у койки и заглянул Твин в глаза. — Эй, малыш, не дуйся на меня... Ну ладно, ты права, я кретин. Довольна?

— Рада, что ты хоть это понимаешь, — она повернулась к стене, показывая всем видом, что разговор окончен.

Соккрытие мутантов от Надзора за генетической чистотой граждан или от агентов организации Осквернённый Легион карается смертной казнью без права на апелляцию или помилование.

Заветы потомкам, Кодекс скверны, 030

Языки огня то пламенными остриями взвивались вверх, то гасли до тлеющих угольков. Керс покрутил камень в пальцах и швырнул его в костёр, что, ярко вспыхнув, поглотил импровизированный снаряд и сразу начал стихать.

Подобрав следующий, снова швырнул в почти потухшее пламя, которое тут же послушно взвилось вверх, лоя подношение. Со скучающим видом он повторял эти действия раз за разом, пока в досягаемости не закончилось всё, что можно было запустить в костёр. Лучшего занятия всё равно не найти. Чёртова пещера похуже Стены Раздумий. Ещё немного, и он окончательно здесь свихнётся.

Дважды в день приходил клыкастый. Подбрасывал дрова, оставлял миску с очередным варевом да флягу с водой, а потом молча сваливал. Ни на вопросы, ни на угрозы тот никак не реагировал, сколько бы Керс ни старался его разговорить.

Отсыревшая одежда противно липла к телу, кандалы стёрли кожу в кровь, да и холод собачий не вызывал особого восторга. Если б не костёр, Керс давно бы окошел, но стоило отдать должное, кормили неплохо. Значит, им точно что-то от него нужно.

Керс запустил последний снаряд. Огненные щупальца взвились вверх, осветив стены. Воздух здесь пропитан солью, мерный шум не стихал ни на минуту. Похоже, море где-то совсем рядом, только из этой дыры толком ничего не рассмотреть: уже порядком проржавевшая рама, врезанная в камень, толстые прутья решётчатой двери да сплошная скала снаружи.

Где-то близко, должно быть, лагерь: до него то и дело доносились приглушённые голоса. Керс так и не понял, кто они такие, то ли разбойники, то ли мелкие работяги. Если верить Седому, на чёрном рынке скорпионы ценятся высоко, хотя сбить такой товар — задача не из простых. Может, на него уже есть покупатель, вот и ждут, когда за ним приедут.

Ну и угораздило же вляпаться в такую кучу! Вопрос в том, как теперь из неё выбираться. Цепь ему не разрушить, да и замок на решётке вряд ли получится. С металлом у него никогда особо не ладилось, сложный материал. Максимум получалось раскалить, и требовалось на это немало усилий. Можно, конечно, дожидаться, пока клыкастый в очередной раз отопрёт решётку, потом прихлопнуть ублюдка и свалить, только в оковах сильно не побегаешь. Выловят в два счёта — и как бы потом хуже не стало.

Снаружи послышались шаги. Керс отодвинулся подальше от костра, чтоб не зацепило в случае чего. Для клыкастого рановато, значит, скорее всего, по его душу.

С напускным безразличием он наблюдал, как знакомый здоровяк отпирает массивный замок. Петли тихо взвизгнули, скрипнула галька под подошвой. Керс с непринуждённым видом прислонился к стене, руки закинул за голову, усыпляя бдительность бандюка, и приготовился поджарить гниду в любую секунду. А пока не мешало бы выяснить, с кем он имеет дело.

Здоровяк уселся напротив и принялся оценивающе рассматривать его, без опаски, даже с насмешкой. Подозрительная самоуверенность. Знает ведь его хист — огонь-то рядом. Здесь остаётся только два варианта: либо этот кривоносый совсем дурак, либо считает, что сможет защититься. Вполне вероятно, что он тоже осквернённый. Но где тогда номер? Шрам есть, но не факт, что от клейма. Слишком всё запутанно, чёрт возьми!

Не удержавшись, Керс вызывающе вскинул бровь. Бандюк в ответ ухмыльнулся:

— Керс, так ведь?

Постой-ка, откуда этому ублюдку известно его прозвище? Да кто он такой, смерг его задери!

— Ты уж прости, брат, но иначе нельзя, — бородатый кивнул на кандалы. — Мало ли что тебе в голову взбредёт во время ломки!

— Какой я тебе, к хренам, брат!

— Седой предупреждал, что ты с норовом, — здоровяк потёр переносицу, — но, думаю, мы с тобой всё-таки сумеем договориться.

Седой? Тогда это многое объясняет. Ну сукин сын! А он-то к нему, как к отцу... Уважал, доверял. Олух набитый!

— Седой, говоришь? — Керс угрожающе ощерился. — Передай этой мрази, что лучше бы ему сдохнуть до того, как я до него доберусь.

Глаза кривоносого насмешливо заблестели:

— А кто мы такие, по-твоему?

— Разбойники? Работоторговцы? Кучка сраных недоносков? — Керс пожал плечами. — Да мне плевать, если честно, кто вы. Какая разница, кто твоей шкурой торгует.

— Да уж, здесь и не поспоришь. Но мимо, малец. Никто тебя продавать не собирается. Моё имя Севир, если, конечно, оно тебе о чём-то говорит.

Керс подозрительно сощурился. Это шутка такая? Севир, если речь именно о нём, сгинул ещё лет десять назад.

— Сомневаешься? — бородатый одобрительно хмыкнул. — Правильно, сомнения ведут к истине. Только вот сам посуди, с чего мне торчать здесь и тратить на тебя своё время?

— Послушай, дружище, мне вообще-то абсолютно насрать, как ты там себя называешь. Да хоть королём Мёртвых Пустошей, если так чешется. Меня куда больше волнует, что вам от меня нужно.

— Справедливо, — кивнул тот. — Ладно, тогда давай по порядку. Сейчас ты в лагере Стального Пера. Слышал о таком?

— Ну допустим.

— Хорошо. Хочу, чтобы ты понял сразу: мы не головорезы и тем более не работоторговцы. Никто тебя здесь силой держать не собирается...

— Ага, я заметил, — Керс звякнул цепью и ехидно оскалился.

Бородатый задумчиво поскрёб шрам над бровью и потянулся к поясу со связкой ключей. Затем, подобрав нужный, швырнул его к ногам Керса.

— Кажется, этот. Проверь.

В перчатках ключ то и дело выскальзывал из пальцев, и только после третьей попытки удалось попасть в скважину. Наконец замок щёлкнул, стальной браслет раскрылся и повис на цепи. С освободившейся рукой дело пошло быстрее, и вскоре ненавистные кандалы валялись в дальнем углу пещеры.

— Не будете удерживать, значит? — Керс судорожно стянул перчатки. Кожа запястий отзывалась зудящей болью при каждом прикосновении.

— Даю слово. Но сначала ты должен выслушать. Я хочу предложить тебе сделку, а ты уже сам решишь.

Кем бы этот говнюк ни был, его жест с освобождением подкупал. Если это и правда Севир и Перо существует, предложение обещало быть весьма привлекательным.

Приблизившись к костру, Керс принялся рассматривать огонь, лениво пожирающий обугленные остатки поленьев:

— Говори.

— Седой сказал, ты смыслённый парень, грамотный. Такие нам не помешают. Если останешься, я вытащу твоих друзей из замка в течение года. Что скажешь?

Звучит чертовски заманчиво! Похоже, зря он так на Седого вызверился. Старый пёс и здесь всё просчитал. Но на кой он сдался Перу, неясно: может, газеты по утрам читать? Боец он довольно посредственный, разве что из-за хиста... Хотя какая разница, если и впрямь Перо поможет освободить семью? Из замка кого-то выволить куда сложнее, чем напасть на экипаж, но чем чёрт не шутит! До сегодняшнего дня и в существование Пера верилось с трудом.

— А если не выйдет?

Севир пожал плечами:

— Тогда сам решишь, с нами оставаться или валить на все четыре стороны.

Да уж, год жизни в обмен на негарантированную свободу братьев... Фиг с ним, не возвращаться же к Номену, в конце концов! Попробовать стоит. Седой недаром говорил о возможностях, выходит, именно на Перо и намекал.

— А с чего бы мне верить твоему слову?

— Да ни с чего, — развёл руками Севир. — Можешь хоть сейчас катиться к псам, но тогда забудь о своей шайке. В одиночку тебе их в жизни не вытащить. Так что, малец, по рукам?

Поломавшись немного для приличия, Керс пожал протянутую руку.

— Отлично! Тогда добро пожаловать в Перо! — здоровяк добродушно похлопал его по спине, чуть не сбив с ног. — Ты только вот что мне скажи: по срокам у тебя как раз должна быть ломка, а ты какой-то слишком уж бодрый.

— Что ещё за ломка?

— Отказ от антидота. Та ещё срань воронья, если коротко. Но вот что интересно: за несколько лет, что освобождаю нашего брата, ни разу не видел, чтобы ломка протекала безболезненно. Жар, рвота, судороги — через это проходит каждый, кто хотя бы год был под антидотом. Тебе же двадцать два, вроде?

— Почти, — буркнул Керс. Что ещё ему о нём известно?

— Ну вот, семь лет под этой дрянью. Да по идее ты сейчас блевать должен дальше, чем видишь. Может, объяснишь, что с тобой не так?

— Не знаю, я его уже месяц не принимаю.

— Вот оно что! Выходит, ломка уже прошла.

— Да не было никакой ломки, — Керс потёр подбородок, вспоминая своё самочувствие первые недели после отказа. Хреново было почти каждое утро, но это от дыма. Привычное дело. — Почему это так важно?

Сефир озадаченно нахмурился:

— Не было, говоришь? А когда принимал антидот, как себя чувствовал?

— Не знаю, лёгкость была какая-то, спокойствие, что ли, — Керс начинал догадываться.

Да, в первые дни отказа всё-таки странно было, не по себе как-то, но всё это он списывал на нервное напряжение.

— А после?

— Ну даже не знаю, сложно сказать. Я ж дым глушил не просыхая.

— Что ещё за дым?

— Личное изобретение, — с гордостью заявил Керс. — Настойка такая, на синих поганках. Ядрёная тема, главное с пропорциями не прогадать, а то от глюков свихнуться можно. А так пошло хорошее, вставляет что надо.

На какое-то время Сефир застыл, видимо, обдумывая услышанное, а потом вдруг расхохотался:

— Ну Седой, ну старый хрыч! Кажется, не прогадали мы с тобой. Проверить, конечно, не помешает, но вдруг сработает. Слушай, малец, а можешь этот свой дым здесь изготовить?

— Ну, если достанешь что нужно, — Керс почесал затылок. Если правильно понял, дым якобы избавляет от ломки после антидота. Только неясно, для чего вообще нужно от него отказываться. — А чем тебе антидот не угодил? Он же от деструкции помогает.

— Мозги он прочищать помогает, — сплюнул командир Пера. — Ни хрена это не лекарство, друг. Травят нас, чтобы смиренно сидели и не рыпались.

— В смысле «мозги прочищать»? Это как?

— Позже, малец, — отмахнулся Сефир. — Пойдём, с остальными познакомлю.

Зудело желание узнать об антидоте, но ещё больше зудело выбраться из этой провонявшей затхлой сыростью пещеры. Глоток морозного воздуха казался крепче синего дыма, и Керса даже слегка повело. Но самое невероятное ждало его за скалой: ребристая гладь чёрного простора тянулась до самого горизонта, отражая в себе тяжёлое зимнее небо. И ни конца, ни края — одна сплошная бесконечность.

— Море... — восхищённо прошептал он.

От резкого порыва ветра Керс непроизвольно поёжился, зубы мелко застучали, изо рта вырвался густой пар.

— Что, пробирает? — ухмыльнулся Сефир. — Не бойсь, подыщем тебе что-нибудь потеплее. Кстати, держи. Возвращаю в целостности и сохранности.

Керс покрутил в руках свою зажигалку. Видать, вещица и впрямь приносит удачу, по крайней мере в последнее время.

— Всё хотел спросить, что это за прозвище такое — Керс?

— Керосин. Старая история.

— Расскажешь как-нибудь.

Отряд Севира, который тот назвал «мобильным» — на вопрос, что это значит, командир только многозначительно хмыкнул — состоял из дюжины осквернённых, среди которых всего трое были скорпионами.

Несколько просторных палаток, прячущихся от ветра за скалой — вот и весь лагерь пресловутого Пера. Керс готовился увидеть что-то вроде терсентума, пусть и меньших размеров, но никак не обычных кочевников, готовых сорваться с места в любую минуту.

Как выяснилось позже, первое впечатление оказалось почти верным: долго на одном месте сопротивленцы не задерживались. Здесь же у них было что-то вроде изолятора для передержки новеньких во время ломки. А в основном они держались западнее Регнума, поближе к Пустошам.

Сефир дал время пообвыкнуться, приставив к Керсу ординария, чтобы тот помог освоиться и научил держаться в седле.

Бродяга оказался своим в доску, даром что старше лет на пять. Невысокий, крепкий, с короткими всклокоченными волосами, горбатым носом и колючим взглядом. Как и положено ординариям, над бровью он носил труднопроизносимое клеймо, «LO11366», которое означало, что рос в Первом Опертамском Терсентуме.

Позже выяснилось, что именно он чуть не придушил его в тот день. И видимо, чтобы избавиться от угрызений совести, терпеливо отвечал на сотни вопросов, которыми Керс его непрерывно засыпал.

От Бродяги он и узнал, что Стальное Перо изначально создано для освобождения осквернённых, но позже, столкнувшись с серьёзной проблемой адаптации собратьев к новой жизни, Сефир переключился на менее амбициозные цели и стал помогать тем, кто по-настоящему в этом нуждался. А такие действительно были.

Благодаря Перу семьи, не желающие отдавать своих детей Легиону, находили спасение в основанном Сефиром

поселении, спрятанном где-то на севере. Оказалось, что и среди свободных находились те, кому претило само существование рабства, и они посильно содействовали уже окрепшему сопротивлению, выискивая и предлагая помощь тем, кто готов был бороться за жизни своих осквернённых чад.

Позже от этой идеи пришлось отказаться, когда чуть не нарвались на облаву полиции. Но нет худа без добра, и вскоре Перу повезло обзавестись своими людьми и среди полицейских, у которых тоже порой рождались дети под несчастливой звездой.

За несколько лет из горстки смельчаков сопротивление выросло в неплохо организованную структуру. Но принимали они к себе не всякого, долго присматривались, проверяли на вшивость. И не зря. Подозрительность Севира не раз спасала Перо от верной гибели.

С открытым ртом Керс слушал рассказы Бродяги о том, как они изучают каждую семью, обратившуюся за помощью, как прячут их в подвалах Регнума до прибытия проводников и как те рыдают от счастья, впервые ступив на земли Исайлума.

Восхищение — всего лишь слабое описание тех чувств, которые испытывал Керс в такие минуты: гордость, безграничную благодарность, уважение и восторг от того, что теперь и он может стать частью чего-то поистине важного. О большем он и мечтать не смел.

— Видел бы ты Исайлум! — восклицал Бродяга. — Этими вот руками я вбил первое бревно в частокол! Тогда и пяти домов не было. Так, пара срубов да юрты вроде уругтанских. И всего две семьи, представляешь! Они, кстати, и до сих пор там. Старожилы, так сказать.

Клыкастый, которого, впрочем, так и звали, чем-то отдалённо напоминал Харо. Такой же мрачный и молчаливый, он, как выяснилось, считался правой рукой Севира. Однажды Клык заикнулся, что после побоища в Пустошах командир прожил некоторое время у дикарей, а затем подался на север. Там он провёл пять долгих лет в наёмниках у Конфедерации, после чего вернулся в Прибрежье.

Это так захватило Керса, что он поклялся себе во что бы то ни стало разговорить Севира. Узнать из первых рук о северянах дорогого стоило, мало кто имел с ними дело.

Теперь перед ним открывался новый мир, не очень понятный, пока чужой, но захватывающий и будоражащий воображение. Всех подряд Керс заваливал вопросами, от глупых до сложных, на которые не всегда получал однозначные ответы. Часто приходилось переосмысливать старое. Добытые Седым книги давали достаточно знаний, но тогда он не всё понимал, а просто заучивал, принимал полученную информацию как данность.

Сейчас же эту информацию приходилось извлекать из памяти по фрагментам, обдумывать, для чего та или иная вещь, почему люди так ценят золото, зачем нужен Сенат или король, как отличить породистую лошадь от обычной клячи. Перед сном он прокручивал в голове усвоенные знания, чтобы лучше запомнились.

А вот отвыкнуть от терсентумской жизни оказалось сложнее. Каждое утро Керс просыпался ещё до рассвета, спросонья ждал побудки, и только потом вспоминал, что свободен, что нет больше ни ненавистных стен, ни плётчиков, ни привычных казарм.

Но самое тяжёлое ждало его по ночам. Постоянно снилась семья: Твин, Слай, Харо... Без них было пусто душа ныла, будто вырвали из неё кусок. Образовавшаяся пустота безжалостно терзала, но ради шанса на встречу Керс был готов ждать и год, а надежда, которую так ненавидел раньше и гнал от себя прочь, отныне непрестанно шла рядом.

Правда, он никак не мог простить себе той слабости с поцелуем. Наверное, это единственное, что омрачало память о семье. Но Керс успокаивал себя тем, что обязательно попытается искупить вину перед Слаем, быть может, тогда неугомонный голос совести оставит его в покое.

Единственным неизменным в его жизни оставались тренировки. Клык, как старший после Севира, внимательно следил, чтобы все держались в тонусе. Впрочем, заставлять Керса не приходилось, приученное к нагрузкам тело само требовало своего.

Спустя пять дней Сефир, убедившись, что он с горем пополам удерживается в седле при лёгкой рысце, приказал всем выдвигаться.

Как бы Керс ни рвался поучаствовать хоть в чём-нибудь значимом, но с морем расставаться не хотелось. Он мог часами сидеть на берегу, невзирая на ледяной ветер, и смотреть, как волны бьются о крутой берег.

Поначалу всё никак не мог понять, почему оно зовётся Рубиновым: вода ведь чёрная как смола. На его вопрос Клык пояснил: летними ночами море светится красным, вроде как от живности какой. И с тех пор у Керса появилась новая цель — обязательно привести сюда Твин с братьями. Он уже представлял, как они вчетвером будут распивать синий дым и смотреть на светящиеся под луной волны. Надо же, они почти всю жизнь прожили рядом с морем, а никогда его не видели. Во всяком случае, в сознательном возрасте.

На третий день пути, когда море осталось далеко позади, а Красные Скалы окружили отряд со всех сторон, Сефир приказал разбить лагерь и, прихватив Клыка, отправился в столицу.

Местом для стоянки выбрали просторный карман между скалами. Удобно и для дозорных, и от ветра

защищало. В тот же вечер Керс вызвался на дежурство. Вскарabкавшись на скалу повыше, он долго смотрел на едва различимый вдалеке замок. Где-то там его друзья. Братья. Семья. Интересно, как им там живётся? Вспоминают ли о нём? Узнай они, что с ним приключилось, точно бы не поверили.

С горечью вспомнились слова Твин о том, что некуда бежать. Знал бы он раньше о Пере, не пришлось бы переживать разлуку. Но ничего, всё ещё сложится. Во всяком случае, теперь им есть куда податься. Исайлум. Там их примут как своих, там их ждёт новая жизнь.

Частная организация Осквернённый Легион не имеет права принимать участие в политической жизни государства или влиять на принятие решений политического характера.

Заветы потомкам, 08.044

— Госпожа? — из-за приоткрывшейся двери показалась голова Восемьдесят Третьей.

Ровена рассеянно взглянула на телохранительницу:

— Что-то случилось?

Как же она не вовремя! Повесть о жизни в Бореасе захватила с головой, и Ровена уже рассекала на автомобиле по заснеженным улицам давно не существующего города.

— Господин Максиан настойчиво просит вас о встрече.

— Вот как! — брови Ровены взлетели вверх. — И когда же?

— Мальчишка-посыльный передал, что сегодня принцепс задержится в замке до полуночи.

— Благодарю, дорогая. Я подумаю.

Ей казалось, что с Максианом всё давно решено. Он отвернулся от неё, предал. Что же сейчас изменилось? Хочет заглазить свою вину?

«Надо же! Оказывается, твоя совесть всё-таки жива, господин принцепс». Но нужен ли он ей теперь, когда всё идёт именно так, как планировалось? В конечном счёте его роль оказалась слишком преувеличена ею же самой.

Ровена переключилась на книгу, хотелось дочитать хотя бы главу, но воображение отказывалось возвращаться в прошлое. Любопытство не давало покоя, не отпуская ни на секунду, мысли судорожно роились в голове, подкидывая предположения одно невероятнее другого.

«Не стоит тратить на него время, — попыталась убедить себя Ровена. — Ничего нового он не скажет. Наверняка хочет что-то вынюхать».

А вдруг он передумал и готов помочь с Севиром? Его участие наверняка воодушевит скорпионов. Ещё бы, легендарный Сто Первый на их стороне! Да и его показания не сделались менее значимы для дела... И всё же спешить с ответом пока не стоило, пусть Максиан помучается.

Получилось ли у неё заставить мучиться Максиана, она не знала, но к вечеру почти извела саму себя. Отвлечься от назойливых мыслей не выходило, как бы Ровена ни старалась. С трудом дождавшись Морока, она вкратце объяснила, что от него требуется, и, не теряя более ни минуты, они отправились к кабинету принцепса.

К счастью, по пути лишь однажды пришлось прибегнуть к способностям Двадцать Первого, и, успешно проскользнув мимо дозорных незамеченными, они вскоре были на месте. Уже у самого кабинета Ровена прислонилась к стене, поймав на себе недоуменный взгляд Морока.

— Не смотри на меня так! — она тихо рассмеялась. — Я просто пытаюсь собраться с мыслями.

На самом деле хотелось совладать с волнением, чтобы принцепс не думал, что она слишком заинтересована в этой встрече. Пусть знает, что и без него она прекрасно справляется.

Максиан по своему обыкновению корпел над кипой бумаг. Заметив Ровену, вошедшую без стука, он отложил документы и поднялся из-за стола:

— Я знал, что ты придёшь.

— Неужели? — она иронично улыбнулась. Всё-таки он видел её насквозь, и это довольно сильно раздражало.

— Давай забудем обиды и начнём всё сначала, — недолго повозившись с бутылкой, Максиан откупорил вино. — Знаешь, я долго размышлял над нашей беседой и понял, что был неправ. Урсус никогда бы меня не простил, если бы я всё пустил на самотёк. Твоя гибель, Ровена, последнее, чего я желаю, поверь. Ты и вправду для меня как дочь.

— Ты решил предложить мне свою помощь, я правильно понимаю? — она взяла бокал и устроилась в мягком кресле. Похоже, Максиан говорит искренне, не юлит. Интересно, что заставило его передумать?

— Правильно. Но при одном условии: никаких стихийных порывов, никаких эмоций. Только обдуманное, взвешенное поступки. И без самодеятельности.

— Разве не я должна ставить условия? — Вот это наглость! Хотя, как бы ни было неприятно это признавать, без его поддержки не обойтись: Максиан опытен, у него серьёзные связи и редкий талант подмечать детали, которые иной и не заметит. С таким союзником можно многого достичь.

— Не в этом случае, моя дорогая. Твой план ни на что не годен. Даже Севир с этим согласился.

Ровена напряглась:

— Севир?! Ты с ним говорил?

Глаза принцепса насмешливо блеснули. Он неторопливо отпил вина и, покрутив бокал за ножку, ответил:

— Севир согласен поддержать тебя, Ровена, но только в случае, если ты докажешь, что готова.

— И как же мне это доказать?

— Ты должна отказаться от своей затеи и набраться терпения.

«Да уж! Что ещё я должна сделать?» — Ровена с трудом удержалась, чтобы не вспылить.

— И что я получу взамен?

— Верный способ добиться желаемого. Ты получишь корону, а осквернённые — свободу. Но только если ты будешь делать то, что я скажу.

Приехали, как говорил тот персонаж в романе о Бореасе. Нет, конечно, звучит заманчиво, но весьма сомнительно. Она и без того получит корону, только гораздо быстрее. Какой смысл откладывать в долгий ящик то, что можно сделать уже сегодня! Но выслушать принцепса всё же стоит. Как знать, может, она и вправду что-то упускает.

— Пока что-либо обещать я не готова, но выслушать тебя могу.

— Хорошо, — Максиан уселся в кресло напротив и закинул ногу на ногу. — Что ж, для начала я хочу тебе показать, почему твой план провальнейший. Поступим так, ты изложи мне всё по порядку, а я буду комментировать последствия каждого твоего шага.

— Эм... Я хочу взять в заложники Юстиниана.

— Это первый шаг?

Ровена кивнула, слегка злясь, что Максиан ведёт себя как какой-то учитель перед нерадивой школьницей.

— И как же ты собралась это сделать?

— Мы нападём ночью, вытащим его прямо из постели. Как и всю его семью. Я приказала скорпионам никого не убивать, нельзя проливать кровь понапрасну.

— Не проливать кровь — действительно мудрое решение, — одобрил Максиан. — А что вы будете делать, когда поднимут тревогу? Вас же всех перебьют, и глазом не моргнёте.

— Они не посмеют! У нас будет в заложниках вся королевская семья.

— Положим. А дальше?

— Дальше мы потребуем публичной встречи с Сенатом. В присутствии газетчиков, разумеется. И, когда все соберутся, я заставлю Юстиниана признаться в убийстве своего брата.

Уголки губ принцепса едва заметно дрогнули:

— И как ты его заставишь признаться? Угрозами? Или прибегнешь к скверне?

— Я что-нибудь придумаю, будь покоен! — Ровена старалась держаться уверенно, но ей и самой уже начало казаться, что со стороны её план звучит довольно абсурдно.

А ведь верно, как она его заставит признаться? Насильно? Ерунда! Он сможет потом отказаться от своих слов, как выбитых из него под давлением. Собранных улик недостаточно, а слова Севира могут легко поставить под сомнение. Остаётся способность. Но в этом случае она выдаст себя. Тогда уже никто не будет слушать какую-то там осквернённую.

— Ладно, допустим, — согласился Максиан. — Выслушают они тебя, а дальше что?

— Я потребую справедливого суда. По закону ведь цареубийство карается смертной казнью.

— Ты же понимаешь, что, кроме его признания, суду так или иначе потребуются факты, подтверждающие совершение им преступления. У тебя они есть?

Ровена растерянно пожала плечами:

— Ну... Есть свидетель... Если Севир согласится.

— Свидетель? — хмыкнул Максиан. — Ты хотела сказать, беглый раб? Если ты не знала, сразу после смерти Урсуса его освобождение было отменено, а гражданство аннулировано.

А вот это плохая новость... Хотя, может, не всё ещё потеряно.

— Есть ещё кое-что, — интересно, что он на это скажет? — Я обнаружила в архивах отчёты казначея. И в них чёрным по белому указаны баснословные суммы, полученные от Легиона. Понимаешь, Максиан? Они спонсировали Юстиниана! Это же настоящий скандал! Я выяснила, что работорговцам строго воспрещено вмешиваться в политику государства. А здесь взятки в крупных размерах. Юстиниану сложно будет отвертеться от такого обвинения.

На лице Максиана промелькнуло неподдельное удивление, но оно быстро сменилось прежней насмешкой. Он подался вперёд и, оперев локти в колени, шумно вздохнул:

— Пожалуй, я бы глянул на эти документы, но этого всё равно недостаточно. Хочешь, я расскажу тебе, как всё будет на самом деле?

— Попробуй.

— Штурмовать покой короля не станут, ты права. Они просто отправят лучших из лучших...

— Ни один солдат или гвардеец не способен тягаться со скорпионом, — перебила она. — Мы мигом сотрём их в порошок.

— А разве я говорил о гвардейцах? — Максиан издевательски выгнул бровь. — Нет, дорогая, на вас натравят тех же скорпионов. Кто захочет проливать кровь свободных, когда для этого есть рабы? Но даже если случится чудо и вы доживёте до утра, даже если Сенат согласится выполнить твои требования, запомни: никто не будет судить короля. Им это просто невыгодно. Тебя не станут слушать, сколько бы ты ни тыкала их носом в свои бумажки, сколько бы Севир ни повторял свои показания. Да, они пообещают справедливый суд, только вот судить на нём будут не Юстиниана, а тебя и всю твою несчастную шайку. Никогда, Ровена, никогда таким путём тебе не добиться справедливости и уж тем более не заполучить корону!

Ровена не выдержала его тяжёлого взгляда и отвела глаза. Лицо пылало от досады. Максиан с лёгкостью разнёс все её надежды в пух и прах всего за несколько минут. И хуже всего то, что он абсолютно прав. В глубине души она и сама понимала, что так, скорее всего, и будет. Просто не хотела думать об этом, гнала подальше любые сомнения, слепо веря только в то, во что хотелось верить.

Все эти месяцы она не просто упрямо шла навстречу верной гибели, но и вела за собой осквернённых, которые по сути не имели к её личным счётам никакого отношения. Она лгала не только себе — лгала им, забила им головы пустыми иллюзиями и несбыточными мечтами. Мечтами, за которые им пришлось бы поплатиться своими жизнями.

— Ты ведь и сама всё понимаешь, верно? — Максиан с победным видом откинулся в кресле.

Ровена лишь кивнула, не найдя в себе сил сознаться вслух в собственной глупости.

— Не вини себя, дорогая, — снисходительно улыбнулся её ментор. — Ты ещё молода и неопытна, здесь нет ничего постыдного. Во всяком случае, у тебя всё ещё есть возможность исправить ситуацию.

— Каким образом?

— О тебе должны узнать осквернённые всего Прибрежья, Ровена, в тебя должны поверить, и это станет ключом к достижению твоей цели.

— Но это может затянуться на годы, — уныло вздохнула она, отпивая из бокала. — Боюсь, я не выдержу так долго.

— И чтобы ускорить этот процесс, мы заключим союз с Легионом, — закончил Максиан.

Едва не поперхнувшись вином, Ровена оторопело уставилась на принцепса:

— С Легионом? Я не ослышалась?

— Нет, милая, именно так я и сказал.

— Но мы же хотим отменить рабство! Легион никогда не допустит этого. Они избавятся от нас так же, как и от папы.

— А разве я говорил, что мы посвятим их в наши планы? Тебе нужна армия и золото, но ни того, ни другого у нас с тобой нет, а будучи в союзе с Легионом, ты получишь всё и сразу, включая поддержку большинства сенаторов и влиятельных семей. И как бонус — доступ к умам осквернённых. Севир позаботится, чтобы о тебе заговорили, пусть даже шёпотом, а я прослежу, чтобы магистры честно следовали условиям сделки.

Ровена с неприкрытым восхищением посмотрела на принцепса. Невероятно! Вовек бы до такого не додумалась. Вот только что они могут предложить Легиону за их поддержку?

— Но зачем им помогать нам? — она в сомнении склонила голову. — Мы ничего не сможем им дать взамен, а плясать до конца своих дней под их дудку я не собираюсь.

— Хорошо, давай подумаем вместе. Чего бы хотел Легион?

— Власти, — не задумываясь выпалила Ровена.

— У них и так её предостаточно. Что бы там ни писалось в Заветах, с их рук кормится едва ли не весь Сенат.

— Тогда, быть может, деньги? Больше рабов?

— Нет, опять мимо.

Она судорожно перебирала в голове варианты. Чего не хватает Легиону? Что она вообще о нём знает?

Осквернённый Легион — самая влиятельная организация страны, основанная чуть больше века назад и управляемая семьёй магистров, наследниками основопологателей. Нет, всё это не то... Верхушка Легиона находится в Опертаме.

Опертам... Город в тени Спящего Короля, столица виноделов и работорговцев. Также Опертам является вторым по стратегической важности городом Прибрежья. Играет существенную роль в государственной экономике за счёт производства вина и податей на исключительное право продажи рабов. Постой. Быть может..?

— Независимость?

Максиан щёлкнул пальцами:

— Браво, Ровена! Именно об этом они и мечтают уже долгие годы. Вот, казалось бы, у Легиона есть всё: воины, золото, власть. И всё же налоги они платят довольно высокие, а ещё есть куча обязательств перед страной.

Например, если кто-то нападёт извне, они понесут невыносимые убытки. Осквернённые — не просто рабы, они военный резерв Прибрежья. И их первыми бросят в мясорубку. Но если Опертам станет независимой республикой, Легион избавится ото всех досадных повинностей. Вот тебе и ответ.

— Значит, мы пообещаем им независимость?

— В самую точку! Они помогут тебе свергнуть Юстиниана, а к тому времени ты уже получишь преданное тебе войско и сможешь уничтожить Легион изнутри. Считай, два пса одним выстрелом.

Ровена едва сдержала восторженный визг. На лучшее она и надеяться не могла. Идея Максиана граничит с гениальностью! Комар носа не подточит...

И всё же пока не стоит торопиться с решением. Не без труда притушив охватившую её радость, она принялась рассматривать потенциальные риски. Можно ли вообще доверять Максиану? Что ему помешает предать её и самому завладеть короной? Он уважаемый человек, известный, недаром его уже на второй срок избирают в принцепсы — значит, видят в нём настоящего лидера. Кто захочет посадить на трон девчонку, когда есть претендент получше?

С другой стороны, без него ей не стать королевой. И если она действительно хочет добиться желаемого, ей придётся принять правила его игры. Главное не позволить себя одурачить и успеть взять осквернённых под свой контроль. С такой силой ему будет не с руки с ней тягаться.

Пока она нужна ему, нечего бояться. У неё есть время окружить себя теми, на кого можно положиться. И первым станет Сорок Восьмой. В ту ночь он не сводил с неё глаз, а это говорит о многом. Ей как раз нужен верный слуга и защитник, а влюблённый защитник вдвойне надёжнее. Во всяком случае, стоит попытаться, вдруг что получится.

На Восемьдесят Третью тоже можно положиться, но с ней лучше быть настороже. Слишком она правильная, требовательная к себе и другим, а политика грязное дело, и ей этого не объяснить. Сложно предугадать, как легата поведёт себя, если вдруг что-то придётся ей не по душе.

Но было и ещё кое-что:

— Я согласна на твои условия, Максиан. Обещаю делать всё, что ты скажешь, но прежде всего я хочу встретиться с Севиром.

Он нахмурился:

— И как ты себе это представляешь? Мне его, что ли, в каструм привести?

— Уверена, ты что-нибудь придумаешь, — с мольбой в голосе произнесла Ровена. Наверное, сейчас со стороны она напоминала капризную девчонку, но зачастую этот приём весьма действенен. — Я же согласна на все твои условия. Просто хочу с ним встретиться, вот и всё. Для меня это очень важно, понимаешь?

— Ну хорошо, — поразмыслив, уступил Максиан. — Только придётся подождать. Не так это и просто, тем более в твоём случае...

Пожалуй, за многие годы эту ночь можно назвать самой счастливой. От радостного возбуждения Ровена не смыкала глаз до рассвета, прокручивая в воображении раз за разом сцену, где дядюшкина голова катится по земле, а народ приветствует свою новую королеву.

Десятки раз она представляла, как по её приказу осквернённые пронзают мечами магистров Легиона, как пылают терсентумы и тысячи освобождённых покидают ненавистные стены, служившие им и домом, и тюрьмой. Ей слышались восторженные крики толпы, чернеющей облачением рабов, а сама она, окружённая преданными помощниками, объявляет всем, что теперь они свободны. Свободны навсегда.

Опьянённая грёзами, Ровена не могла найти себе места. Всё складывалось наилучшим образом. Благодаря ей Прибрежье станет могущественным и справедливым государством, и ради этого она готова пойти на что угодно.

Нужно срочно поговорить с Восемьдесят Третьей, поделиться радостной вестью! Но стоит ли раскрывать ей весь замысел? Или только упомянуть о Севире? Пожалуй, лучше умолчать о некоторых деталях, по крайней мере сейчас. Максиан так бы и поступил. На этой мысли Ровена сладко потянулась и прикрыла глаза. Нужно поспать хотя бы немного.

Пробуждение было лёгким, внезапным, словно она проспала всю ночь как младенец. Утренние хлопоты ощущались приятной суетой. Не терпелось посмотреть на удивлённое лицо Восемьдесят третьей, когда та узнает обо всём. И вот наконец Ровена распахнула дверь и выглянула в коридор, с трудом сдерживая улыбку.

— Госпожа, — легата почтительно склонилась. — Полагаю, встреча с господином принцепсом прошла удачно. От вас исходит столько... счастья.

Ну вот, ничего от неё не скроешь! С ней и впрямь нужно быть настороже.

— Ты как всегда права, дорогая. У меня для тебя есть потрясающая новость!

— Не терпится узнать, госпожа.

Ровена поманила её в спальню и присела на краешек кровати:

— На самом деле новости две. И одна из них не очень хорошая. Пожалуй, начну с неё.

— Как вам будет угодно, госпожа, — телохранительница приспустила маску.

— Нам придётся всё отменить.

Легата поджала губы, хотя внешне старалась не выказывать разочарования.

— Вы сомневаетесь в нас? — тихо спросила она. — Думаете, скорпионы не справятся?

Ровена почувствовала лёгкий укол совести, всё-таки не стоит её так мучить.

— Отнюдь, я не сомневаюсь в вас ни на минуту, но есть причина, по которой я была вынуждена отказаться от нашей задумки. И этой причиной был Севир. Ты слышишь, он с нами!

— Севир? Вы ведь не шутите? — выпалила Восемьдесят Третья, но тут же смущённо осеклась. — Это и впрямь очень хорошая новость, госпожа.

Ровена невольно улыбнулась: впервые легата позволила себе такую несдержанность, и это выглядело так... мило?

— Но это ещё не всё, — торжествующе продолжила она. — Принцепс тоже с нами. Мы не одни, Восемьдесят Третья. Мы больше не одни! В нас поверили!

— Я несказанно рада это слышать, госпожа, — отозвалась та, неуклюже пряча улыбку.

— Да ты сама невозмутимость! — рассмеялась Ровена. — Я всю ночь уснуть не могла. Конечно, нам нужно набраться терпения, но оно того стоит, поверь!

— Сегодня же всё сообщу остальным, если позволите.

— Ну разумеется! Ах да, чуть не забыла, — Ровена запнулась, обдумывая, как правильнее выразиться, чтобы не вызвать лишних подозрений. Впрочем, её просьба сама по себе выглядит довольно странно, но разве сейчас это имеет значение? — Я бы хотела получше узнать Сорок Восьмого. Не могла бы ты отправить его в караул хотя бы на одну смену?

Восемьдесят Третья удивлённо захлопала глазами:

— Конечно, госпожа. Посмотрю, что можно сделать.

Дождавшись, когда за легатой закроется дверь, Ровена с довольной улыбкой растянулась на постели. Даже бесцветное небо за окном не могло омрачить радость, пылающую в груди неудержимым пламенем. И это только начало! Казалось, весь мир, все шесть богов благоволят ей. Теперь она ни на секунду не сомневалась, что всё получится. Разве не это настоящее счастье?!

Гражданин, обвинённый в преступлении любого рода, считается судом и общественностью невиновным до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Заветы потомкам, 05.018

Корнут подскочил в кровати, спросонья пытаясь понять, что именно его разбудило. Сердце бешено колотилось, да так, что в ушах отдавало. Затаив дыхание, он прислушался к тишине.

Внизу забарабанили с новой силой. Всё-таки не почудилось.

Выбравшись из нагретой постели, он поёжился от холода. На лестнице послышались торопливые шаги, и вскоре в дверь спальни постучали:

— Господин Корнут! У вас посетитель.

— Кого ещё там принесло в такое время? — возмущённо отозвался он, торопливо натягивая брюки.

— Это полицейский, господин. Просил вам передать, что дело очень срочное.

— Хорошо! Скажи ему, что уже спускаюсь.

Поспешный топот быстро стих — служанка побежала выполнять приказ.

Ледяная вода мгновенно отогнала сонливость. Приведя себя в должный вид, Корнут, не теряя больше ни минуты, спустился вниз. Вызвать его в такой час могли только по особой причине. Значит, облава прошла успешно.

Экипаж ожидал у ворот. Отдав честь, полицейский услужливо распахнул дверцу. Корнут же, снисходительно кивнув, устроился поудобнее: дорога предстояла неблизкая, Материнская Скорбь располагалась на другом конце города, на самой окраине. И судя по ночному визиту, именно туда они и направлялись. Брайану удалось арестовать агента Пера. Куриные потроха заманили куницу в капкан.

Город давно погрузился в сон. Окна домов провожали экипаж угрюмым взглядом чёрных стёкол: цокот копыт мешал хозяевам уснуть, тревожил их сон. Время от времени мелькали кабаки да шумные компании выпивох. Редкие лампы с трудом освещали пяточки вокруг себя, всё остальное поглотила непроглядная темень. На чёрном небе ни луны, ни звёздочки: прячутся за тяжёлыми зимними тучами.

Корнут с нетерпением поёрзал на сиденье и в очередной раз выудил карманные часы — вроде должны уже прибыть.

Будто прочтя его мысли, полицейский, выполняющий роль извозчика, громко прикрикнул; фыркнула лошадь, скрипнули колёса, и карета остановилась. Корнут выбрался из экипажа и огляделся. Мрачные стены, усеянные острыми шипами, мрачная непрошибаемая дверь, а за ней — самое мрачное место Прибрежья. Даже воздух здесь тяжёлый, гнетущий.

Вспыхнул ярким прожектор, резанул глаза и, выхватив лучом полицейскую карету, тут же погас. Корнут последовал за своим сопровождающим. Тот, остановившись у входа, трижды грохнул кулаком в дверь. Спустя минуту заскрежетала железная штора смотрового окна, и чей-то недовольный взгляд вперился в ночных посетителей.

— Открывай уже! — рявкнул полицейский. — Свои, не видишь, что ли?

Звонко защёлкали многочисленные замки, и дверь лениво отворилась, впуская их внутрь.

Брякнув что-то неразборчивое своему нерасторопному напарнику, полицейский повёл Корнута по бесконечно-длинным коридорам с такими же бронированными преградами, как и на входе. Минут десять они петляли по лабиринту Материнской Скорби, пока не остановились у одной из уныло-однообразных дверей.

— Господин начальник! — позвал полицейский и робко постучал.

Изнутри послышались тяжёлые шаги, дверь распахнулась, и начальник полиции, завидев Корнута, расплылся в благодушной улыбке:

— Рад вас видеть, господин канселариус! Проходите-проходите, вы как раз подросли к самому интересному.

— Где он? — Корнут в нетерпении оглядел помещение.

Голые стены, обшарпанный стол да пара стульев. По столешнице разбросаны инструменты: плоскогубцы, щипцы различных размеров, о предназначении которых можно только догадываться, длинные иглы, ножи и прочее, что могло хоть в какой-то степени развязать язык подонку.

— Сейчас приведут, не беспокойтесь. Гадёныш как воды в рот набрал, пришлось отправить на разогрев.

— Что ещё за разогрев? Надеюсь, он жив?

— Обижаете, господин канселариус, живее и не придумаешь! — Брайан услужливо отодвинул стул. — Прошу, располагайтесь, будьте как дома.

«Ну уж увольте, такого дома нам и даром не надо!»

— Как всё прошло?

— Почти идеально, господин советник. Как говорится, и ворон в спину не каркнет. Представляете, мерзавец явился только на четвёртый день. Мы уже и надежду потеряли, честно говоря. А тут он, как на заказ, тёпленький, и прямо к нам в руки.

— Он был один?!

— Как перст. Паскуды, вообще страх потеряли! Ничего, всех переловим, вычистим родное Прибрежье от этой погани.

И впрямь слишком уж самонадеянно, раз один объявился. То ли привык, что всё сходит с рук, то ли у Пера не так много приспешников, как предполагалось.

— Вы же понимаете, Брайан, как важно, чтобы он заговорил? — на всякий случай подчеркнул Корнут.

— Запоёт как миленький, не беспокойтесь, — хмыкнул тот. — И не таким языки развязывали.

Корнут скривился в подобии улыбки. Брайан, может, и болван, но дело своё знает. Он любого заставит рассказать всё, вплоть до цвета матушкиных панталон. На подобных допросах уже доводилось бывать, и все они заканчивались одинаково: шеф полиции получал желаемое, а допрашиваемый, радуясь, что хоть живым оставили, отправлялся отбывать свой срок в недрах Материнской Скорби.

Дверь с грохотом распахнулась, двое надзирателей втолкнули внутрь коренастого человека с запёкшейся на лице кровью. Соломенные волосы слипшимися прядями падали ему на глаза, один из которых уже не открывался. Руки за спиной скованы наручниками; при ходьбе заметно хромотал.

Подтолкнув стул ногой в середину комнаты, Брайан жестом велел усадить арестованного и тенью навис над ним:

— Назови своё имя.

Агент Пера заносчиво фыркнул:

— Адвокат мне уже не полагается?

— Будет тебе и адвокат, и справедливый суд, и топчан персональный за решёткой. Но потом, друг мой, потом. А сейчас я предлагаю тебе честную сделку: ты выходишь отсюда на своих двоих, а мы — с нужной нам информацией. Ну как, по рукам?

— Я уже всё рассказал, — ощерился тот. — Вы, господа полицейские, точно меня с кем-то спутали.

— Ну что за люди! — Брайан раздосадованно крикнул. — Совсем не ценят чужое время.

Вальяжно подойдя к столу, он, поразмыслив недолго, взял плоскогубцы.

Корнут поморщился, живо представив в уме те части тела, которые можно выдрать этим незатейливым инструментом. Кажется, рассчитывать на «сухой» допрос всё-таки не стоит. Агент занервничал, даже попытался подняться, будто сбежать надеялся.

— И куда же мы собрались? — Брайан сердито насупил, словно родитель, разочарованный шалостью своего отпрыска. — Как невежливо с твоей стороны! А я ведь даже не начал.

— Я требую адвоката! — выкрикнул арестованный. — Как свободный гражданин, я имею на это полное право!

— И не нужно так нервничать, — отмахнулся шеф полиции, как если бы отгонял назойливую муху, потом задорно щёлкнул плоскогубцами. — Сказано же, будет вам адвокат. Это ведь и не допрос даже. Так, неофициальная беседа в непринуждённой обстановке.

— Погодите, я всё скажу сам, — взмолился агент, глядя на приближающегося Брайана. — Клянусь, я не имею никакого отношения к сопротивленцам! Я простой наёмник. Мне всего лишь заплатили, чтобы я провёл людей к Северным воротам. Больше ничего мне не известно.

— И кто же тебе заплатил?

— Я не видел его лица, честное слово. Было слишком темно.

Корнут раздражённо закатил глаза. Сама святая невинность! И на что этот гнус надеется? Какой идиот вообще ему поверит!

— Это был последний шанс, — с наигранной печалью Брайан вздохнул, — и ты его успешно упустил. Стэн, мне нужны его руки.

По лицу арестованного проскользнул неприкрытый ужас:

— Нет, послушайте... Клянусь богиней Фидес, это правда! Я здесь ни при чём!

Подчинённый зашёл узнику за спину и снял оковы. Тот выдернул освободившиеся руки и снова попытался подняться, но мощный удар вернул его на место, и агент, подвывая, прикрыл руками нос. Полицейский отдёргнул его руки, и стальные браслеты снова защёлкнулись на запястьях.

— Придержи его, — Брайан склонился над кистью допрашиваемого и подцепил плоскогубцами ноготь. — Итак, друг мой, приступим.

Хруст сменился душераздирающим криком, от которого так и тянуло заткнуть уши. Не в силах смотреть дальше, Корнут отвернулся.

— Ну как, что-то вспомнил? — поинтересовался начальник полиции, когда крик стих.

— Я ничего не знаю! Я всё вам рассказал! — осипшим голосом запричитал агент.

Пристыдившись своей слабости, Корнут заставил себя обернуться. Лицо арестованного перекошилось от боли, но он упорно твердил одно и то же, как заведённый. Кретин, неужели думает, что кто-то поверит в его бредни?

Брайан поднёс вырванный ноготь к своим глазам и принялся рассматривать его с брезгливо-надменной миной, как какой-нибудь скупщик драгоценностей, сбивающий цену на товар.

— Да у тебя тут грязь, — заключил он. — Стыдно, уважаемый. Разве мама не учила тебя мыть руки? От грязи, между прочим, глисты заводятся.

Небрежным жестом он подал знак помощнику и снова склонился над агентом. Тот орал так, будто из него куски мяса вырывали. Впрочем, почти так оно и было. И уже через несколько минут пальцы арестованного напоминали кровавое месиво.

— Смотри сюда, подонок, — процедил Брайан, бросив очередной ноготь на пол. — У тебя осталось шесть попыток. Когда пальцы закончатся, мне придётся обратиться за помощью к господину Зубодёру. И, будь уверен, фокус с ногтями покажется тебе приятным развлечением. Знаешь, как хрустит челюсть, когда вырывают зубы? Обожаю этот звук!

Так и не дождавшись ответа, шеф полиции продолжил. На этот раз крик вырвался вымученный, слабый. Сознания агент не терял, но будто погрузился в транс. Тяжёлая пощёчина быстро привела его в чувство, и он осоловело уставился на своего палача:

— Я... ничего... не знаю.

— А жаль... Я тут подумал, зачем заставлять господина Зубодёра так долго ждать? Невежливо как-то, не находишь? — Брайан перехватил огромные щипцы, услужливо протянутые ему вторым помощником. — Но вот в чём беда, хотя я и мечтал с самого детства стать дантистом, но рвать зубы так и не научился. Почему-то они просто ломаются, поэтому приходится потом выбивать осколки. Мне кажется, это должно быть чертовски неприятно.

Агент не сводил глаз с инструмента, и на его лице промелькнуло сомнение. Видимо, с зубами он не хотел расставаться:

— Меня зовут Рональд. Рональд Блэкстоун.

— Замечательно! — воскликнул Брайан. — Рад нашему знакомству, Рональд. И как давно ты работаешь на Перо? Надеюсь, тебе хорошо платят.

— Никто мне не платит! Есть вещи куда важнее вашего паршивого золота.

— Ах, вот оно что! Видали, как нужно? — начальник полиции поднял указательный палец в назидание своим помощникам. — А вам только деньги подавай. Нет, чтобы по совести, за идею.

— Моего сына забрал Легион, — простонал допрашиваемый. — Я просто не мог вот так...

— Да-да, знакомая песня. Так где скрываются остальные?

— В Пустошах. Но я в их лагере ни разу не бывал, клянусь!

— Но ты ведь знаешь, как их найти?

— Нет. Они не задерживаются на одном месте дольше недели, а в городе появляются редко.

— Как же тогда ты получаешь от них задания?

— По-разному. Обычные посыльные... Беспризорники за монетку. Иногда сами приходят. У них нет конкретной системы.

Корнут ловил каждое его слово, но пока сказанное и ломаного гроша не стоило, всё это и дураку понятно.

— Куда ты должен был отвести беглецов? — продолжал Брайан.

— К Северным воротам, там временное убежище. Потом их должны были увезти в Исайлум.

— Куда? — Корнут подскочил.

— В... в Исайлум. Поселение такое, для освобождённых.

А вот это что-то дельное. Невероятно! Целое поселение беглых вырожденцев. Куница-то с выводком оказалась!

— Где оно находится? — Корнут быстро перехватил инициативу в свои руки.

— Точно не знаю, только по слухам. Вроде где-то у северной границы.

Приблизившись, Корнут склонился и пристально посмотрел ему в глаза:

— Кто их главарь?

Назвавшийся Рональдом скривил разбитые губы.

— Кто возглавляет Перо? — медленно повторил Корнут. — Отвечай!

— Позвольте мне, — Брайан поднёс щипцы к губам агента. — Считаю до трёх. Один. Два...

— Я не знаю, клянусь именем Фидес!

Брайан тяжело вздохнул, бросил инструмент на край стола и, взявшись за нож, схватил Рональда за волосы:

— Так ты у нас защитник осквернённых? Любишь выроdkов, да? Может, тогда присоединишься к ним?

Остриём шеф полиции принялся вырезать на коже арестованного глубокие борозды:

— Двойка. Столько раз ты упомянул во лжи священное имя богини правосудия, — лицо агента залила кровь.

Скрежеща зубами, он глухо стонал, когда Брайан вырезал на его лбу клеймо. — Тройка. Трижды ты отрицал очевидное. И девятка. Столько секунд тебе осталось жить, если не назовёшь имя. Восемь. Семь. Шесть, — начальник полиции поднёс лезвие к его горлу. — Пять...

— Бывший скорпион, — оскалившись от боли, выдавил Рональд. — Севиром его называют.

— Ты уверен? — выпалил Корнут.

Тот судорожно сглотнул:

— Да, господин.

Если это действительно тот Севир, а не какой-нибудь выродок, укравший чужое имя, то всё намного серьёзнее, чем казалось.

— Как он выглядит?

— Здоровяк со шрамом на лбу. Бородатый такой, светловолосый. Нос ещё кривой. Я его однажды только видел.

Пока всё сходилось, хотя такому описанию доверять особо не стоит.

— Кто ещё с ним был? — нужно выжать из подонка всё до капли.

— Не знаю. Похожи на осквернённых. По крайней мере один точно. А ещё старик какой-то...

— Подумай хорошенько, друг, может, что-то ещё полезное вспомнишь? — Брайан поднёс нож к уголку его глаза.

— Это всё, что я знаю, клянусь Фи... Клянусь своей матерью! Я всего лишь выполняю мелкие поручения. Разузнать о семье какой, провести к воротам, передать что-нибудь.

— Где ты встречался с их главарём? — Корнут вскинул руку, приказывая Брайану не торопиться с членовредительством.

— На Западном Подножье, у Старого рынка. Доставил им от кузнеца мечи и наконечники для стрел.

— И всё? Он что-то тебе говорил?

— Да он даже в мою сторону не посмотрел. Я только отдал им посылку. Вот и весь разговор.

— Тогда откуда ты знаешь, что это был именно Севир?

— Старик по имени его окликнул, я сразу и смекнул.

— Как часто ты получаешь от них задания?

— Как когда. Бывает, пару раз в неделю, бывает, и по три месяца не объявляются. Я же сказал, нет у них никакой системы.

Корнут задумчиво потёр подбородок. И так, что удалось выяснить: выродок, распробовавший вкус свободы, продолжает «великое» дело своего хозяина. И кажется, вполне успешно, раз привлёк к себе столько внимания. Даже не верилось, что неотёсанный раб способен на подобное без посторонней помощи. И кто мог бы ему помочь, догадаться тоже несложно.

— Сколько ещё в Пере таких, как ты? — Брайан провёл ножом по щеке Рональда.

— Не уверен, может, с десяток, может, больше.

— Тебе известны их имена?

— Нет, мы редко пересекаемся. Был один, Дэн, от него я и узнал про Перо, но он умер полгода назад. С остальными я не знаком.

— Подумай хорошенько, друг, может, ты хочешь ещё что-то нам рассказать?

— Это всё, что я знаю, — простонал арестованный. — Можете не верить, но я говорю чистую правду.

— А знаешь, что? Я тебе верю, — Брайан швырнул нож на стол. — У вас есть ещё вопросы, господин советник?

— Думаю, больше ничего дельного из него не вытянуть, — покачал головой Корнут. — Мелкая сошка, таких близко не подпускают.

— Как скажете, — пожал плечами начальник полиции и, высвободив из кобуры револьвер, направил дуло в лоб допрашиваемого.

От оглушительного выстрела Корнут чуть не подскочил. Попятившись, он не мог отвести глаз от изуродованной головы убитого.

— Вы совсем с ума сошли? Что вы натворили? — преодолев ступор, выверился он на Брайана.

— А разве он был вам нужен? — искренне удивился тот.

— Он бы мог нам пригодиться!

— Сомневаюсь, господин канселариус. А вот навредить следствию точно мог. Вы же сами говорили, что

агенты могут быть и среди полицейских. Что им помешает предупредить сопротивленцев? Тогда на этих ублюдков нам в жизни не выйти.

Доля правды в его словах имела, так рисковать и впрямь неразумно. И всё же самоуправство Брайана пришлось Корнуту не по душе. Можно было как-то припугнуть мерзавца, вынудить его работать на полицию.

— Сделано что сделано, — махнул рукой Корнут. — Что ж, во всяком случае мы теперь знаем, с кем именно имеем дело. Брайан, вы отлично послужили короне. Уверен, Его Величество по достоинству оценит ваши старания.

Расплывшись в довольной улыбке, шеф полиции отвесил учтивый поклон:

— Благодарю вас, господин канселариус.

Непроходимый тупица! Но в этот раз он и впрямь неплохо справился. Мозаика теперь начала складываться. Вот почему так сложно выйти на них — кто-то старательно прикрывает им задницы, и этот кто-то явно возомнил себя всемогущим и безнаказанным.

Как же заёрзал принцепс, когда на совете он озвучил свои подозрения! Стоило уже тогда догадаться. Неудивительно: Севир и Максиан — старая компаньша всё никак не уймётся. И ладно бы выродец, его мотивы прозрачны, как горный хрусталь. А вот с принцепсом мало что понятно. Неужто ради мести? Не сумел принять своё поражение?

«Максиан, сукин ты сын, какую игру ты затеял?»

Впрочем, выяснить это вполне возможно.

— Брайан, отыщите мне Шеда. И поскорее.

Шед объявился только сутки спустя. Чёртов пройдоха, никогда не знаешь, где его носит, но ему многое пришлось — он лучший в своём деле. Единственный, кому можно доверить что-то серьёзное и после не кусать себе локти.

Корнут взглянул на бывшего полицейского: отёкшее лицо, воспалённые глаза, мелко трясущиеся руки. Очередная попойка явно удалась на славу. Если бы не пристрастие к алкоголю, Шед давно бы занял место этого идиота Брайана, но, к сожалению, его с позором вышвырнули из полиции.

— Надеюсь, я всё ещё могу на вас положиться?

— А я когда-то вас подводил? — детектив пригладил неряшливо торчащие волосы.

Казалось бы, ничем не примечательный тип, с первого взгляда и не запомнишь. Нос картошкой, тонкие губы, подозрительный прищур. Такие сотнями ошиваются по подворотням, абсолютно никаких ярких примет, даже ярлык не нацепить при желании.

— Пока нет, не подводил, — согласился Корнут. — Но это задание особенное. Есть некто, за кем нужно очень внимательно проследить. Справитесь?

— А насколько внимательно?

— Скажем так, не сводя глаз.

— Период?

— Сам пока не знаю. Но об оплате вы можете не беспокоиться, отблагодарю щедро.

Шед задумчиво поскрёб заросшую тёмной щетиной щеку:

— Риски?

— Их нет. Но зверь хитёр, чует подвох издалека. Даже малейшее подозрение может мгновенно спугнуть его, и он сразу спрячется в нору. А это недопустимо, вы меня хорошо понимаете?

— Конечно, господин советник! — слащаво оскалился тот. — Можете быть покойны, зверёк даже запаха моего не учует.

— Хорошо. Вы должны докладывать мне обо всём: где объект был, с кем говорил — важна каждая деталь. Если что-то из ряда вон, немедленно сообщаете мне, в любое время суток.

— Конечно-конечно! И кто же наш драгоценный зверёк?

— Принцепс.

Шед восхищённо присвистнул:

— Теперь всё понятно. Ну, проблем особых я здесь не вижу, господин канселариус. Расценки те же, от аванса не откажусь. Я на мели, а подготовка требует средств, сами понимаете.

— Этого достаточно? — Корнут подтолкнул к краю стола тугой кошель.

Взвесив в ладони предоплату, детектив довольно шмыгнул носом:

— Когда приступать?

Любая попытка создания или использования оружия массового поражения (ядерное, химическое, биологическое или основанное на других физических принципах) карается смертной казнью без права на апелляцию или помилование.

Заветы потомкам, 09.081

Сефир вернулся спустя день. Привёз припасов и всё необходимое для синего дыма и петард. Керс тоже времени не терял, правда, пришлось забираться в туннели: по осени поганки можно найти только там.

Пока лазил по Пустошам, дважды нарывался на воронов, один раз даже пришлось делать ноги от огромной своры псов, но оно того стоило — собранного хватило на несколько литров. Вполне достаточно, чтобы проверить, работает ли синий дым так, как предполагает командир.

Ему и самому не терпелось это выяснить. Узнав правду об антидоте, Керс начал прислушиваться к себе, к своим ощущениям, и каждый раз находил подтверждение словам Сефира. Мысли и впрямь стали связнее, последовательнее, а откат — не таким тяжёлым, даже получалось хистовать несколько раз подряд без передышки. Выходит, антидот не просто делал из осквернённых легко управляемых идиотов, он ещё и превращал их в беззащитные куски мяса. И от такой несправедливости накатывала злость: мало им, свободным, распоряжаться жизнями его собратьев, они ещё и травят их, превращая его народ в безвольных кретинов.

Когда синий дым был готов, Керс оставил его созревать, а сам занялся петардами. Без них как-то не по себе, он уже привык, что под рукой должна быть хоть одна хлопушка на особый случай.

Придирчиво осмотрев очередной снаряд, он бросил его к остальным и взялся за новый.

— Для чего тебе эти штуки? — Клык сунул свой нос в мешочек.

— Тварей всяких распугивать.

— Ты в этой теме спец, я смотрю. А смог бы сообразить что-нибудь посущественнее?

— Как-то не пробовал. Надобности не было. А кого ты взрывать собираешься?

— Да так, ради интереса спросил. Тебя, кстати, Сефир зовёт.

Заботливо припрятав оставшийся порох, Керс подошёл к палатке командира и заглянул внутрь. Сефир сидел на спальном мешке, изучая какую-то карту.

— Проходи, — бросил он, не поднимая глаз. — Как там дела с твоим дымом?

— Через пару дней всё будет готово.

— Отлично, как раз вовремя... Возьми там, специально для тебя выбирал, — Сефир кивнул на деревянный ящик напротив.

Керс извлёк оттуда здоровенный револьвер и удивлённо покрутил в руках:

— На кой он мне сдался? Я даже пользоваться им не умею.

— Научим. Проще, чем из лука, — сложив карту, Сефир задумчиво уставился на Керса. Выглядел командир нездоровым: лицо бледное, под глазами тёмные круги, на лбу болезненная испарина.

Поколебавшись, Керс протянул ему оружие:

— Отдай кому-нибудь другому, мне эта штука ни к чему.

— Подарками не разбрасываются, малец, — осадил его Сефир. — А учиться стрелять тебе всё равно придётся.

Дельце одно намечается, как раз и увидим, на что ты способен.

— Как скажешь, — Керс пожал плечами. — А что за дело такое?

— Благородное, — хмыкнул Сефир. — Ну всё, свободен, желторотик. Патроны только не забудь прихватить, у твоей игрушки калибр покрупнее будет, от других не подойдёт.

Керс немного замаялся: видно, что командиру не до болтовни, но другой возможности в ближайшее время может и не представиться:

— Слушай, Сефир, всё хотел спросить, ты правда бывал на севере?

— Правда.

— И города их видел? — его распирало от любопытства, наконец-то он узнает о загадочных северянах из первых рук.

— Можно и так сказать. У них там всё иначе устроено.

— Как это? — моргнул Керс.

— Ну... Хорошо, представь один огромный город с районами, до которых верхом целый день добираться.

— Это сколько нужно времени на дорогу тратить! Какой в этом смысл?

— Для них это не проблема. Слышал что-нибудь о поездах?

— Читал, — гордо заявил Керс. — Длинные такие, по железным палкам ходят.

Сефир усмехнулся:

— Как-то так, да. А там эти «палки» под землёй. Рельсами зовутся. Так вот, сел в такой подземный поезд, и через час ты уже в самом дальнем секторе.

Керс растерянно почесал затылок, пытаясь представить, как в кромешной тьме мчится блестящая машина, похожая на гигантскую змею. И вместо мостовой — стальная «лестница». Должно быть, впечатляющее зрелище! Взглянуть бы хоть разок.

— А у них есть король?

— Короля, вроде, нет, но есть какой-то главный. Я не особо интересовался их политикой, если честно.

— А осквернённые там тоже есть?

Сефир тяжело вздохнул:

— Давай так, я всё тебе расскажу, но в другой раз. На это у нас ещё будет полно времени.

— Ладно. А можно ещё вопрос?

— Только один.

— Почему ты вернулся? Почему у северян не остался?

— Это уже два вопроса. Хотя чёрт с тобой, — Сефир задумчиво потёр шрам над бровью. — Видишь ли, малец, чужое там всё. Как бы в Прибрежье ни относились к нашему народу, а всё равно родились мы здесь, это наша родина, и её не выбирают.

Керс скептически выгнул бровь:

— Ты уж прости, но верится с трудом. Не понимаю, зачем возвращаться туда, где тобой как товаром торгуют?

— Да потому что не мог я иначе! Как можно оставаться в стороне, когда твоих собратьев уничтожают, будто зверьё неразумное! — Сефир, видимо, начинал уставать от разговора, его голос сделался резким, последние слова почти прорычал. — Ну всё, малец, забирай свой револьвер и катись к смерговой матери... Ну куда ты ломанулся, балбес?! Говорю же, патроны прихвати.

Сколько бы ни были скупы те обрывки о севере, что удалось вытянуть из Севира, они ещё долго будоражили воображение Керса. Но чаще всего мысли почему-то возвращались к одной из фраз командира. Что он имел в виду под словами «как можно оставаться в стороне»? Понятно, время от времени освобождать братьев да спасать новорождённых — дело достойное, но общей ситуации оно не меняет. Легион как был несокрушимой силой, так и остался, тягаться с ним Перу не по зубам. Неужто легендарный Сто Первый вернулся в Прибрежье лишь для того, чтобы построить село на отшибе и спасти пару-тройку несчастных? Нет, он точно говорил о чём-то другом.

Но общий посыл Севира ему понравился. Если есть хоть малейший шанс чуточку улучшить мир, почему бы им и не воспользоваться? И как знать, может, через век-другой осквернённым найдётся место среди людей.

После этой беседы Керс не видел командира несколько дней, хотя лагерь тот точно не покидал. На все вопросы Клык только отмахивался, а Бродяга неохотно пояснил, что у Севира начинается деструкция и иногда ему становится хуже. Но потом заверил, что такое уже случалось и скоро ему должно полегчать.

Стрелять из револьвера оказалось и вправду проще, чем из лука, только шумно очень. Зато эффектно! Харо точно бы оценил. Интересно, смог бы он проделать такой же фокус, как со стрелами?

Когда Сефир объявился, выглядел он немного лучше, в глазах появился блеск, лицо приобрело мало-мальски здоровый оттенок. Созвав всех, он сообщил, что уже к завтрашнему полудню всё должно быть готово для отбытия к Теневому тракту.

Пока командир раздавал распоряжения, Керс с сочувствием наблюдал за ним. Деструкция — неизбежная участь осквернённых. Если подсчёты верны, Севиру должно быть около сорока или больше. Редко кто из братьев доживал и до этого возраста, так что ему повезло. По крайней мере, он смог прожить яркую жизнь и даже найти себе неплохую замену. Клык будет хорошим командиром.

Собрание прервал пронзительный свист, один из дозорных оживлённо замахал руками, привлекая внимание.

— Что у тебя там? — крикнул Сефир, подбежав к подножью скалы.

— Люди. Вроде уруттанцы. И стая. Громадная! Такого я ещё не видел!

— Вы, — Сефир указал на Клыка с Керсом и ещё на трёх других, — за мной. Остальным быть наготове.

Дозорный не преувеличил: за всю свою жизнь Керс не видел ничего подобного. Далеко, почти у горизонта, пульсировала гигантская туча. Сотни тварей кружили над землёй, изредка пикируя вниз.

От глаз не укрылось и жёлтое облако пыли, но толком ничего не разобрать: всё смешалось в одно сплошное пятно. Жаль, Харо здесь нет, его зрение пришлось бы сейчас как никогда кстати. Кем бы ни были те бедолаги, прибрежцы или уруттанцы, Керс одного не мог взять в толк — зачем Севиру вмешиваться? Можно просто спрятаться от стаи где-нибудь в скалах и носа не казать, пока те не рассосутся. Но озвучить свои мысли он всё же не решился, его мнения никто не спрашивал.

Бежать пришлось быстро. Лошадей Сефир не брал, чтоб ненароком животине не досталось, да и укрываться от

воронов без них куда проще. Когда расстояние до беглецов сократилось, Керсу удалось разглядеть большую группу всадников, отчаянно пытающихся отогнать назойливых пташек.

— Что они здесь забыли? — на бегу прохрипел Клык.

— Вот и узнаем, — отозвался Севир. — Керс, приготовься.

Догадаться, что от него хотел командир, не составило труда. Вовремя же он петард наклепал, хотя на такую ораву даже всего мешка не хватит. Стая слишком огромная, мелкие взрывы их только разозлят. Нужно что-нибудь помощнее.

Дикари неслись навстречу, огрызаясь на скаку редкими стрелами. Воронов это не особо останавливало, они гнали свою добычу, дожидаясь, пока та не выдохнется. Нападали птички всё чаще, метили всадникам в головы, клевали на лету лошадиные крупы, вырывая из несчастных животных куски мяса. Ржание, крики, клёкот — всё смешалось в какую-то безумную какофонию.

Севир резко остановился и подал знак всем приготовиться:

— Керс, сможешь так, чтоб людей не задело?

— Думаю, да. Есть одна идея.

— Отлично. Сплинтер, Косой, — Севир обернулся к скорпионам, — вы прикрываете с тыла. Клык, поведёшь уругтанцев к лагерю.

Вскоре дикари их заметили. Один рванул вперёд, подгоняя и без того взмыленную лошадь, что-то прокричал на своём. Севир ему коротко ответил, указал на Клыка. Всадник развернул скакуна, замешкался ненадолго, доставая рог, и протрубил в него, привлекая внимание сородичей.

Керс собрался с мыслями, приготовился. Главное не прогадать. Взрыв должен спугнуть всю стаю сразу. Одной петарды здесь недостаточно, значит, нужно несколько, и подкинуть их следует одновременно.

— Мне нужна помощь, — крикнул он Севиру. — Надо подбросить их разом, так, чтоб и по краям зацепило.

— Сделаем! Спайк, дуй сюда.

Рёв стал невыносимо пронзительным, десятки коней неслись прямо на них, грозя втоптать в пыль, небо почернело от бесчисленной стаи, и, казалось, весь мир погрузился в хаос из клювов, крыльев и когтей.

Объяснив напарникам, как и куда бросать, Керс замер, выжидая подходящий момент. Ещё рано, пусть ближе подлетят. Ещё чуть-чуть... Подпалив фитили, он торопливо раздал снаряды.

— Бросай! — во всё горло заорал он, швырнув свою петарду как можно выше.

Три. Два. Один...

Рвануло так, что, казалось, из ушей хлынет кровь. В небе рыжими лепестками расцвело пламя и, словно протягивая друг к другу щупальца, слилось в единое целое. В нос ударило палёным, кровожадное граканье сменилось возмущённым клёкотом, и стая, пожираемая огненной волной, разбилась на десятки чёрных осколков.

Повсюду мелькали взмыленные лошадиные бока, чудом не задевая смельчаков, оказавшихся на пути. Стараясь не отвлекаться на бедлам вокруг, Керс заставлял огонь разрастаться в воздухе, но долго подпитывать пламя не получилось. Слишком много тварей, слишком много сил отбирал хист.

Ноги сделались ватными, подкосились. Плечо Севира вдруг оказалось рядом, крепкая рука сжала локоть, не позволяя упасть:

— Давай, малец, соберись. Нужно ещё разок!

— Не потяну, — выдавил Керс.

— Тогда мы трупы!

Времени на откат не оставалось. Едва огонь рассеялся, мелкие стаи стремительно слились обратно в необъятную тучу. Их же сейчас разорвут на мелкие кусочки! Жалкая горстка двуногих против несметного войска крылатых... Ни единого шанса.

Хорошую же свинью подложил ему Севир! Вместо того, чтобы прикрыть, когда силы на исходе, он бросает его прямо в пекло, да ещё и чужие жизни на совесть вешает.

— Чего ты ждёшь? Давай! — прямо в ухо проорал Севир.

Всё вокруг снова застлала каркающая марь. Керс не сводил глаз с огромного клюва, метящего ему прямо в голову. Не было сил даже пальцем пошевелить.

«Дерьмовая смерть», — подытожил он.

Рядом, едва не задев, просвистела стрела и проткнула ворону длинную шею. Тварь кувыркнулась в полёте и рухнула у ног Керса, зацепив сапог крылом. На подходе ещё с десятков, уже несутся, готовые вонзить когти в его плоть, разорвать, выдрать кишки.

«Ну уж нет, так подышать я не собираюсь», — дрожащими руками он отцепил мешочек от пояса и чиркнул кремнём. Онемевшие пальцы не слушались, искра выбилась не сразу. Огонь лизнул первый попавшийся фитиль; разгорающиеся снаряды Керс быстро сунул Севиру:

— Бросай, да повыше!

Больше от отчаяния, чем от уверенности, что хоть что-то получится, Керс направил всю оставшуюся энергию в ещё не родившееся пламя, вообразив, как оранжевая вспышка превращается в разрушительный взрыв.

Внезапно в ушах зазвенело, обдало лицо жарким порывом, глаза засыпало пылью, что-то толкнуло в грудь и в спину врезалась земля. В одно мгновение мир погрузился в глухую тишину.

А где взрыв? Что произошло? Хотя какая, к хренам, разница, поспать бы...

Керс провалился в темноту, не осознавая ни себя, ни происходящего вокруг. В какой-то момент он понял, что стоит перед небольшим домом с белыми стенами и красной черепичной крышей. Из окна выглядывала девушка лет трёх. Каштановые кудри слегка растрепались, огромные янтарные глаза восторженно смотрят прямо на него. Радостно улыбнувшись, малышка приложила к стеклу пухлую ладошку и что-то беззвучно произнесла.

Щёку больно обожгло, видение тут же испарилось, и он снова оказался в непроглядной тьме.

— Хватит прохлаждаться! — очередная пощёчина. — Да он в отключке, мать его!

Память медленно возвращалась: перо, уругтанцы, вороны... Керс протёр глаза и попытался сфокусироваться. Сквозь пелену начали медленно проступать смутные силуэты.

— Очухался? — Севир подхватил его под руку, помог подняться, но ноги тут же подкосились. Голова гудела колоколом, тело била мелкая дрожь, во рту пересохло, как после попойки, даже язык щипало.

Всё-таки жив. Но как?.. Судя по тому, что предстало перед глазами, от них и кучки пепла не должно было остаться. Взрыв явно удался на славу. Воздух мутный, как во время бури, с неба сыпется чёрный снег, мерзко хрустит под ногами. Дышать тяжело, от вони горелого мяса и перьев к горлу подкатила тошнота.

— Вот это фейерверк, малец! — хмыкнул командир. — Да ты у нас прям оружие массового поражения.

— Да уж, — протянул Спайк, брезгливо отмахиваясь от падающего пепла. — Хорошо, что ты хистанул вовремя, а то бы вместе с птичками в золу превратились.

— Попить бы... — Керс провёл языком по пересохшим губам.

— Потерпи, мы уже почти пришли.

«Почти пришли» затянулось на добрые четверть часа. Силы постепенно возвращались, и уже на подходе к лагерю он шёл самостоятельно... Ну, как шёл? Плёлся за остальными, спотыкаясь на каждом шагу.

Лагерь заполнили уругтанцы. Да их здесь добрых полсотни! Ржание, запах конского пота и мочи, женские причитания — всё смешалось воедино. Перед глазами мелькали угрюмые лица, грязные и зарёванные детские мордашки. О чём переговариваются — не понять, язык грубый, рычащий, совершенно чужой.

К ним подбежала рыжая девчонка лет десяти. Растрёпанная, глаза дикие, она что-то затараторила на своём Севиру. Тот внимательно выслушал и кивнул.

— Ну и дела! — проговорил он, когда рыжая скрылась в толпе. — Керс, за мной.

Рядом с палаткой командира, у костра, ждали двое. Молодой детина и старик со странной палкой. При виде Севира юнец зло скривился и прорычал что-то старику. Тот, сурово сведя кустистые брови, бросил короткую фразу в ответ.

— Рад тебя видеть, Орм! — Севир похлопал по стариковскому плечу. — Думал, не свидимся уже.

— Как оказалось, у Матери на нас свои планы, — проскрипел старый уругтанец.

— Ну да, ну да, — Севир невесело усмехнулся. — Знакомая песня, слышали уже... А ты подрос, Альмод, возмужал!

— Сраный танаиш, — процедил тот и, помолчав, добавил что-то на своём. Видимо, особой радости от встречи он не испытывал.

Командир пропустил это радушное приветствие мимо ушей и присел рядом со старцем:

— Падай, малец, в ногах правды нет. Эй, Сплинтер, принеси-ка нам пива.

Керс устроился чуть в стороне, с любопытством рассматривая дикарей. Видеть уругтанцев раньше ему не доводилось, но слышал о них многое. Суровый народ, бесстрашный.

— А где твой отец, Альмод? — Севир обратился к молодому. — И что вы здесь делаете в такую пору?

— Гарда больше нет, — сухо отозвался старик. — Как и большей части нашего племени. Мы тебя искали, Севир. Надеюсь, ты не забыл, что мой народ сделал для тебя? Потому что теперь пришла твоя очередь платить за добро.

— Давай без этих высокопарных призывов, — отмахнулся командир. — Мою совесть они не трогают. Говорите прямо, что вам нужно.

Молодой злобно фыркнул и заговорил на своём. Керс всё никак не мог взять в толк, зачем Севир вообще притащил сюда его. Нет, ну если б он ещё понимал, о чём речь, а то сидит как идиот с открытым ртом. Лучше бы делами поважнее занялся: пожрал бы, например, или вздремнул...

Говорил молодой долго, иногда вмешивался старик. Севир в основном молчал, изредка кивая и хмурясь, а выслушав их до конца, задумчиво пригладил бороду:

— Хорошо, я отведу вас в Исайлум. Живите там сколько угодно, лишние руки нам не мешают. А вот про

остальное пока забудьте, мы сами едва концы с концами сводим. Если что лишнее будет, поделюсь, но большего не ждите.

— Я же говорил! — молодой, казалось, даже обрадовался. Демонстративно швырнув кружку в костёр, он широко ощерился. — Зря я послушал тебя, шаман! Лучше бы в долинах остались.

— Гиенам на корм? — парировал старик. — Ну-ну...

Дикарь гневно сплюнул, почему-то зыркнул недобро на Керса и пошагал к своим.

Керс недоуменно проводил того взглядом: «Я-то чем ему не угодил?»

— Есть ещё кое-что, — старик с невозмутимым видом, будто ничего и не произошло, сделал глоток пива. — Видел я что-то. Тёмное, недоброе. Что — не разобрать, но здесь, в Алайндкхалле, чую его сильнее.

— А я тут при чём? — нахмурился Севир.

— Пока не знаю, но связь точно есть. Мать недаром к тебе привела.

— Ладно, Орм, поживём — увидим.

— И то верно, — старик подобрал посох и, кряхтя, поковылял к своим, позвякивая на каждом шагу. Проходя мимо, он приостановился и внимательно оглядел Керса с головы до ног. — Будет тебе, Севир, как и задумал. Главное, не торопи.

Мутант, посмевавший причинить вред здоровью или нанести ущерб имуществу свободного гражданина, подлежит экзекуции или ликвидации, в зависимости от тяжести преступления. Исключением является защита своего владельца при смертельной опасности.

Заветы потомкам, Кодекс Скверны, 043

Битый час Твин неподвижно пялилась в стену полутёмного коридора. Все кирпичи пересчитаны, как и светильники, да что уж там, как и всё прочее, что поддавалось счёту. Другого развлечения себе она уже не была в состоянии придумать.

Пока казначей шарится по замку — редкое везение! — хоть не так скучно, а вот торчат у двери, пялясь в одну точку — сплошная пытка не лучше Стены Раздумий.

Жизнь будто остановилась, застыла жуком в смоле. Нет, конечно, хорошо, что планы принцессы поменялись, но ещё неизвестно, что всех их ждёт впереди. Пожалуй, нужно брать пример с Девятнадцатого: единственный, у кого нашлись яйца пойти против всех. Если бы Слай её поддержал, получилось бы и Харо убедить не ввязываться в это гнилое дело, но он всё-таки решил, что стоит согласиться, хотя до этого сам же и говорил, что лучше в это дерьмо не впутываться.

Интересно, что заставило его передумать? Неужто приключений на задницу не хватает? Как же сильно Слай изменился, всё меньше она его понимала, всё меньше он походил на её Семидесятого...

«Что я слышу! — Альтера хихикнула. — Неужели это проблески здравомыслия? А нет, отбой, всё-таки почудилось. У тебя же была возможность отказаться, но нет, попёрлась за своим придурком, как овца за пастушком».

«Я никогда не пойду против Слая, так что отвали».

Альтера пренебрежительно фыркнула и вдруг затянула старую песенку:

«Телёнка ведут на убой.

Глупыш наслаждается летом,

Поляной и сочной травой

И воздухом, солнцем нагретым.

Не слышит он скрежет ножа,

Что точат для нежного горла.

Ах, как эта жизнь хороша!

Подумал телёнок покорный...»

«Да заткнись уже! — прервала её Твин. — Прав он или нет, я всё равно поддержу его. Он всё, что у меня есть».

«Так вот о чём ты думала, когда целовалась с этим своим желтоглазым! — расхохоталась Альтера. — Жалкая ты лицемерка!»

«Пошла ты!..» — но укол совести Твин всё равно почувствовала. С чего бы это? Она ведь не с плохим умыслом, всего лишь хотела подбодрить Керса, дать ему капельку надежды на что-то хорошее. Или нет?..

«Да ты сама добродетель, погляжу, — издевательски хмыкнула Альтера. — Только не нужно мне тут хмари напускать. Ты ведь прекрасно знала, что он к тебе неровно дышит».

«И что с того?» — ничего плохого в обычном поцелуе нет...

А был ли он обычным?

«В обычном поцелуе? Да ты вся потекла, что та сучка. А как же эти ваши скорпионьи клятвы? Ты же дала обещание своему ненаглядному Семидесятому».

Да при чём здесь обещания! Она бы никогда не предала Слая. Но что тогда произошло в ту ночь? Её ведь и впрямь тянуло к Керсу, не как к брату...

«Ну всё, тебе пора», — Твин было представила защитный барьер, но отвлеклась на звук шагов.

— Не спать в карауле! — остановившись рядом, Морок прислонился к стене.

— А ты что здесь делаешь?

— Восемьдесят Третья послала на замену. Тебя принцепс хочет видеть.

— Принцес? — моргнула Твин.

— Прин-цепс! Ты что, маску себе в уши зачихнула?

— Кто это такой?

— Самка ты дремучая! — Морок закатил глаза. — Советник короля, вот кто.

Твин нахмурилась, стараясь вспомнить, кто бы это мог быть. У короля ведь много советников. Хорька вроде принцепсом никто не называл. Есть казначей, которого она и охраняет, ещё какая-то там «сенешаль» и тот самый хмырь в чёрном. После арены она дважды видела его мельком. Кажется, его никто из осквернённых не сопровождал. И всё же что-то подсказывало, что это именно он.

— И где мне его найти? — деваться-то некуда, приказ есть приказ.

— Топай по коридору до упора, потом налево. Вторая дверь.

Твин благодарно хлопнула соратника по плечу и неторопливо двинулась в указанном направлении. Встречаться лицом к лицу с этим «принце-псом» хотелось меньше всего. После того, как он на неё пялился на смотре, несложно догадаться, что у него на уме. Чёртов извращенец! И вот что ей делать, если он потребует от неё того, чего обычно хотят мужчины? Следовать совету Седого?

Похоже, выводы о скучной жизни в замке слишком поспешные. И самое дерьмовое, что она ничего поделывать не может. Конечно, этот принцепс ей не хозяин, но вряд ли короля волнует, кто там трахает его рабов. А вот если она посмеет поднять на ублюдка руку, то головы лишится вмиг.

Твин остановилась и, убедившись, что никого нет поблизости, врезала ногой по стене. Один раз, другой, и так до тех пор, пока пятка не заныла от боли.

«Что же ты притихла? — вызверилась она на Альтеру. — Трусливая ты тварь! Как горелым запахло, так тебя и не видать!»

«Я-то трусливая? Это у тебя все поджилки трясутся! Дай-ка угадаю: боишься, что старикан окажется лучше твоего Семидесятого?»

«Ты омерзительна!»

«Не омерзительнее тебя, подруга».

Прислонившись к стене, Твин попыталась унять бешено колотящееся сердце. Что бы ни произошло, она никогда не позволит надругаться над собой. Пускай лучше казнят, Слай поймёт...

Остановившись у нужной двери, она собралась с духом и нерешительно постучала.

— Войдите, — послышалось изнутри. Развалившись в кресле, принцепс потягивал что-то из бокала, но завидев её, тут же резко подскочил. — Прошу, проходи.

Под его пронзительным взглядом Твин невольно сжалась, готовясь к худшему. «Если прикоснётся хоть пальцем — раскрошу говнюку череп без колебаний».

Говнюк прикасаться пока не спешил. Поправив ворот белоснежной рубашки, будто тот мешал ему дышать, он натянул приторную улыбочку:

— Мы с тобой так и не успели познакомиться. Моё имя Максиан. И я искренне рад видеть тебя в полном здравии, Пятьдесят Девятая. Там, на смотре... Мне жаль, что так вышло. Но ты отважно сражалась, я был впечатлён!

Твин пожала плечами, не сводя с него подозрительного взгляда. Слишком уж дружелюбен для высокородного. С чего бы ему волноваться за какую-то там осквернённую?

— Как тебе служба в замке? — поинтересовался он, видимо, не выдержав затянувшегося молчания. — Смею предположить, довольно скучная, не так ли?

— Любое служение свободным — великая честь для осквернённого, господин.

Горестно усмехнувшись, принцепс отвёл взгляд, точно виноват в чём-то:

— Не сомневаюсь, так оно и есть.

Станный он какой-то, непонятный. Не лезет напролом, но вроде как пытается казаться участливым, будто ему не плевать, что там себе думает какая-то жалкая рабыня. Или у высокородных именно так принято жало подстраивать?

— Я могу быть вам чем-то полезной, господин? — не торчать же тут перед ним до самой ночи.

— Да, пожалуй. Восемьдесят Третья говорила, на тебя можно положиться.

— Я к вашим услугам.

— Благодарю, Пятьдесят Девятая, — он сцепил руки, лихорадочно разминая пальцы, как перед спаррингом. — Могу ли я задать тебе пару вопросов?

«Языком не мели понапрасну», — предостерегла Альтера.

— Спрашивайте, господин, — Твин насторожённо напряглась. Как знать, что у него на уме — слишком уж нервный, глаза блестят как-то недобро.

— Только не подумай ничего такого... Видишь ли, ты мне напомнила, скажем так, одну мою старую знакомую. Позволь ещё раз взглянуть на твоё лицо.

Помявшись, Твин стянула маску. Просьба вполне невинная, но одно резкое движение, и он труп.

Принцепс поджал губы и задумчиво потёр лоб. При этом ей показалось, что он немного побледнел, хотя, быть может, виной тому скудный свет из-за полузадёрнутых штор.

— И как тебе живётся здесь, Твин?

«Какого смерга! Он что, вынюхивал обо мне?!»

— Позволь всё объяснить, — должно быть, по её лицу догадался, что явно перегнул в своём любопытстве. —

Да, признаюсь, я немного разузнал о тебе, но я не желаю тебе зла, поверь мне.

— Что вам от меня нужно? — слова вылетели невольно, прежде, чем она поняла, что перешла на грубость.

— Абсолютно ничего, что могло бы опорочить твою честь, — поспешил заверить он. — Я же сказал, что не желаю тебе зла.

«Ну да, конечно», — проворчала Альтера.

Твин недоверчиво поморщилась, хотя на этот раз ей показалось, что говорил принцепс вполне искренне: ни в его голосе, ни во взгляде она не заметила ничего настораживающего. Да, он странный, но угрозы от него не ощущалось.

— Скажи, пожалуйста, когда ты попала в Легион? — принцепс опустошил бокал и потянулся за бутылкой на столе.

— Не знаю, где-то лет в пять, — нехотя отозвалась Твин.

— А ты что-нибудь помнишь из прошлой жизни?

— Ничего, господин.

— Даже родителей? Может быть, мать? Или отца?

Она мотнула головой. Зачем ему нужно её происхождение? Что за допрос такой?

— Получается, ты вообще ничего о себе не знаешь? А имя своё хоть помнишь?

— Мой номер пятьдесят девять, господин. Это единственное имя, которое я имею право носить. Твин меня называют только мои братья.

— Да, разумеется. Не волнуйся, я не собираюсь доставлять тебе лишних проблем, — принцепс взял со стола конверт. — Что ж, не буду больше донимать тебя глупыми вопросами. Будь добра, передай это своей старшей лично в руки.

— Будет сделано, господин, — спрятав послание под курткой, Твин низко поклонилась.

— Скажи, Пятьдесят Девятая, тебе что-нибудь нужно?

— О чём вы, господин?

— Ну, не знаю, может, тебе чего-то не хватает? Говори, не стесняйся.

Впервые в жизни кто-то чужой интересовался её нуждами, но даже если бы ей и впрямь чего-то не хватало, этот хмырь — последний, с кем бы она этим поделилась.

— У меня всего вдоволь. Теперь я могу идти?

— Да-да, конечно, — в его голосе послышалось разочарование. Наверное, ожидал, что она легко купится на какую-нибудь безделушку. — Но помни, если вдруг тебе что-нибудь понадобится, можешь смело ко мне обращаться. Я всегда буду рад тебе помочь.

Она ещё раз поклонилась и вылетела из кабинета стрелой.

«Какая неслыханная щедрость! Можешь оставить её при себе, дружище. От вас, свободных, кроме неприятностей, ничего и не дождётся. Это вы окружаете себя бесполезным барахлом, а потом чахните над ним в страхе, что его отберут. А у нас, осквернённых, всё просто: есть жратва, есть одежда и оружие, что ещё нужно?»

Хотя не так уж этот принцепс и плох. Может, она и вправду напомнила ему кого-то важного? Тогда это объясняет его странное поведение. Мало ли что в жизни случается...

В казарме Восемьдесят Третьей не обнаружилось. И вообще народу было немного: гладиаторы, плюющие без дела в потолок, Харо да несколько соратников, досыпающие своё перед ночным караулом. Слай по своему обыкновению о чём-то спорил с Триста Шестым и даже не обернулся, когда она переступила порог загона. Действительно, с чего бы ему утруждаться!

— Как вы ещё не устали друг от друга, — проворчала Твин, направляясь к своему месту.

Лицо Семидесятого вытянулось в удивлении:

— Ты чего не на посту?

— Отстояла уже своё.

— Чего такая хмурая? Что-то стряслось? — нагнав в два шага, Слай преградил ей дорогу.

— Забудь, — будто его это сильно волнует! — Дай пройти.

Подозрительно сузив глаза, Семидесятый чуть склонил голову набок:

— Точно не хочешь ничего рассказать?

— Я же сказала!

Слай какое-то время продолжал сверлить её взглядом, после чего, громко фыркнув, схватил её за руку:

— А ну пойдём, — и потащил за собой из загона.

Вот же пристал! С чего вдруг такая честь? То ему совсем наплевать на неё, то такой весь чуткий, прям не

узнать. Твин начинала злиться, не на то, что он не вовремя лезет к ней со своим вниманием, а оттого, что нужно было раньше это делать.

Они остановились в закутке между стеной казармы и внешней оградой. Слай притянул её к себе за пояс и, мягко взявшись за подбородок, приподнял её голову, чтобы заглянуть в глаза:

— Ну выкладывай, что случилось?

Твин замялась. Стоит ли рассказывать ему о беседе с принцепсом? С другой стороны, она уже и не припоминала, когда он так настойчиво интересовался её делами. Можно отнекаться как-то, но не хотелось. Хотелось его внимания, хотелось почувствовать, что ему не наплевать на неё.

— Меня принцепс вызывал. Как там его... Господин Максиан, вот.

— Какой ещё принцес? — Слай нахмурился. — Кто это такой?

— Ну тот чудак в чёрном, — заметив, что он всё ещё не понимает, уточнила. — Со смотра.

Слай мгновенно переменялся в лице. До того движимый скорее любопытством — видать, скучна жизнь гладиатора! — теперь он напряжённо изучал её, будто пытаясь выяснить всё заранее, а потом свериться с её словами: солгала или нет.

— И что этот хлус от тебя хотел?

— Ну почему сразу хлус, — Твин радовалась, что наконец удалось зацепить его. — Вполне достойный господин! Просил передать кое-что Восемьдесят Третьей. Ну и... пару вопросов задал.

— Достойный, значит? — взъярился Слай. — И о чём этот достойный господин тебя спрашивал?

— О родителях спрашивал, ещё, что помню из детства, — она намеренно сделала короткую паузу, — не нуждаюсь ли в чём.

— Действительно, какой благородный человек, — он процедил это, будто задыхаясь. — Заботливый, видать.

Твин невольно напряглась оттого, как он это произнёс. Не перестараться бы, подбрасывая в костёр хвороста. Слаю только дай повод. Хотя... Пускай! Давно пора ему мозги вправить, напомнить, что она не его собственность, что и потерять её может. А то совсем уверенным в себе стал, гляди-ка на него!

— И вежливый, в отличие от некоторых! — ехидно добавила она.

— Вот как! А о чём он тебя ещё вежливо спросил? Может, предложил чего, м?

— Предложил? — Твин невинно захлопала ресницами. — Не понимаю, о чём ты.

Слай чуть сдавил пальцами её подбородок, внимательно изучая глаза. В ответ она с напускным удивлением приподняла брови:

— Что? Почему так смотришь?

— Твин, ты же понимаешь, что это не шутки?

— Ты спросил, я ответила. Где ты тут шутки увидел?

Тяжело выдохнув, он обхватил ладонями её лицо:

— Послушай, я стараюсь понять, каково тебе, но и ты постарайся... Мне тоже непросто, знаешь ли. Всё, что я хочу, это уберечь тебя, слышишь? — Слай сокрушённо покачал головой. — Думаешь, я не знаю, сколько вокруг соблазнов? Безделушки там всякие, тряпки... Может, я и не могу дать тебе всего этого, но прошу, подумай хорошенько, стоит ли оно того. Жили же как-то раньше, а?

Это явно было не то, что Твин ожидала от него услышать. Вместо того, чтобы поговорить с ней, спросить, что её тревожит, он сравнивает её чуть ли не с сервусами, что готовы лечь под любого свободного ради какой-то призрачной выгоды.

— Погоди-ка, дружище, ты за кого меня принимаешь? — Твин скинула с себя его руки, злясь, что он мог подумать о ней такое. — Меня что, по-твоему, за безделушку купить можно? Лучше бы за собой следил! То-то ты выделывался перед принцессой. Видать, соблазну поддался, не иначе.

«Ух ты, заварушка! — радостно воскликнула молчавшая до этого Альтера. — Продолжайте в том же духе, умоляю!»

— А она тут при чём? — Слай укоризненно выгнул бровь. — Когда это я говорил о ней чуть ли ни с придыханием?

— Какое ещё придыхание? Совсем уже?

— Да слышала бы ты себя: «Принцес помощь предложил... Достойный господин...», — последние фразы Слай произнёс нарочито писклявым голосом, будто так она и разговаривала. — А сама прям светишься от счастья! Что, льстит внимание высокородных?

— Ты как со мной разговариваешь, засранец?! — возмущённая такой несправедливостью, Твин толкнула его в грудь. — Совсем, смотрю, потерялся! Что, статус жмёт в одном месте?

— Какой ещё статус? — Слай нахмурился, не понимая её реакции, но потом, видимо смекнув, о чём речь, зло ощерился. — Ах вот оно что! А я-то думаю, чего это вы с Харо ходите с такими рожами, будто я вам в похлёбку насрал! Шепчетесь, выходит, за моей спиной...

— Это твоя паранойя с раздутым самомнением у тебя за спиной шепчутся. Тоже мне, великий объект зависти!

«А разве ты не завидуешь?» — Альтера противно хихикнула.

«Усохни, сука!»

— Ага, расскажи это Сорок Восьмому, — не унимался Слай. — Меня уже тошнит от его кислой рожи. Кто ж ему виноват, что от ordinaria выгреб, как псина позорная!

— А-а! Теперь я понимаю, — негодование жгло изнутри. Вот как он видит их: неудачники, которых отпинал шивый ординарий на пару с каким-то там скорпионом. — Потому перед принцессой его унизил, да? Чтоб место своё знал? А что ты тогда для меня приготовил? Может, поделишься?

— Да я тогда просто пошутил, смерг тебя подери! Я же извинился...

Вот что Твин всегда привлекало в Керсе, так это его чуткость и уравновешенность. Ему бы и в голову не пришло насмеяться над другом, и уж тем более обвинять её в продажности. Неужто это и есть её Семидесятый?! Неужто ему она обещала принадлежать до самой смерти, даже если их разлучат? А стоил ли он того?..

— Знаешь что, засунь себе в жопу свои извинения! — всё, что накипело за эти два месяца, вырвалось теперь наружу. И этот поток оказался настолько сильным, что она уже была не в силах сдерживать его. — Взгляни на себя, Слай! Посмотри, каким ты стал. Заносчивый, высокомерный... Кто ты вообще такой, не понимаю! Унизил брата ни за что, меня в подстилки определил... Как у тебя вообще язык повернулся! Чёрт, да Керс бы себе никогда такого не позволил! Вот честно, последнее время то и дело ловлю себя на мысли, что лучше бы здесь был он вместо тебя.

«Великолепно! Браво!» — завизжала в восторге Альтера.

Слай прямо-таки остолбенел, будто кто-то вогнал ему под рёбра кинжал, а он всё никак не мог поверить в это. И Твин вдруг осознала, что ляпнула лишнего. И не просто ляпнула, а как если бы она и держала тот самый кинжал. Злость сразу как ветром сдуло, в груди похолодело от собственных же слов. Всего-то укусить хотела побольнее, отомстить за равнодушие, а вышло, что только хуже сделала.

— Что ты сказала? — опомнившись, он грубо схватил её за плечи. — Что значит «вместо меня»?

Твин судорожно слотнула, в панике стараясь ухватить из роя мечущихся мыслей хотя бы одну толковую. Но почему-то никак не удавалось.

— Отвечай на вопрос, — он ещё сильнее стиснул ей плечи.

— Я не это хотела сказать... — проямлила она. — Я просто...

— Керс, значит? Вместо меня? — поздно, Слай уже разошёлся. — С ним было бы лучше, говоришь?

— Нет, ты не понял. Я не то хотела сказать...

— Да ну!? А что же тогда? Думаешь, я не замечал, что он на тебя слюни пускал? Выходит, всё-таки повелась... Ну и как? Хорошо трахается? Понравилось?

— Что ты несёшь! — рявкнула Твин, зло защищаясь. Всё ведь было совсем не так. — Я бы с ним никогда!

«А так хотелось... Не так ли, подруга?»

— А нафига ты с ним тогда за столовкой пряталась? И в Пустошах из норы с ним выперлась? А в душевые сколько раз... — Слай зарычал. — Поверить не могу! Ты трахалась с ним у меня под носом, а я... Какой же я кретин!

«О, милый, ещё какой! — заверила Альтера. — Видел бы ты, как она вся разомлела, когда он ей под рубахой щупал!»

— Да не трахалась я с ним! — прокричала Твин, не выдержав такого напора. — Один поцелуй, да и только! Какие, нахрен, Пустоши? Какие душевые? Что ты вообще несёшь!

— Поцелуй? — Слай остолбенел от услышанного, затем встрепенулся, нежно коснулся её щеки и умоляюще заглянул в глаза, словно просил убедить его, что это всё дурацкая шутка. — Маленькая моя, скажи мне, что это неправда! Скажи, что ты со злости...

Неожиданно он впился ей в губы, отчаянно страстно, грубо, не заботясь, нравится ли ей, будто она его вещь, будто он мог распоряжаться ею так, как вздумается. В каком-то иступлённом порыве он больно прикусил ей губу, и Твин непроизвольно оттолкнула его.

— Так значит?... Теперь я тебе противен? — прохрипел он. — Керс лучше? А как же наши клятвы?

— Это был прощальный поцелуй! Он ничего не значит!

«Ну да, ври побольше», — ухмыльнулась Альтера.

— Да как же после такого тебе верить! — крикнул он ей прямо в лицо и потрянул так, что у неё зубы клацнули. — Зачем, мать твою, зачем?! А я ещё братом его называл! Ну чего тебе не хватало, Твин? Я ж для тебя всё делал, жопу себе рвал. А ты...

— Когда это ты для меня жопу рвал? Тебе вообще на меня плевать! Хотя бы раз спросил, каково мне, предложил потренироваться. Нет же, ходишь надутый, что индюк. Вон как перед белобрысой выделялся! Всё искал, с какой бы стороны ей жало пристроить.

— Э нет, подруга, зубы мне не надо заговаривать. Не было такого. А ты с Керсом ещё в терсентуме тёрлась. Утешительница херова!

В голове будто что-то щёлкнуло. Потеряв над собой контроль, Твин врезала ему со всей дури:

— Следи за своим языком, засранец!

Шмыгнув носом, не обращая внимания на кровь из разбитой губы, Слай ошалело посмотрел на неё, точно видел впервые.

«Отлично, так держать! А теперь правый прямой, на подшаге... — Альтера запнулась. — Эй, ты чего остановилась? Я же только устроилась поудобней!»

— Я ведь твоим был, Твин, — наконец произнёс он. Глухо, сдавленно, с такой горечью, что и самой тошно стало. — И тебя считал своей... Лучше бы сразу сказала, что наши обещания для тебя пустой звук. Я ж, идиот, вляпался из-за тебя в такое...

Вот оно что! Оказывается, это она во всём виновата.

— Из-за меня-то вляпался? Сам же повёлся на байки этой девицы. Уши развесил, слюни пустил, что олух последний. Ну да, когда перед тобой такая самка... Куда мне до неё!

— Да я не про это... Насрать мне на эту девку, слышишь?! Вообще на всё насрать, кроме тебя!

Твин, уже приготовившая очередную колкость, пристыжённо осеклась. Что же она творит? Чего добивается? Стало вдруг совестно и за себя, и за свои слова, и за то, что позволила лишнего. Это же её Семидесятый, это же её плут...

«Вспомнила наконец!» — фыркнула Альтера.

— Давай успокоимся, ладно? — она осторожно коснулась его ладони. — Мы оба погорячились...

— Мы? — грубовато отдернув руку, Слай презрительно ухмыльнулся. — Нет, девочка моя, это ты налажала, причём по-крупному. Шла бы ты, Твин... утешать кого-нибудь.

«Да, шла бы ты, Твин!» — поддакнула Альтера.

С этими словами он исчез, оставив её в полном замешательстве. От обиды сдавило горло, на глаза тут же навернулись слёзы. Как он мог так просто взять и послать её?

— Ну и вали к своей белобрысой, козёл! — она подобрала валяющийся рядом камень и швырнула наугад, надеясь, что попадёт.

Камень несколько раз отпрыгнул от земли и влетел в кучу талого снега. Привалившись к стене спиной, Твин сползла вниз и уткнулась лицом в ладони, стараясь не разрыдаться. Какого чёрта она вообще ему призналась! Могла же как-то отвертеться. Могла же сказать, что со злости брякнула. Так почему промолчала?

«Может, потому что устала врать всем вокруг? — злорадно предположила Альтера. — За двумя псами погналась и в туннеле заблудилась».

Нет, не может всё так просто взять и рухнуть, такая связь, как у них, крепче стали. Слай скоро перебесится и сам приползёт, как миленький. Ничего смертельного ведь не произошло. Ну не разрушит же он всё из-за какого-то там поцелуя!

Осквернённые не имеют права знать ни о семье, в которой родились, ни имён родителей, ни места их проживания. Также они лишаются собственных имён, если таковые имелись, и всего, что связывало их с прежней жизнью (в случае, если осквернённый попал в Легион уже в сознательном возрасте). Наша задача — держать их разум под контролем, а память о прошлом только препятствует этому.

Выдержка из устава Осквернённого Легиона

— Так вот, была та тварь в сотне метров, может, чуть меньше. Потрошила бедолагу... Он ещё живой был, хотя орать давно перестал. Ногами только дёргал. Чёрт, дерьмово, наверное, смотреть, как твои потроха жрут. Вот такая громадина, — Шестидесят Седьмой привстал и вытянул руку над головой. — А у меня только лук да с десяток стрел в колчане. Ближе подходить ссыкотно, в одиночку-то. Напарник, считай, труп. Короче, всадил я в эту пакость всё что было. С трудом завалил. Думал, ну всё, гнить и моим костям рядом с братними.

— А с напарником-то что? Там оставил? — Триста Шестой нахмурился.

— Пришлось. Не тащить же его на своём горбу до самого терсентума!

— Не знаю, как у вас там, в Южном Мысе, — Шустрый прислонился к стене, скрестив руки на груди, — а у нас своих не бросают.

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда придётся тащить чей-то труп с пару десятков километров, — огрызнулся Шестидесят Седьмой.

— Это ты ему рассказываешь? — Девятнадцатый фыркнул.

— Кому ж ещё!

— Мы, брат, через весь туннель наших несли, — Триста Шестой сердито сплюнул. — Так что нечего нам тут втирать. Сами ещё рассказать можем будь здоров.

Шестидесят Седьмой переменялся в лице, напыщенность как гиена слизала:

— Не знал... Псы, что ли?

Хоро, до этого слушавший беседу вполуха, тут же переключил внимание на говорящих. Ни Шустрый, ни Триста Шестой ни разу не упоминали о произошедшем, во всяком случае не при нём. Хорошо же их в тот раз потрепало, но, несмотря ни на что, держались они достойно.

— Если бы, — невесело хмыкнул Шустрый. — На плачущих нарвались.

Шестидесят Седьмой тихонько присвистнул:

— Хрена себе!

— Одного не пойму, — задумчиво проговорил Двести Тридцать Четвёртый, — какого вы туда вообще полезли?

— В том-то и дело, чистым туннель считался, — пожал плечами Триста Шестой. — Их там век не водилось.

Собеседник растерянно почесал затылок:

— Ну и дела-а... А как они хоть выглядят-то?

— На тени похожи, — пояснил Шустрый. — Что те призраки из детских страшилок. Мы сначала и не поняли, что за дрянь. Только с псами справились, а тут вытьё, тихое такое, почти неслышное. Я ещё тогда решил, может, псину какую не добились. А сейчас вот думаю, если б не остались на том же месте, может, и обошлось бы... И знаешь, что самое стрёмное? Когда коснётся тебя такая вот тень, крыша едет сразу, так что смерти по сравнению с этой дрянью что щенки безобидные. Чёрт, да я от одного только воспоминания их плача с трудом сдерживаюсь, чтоб в портки не наложить.

В загоне повисла тишина. Плачущие — явление редкое, и о них толком ничего не известно. Наверное, потому они и считаются самыми опасными тварями Прибрежья.

— Гы... Была у меня одна такая плачущая, — не выдержал затянувшегося молчания Шестидесят Седьмой. — Только притронется, а крыша уже дымоходом помахивает.

— Это ты о хромой, что ли? — хохотнул Двести Тридцать Четвёртый.

— Пошёл ты, придурок! Вспомнил на ночь глядя!

— А вы, кстати, неплохо вместе смотрелись, — он повернулся к остальным. — В общем, на прошлой Зимней Неделе намутили мы пару бочонков вина и решили позвать цыпочек-сервусов. Ну те и притащили с собой подружку. Рябая такая, одна нога короче другой. Мы жребий между собой кинули, чтобы потом споров не возникало. Догадайтесь, кому выпала «красотка».

— Так а что мне оставалось? — принялся оправдываться Шестидесят Седьмой. — Да и после пары кружек вина не такой, вроде, страшной казалась.

— Ага, рассказывай тут, — хохотнул Двести Тридцать Четвёртый. — Слышу, короче, звук, будто душат кого. Подхожу, а этот дурак её мордой в подушку впечатал, башку зафиксировал, чтобы не дрыгалась, и имеет бедолагу, как в последний раз. И с такой тоской на роже, аж самому тошно стало.

— Мать твою! — Триста Шестой загоготал. — Выжила хоть?

Устав от их болтовни, Харо спрыгнул с койки и вышел из загона. У этих недоумков любые разговоры заканчивались одним и тем же, будто, кроме самок, других тем не существовало.

Зайдя за угол, он прислонился к стене и натянул маску, без которой на морозе не обойтись, а то загреметь в лазарет, как два пальца...

Пожухлая трава, хрупкая как стекло, тихо хрустнула под подошвой. Небо чёрное, ни облачка, всё мерцало бесчисленными звёздами.

Керс как-то рассказывал, что все эти яркие точки — такие же солнца, только находятся очень далеко. И что, вполне вероятно, рядом с ними тоже есть планеты-земли, и на них вполне могут обитать люди. Интересно, а есть там планета только для осквернённых? Здорово, если б была! Ни хозяина тебе, ни кнута, ни нудных стояний столбом на одном месте с утра до вечера! Живи себе как хочешь — полная свобода. И не надо ни у кого её вымаливать или выдирать зубами, она по праву принадлежит тебе с самого рождения.

Но пока он ещё здесь, в этом сраном Прибрежье, переться ему в ночь на караул. И всё бы ничего, только в этот раз Восемьдесят Третья зачем-то распределила его именно к принцессе.

Странно... Её же Морок всегда стережёт, а тут ни с того ни с сего старшая вдруг отправила того на дневной пост, а ему приказала без четверти восьмого быть как штык у покоев девчонки. С чего бы это?

Хотя какая разница, ещё над этим голову себе ломать. Хватает и этой парочки с их разборками. И вот чего им не живётся спокойно! Ладно бы друг с другом собачились, не впервой же, так и его зацепило. Слай третьи сутки как воды в рот набрал, а Твин... ну, нахер не посылает, и то хорошо. И что они опять там не поделили?

— Здравов, — рядом материализовался Семидесятый и, нацепив эту свою хитрую ухмылку, подпёр стену рукой.

Лёгко на помине, мать его. А по-нормальному появляться нельзя?

— И тебе не хворать.

— Отойдём? — Слай кивнул в сторону площадки. — Поговорить надо.

Харо равнодушно пожал плечами: надо так надо.

— Давай напрямую, — заявил друг, как только они отошли подальше от загона. — Что там у Керса с Твин?

Начинается... По ходу, между собой грызться им надоело.

— В смысле?

— Хорош уже с фоном сливаться, братишка, нормально ответь. Давно он на ней залип?

— А мне-то откуда знать!

— Да брось! Ты же корешился с ним больше моего, ещё с Мыса.

— И что с того?

— Хочешь сказать, он тебе ничего не говорил? — Слай недоверчиво прищурился.

— С чего бы вдруг?

Не то чтобы Керс намеренно что-то скрывал, просто сама эта тема никогда толком не затрагивалась. Харо догадывался, что Твин небезразлична другу, но лезть не в своё дело не собирался.

— Чёрт, Харо! — Слай негодуяюще пнул сапогом камень. — Ты можешь просто ответить на вопрос? По-хорошему.

— Что значит «по-хорошему»? — ошетинился он. Это что, угроза?

Семидесятый и раньше не отличался сдержанностью, вспылить мог из-за любой мелочи, но в этот раз он явно хватил через край. Похоже, давно ему сомнение не вправляли. Гладиатор херов.

— Послушай, брат, — опомнившись, Слай сбавил тон, — для меня это всё как ножом под ребро, понимаешь? Мне просто нужно знать, что между ними было. Керс же сох по ней, верно?

— А тебе какое дело, по ком он там сох?

— В смысле, какое дело! — вытаращился на него друг. — Он там Твин по углам зажимал, а я, по-твоему, закрыть глаза на это должен?!

Ну всё, достал.

— Ты что несёшь, псина! — уже не сдерживая накопившейся злости, Харо тряхнул его за грудки. — Совсем крыша поехала? Кто там кого зажимал? Твин же без тебя, кретина, жить не может. Да и Керс бы никогда...

— Ты уверен? — и, заметив его сомнения, Слай осклабился. — Можешь сам у неё спросить, если хочешь.

Всё ещё подозрительно глядя на друга, Харо разжал пальцы. Непохоже, чтобы Семидесятый врал. Но даже если что-то и было, не поздно ли кулаками махать? Керсу всё равно уже рыла не начистить, не факт, что они вообще свидятся когда-нибудь, а рвать из-за этого с Твин как-то глупо.

— Не знаю, Слай, что там у них было, но нафига ты в прошлом ковыряешься? Что это изменит?

Тот раздражённо потёр лицо и шумно выдохнул:

— И с кем я разговариваю! Пстой-ка... Ты что, задницу ей прикрываешь? — его прищур сменился полным недоумением. — Смергов ты выкидыш! Как же я сразу не догадался. Ты ведь знал обо всём! Знал, что Керс слюни на неё пускает, знал, что той ночью было... Ты же сам меня остановил: «Пусть поговорят, ему поддержка нужна». Поверить не могу!

Вдалеке разнёсся бой башенных часов. Скоро заступать на пост, и лучше поторопиться. Восемьдесят Третья та ещё зануда, она ж весь мозг выжрет за каждую минуту опоздания.

— Думай что хочешь, брат. Мне пора.

— Э нет, дружище, мы ещё не закончили, — Слай преградил ему дорогу. — Ответь на вопрос и можешь валить хоть к псу в дупло. Ты ведь знал, что они трахались?

— Нет.

Семидесятый скривился, продолжая стоять на пути.

Не верит. Да уж, если этот вбил себе что в голову, переубедить бесполезно. На чёрта он тогда разговор этот затеял, если слышит только себя?

— Что бы там между ними ни произошло, у тебя только два варианта: забить и сохранить семью или разрушить всё к чертям собачьим, — Харо обошёл друга и, остановившись, сочувствующе качнул головой. — Тебе решать, конечно, но подумай, братишка, стоит ли прошлое того, чтобы терять Твин.

— Моя семья осталась в терсентуме. А Твин уже давно всё за меня решила, — Слай горько усмехнулся и пошагал к загону.

Харо проводил его долгим взглядом и, натянув маску, подошёл к стражникам. Один черкнул его номер в журнале, второй выдал короткий меч. Пользы от него никакой, только при ходьбе мешает. Лучше бы лук дали, ну или ножи метательные, на худой конец.

По дороге он всё прокручивал в голове разговор с Семидесятым. Керс оказался тем ещё говнюком, раз к Твин полез. Если, конечно, это правда. Но Слай тоже обостряет. В конце концов Твин с ним хренову кучу лет, можно было и не раздувать трагедию.

Смотря на этих двоих, Харо в очередной раз убеждался, что ему несказанно повезло родиться с такой рожей. В пекло все эти сопли и нытьё, Дисхватило по горло. Хороший же урок она преподала ему, до конца жизни не забыть! Зато он больше в такое не вляпается.

Просторный холл дворца заканчивался развилкой. Харо замешкался, гадая, в какой коридор свернуть. Раньше бывать здесь не доводилось, и, как назло, даже вшивого льва нигде не видно, чтоб дорогу спросить.

Поразмыслив, он заглянул в правый. Вдалеке стоял кто-то из своих. Тогда Харо негромко свистнул, и когда собрат повернулся, проверил номер. Восемьдесят Третья, а это была она, не сразу смекнула, кто её позвал, но, разглядев, махнула ему рукой.

— Опаздываешь, Сорок Восьмой! — тут же упрекнула старшая, как только расстояние между ними сократилось.

— Заблудился.

— Тебя же Морок должен был провести.

— Сам справился, — в жопу таких провожатых, от его болтовни голова уже пухнет.

Восемьдесят Третья понимающе ухмыльнулась и хлопнула его по плечу:

— Ну тогда удачи в почётном карауле.

Ага, велика честь — всю ночь считать кирпичи на стене.

Оставшись один, он огляделся. Коридор почти ничем не отличался от любого другого виденного им в замке. Разве что попросторнее, да освещение получше. Всё-таки королевский дворец, как-никак. Крыло, казалось, пустовало. Дверей не так много, да и те без охраны. Выходит, здесь только одна жилая комната, ну или другие обитатели не нуждались в страже. Пёс их разберёт, этих высокородных! Да и насрать, пусть хоть спят на потолке, лишь бы к нему не лезли.

Спустя час Харо был бы рад даже мимо проходящему гвардейцу, лишь бы какое-то движение. Угроздило же попасть сюда, ещё и в ночную! Впрочем, последнее, может, не так уж и плохо — с девчонкой видеться не придётся. До сих пор пробирает при воспоминании, как она смотрела на него своими зелёными глазами. Удружил Слай, нечего сказать.

Непонятно только, почему Восемьдесят Третья отправила сюда именно его. Могла бы Шустрого, например, от того, во всяком случае, никто не шарахается. Правда, по принцессе не скажешь, что она тогда испугалась. Может, к Морoku успела привыкнуть?

Из спальни донёсся приглушённый звон. Харо застыл, прислушался. Кажется, вызывает. Наверное, думает, что старшая всё ещё здесь или Двадцать Первый...

Выдохнув, он осторожно толкнул дверь. В комнате стоял мягкий полумрак, окно плотно зашторено. Мерцающая лампа освещала небольшой пяточок вокруг стола, за которым в непринуждённой позе устроилась принцесса. Распущенные волосы отливали золотом, платье едва прикрывало колени, на плечах что-то вроде накидки или что там ещё носят благородные самки, в руках — раскрытая книга. Наверное, девчонка умная. Керс тоже умный, читал всё, что приносил Седой.

Харо застыл у порога, не зная, как себя вести. Девчонка с неприкрытым любопытством посмотрела на него; накидка чуть сползла вниз, обнажив хрупкое девичье плечо. Смутьившись, он отвёл глаза, потом, подумав, поклонился. Главное не тарашиться как идиот, хотя не так-то это просто: никого красивее её он в жизни не встречал.

— Входи. И будь добр, прикрой дверь поплотнее, — попросила принцесса.

Он выполнил просьбу, но остался у входа, прячась в полумраке. Но сердце всё равно предательски заколотилось, как у трусливого зайца.

Девчонка улыбнулась, обнажая ровные зубки, при этом в глазах заплясали озорные огоньки. Или это просто отблеск лампы? И всё же чувствовалось, что принцесса заметила его растерянность, и, кажется, её это даже забавляло.

К насмешкам ему не привыкать, они уже давно его не трогают, но принцесса не насмехалась. Нет, это что-то другое...

— Можешь подойти ближе, я не кусаюсь, — произнесла она после недолгого молчания.

Харо сделал полшага вперёд, для виду. Происходящее сбивало с толку — не похоже, чтобы у девчонки к нему что-то срочное. Казалось, она знала заранее, кто именно будет охранять её этой ночью и намеренно вызвала его к себе.

— Буду откровенна, это я попросила Восемьдесят Третью назначить тебя вместо Морока, — произнесла она, словно прочтя его мысли. — Я уже давно хотела познакомиться с тобой поближе.

Чего?! В смысле познакомиться?

— Как тебе живётся в замке?

«Нахрена тебе, девочка, знакомиться со мной поближе?»

Принцесса вскинула бровь, намекая, что ждёт ответа.

А что она там спросила? Точно, про замок...

— Хорошо, госпожа.

— Скучно, наверное? Должно быть, ты привык сражаться, рисковать жизнью, а здесь приходится стоять без дела дни и ночи напролёт.

Харо растерянно пожал плечами. И вот что она хочет от него услышать? Нытьё о тяжкой участи?

— Я слышала, вы часто даёте друг другу прозвища. А у тебя оно есть?

— Есть.

— И как же тебя называют друзья?

— Харо, — чёрт, наверное, не стоило всё-таки говорить, а то от старшей ещё влетит, опять мозг выедать начнёт.

— Харо? Странное имя.

«Не страннее твоих вопросов, девочка».

— Не имя. Шутка неудачная.

— Правда? Расскажи мне! — она откинулась на спинку стула, приготовившись слушать.

Харо сделал вид, что внимательно рассматривает прикроватную тумбу. Когда не хочешь отвечать, лучшая стратегия — слиться с фоном. Во всяком случае, раньше это всегда срабатывало.

Принцесса слегка нахмурилась:

— А ты не особо разговорчив, погляжу.

— Предпочитаю слушать.

— И всё же на этот раз придётся изменить своим предпочтениям. Хотя бы ненадолго, — отодвинув книгу, она опустила локти на столешницу и подпёрла подбородок ладошкой. — Можешь снять маску? Хочу видеть твоё лицо.

А это ещё зачем? Не, и так нормально. Вроде не приказ, значит, снова можно глухим прикинуться. Видать, девчонке скучно стало, решила нервишки себе пощекотать перед сном.

— Ну перестань! — принцесса рассмеялась. — Я и без того уже видела куда больше положенного.

А то! Наверное, незабываемое зрелище, особенно для впечатлительных девиц. Ладно, раз уж так просит. Харо скинул капюшон и, щёлкнув застёжкой на затылке, избавился от маски. Принцесса прибавила яркости лампе и удовлетворённо кивнула:

— Так намного лучше. Теперь наш разговор похож на дружескую беседу. Знаешь, меня всегда интересовали истории о вашей жизни. У каждого из вас она по-своему трогательная, уникальная. Хотелось бы узнать и твою.

Вот оно что! Девчонка за шута его приняла. Может, ещё попросит сказку перед сном рассказать?

— Что именно вы хотите знать, госпожа?

— Ну... Как ты попал в Легион, например? Помнишь ли своих родителей.

— Я с рождения в Легионе. Родителей никогда не видел.

— Как это с рождения? Прямо в терсентуме и родился? Разве такое бывает?

— Как видите.

Принцесса изумлённо захлопала ресницами:

— И ты даже не пытался хоть что-то узнать о своих родителях?

— Это запрещено.

— Ты лукавишь, я же вижу! Всегда можно найти способ, если сильно захотеть.

Похоже, просто так она от него не отвяжется.

— Ну, кое-что знаю.

— И что же?

Вспомнилось, как Керс с дозволения Седого зачитал ему досье. Если бы не друг, так бы и не узнал ничего о родителях. Да и не хотелось ворошить прошлое, но тот же везде свой нос сунет.

Харо был несказанно рад услышать, что парочка малолетних кретинов заделала его ещё во время обучения. Его сразу в инкубатор отправили, а придурков увезли в Опертам, подальше. На том его великая родословная и закончилась. Лучше бы Керс не умел читать.

— Родители скорпионы. Оба. В Южном Терсентуме родился.

— Так ты южанин! А как в столицу попал?

— В фургоне привезли.

— Разумеется, — принцесса снова рассмеялась своим этим заливистым смехом, хотя причин для него Харо не видел. — Я имела в виду, почему ты не остался там, в Южном Мысе?

— Распределили.

Самое сложное было попасть в регнумский список счастливиц. А это возможно только в двух случаях: либо обладать ярким хистом, как у Керса, либо побеждать в спаррингах. И раз уж хист ему достался такой себе, пришлось поднапрячься.

— Даже не представляю, каково это — никогда не видеть своих родителей, — задумчиво проговорила принцесса. — Я хоть отца помню. Мама умерла, когда мне и года не было.

Харо раздражённо выдохнул: «Мне уже разрыдаться или ещё подождать?»

— Сожалею, госпожа.

— Не стоит. Всё равно это не идёт ни в какое сравнение с твоей участью.

— В Легионе она одна на всех.

То ли девчонка ожидала от него душещипательных историй, то ли ответы показались ей слишком грубыми, но она вдруг обиженно насупилась, уголки пухлых губ чуть опустились:

— Послушай, Харо, я просто хочу узнать тебя получше. Не нужно искать никакого подвоха, ладно?

«Ну да, конечно. То, что с тобой, девочка, надо быть настороже, и псу понятно. Была бы ты простушкой, о переворотах и не помышляла бы. Вот только что тебе от меня понадобилось? Или мало тебе моего согласия участвовать в этой твоей заварушке? Которая, между прочим, так и не состоялась».

— Прошу прощения, госпожа. Я никудышный собеседник.

— Это поправимо. Кстати, можешь обращаться ко мне по имени.

— Как пожелаете, госпожа Ровена.

— Никак не пойму, ты что, издеваешься надо мной? — она укоризненно сверкнула глазами.

Ну, может, совсем чуть-чуть...

— Нет, госпожа.

Какое-то время принцесса внимательно изучала его, а потом тяжело вздохнула:

— Ну хорошо. И как долго ты живёшь в столице?

— Пятый год.

— А твоя подружка... Пятьдесят Девятая, кажется. Давно вы вместе?

— Вместе?

— Как пара. Знаешь, когда мужчина и женщина любят друг друга, они хотят быть вместе и становятся парой.

«Нет, ты это сейчас серьёзно, девочка? Я что, по-твоему, совсем debil?»

— Мы не пара, госпожа. Она моя сестра.

Он и Твин... Слая бы точно удар хватил.

— Она твоя сестра?! Кровная?

Ага, единоутробная.

— А разве не налицо семейное сходство?

Девчонка недовольно наморщила носик:

— Мне, конечно, нравится твоя самоирония, но сейчас она не совсем к месту.

Харо виновато кашлянул:

— Прошу меня извинить, госпожа.

— Нет-нет, не стоит извиняться, — принцесса будто даже смутилась. — Довольно бестактно с моей стороны мучить тебя такими вопросами. Видишь ли, там, на смотре, когда ты заступился за неё, я подумала, вас связывает нечто большее, чем простая дружба.

— Любой поступил бы так же.

— Очень сомневаюсь, — она покачала головой. — Если честно, именно это меня и привлекло в тебе. Никогда ещё не видела такой самоотверженности!

Чёрт, опять этот взгляд, будто сверлит насквозь. Лучше бы он остался там, за дверью, подальше от этой девчонки. И откуда взялось ощущение, что знакомство с ней ничем хорошим для него не закончится?

— И как давно вы дружите? — на её губах обозначилась мягкая улыбка.

— С первого дня в Регнуме.

— Наверное, вы многое прошли вместе, если так заботитесь друг о друге.

— Так и есть.

Принцесса задумчиво забарабанила пальчиками по столешнице. С огромным трудом Харо отвёл взгляд от обнажённого плеча — накидку девчонка так и не поправила. Кожа нежная, гладкая, чуть ли не сияет. Такой не обладала ни одна из знакомых ему самок, даже Дис.

— Я слышала, ты превосходный лучник, — помолчав немного, спросила принцесса. — Это правда?

— Возможно.

— Это и есть твоя способность? Как ты это делаешь?

— Зрение хорошее, — он попытался скрыть сарказм.

Ровена поднялась, и тут злополучная накидка, зацепившись за спинку стула, беззвучно соскользнула на пол. Не обратив на это никакого внимания, принцесса медленно приблизилась к нему и начала пристально рассматривать его глаза.

Харо опустил голову, отвечая на её взгляд. Девчонка явно выше Твин, но едва доставала ему до плеча.

— У тебя и впрямь очень необычные глаза, — тихо произнесла она. — И как далеко ты видишь?

— Достаточно далеко.

— Например? Если я что-то напишу на... — принцесса на секунду замялась, — на стене в противоположном конце коридора, ты сможешь прочесть?

— Я не умею читать, госпожа.

— Да, верно, совсем забыла...

Девчонка стояла так близко, что Харо невольно напрягся, ощущая тепло её тела. По коже прошёлся мелкий озноб, а сердце заколотилось с новой силой, совсем как тогда, с Дис...

«Отвлекись, идиот! Подумай о чём-нибудь другом... Да о чём угодно, хоть о... Соберись, мать твою!»

— Должно быть, это больно, — принцесса с любопытством рассматривала татуировки. — Кто их тебе сделал?

— Пятьдесят... — голос почему-то охрип. Харо смущённо прочистил горло. — Пятьдесят Девятая, госпожа.

— Весьма талантливо! — принцесса протянула руку к его лицу. — Позволь?..

Внутри шевельнулся страх. Нет, не тот, что он испытал при первой вылазке в туннели, иной. Тот самый страх, когда что-то вдруг изменилось, и приходит понимание, что жизнь уже не останется прежней, привычной. Страх, что причинят боль. Страх, что он снова потеряет спокойствие, а вместе с ним и себя.

Харо отпрянул, скорее инстинктивно, будто защищаясь от чего-то.

— Ты боишься меня? — она удивлённо заморгала.

— Н-нет.

Принцесса почти неувидимо улыбнулась, её тонкие пальчики коснулись его щеки, нежно заскользили по коже вдоль рисунка. В её взгляде было столько живой теплоты и восхищения! И Харо вдруг понял, что начинает тонуть в её огромных зелёных глазах.

Ему стоило бы прекратить это всё, не позволять играть с собой, но волю так легко сковало маленькое хрупкое существо, чьё прикосновение сводило с ума. Он даже дышать боялся: казалось, это спугнёт её, и наваждение тут же исчезнет. А ведь так хотелось продлить этот миг хотя бы ещё ненадолго...

— Ты особенный, Сорок Восьмой, — прошептала принцесса. — Просто сам пока не знаешь об этом.

Харо вздрогнул, будто его разбудили от крепкого сна.

«Очнись, кретин! Забыл своё место? Ты — раб, осквернённый, выродец... Она просто играет с тобой».

Собрав жалкие остатки воли, он попятился. Брови принцессы недоуменно взлетели вверх:

— Что-то случилось?

— Нет... Я... П-простите, госпожа, мне лучше уйти, — неуклюже поклонившись, он чуть ли не бегом бросился из её спальни и смог спокойно выдохнуть, только когда за ним захлопнулась дверь.

Что девчонка сделала с ним? Откуда эта дрожь в руках? Не стоило позволять ей приближаться к себе, как чуял, что она опасна.

Принцесса просто-напросто поиздевалась над ним, поразвлечься ей захотелось. Выбрала самого уродливого, посчитав лёгкой добычей. Ну да, раз уж с такой рожей, то наверняка готов на всё ради доброго словечка.

С трудом сдерживая злость, он стиснул кулаки так, что перчатки жалобно заскрипели. Сердце всё не унималось, норовило выпрыгнуть из груди.

«Не на того ты нарвалась, девочка. Можешь из Морока хоть верёвки вить, а со мной такое не пройдёт, наученный уже».

Неожиданно дверь спальни приоткрылась. Харо с изумлением посмотрел на ту, кого сейчас так сильно ненавидел. Зачем она попёрлась за ним? Мало ей показалось? Чего она добивается, месмерит её подери?

Приобняв себя за плечи, принцесса виновато улыбнулась:

— Прости, если что-то не так. Я не хотела обидеть тебя, правда. Можешь мне не верить, но я говорила всё от чистого сердца.

Харо скептически хмыкнул:

— Лучше подыщите себе другую игрушку, принцесса. Я не очень удачный выбор для такого.

— Игрушку? — оторопела она, но уже через мгновение обиженно вздёрнула носик и окатила его ледяным взглядом. — Хорошего же ты обо мне мнения!

«А то ты сама не этого добивалась!»

Развернувшись на каблуках, девчонка собралась уже вернуться к себе, но остановилась, словно вспомнив о чём-то важном.

— Нравится тебе или нет, Сорок Восьмой, — произнесла она с вызовом, — но с этого дня ты будешь моим телохранителем. И советую побыстрее смириться с этим.

День не задался с самого утра: то у одного младенца подскочила температура, то другого понесло так, что трижды за час приходилось менять пелёнки, то весь инкубатор, словно сговорившись, вопил, что уши закладывало.

Хлопоча то у одной люльки, то у другой, Нанни то и дело смахивала со лба пот и мечтала присесть хотя бы на минуту — ноги уже гудели от беготни.

Наконец успокоив последнего орущего малыша, она тихо прокралась к выходу и, задержав дыхание, медленно отворила скрипучую дверь.

У самого порога перед ней застыла напарница. Хмурясь, та молча наблюдала за Нанни, которая только и успела приложить палец к губам.

— Еле утихомирила, — облегчённо выдохнула она, притворив дверь. — У номера шесть жар, проверяй его каждые полчаса. И восьмому побольше воды давай, да пелёнки меняй почаще.

— Разберусь уж как-нибудь, — Джина скривила кислую мину и протянула какую-то бумагу. — Лучше объясни-ка мне вот это!

— Документ, как видишь, — Нанни глянула на листок. — Что в нём не так?

— Считаешь себя самой умной? Какой, к чертям собачьим, сервус?! Да она же скорпион чистой воды!

— Я написала всё как есть. А ты бы не совала свой нос куда не следует!

— Всё как есть, говоришь?! — напарница нервно хохотнула. — Ладно, посмотрим... Так, почему не указала хист, а? Она же в темноте лучше кошки видит.

— Тоже мне великая способность! — деланно отмахнулась Нанни. — Ну забыла, и что?

— А про когти и силу тоже забыла!? Да она, когда вырастет, порвёт любого, как гиена кролика!

Нанни смерила её хмурым взглядом. Опасения Джинины понятны: сокрытие информации — серьёзная провинность. Но отдать им Фиалку...

— Выслушай, прошу, — коснувшись руки, она заглянула напарнице в глаза. — Ну прикипела я к ней, понимаешь?! Не смогу я, если её туда, к скорпионам... Добрая она, сломают ведь.

— Не пори чушь! Таковы правила, ты же знаешь. Сломают, значит, так тому и быть, но скрывать такое от надзирателей... Нас же вздёрнут, моргнуть не успеем!

Нанни сдавила её руку:

— А кто узнает? Девчонка научена, хистом не светит, а выдержка у неё — будь здоров! Не выдаст себя, поверь мне на слово. Я об этом позабочусь, клянусь.

Джина недоверчиво покачала головой и со вздохом высвободила руку:

— Никого я покрывать не стану, ясно тебе? Если узнают, расскажу всё как есть.

— Да хоть так! Просто не выдавай, умоляю! — Нанни в отчаянии тряхнула её за плечи. — Мы ведь должны друг за друга горой, иначе медяк ломаный нам цена! Иначе до скончания времён ходить осквернённым с клеймом и кровь свою проливать на потеху свободным!

Джина поджала губы и, когда Нанни, наконец, взяла себя в руки и отступила, презрительно фыркнула:

— Мой тебе совет, подруга, оставь эти глупые фантазии. И не забивай ими головы малькам. Не быть нам свободными ни вовек. А если и дальше так продолжишь, на суку уже висит петля как раз для таких как ты, — с этими словами Джина разгладила примятую форму и скрылась за дверь.

С тяжёлым сердцем Нанни ожидала наступления ночи. Тревога никак не отступала. Напарница, конечно, та ещё стерва, но не сдаст — не посмеет. Предательство среди своих карается быстро и жестоко. Осквернённые впитывают этот закон с малых лет: няньки учат ему подопечных, старшие вбивают его в головы младшим. Негласные законы, передающиеся из поколения в поколение, чтятся превыше всего, иначе не выжить, иначе превратиться им всем в зверьё или, того хуже, в безвольное стадо. Хотя не так уж и далеко они от этого ушли... Но как знать, быть может, однажды всё изменится.

Нанни вспомнила, как её саму наставляла старая няня-сервус. «Мы чего-то стоим, только когда держимся вместе, — говорила Лил. — И, когда осквернённые это поймут, Легион рассыплется, что то трухлявое бревно».

Это Лил зажгла в ней надежду на лучшее будущее. И Нанни сохранила эту искру, пронесла её сквозь годы, делясь ею с другими как могла. Неважно, будет ли результат сейчас или через десять лет, важно, что в детских умах закрепится понимание, что такое любовь, что такое сочувствие и взаимовыручка.

Когда за окнами стемнело, Нанни незаметно выбралась из барака и, пройдя по уже давно проторённому маршруту, пролегающему за хозяйственными постройками, выудила запасной ключ и открыла замок.

Дети не спали, ожидая очередную сказку. Верные, словно щенята, они с радостным визгом окружили свою няню. Фиалка, по своему обыкновению, ждала своей порции ласки, пока Нанни обнимала и расцеловывала младших.

Несмотря на тяжёлый камень на сердце и ноющее предчувствие приближения чего-то непоправимого, Нанни старалась улыбаться. Она то и дело отгоняла мрачные мысли, украдкой утирая рукавом предательски проступающие слёзы.

Кто-то приобнял её со спины, обвил ручонками шею:

— Что с тобой, Нанни? — Фиалка прижалась к её щеке своей, приятно защекотав пушком кожу. — Почему ты плачешь?

— Что ты, тебе показалось. Просто соринка в глаз попала.

— А какую скаску ты нам севоня ласказишь? — коверкая слова, поинтересовалась малышка рядом.

— Пожалуй, о...

Грохнула распахнувшаяся дверь барака. На пороге выросла грузная фигура мастера.

— И что это здесь происходит? — рявкнул он, держа руку на поясе рядом с кобурой. — А ну живо все по местам, шлюхино отродье!

Перепуганные мальки с визгом бросились врассыпную, Фиалка больно вцепилась в нянины плечи и глухо зарычала на приближающегося мастера.

Нанни подскочила, прикрывая собой подопечную, уже готовую наброситься на главного надзирателя.

— Я задал вопрос: какого чёрта ты здесь забыла после отбоя!?! — он схватил её за рубаху и с силой дёрнул на себя.

— Простите, господин... — залепетала она. — Я просто рассказывала детям сказку...

— Сказку рассказывала? Про то, как подделала досье? Да я с тебя шкуру сдеру, дрянь поганая! — мастер сдавил ей запястье и грубо потащил к выходу.

Позади кто-то вскрикнул, раздалось утробное рычание, от которого у Нанни на затылке зашевелились волосы. В один прыжок Фиалка очутилась на спине обидчика и начала остервенело рвать когтями толстую куртку.

Нанни в отчаянии закричала, призывая подопечную остановиться. Яростно взревев, мастер ухватил малышку за руку и швырнул её через себя. Фиалка взвизгнула и скорчилась от боли на полу.

— Так вот чему ты их учишь? Нападать на свободных? Что ж, посмотрим, чья возьмёт. Гоните их всех во двор!

Ожидающая снаружи пара плётчиков бросилась выполнять приказ, покрикивая и раздавая оплеухи хнычущим несмышлёнышам.

— Прошу... Они же ещё дети! — молила Нанни, пока мастер тащил её к столбу для провинившихся. — Они же ни в чём не виноваты! Это всё я. Я просто хотела дать им... немного любви.

— Пасть закрой! — он ударил её наотмашь и толкнул к вогнанному в землю толстому бревну. — Любви она дать хотела! Да что вы вообще, выродки, можете знать о любви!

Зажав ладонью рот, Нанни смотрела, как малышей грубо выгалкивают из барака. Больше всего она боялась за Фиалку: столько раз твердила ей скрывать хист, сдерживать себя. Теперь малышке наказания не избежать, и оставалось только молить Госпожу, чтобы оно было не слишком суровым.

Последней из всех плётчик вытянул за шиворот безуспешно отбивающуюся Фиалку и, протащив её по земле мимо сгрудившихся в кучку притихших детей, швырнул к ногам мастера. Тот не без удовольствия пнул её сапогом, бросил перед ней нож и извлёк револьвер:

— Подбери его, тварь. Живо!

Фиалка вся сжалась, поблёскивая горящими ненавистью глазками, угрожающе оскалилась.

— Я сказал, подбери нож! — глухо повторил мастер, наведя огнестрел на девочку.

Нанни замерла, стараясь унять охватившую тело дрожь. Что задумал этот ублюдок? Что он собирается сделать с её малышкой!?

— Умоляю вас, господин, пощадите её! — взмолилась она, понимая, что тщетно просить его о чём-либо. — Делайте со мной что угодно, только не наказывайте её, никого из них... Они ни в чём не виноваты, клянусь!

— Быстро взяла нож, мразь! — пропуская её мольбы мимо ушей, мастер взвёл курок.

Вздрыгнув от щелчка, Фиалка обернулась на Нанни, взглядом спрашивая, как поступить.

— Делай что велит господин, милая.

Та, всё ещё сомневаясь, нерешительно подняла нож.

Мастер злорадно оскалил зубы:

— Любишь свою няню, да, соплячка? Хорошо. Очень хорошо! Видишь вот эту штуку? — он помахал револьвером, тускло блестящим в свете факелов. — Стоит мне только нажать вот сюда, и твоя уродливая башка разлетится на тысячи мелких кусочков. Но я не убью тебя, если ты прямо сейчас подойдёшь к своей ненаглядной няне и всадишь в неё этот вот нож. Выбирай: ты или она.

Фиалка снова оглянулась. Покрытое короткой шерсткой лицо искажилось от боли и страха, маленькие клыки обнажились, глазёнки заблестели от слёз.

— Ну же, синий ты выкидьш! Считаю до трёх: один, два...

— Давай, Фиалка! Делай!.. — закричала Нанни.

— Три! — по двору прокатился оглушительный выстрел, смешавшись с детскими визгами и плачем.

Фиалка съёжилась и, выронив нож, зажала уши ладонями.

— Второй раз не промажу, — процедил мастер, снова наведя дуло револьвера на девочку. — Выбирай!

Нанни собрала последние силы, стараясь держаться как можно спокойнее. Нельзя, чтобы дети видели её страх. Не все из них понимают, что происходит, и это даже к лучшему: пусть думают, что это просто очередное наказание.

— Фиалка, милая, — тихо позвала она. — Делай, что говорит господин.

Поколебавшись, подопечная подобрала нож, не без труда поднялась и, прихрамывая, приблизилась к няне. Кто-то из старших детей громко зарыдал, догадавшись, что сейчас произойдёт.

— Заткнитесь, сукины дети! — гаркнул один из плётчиков, замахиваясь на стоящего поблизости мальчишку.

Фиалка, передёрнув плечами, взглянула на нож в своей руке и подняла глаза на Нанни:

— Я... Я не могу...

— Можешь, моя хорошая, — она вымученно улыбнулась. Не было ни малейших сомнений, что мастер без раздумий застрелит малышку, если та не выполнит приказ. И тогда вместо одного трупа будет два... — Давай, девочка моя, у тебя всё получится.

— Но тебе будет больно! — глаза Фиалки округлились от ужаса.

— Не будет, обещаю, — Нанни потрепала малышку по голове и склонилась над её ухом. — Я тебе никогда не говорила, но у меня есть секретный хист: я не чувствую боли. Совсем не чувствую, только притворяюсь. Можешь прямо сейчас проверить.

Недоверчиво нахмурившись, девочка замотала головой и попятилась.

— Фиалка, — Нанни строго свела брови. — Я же тебя никогда не обманывала! Со мной ничего не будет, обещаю.

— Но...

— Выполняй, сейчас же, — она проговорила это медленно, отчётливо, и подопечная неуверенно выставила перед собой нож.

Мастер нетерпеливо прочистил горло:

— Мне долго ждать?!

— Давай! — голос Нанни сорвался на крик.

Девчушка испуганно пискнула, зажмурилась и, под плач своих братьев, ударила ножом куда придётся.

Нанни стиснула зубы от невыносимой боли — удар пришёлся в живот. В глазах мгновенно потемнело, к горлу

подкатила тошнота, но стон, норовивший вырваться из груди, так и остался внутри. Никто из малышей не должен увидеть...

Пошатнувшись, она привалилась спиной к столбу и впилась ногтями в шершавое дерево.

— Прости, Нанни, прости! — запричитала Фиалка, вырвав нож и пытаясь зажать ладошками кровоточащую рану.

— Всё... хорошо... — губы начали неметь, язык плохо слушался. — Вот видишь... мне... не больно.

Мастер одобрительно хмыкнул и обернулся к одному из помощников:

— Веди следующего.

Тот схватил за шиворот ближайшего ребёнка и потянул к столбу. Нанни с сожалением смотрела на малыша, и единственная мысль, что мучила её больше, чем рана, больше, чем страх близящейся смерти, была о том, как же эти мрази уродуют невинных детей ещё с пелёнок. Чем осквернённые всё это заслужили?!

Те, что помладше, совсем ещё крохи, били несильно, сжимая огромный нож в дрожащих ручонках. А потом, плотая слёзы и заикаясь, тихо просили прощения. Тяжелее всего приходилось тем, кто постарше: они уже осознавали, к чему их принуждают. На всех, кто упирался, отказываясь выполнять приказ, тут же обрушивался хлыст.

Нанни старалась держаться, надеясь, что умрёт позже, не на глазах у своих воспитанников, но очередной удар отнял последние силы, ноги подкосились, и она рухнула на землю.

Мальчуган, любивший спрашивать обо всём на свете, попытался подхватить её:

— Я не хотел... Нанни, я не хотел! — дрожащим голосом повторял он. — Не хотел делать тебе больно!

Несчастный малёк, наверняка решил, что именно он убил её. Она хотела успокоить малыша, заверить, что он ни в чём не виноват, но язык окончательно онемел. Ей так и не удалось произнести ни слова.

Бранясь, надзиратель оттащил подопечного от истекающей кровью Нанни и толкнул к остальным. Дети уже не плакали. Остекленевшими глазами они наблюдали за умирающей няней. И только тихое подвывание Фиалки нарушало эту жуткую, застывшую тишину.

Сознание постепенно покидало Нанни. Силуэты становились расплывчатыми, нечёткими, звуки — приглушёнными. Боль уже не слишком тревожила, слабость охватила тело, во рту пересохло, ужасно хотелось пить. Еле слышные шаги донеслись до неё, кто-то остановился рядом. Звонко щёлкнуло.

— Смотрите, мелкие выродки, к чему приводит ваша поганая любовь!

Прогрелом.

Всё прекратилось в ту же секунду. Стало совсем тихо. Боль ушла, забрав с собой и жажду. На смену страху и отчаянию пришло упоительное спокойствие, умиротворение: Нанни уже видела перед собой дорогу, тянущуюся змеёй к самому горизонту, алеющему в лучах рассветного солнца. Путь к Землям Освобождённых долгий, но она обязательно до них доберётся.

В соответствии с правками о частной организации Осквернённый Легион, хищение рабов карается смертной казнью без права на апелляцию или помилование.

Заветы потомкам, 09.261

Керс втянул носом морозный воздух. От аппетитного запаха свежеспечённого хлеба громко заурчало в животе. Посёлок неподалёку, оттуда и вет. Ещё иногда ветром приносило неразборчивые голоса, лай собак, мычание коров и лошадиное ржание. Но запах... Эх! За горячую хрустящую краюху хлеба он перебил бы всех воронов округи. Бродяга неплохо стряпает, жаловаться не на что, но его знаменитая мясная похлёбка была бы куда вкуснее на пару даже с ломтём ржаной булки.

Место для засады из-за деревни под боком Керсу сразу пришлось не по душе, но Севир пояснил: это ущелье — идеальное место для нападения. Всего две пары стрелков на скалах легко проредят охрану каравана, а там дело за малым.

Сплотнув слону, Керс устало привалился к скале. В дозоре уже пять часов кряду, до пересменки ещё час. А потом отдых — и опять по новой. Как долго им так, Севир сказать затруднился, караван мог появиться в любую минуту.

Разбой для Пера дело обычное, только на этот раз будущая добыча принадлежит Легиону, и везли там не какое-то барахло, а настоящий живой товар — рабов, братьев. Желторотики, правда, но, по заверениям командира, им намного легче привыкнуть к новой жизни.

Керс обвёл скучающим взглядом горы. Красные, будто пропитаны кровью древних, пролитой на Великой Войне, а за ними застенчиво прячется Регнум. Можно даже рассмотреть башни замка, когда марева нет. Впереди — чёрная лента Теневого тракта, соединяющая столицу с Опертамом, а в самой дали проглядывает заснеженная вершина Спящего Короля. Харо бы пришёл в щенячий восторг от такого вида. Ну... довольно оскалился бы точно. Да и Слаю с Твин тоже бы понравилось.

«Ничего, братья, потерпите. Скоро и вас вытяну оттуда».

Поначалу Керс радовался как ребёнок: о путешествиях он и не мечтал, а тут за месяц облазил всю западную сторону Регнума. Точнее, его окрестности. Правда, в самом городе побывать так и не удалось — Севир наотрез отказывался брать его с собой. Может, боялся, что сбежит, хотя после уругтанцев меньше опекать стал, немного свободы дал. Во всяком случае ни Клык, ни Бродяга уже не торчали над душой сутки напролёт.

Колючий ветер пронизывал насквозь, Керс поёжился, потёр замёрзшие руки — перчатки от холода не спасали. Это в городе зимой достаточно лёгкой куртки, а здесь, на свободе, даже мороз ядрёный, настоящий.

На горизонте показалась чёрная точка, маленькая, едва различимая, но Керс сразу смекнул: караван. Кажется, день ещё не совсем потерян. Немного обождав, чтобы убедиться, что не ошибся, он стянул зубами перчатку и, сунув два пальца в рот, пронзительно засвистел. Через секунду на свист ответили, и он, спотыкаясь и скользя по крутому склону, бросился к лагерю.

— Уверен? — Бродяга выбежал навстречу.

— Нет, просто скучно стало, — Керс раздражённо закатил глаза. — Ну конечно, уверен! Где Севир?

— Я что, нянька ему? Сам поищи.

Керс тотчас же кинулся к палатке командира, который как раз уже выходил навстречу:

— Как далеко?

— Километров пятнадцать, не меньше.

— Отлично, малец! Времени у нас предостаточно. Иди пока отдохни, подготовься.

Радуюсь, что больше не придётся торчать в дозоре, Керс вернулся к Бродяге. Тот выделил ему порцию мясной похлёбки и устроился рядом.

— Не нравится мне всё это, — помолчав немного, проворчал ординарий. — С огнём Севир играет. Легион так просто с рук нам это не спустит. Второй караван за полгода — какие уж тут шутки.

Подув на ложку, Керс равнодушно пожал плечами:

— Так а что они нам сделают? Ищеек, что ли, отправят? Можно подумать, те по Пустошам лазить станут! Не для того ведь дрессировали.

— Не, ищеек вряд ли. А вот кого-нибудь из скорпионов как пить дать.

— А мы, по-твоему, кто? Чучела соломенные? — удивился Керс. Даже как-то обидно стало.

— Я ординарий, вообще-то, забыл?

— И что с того? Потягаться со скорпионом ты сможешь спокойно... Если без хиста, конечно.

— Я смотрю правде в глаза, брат. Мне хватило и года в гладиаторах, чтобы усвоить: ординарии вам не ровня.

Керс скептически выгнул бровь. Бродяга явно скромничает. Особых способностей у него нет, но крепкий, чертяка, кому хочешь задницу надерёт.

— Не, тебе начистить рыло я и так смогу, — поспешил заверить тот. — Не впервой же. Но это не в счёт, хиляк ты, дружище. А вот с другими шансов у меня маловато.

— Начинается! Никакой я не хиляк. Просто жилистый. А если серьёзно, мы ведь друг от друга на самом деле мало чем отличаемся. Хист хистом, а вот мозги куда важнее. Слабое место есть у каждого. Найдёшь его — и, считай, ты победил.

— Неужели? Может, тогда, умник великий, просветишь, какое у тебя слабое место? Ну, кроме раздутого самомнения.

— А жало в счёт?

— Пошёл ты! — Бродяга шутливо толкнул его в плечо.

Керс недовольно скривился, стряхивая с рукава пролитую похлёбку:

— Ты меня так без обеда оставишь! Добавки-то у тебя хрен допросишься.

— Хватит уже о жратве думать. Кстати, я вот что спросить хотел. Ты ж у нас грамотный, вроде? Сможешь прочесть кое-что?

— Ну давай.

Бродяга воровато огляделся по сторонам и выудил из-за пазухи помятый клочок бумаги. Почерк трудно разобрать, видно, что накорябано наспех, но со второго раза всё же удалось прочесть.

— Оно точно для тебя? — Керс вернул письмо.

— Ну да. Севир принёс с последней вылазки.

— Так почему его не попросил прочесть?

— Не до того было. А что там?

Керс засомневался, к месту ли сейчас говорить о таком.

— Выкладывай уже, месмерит тебя в зад! — не выдержал Бродяга. — Вдруг что важное, а я подохну, так и не узнав.

— Как бы тебе сказать... — он решил немного подразнить ординария, но, заметив недобрый блеск в глазах, передумал. — Ладно, пёс с тобой. В общем, поздравляю, брат, отцом скоро станешь.

Подскочив как горгоной ужаленный, Бродяга замельтешил взад-вперёд, бурча неразборчиво себе под нос.

— А ты точно ничего не спугал? — вдруг остановившись, он подозрительно сощурился.

— Не-а, — Керс с невозмутимым видом соскрёб со стенок плошки остатки варева.

— Вороньи потроха! Как же так?

— Тебе что, рассказать, как дети делаются?

— Захлопнись, малёк, сам ещё научить могу, — Бродяга негодуя сплюнул. — А что ещё там написано?

— Ну если дословно: «Я беременна. Чтоб тебя вороны выпотрошили, сукин сын!»

— Хм... — ординарий растерянно почесал затылок. — Похоже, не всё так плохо. Только вот о чём она думала, когда записку писала? Читать-то я так и не научился. Ладно, что-нибудь придумаю. Добавку будешь? Заслужил.

Расплывшись в довольной улыбке, Керс протянул ему пустую миску.

Лагерь кипел, готовясь к операции. Настроение витало бодрое, боевое: давно кости не разминали, а здесь целый арсенал, который не терпелось испробовать в деле.

Керс зарядил револьвер, повертел в руке, рассматривая хромированную сталь. Красивая игрушка. Стрелок, правда, из него никудышный, но оружие приятно оттягивало ремень, придавая уверенности. Кинжал — штука хорошая, благородная, но в сравнении с огнестрелом никуда не идёт. Он это понял, как только приловчился владеть им. Жаль только, без патронов вещичка совсем бесполезная, даже по голове им особо не настучишь.

Караван уже приближался. Позиции заняли загодя: четверых отправили на скалы, остальные расселись по укрытиям. Со стратегией Севир особо не заморачивался — стражников всего-то около дюжины, и перебить их дело плёвое. Мальков же под иглу, как когда-то и самого Керса, а потом дожидаться окончания ломки. Во время отходняка им не до драки будет, главное дня два в спячке продержаться, потом и разъяснить им можно, что к чему, как раз в перерывах между рвотой и поносом.

Затея командира Керсу не очень нравилась, у самого ещё свежо воспоминание, как очухался от снотворного в кандалах и с раскалывающейся от боли башкой. Но надеяться, что желторотики пойдут с ними добровольно, немного наивно. А на каком-нибудь из них, что поспокойнее, как раз и синий дым можно испытать. Если предположения Севира верны, Легион ждёт огромный сюрприз.

Наконец-то, спустя нудное ожидание, послышался цокот копыт и скрип колёс. Керс осторожно выглянул из-за укрытия, пытаясь разглядеть караван. Крытая повозка, конные наёмники — ничего особенного.

Керс хорошо помнил, как их везли из Мыса в столицу. Несколько фургонов, скорее напоминающих клетки на колёсах, куча вооружённых до зубов стражников, а здесь... Может, сервусов везут?

— Вы двое, — Севир повернулся к Клыкку с Керсом, — поберегите силы, не лезьте на рожон понапрасну.

Клык негромко чертыхнулся, состроив кислую мину. И Керс полностью был с ним солидарен: другим всё веселье достанется, а им торчать в стороне?

Едва повозка достигла середины ущелья, прогремел выстрел. За ним тут же последовала череда других. Повсюду людские крики, лошадиное ржание, грохот ответной пальбы. Севир даже не шелохнулся, лицо спокойное, сосредоточенное — выжидает подходящего момента. Керс опустил руку на кобуру, поколебался немного, потом всё же достал револьвер. Командир ясно сказал пока не хистовать.

— Давай! — наконец гаркнул Севир, выскакивая на дорогу.

Не мешкая, Керс высунулся из-за валуна и прицелился. Из двенадцати наёмников осталось всего пятеро. Да уж, и не развернёшься. Повеселились, называется.

Выстрелить он успел только дважды. Первый раз промазал, вторым всё же сбил с седла зазевавшегося. Пока целился в следующего, его кто-то снял, с оставшимися тоже разобрались: пара убитых лошадей да дюжина трупов в кожаных доспехах и с зелёными нашивками на рукавах.

Разочарованно вздохнув, Керс вернул револьвер в кобуру и отправился к собратьям, уже окружившим осиротевшую повозку. Проходя мимо одного наёмника, он замешкался, рассматривая серебряную стрелу, торчащую из груди. Символ Стального Пера. Ну как же без этого, побесить Легион — дело святое.

— Осквернённые! — выкрикнул Севир. — Мы вам не враги! Никто не причинит вам зла!

Ответа не последовало, что, впрочем, неудивительно. Под транквилизатором доходит туго, да и кто поверит на слово. Он бы точно не поверил.

Севир кивнул Клыкку, приказывая начинать. Тот отдёргнул завесу, но тут же невнятно выругался и, прикрыв руками лицо, неуклюже попятился.

Ого! Кажется, Легион и с транками пожадничал. Хотя мог и прыткий малёк попасться.

— Вот же засранцы! — командир бросился к телеге с револьвером наперевес. — Выбирайтесь, живо! По одному! Или изрешетим ваше корыто к чертям собачьим.

Очевидно, угроза подействовала. Вскоре с поднятыми вверх руками на землю спрыгнул первый, за ним по очереди последовали ещё пятеро. Но что-то в них напрягало. То ли телосложение, явно не подростковое, то ли слишком уверенная выправка... Взглядом скользнув по форме, Керс вдруг сообразил, что именно его насторожило. Где, мать их, кандалы?!

— Севир, назад! — заорал кто-то из своих, видимо, тоже заметив неладное.

Спрыгнувший первым шагнул вперёд и свёл руки, застыв на мгновение, а потом резко раскинул их в стороны. Воздух пошёл рябью, а затем раздался громкий хлопок, и невидимая волна сбила с ног всех впереди стоящих, отшвырнув их на несколько метров.

Керс успел бухнуться на землю, но всё равно зацепило. Удар почувствовал, хотя и слабый, похожий на порыв горячего ветра.

Вытащив из кобуры револьвер, он суетливо взвёл курок и выстрелил. И так раз за разом, пока не опустошил барабан. Его пальба привела в чувство остальных, со всех сторон снова загромыhalo. Скорпионы тут же попрятались кто куда, но кого-то всё же зацепило: один валялся, прижимая руки к животу, другой, волоча ногу, полз к здоровому валуну.

— Выкусите, говнюки! — Керс злорадно хмыкнул.

Когда выстрелы стихли, скорпионы повывлезали из укрытий. Один из них поднял руки, показывая, что безоружен:

— Не стреляйте! Мы сдаёмся!

Уцелевшие скучковались вокруг него. Севир поднялся на ноги, что-то крикнул Клыкку. И, вроде, всё закончилось, но чувство неправильности почему-то не покидало ни на секунду. Непонятно, куда везли этих старшаков, почему не под транками, да ещё без кандалов?

В лицо внезапно ударил сильный порыв ветра, оглушительно загудело. Пыль вокруг скорпионов взметнулась столбом, повозка, скрежеща колёсами, медленно откатилась в сторону. Соратники бросились врассыпную, спотыкаясь, прикрывая глаза от едкой пыли. Кто-то, цепляясь за камни, скользил по земле прямо к смерчу, другого уже втянуло, и крик бедолаги мгновенно оборвался. В полной неразберихе промелькнула куртка Севира и тут же пропала из виду.

Гвалт стоял такой, что собственного голоса не разглядеть, да что уж, даже мыслей не разобрать, всё смешалось в кучу. Керс в спешке нашарил на поясе зажигалку, непослушными пальцами выудил петарду.

Передвигаться оказалось крайне сложно. Пыль нещадно лезла в глаза, шум сбивал с толку, а ветер — с ног. Смерч тянул к себе с такой силой, что подошвы сапог сами скользили по земле.

Цепляясь за стену скалы, он медленно шёл вперёд. Во мгле что-то ярко полыхнуло, потом ещё раз. Керс тут же представил, как его куртка становится непробиваемой. Долго держать защиту не получится, но лучше, чем без ничего лезть под непонятные вспышки.

Впереди за небольшим валуном показалось что-то чёрное. Кажется, чей-то сапог. Уже на подходе удалось разглядеть Бродягу. Обыкновенной одной рукой вцепился в выступ, чтобы не втянуло, а другой зажимал бок. Заметив Керса, он что-то прокричал, да вот только впустую: слов всё равно не разобрать.

— Держись за меня, не отпускай! — проорал ему на ухо Керс, помогая подняться. Нужно вытащить его отсюда, хотя бы попытаться.

Но идти обратно от воронки оказалось ещё сложнее. Один шаг вперёд — и тут же возвращало назад.

— Чёрт! Так нам не уйти!

Бродяга, морщась от боли, махнул рукой, мол, сам спасайся.

«Нет уж, друг, не дождёшься!» — Керс с исступлённым упорством двигался вперёд. Шаг, другой, третий... На четвёртый, вроде, и тянуло уже не с такой силой, потом и вовсе идти стало легче.

В спину что-то грубо толкнуло, и Керс повалился на четвереньки. Под лопаткой заныло от боли.

— Беги к лагерю! — крикнул он Бродяге.

— А ты?

— Вали давай! Я скоро!

Весь этот бедлам из воя и пыли уже начинал порядком надоедать. Последней каплей стал снаряд в спину — та самая вспышка, виденная ранее. Керс быстро огляделся, подполз чуть ближе к воронке, потом, чиркнув кремнём, мысленно удерживая язычок огня, чтоб не потух, подпалил фитиль и швырнул петарду в кружащийся поток. Повинуясь его приказу, лёгкий хлопок перерос во взрыв, а пламя, ведомое его волей, разрослось сперва бешено крутящейся полосой, а затем расплозлось по всей воронке.

— Красота-а! — довольно протянул он, смотря, как пылевой смерч превращается в огненный.

Что-то глухо ухнуло, и пылающая стена резко застыла, точно кто-то по щелчку пальцев остановил время.

— Чёрт-чёрт-чёрт! — Керс только и успел прикрыть руками голову.

Огненная волна сбила с ног, обдав палящим жаром, и протащила по земле, будто пушинку. В ушах звенело колоколами, лицо нестерпимо щипало. Сплёвывая раскалённую пыль, Керс потёр глаза костяшками пальцев, не додумавшись даже снять перчатки.

Повезло и на этот раз. Едва успев очухаться, он поднялся и, чудом заметив одного из нападавших, быстро вернул защиту. В руке скорпиона ослепительно вспыхнуло, и, махнувшись, он швырнул свой снаряд.

Уклониться не получилось, угодило прямо в грудь, но на ногах Керс всё-таки устоял. Удар чем-то напомнил стрелу Харо, когда они испытывали создаваемую им броню. Ушиб останется, но хист снова выручил, иначе пронзило бы насквозь.

Керс снова чиркнул зажигалкой и направил пламя на врага. Огонь мгновенно охватил скорпиона, и тот вспыхнул как спичка, вопя от мучительной боли.

— Вот оно что! — хохотнул слева девичий голос.

Бесшумной тенью осквернённая метнулась к нему и прижала его к скале, сдавив горло стальной хваткой. От неожиданности он выронил зажигалку, и та со звоном откатилась в сторону.

— Привет, малыш! — девчонка стянула маску и с любопытством принялась рассматривать его. — Разве тебя не учили, что играть с огнём опасно?

Керс попытался вырваться, но противница оказалась куда сильнее. Особо не напрягаясь, она потрянула его так, что в глазах потемнело, а затылок пронзила острая боль. Затем, ехидно ухмыляясь, провела острым как лезвие ногтем по его шее, и из пореза хлынуло горячим.

«Обычно глотку режут поперёк», — проползла вялая мысль. В глазах продолжало двоиться, тело почти не слушалось. Он-то и на ногах держался только благодаря стальной хватке осквернённой.

Девчонка с наслаждением втянула носом воздух и хищно обнажила маленькие клыки. В разноцветных глазах заплясали лукавые огоньки, придавая её виду некое подобие безумия.

«Она меня сожрать собралась?» — он снова попытался высвободиться, но тщетно — его намертво пригвоздило к скале.

— Не дёргайся, малыш, больно не будет, — ласково прошептала девчонка и, прильнув к его шее, медленно провела языком, слизывая кровь. — М-м... Какой же ты сладкий!

Рядом прогремело. Схватившись за плечо, осквернённая молниеносно нырнула за горящую повозку.

К ничего не соображающему Керсу подбежал Севир, мельком глянул на шею и, убедившись, что рана неопасная, покачал головой:

— Плохи дела... Давай, малец, двигаем отсюда!

— А?

Командир что-то прорычал и рванул его за ворот куртки:

— Валим, говорю!

— Н-не, стой, — пошатываясь, Керс нагнулся за зажигалкой, при этом едва не свалившись. Голова беспощадно кружилась, как с перепоя. — А как же остальные?

— Все уже в лагере. Я за тобой вернулся.

Керс старался не отставать от командира. Оставалось надеяться, что погони не последует. Вот тебе и ограбление, попались, как куницы в капкан. Шутить с Легионом — опасная затея, знали ведь, на что шли. Излишняя самоуверенность Севира на этот раз сыграла злую шутку, могло ведь обойтись и меньшей кровью.

К счастью, гнаться за ними скорпионы не стали. То ли поленились, то ли и вовсе не собирались, так, припугнули для порядка. Последнее опертамское предупреждение, как говорится.

Замысел Легиона прозрачен, как горный ручей: осадить наглцов, перебить распоясавшийся сброд, чтоб другим неповадно было. И у них это отлично получилось. Ещё бы, если там и впрямь был Вихрь, что скорее всего, значит, отправили лучших из лучших. Ни ему, да и ни Севиру тоже, не под силу тягаться с гладиаторами. Те заточены под сражения, для них убивать — развлечение, маленькая радость в потоке серых будней.

В лагере у костра сидели всего семеро, включая Бродягу с Клыкком.

— Это все, что ли? — опешил Керс.

Сефир мрачно кивнул:

— Знатно нам задницы надрали, да, малец?

— И что делать будем?

— Увидим, — он грузно опустился на бревно и взял у Клыка флягу.

— Лови. Обработай хорошенько, — Бродяга бросил в Керса пузырьёк со спиртом. — А то шея сгниёт и башка отвалится.

Откупорив крышку, он вылил почти всё содержимое на рану. От спирта чертовски щипало, но от заражения крови подышать не очень хотелось. Лицо всё ещё горело, как от солнечного ожога, от перенапряжения тело била мелкая дрожь.

— Значит, так, — Сефир сделал очередной глоток, покривился и обвёл взглядом жалкие остатки своего отряда. — Позже вернёмся за своими. А пока нужно решить, что будем делать дальше.

— А что делать? — буркнул Бродяга, морщась от боли. — Нас тут три калеки.

— Вижу, не слепой. Наверное, пока в Исайлум вернёмся, перезимуем. Здесь всё равно оставаться нельзя. Только вот проблема есть, — командир задумчиво посмотрел на Керса.

— Что? — моргнул он. — Мне туда нельзя?

— Как бы так сказать... Тебя ищейка пометила. Та девка. Думаешь, просто так она тебя облизывала?

Клык присвистнул:

— Ну и угораздило же тебя, брат.

— Откуда мне было знать! Может, она сожрать меня хотела!

— Больно ты ей сдался, кожа да кости, — Бродяга ехидно хрюкнул, довольный своей шуткой, но тут же застонал, хватаясь за бок.

Чёрт! Теперь всё понятно. Потому и погони не было: всё равно найдут. А может, так и задумано, чтоб потом прихлопнуть всех одним махом?

— Не, ну а в чём проблема-то? — удивился Спайк. — До Исайлума она точно не доберётся. Так далеко ни одна ищейка не чует.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Сефир. — Вряд ли Легион послал кого-то заурядного. Рисковать Исайлумом нельзя. Настолько далеко, конечно, она не должна, но на след ведь напасть может.

— А если в обход его отправить? — предложил Бродяга. — Попетлять по Пустошам чуток, следы запутать. Я могу отвести. Дорогу знаю, думаю, справимся.

Командир задумчиво потёр подбородок:

— А что, дельная мысль... Наверное, так и поступим.

— Никуда я не поеду! — запротестовал Керс.

— А кто тебя спрашивать-то будет! Приказ есть приказ, малец.

— Хочешь привести Легион в Исайлум? Нахрена мне такое на совести! Нет, Сефир, на это я не подписывался.

— Да ты совсем спятил? — покрутил пальцем у виска Косой. — Один в Пустошах зимовать собрался? Подохнешь же, как пёс позорный.

— А ты предлагаешь ради моей шкуры подставить под нож всё поселение?

— Всё, тема закрыта! — хлопнул себя по коленям командир. — Клык, ты поедешь с ними. Бродяга, точно уверен, что протянешь?

— А как же!

— Хорошо. Мы чуть позже подтянемся. Есть ещё кое-какие дела.

Это что, получается, его слово здесь ничего не значит? А как же свобода выбора и всё такое?

— Кажется, Севир, ты меня не услышал. Никуда я не пойду, пока эта тварь у меня на хвосте!

От такого заявления командир помрачнел. Поднявшись, он подошёл вплотную, угрожающе нависнув над ним:

— Ты будешь делать то, что я скажу. Или можешь забыть о нашем уговоре. Впитал, сосунок, или повторить?

Керсу понадобилась вся сила воли, чтобы не отвести глаза, как тот трусливый щенок. Севир отчётливо показал, где ему место.

— Впитал.

— Вот и прекрасно, малец. И молись Госпоже, чтобы эта сука не поехала за вами прицепом, иначе до Исайлума живыми вам не добраться, — Севир смерил его тяжёлым взглядом. — Выдвигаетесь на рассвете. А пока передохнём немного и отдадим должное братьям. Нехорошо их так оставлять.

Мутанты не имеют права посещать храмы, государственные учреждения и находиться на мероприятиях, где присутствуют лица, не достигшие совершеннолетия. Нарушение карается штрафом владельцу и экзекуцией мутанта, в зависимости от тяжести преступления.

Заветы потомкам, Кодекс скверны, 048

Зал сиял множеством настенных светильников, сверкал жёлтым металлом и цветными камнями на дамских шеях, рябил до невозможности причудливыми нарядами знатных.

Столько господ в одном месте Харо в жизни не видал. Поначалу от изобилия красок и блеска слепило глаза чуть ли не до боли. Гомон, музыка, смех — вся эта безумная какофония путала мысли, нагоняла туману, но спустя какое-то время он научился пропускать всё это мимо ушей и не концентрироваться на бесполезных деталях.

Потом, когда чуть пообвыкся, даже стало интересно разглядывать этот кипящий котёл алчности и фарса, но в конце концов Харо заскучал. Как бы ни пестрели всеми цветами радуги тряпки свободных, как бы ни сияли начищенные сапоги господ, всё в итоге слилось в сплошную болтливую массу.

Все эти надменные рыла, самки в откровенных платьях, самцы, разряженные, что те шуты, — слишком уж они чужие, непонятные. Призраки какой-то другой жизни, никак не соприкасающейся с его реальностью, которая проста, как пять пальцев: выжить любой ценой или подохнуть, но славной смертью, чтоб перед Госпожой стыдно не было. А вся эта мишура пусть остаётся свободным. Наверное, для их богов она имеет важное значение.

Харо непроизвольно взглянул на Ровену. Пожалуй, она единственная среди прочих казалась ему живой, настоящей. Как бы он ни старался не смотреть на неё, но, сам того не замечая, то и дело выискивал среди толпы, чтобы в очередной раз одёрнуть себя и отвернуться. И оттого ещё больше злился и на себя, и на девчонку.

«Нет, девочка, лучше побереги свои чары для кого-нибудь другого».

Нужно прекратить думать о ней, пока не поздно, пока совсем не залип... Чёрт, и Дисхватило выше крыши, куда он лезет!

И ведь начиналось всё так же: любопытные взгляды со стороны Дис, эти вот её милые улыбочки... потом она и вовсе заговорила с ним. А после всё покатило псу под зад. Да, он сох по ней, как последний олух, хотя понимал, что закончится всё это дерьмово. И всё равно продолжал думать не тем местом. Может, у неё и было что к нему, только в итоге выбрала того, у кого рожа посмазливее. В пекло её! В пекло всех этих самок!

Бросив мимолётный взгляд на неподвижно стоящую напротив Твин, Харо принялся рассматривать рисунки на потолке. Огонь, люди в странной форме... Тоска унылая. Стены поинтереснее будут, но и их уже изучил вдоль и поперёк.

Краем глаза он вдруг заметил какого-то типа рядом с принцессой. Молодой, низкорослый — чуть выше самой девчонки — и тощий, что жердь. Словом, хлюпик. Такого пополам переломить, как два пальца об...

Харо недовольно нахмурился: говнюк как бы невзначай взял её за руку, склонился к уху. Ровена кокетливо улыбнулась, опустила глаза. Скользкий тип, по роже видно, о чём думает. Пользуется наивностью девчонки.

Воображение тут же услужливо нарисовало, как он ломает ублюдку руку, лучше в трёх местах. Даже услышал хруст костей и пронзительное верещание коротышки. Но сразу опомнился: какое ему дело, с кем она там трётся!

По девчонке же видно, ей нравится такое внимание. Вон как мило улыбается, что-то весело щебечет в ответ, в глазах так и пляшут озорные огоньки, поза непринуждённая, игровая.

«Мать твою, придурок, очнись! Да пусть хоть прыгает на своего хмыря, насрать».

Он снова отвернулся, но надолго его не хватило. Хлюпик что-то увлечённо рассказывал принцессе. И та с интересом слушала, изредка посмеивалась, прикрывая рот ладошкой. В какой-то момент она оглянулась и пристально посмотрела на Харо.

Он тут же отвёл глаза. Пусть девчонка себе не воображает, что его волнует, чем она там занимается.

Мимо проплыли дочери короля, за ними хвостом Твин с Шустрым. Девицы с недовольными гримасами, гордо задрав носики, шествовали напрямик к выходу. Во времени Харо потерялся давно, но, кажется, уже достаточно поздно, раз соплячек отправили восвояси. Отлично, значит, терпеть эти пытки осталось недолго.

Не мешало бы, кстати, поговорить с Твин, поддержать хоть как-то. Заметно, что ей тяжко, хотя старается не показывать. Но делать вид, что ничего не произошло, тоже не выход. Похоже, всё-таки придётся вмешаться. Они же его семья, чёрт возьми, нельзя оставаться в стороне. Слая понять можно, приличный такой удар под дых, но уже полмесяца прошло, пора бы успокоиться. Случившегося не исправить, а Твин здесь, рядом. Подумаешь, запуталась чуток, с кем не бывает. В конце концов, клятву же она не нарушила, от обещаний не отрелась.

— Рада была повидаться с тобой, Маркус! — Ровена остановилась неподалёку и протянула своему

собеседнику руку.

Тот нагнулся и подтянул её пальцы к губам, затем расплылся в слащавом оскале:

— Могу ли я проводить тебя? Если, конечно, это не доставит тебе проблем.

— Почему бы и нет? С таким сопровождением, — она многозначительно посмотрела на Харо, — никто и не подумает обвинить меня в легкомысленности. Видишь ли, милый мой друг, я защищена, как неприступная крепость.

Хлюпик смерил Харо оценивающим взглядом и затараторил на высоком языке. Принцесса что-то коротко ответила и, как-то не очень весело улыбнувшись, взяла его под руку.

Тишина коридора подействовала на Харо как обезболивающая пилюля. В голове сразу прояснилось, даже дышать стало легче. Парочка шла впереди, о чём-то оживлённо болтая. Он и не прислушивался, всё равно не понимает ни слова в их тарабарщине.

Хмырь не затыкался ни на минуту, и это чертовски бесило. Наверняка рассказывает наивной девчонке о своих «славных подвигах» или ещё какой-нибудь бред, что обычно поносом вырывается из таких вот желторотиков в попытках соблазнить приглянувшуюся самку.

Неужели принцессе нравятся говорливые сморчки? Вон как светится от счастья. Да окажись они в Пустошах этот герой-любовник со страха тут же напустит в свои беленькие штанишки. Странные всё-таки эти девчонки, только и рады слушать пустую болтовню.

Взгляд Харо невольно скользнул по плавному изгибу талии принцессы, остановился ниже. Юбка из лёгкой ткани будто намеренно подчёркивала изящные формы, соблазнительно проступающие при каждом шаге. Неудивительно, что этот клещ присосался к ней намертво — девчонка и впрямь чертовски привлекательна...

«О чём ты думаешь, кретин! Забыл, кто ты такой? Жалкий выродок, осквернённый».

Нет, нельзя впускать девчонку к себе в голову. Она опасна, она уничтожит его. На такого выродка даже свои самки не смотрят, а он на принцессу заглядывается! И впрямь кретин.

Но негодование, кипящее в груди, не давало ему покоя. Будь он на месте этого холёного индюка, не как выродок — как свободный, с человеческим лицом, смотрела бы она на него так же? Выбрала бы его Дис, не родись он таким?

— Думаю, нам пора прощаться, Маркус, — принцесса перешла на общий язык. — Благодарю за чудесный вечер!

— Я несказанно рад был видеть тебя снова, моя прекрасная госпожа. Хотелось бы верить, что следующая встреча не отложится опять на год.

— Вполне возможно. В конце концов, твоей семье всегда рады в замке.

— Тогда могу ли я надеяться на прощальный подарок? — хмырь положил свою лапу на обнажённое плечо Ровены.

Харо уже видел, как брызжет кровь из рассечённой глотки мерзавца, как тот хрипит, хватаясь руками за горло.

Девчонка чуть повернулась, подставляя ему щёку для поцелуя, и многозначительно посмотрела на Харо. Да она провоцирует его! Он отвернулся, стараясь держаться как можно равнодушнее.

— До встречи, моя принцесса, — хлюпик отвесил ей поклон и, поравнявшись с Харо, заглянул под капюшон, но тут же, пискляво взвизгнув, отшатнулся. Затем, видимо пристыдившись, одарил Ровену натянутой улыбкой. — Да уж... Пожалуй, с такой охраной тебе и сам Тейлур не страшен.

Звонко рассмеявшись, она небрежно махнула рукой:

— Прощай, Маркус! До скорой встречи!

Проводив засранца внимательным взглядом, Харо хмыкнул. Храбрец, мать его. И как он ещё от собственной тени не шарахается!

Остаток пути преодолели в молчании, и это вполне устраивало. Похоже, девчонка наконец-то переключилась на более подходящий объект и теперь оставит его в покое.

— И как впечатления? — спросила она, остановившись у своей спальни.

«Бесполезный трусливый сморчок. И на что он тебе сдался!»

— Хлюпик какой-то...

Принцесса рассмеялась:

— Я говорила о празднике, Харо!

Да просто охренеть какие впечатления! Пристала тут со своими расспросами.

— Так и будешь молчать? — она пылливо заглянула в глаза. — Может, объяснишь, что тебе не нравится?

«Да всё мне не нравится, девочка. Начиная с нудных караулов и заканчивая твоими невнятными играми».

— Вы всегда можете вернуть назад Двадцать Первого, госпожа.

— Так вот чего ты добиваешься! — Ровена вызывающе скрестила руки на груди. — Прекрасно! Я подумаю над твоим предложением. Вот только всё никак не пойму, за что ты меня так ненавидишь? Я ведь просто хочу с тобой

подружиться!

Харо шагнул к ней, оказавшись так близко, что девчонка вздрогнула от неожиданности и вжалась в стену. Отлично, вот что он ожидал от неё ещё с первого дня: страх. Она боится его, а это уже больше походит на правду.

«Что ж, принцесса, самое время тебе отказаться от своей глупой затеи».

— Разве я похож на подружку, с которой можно сплетничать и делиться этими вашими девчачьими секретиками? — Харо даже стянул маску для пущего эффекта, стараясь выглядеть как можно более устрашающе.

На лице Ровены проскользнуло замешательство, но оно быстро сменилось ехидной усмешкой.

— Надо же! — с наигранным восторгом воскликнула она. — Да ты никак разговаривать научился!

Стоп, а разве она не должна испугаться? Или хотя бы разозлиться? Чёрт, эта девчонка сведёт его когда-нибудь с ума!

— Что вам от меня нужно, принцесса?

— Ты, Сорок Восьмой, — выпалила она. — Ты и твоя преданность. Думаешь, я отказалась от своих планов?

Нет уж, поверь, всё ещё впереди! Ты нужен мне, слышишь? Ты нужен мне как верный друг и соратник.

«С чего ты взяла, девочка, что я стану тебе преданным другом? Меня ты вообще спросила?»

— Почему я? У вас вся казарма в распоряжении. Выбирай не хочу.

— Я уже тебе говорила и повторяться не собираюсь. Если тебе претит моё общество, поступим так: ты прослужишь мне до конца зимы, а после сам решишь, что делать. Принуждать тебя не стану, даже наоборот, попрошу Восемьдесят Третью вернуть Морока по первому же твоему требованию.

До конца зимы, значит? Звучит не так уж и паршиво. Во всяком случае, какое-то подобие выбора она ему дала. Осталось пережить всего пару месяцев, главное — не повестись на эти её ужимки.

— Договорились.

— Только с одним условием, — торопливо добавила она. — Сделай милость, будь со мной хотя бы чуточку приветливее.

«Приветливее — это как? Руки тебе расцеловывать, как тот хлюпик Маркус? Нет уж, девочка, не дождётся».

— Постараюсь.

Довольно улыбнувшись, Ровена протянула ему руку. Харо насторожённо покосился на хрупкую ладошку. А ей палец в рот не клади, сразу по локоть оттяпает.

— Обычно договор скрепляют рукопожатием, — пояснила она, заметив его замешательство.

Он аккуратно коснулся её ладони и слегка сжал тонкие пальчики.

— Рада, что мы наконец нашли общий язык, Харо. Доброй тебе ночи.

Принцесса скрылась за дверью, оставив его в пустом коридоре. Протянуть бы оставшиеся месяцы и не поддаться! Со временем девчонка поймёт, что все её потуги бесполезны, и отстанет от него. Таким, как она, игры быстро надоедают.

Из конца коридора донеслись приглушённые шаги. Морок, видать. Ну наконец-то! Караул на сегодня окончен. Из-за клятого праздника всё перевернулось с ног на голову.

— Ну как? — Двадцать Первый поправил маску, насмешливо щурясь. — Повеселился?

— А не заметно?

— Да по твоей роже и без маски фиг просечёшь. И что она в тебе нашла, не понимаю.

— Может, мою неотразимость?

— Ага. От твоей этой неотразимости даже зеркала трескаются.

— А тебе, часом, клыки не жмут? — Харо нарочито хрустнул костяшками пальцев.

На самом деле подобные подколы его не задевали, но этому от подзатыльника только польза будет. Может, трепаться меньше станет.

Морок что-то невнятно пробурчал себе под нос и, заняв его место, обиженно отвернул морду. И только сдав пост, Харо понял, насколько вымотался за этот длинный день. Единственное, чего сейчас хотелось, — растянуться на койке и дрыхнуть до самого утра.

Уже на подходе к загону стало ясно, что на отдых зря рассчитывал. Женский хохот, выкрики, брань. Смерг их всех задери!

Внутри творился настоящий бедлам: одни распивали что-то из невесть откуда взявшегося бочонка — и это явно была не вода, другие лапали девок-сервусов, а кто-то уже был в полном процессе: из полумрака доносились громкие стоны под глумливые наставления охмелевших собратьев.

— Да что ты её в одной позе дерёшь, придурок? — гоготнул Шестьдесят Седьмой. — Хоть бы развернул для разнообразия.

— Что, завидно? — Девяносто Четвёртый звонко шлёпнул по пышному девичьему бедру. Сервус, поняв, что от неё требуется, покорно перевернулась на колени. — Ла-адно, так и быть, можешь присоединиться.

Чертыхаясь, Харо уже направился к своему месту, но тут заметил Слая. Развалившись на койке Твин, тот

тискал какую-то деваху. Забравшись сверху, она усердно тёрлась об него в предвкушении приятного продолжения.

Кажется, горелым смердит... Харо огляделся в поисках Твин, но её нигде не нашлось. Может, задержалась? Хотя вряд ли, ушла она намного раньше, а значит, всё-таки видела. Ну Слай, ну синий выкидыш!

С трудом сдерживая ярость, он подошёл к Семидесятому и пнул стойку кровати:

— Какого хрена, братишка!

Вздрогнув, девчонка обернулась и вскрикнула. Затем, опомнившись, сиганула с колен Семидесятого и, прижавшись к стене, уставилась на них исподлобья.

— Ну вот, напугал мою даму сердца, — досадливо вздохнул Слай и, повернувшись к сервусу, заговорщицки подмигнул. — Не бойся, крошка, сейчас я прогоню это злое и страшное чудовище.

— Ты что творишь, мудака! — прорычал Харо. — Где Твин?

Демонстративно вальяжно Слай поднялся и небрежно толкнул его в грудь:

— Иди куда шёл, дружище, — в пьяных глазах вспыхнула злоба. — Лучше не лезь куда не просят.

Харо не пошевелился. Сжав кулаки, он с вызовом смотрел на друга. От гаденькой улыбки Семидесятого так и тянуло врезать ему между глаз.

— Оглох, что ли? — рявкнул Слай и снова толкнул его, на этот раз сильнее. — Пшёл нахер отсюда!

В загоне стихло. Только доносились приглушённый стон да скрип койки на другом конце. Остальные застыли в ожидании: какое же веселье без драки?

— Эй, Сорок Восьмой, подсобить? — Девятнадцатый, ехидно лыбясь, слез с лежанки. — А то не справишься ведь. Тебе даже наша прачка навалает.

— Зря ты так, — хохотнул Триста Шестой со своего места. — Наша прачка кому хочешь навалает, особенно если мимо корзины сменку кинуть.

Харо с невозмутимым видом хрустнул шеей. Слай провоцировал, вино, видать, в башку ударило, крови ему захотелось. Ну раз так просит... Без замаха он въехал Семидесятому в челюсть. Бил не сильно, брат ведь. Так, для порядка, чтоб протрезвел. Но удар немного не рассчитал, губу рассёк.

Кто-то из собратьев восхищённо присвистнул. Слай тряхнул головой и, смахнув кровь, посмотрел на свою ладонь.

— Ну всё, сам напросился, — злорадно проговорил он и, отшагнув в сторону, испарился.

— Кажись, спарринг намечается.

— Давай, Семидесятый, отделай засранца!

Все снова расшумелись, выкрикивая что-то, подначивая. Харо застыл, пытаясь прислушаться, в такой шумихе не так-то просто, но вертеться всё равно бесполезно. Стратегия Слая знакома, да и знает он прекрасно все его слабые места. Но в спину всё же бить не станет, не в его духе. Главное не пропустить атаки.

Харо не ошибся, но это не спасло. Слай мгновенно проявился прямо перед ним и всадил кулак под рёбра, вынудив согнуться. Следующий удар пришёлся в голову, да так, что в глазах заискрило.

Семидесятый самодовольно оскалился и, под свист и одобрительные выкрики, снова исчез.

Гомон собратьев сбивал с толку, в голове тут же расплылся туман. Харо вдохнул поглубже, пытаясь сосредоточиться. Слишком всё это отвлекало, много лишних деталей: капля крови, медленно стекающая по стене, расширенные зрачки пьяного Девятнадцатого, мелкая испарина на лбу перепуганной девчонки-сервуса, забившейся в дальний угол.

«Соберись! Ты ж его знаешь, можешь просчитать...»

Внимание Харо привлёк едва слышный шорох справа. Недолго думая, он с разворота нанёс удар. Кулак врезался в воздух, Слай тут же появился, потеряв контроль над хистом. Из его носа хлынула кровь, на щеке проступили красные полосы от костяшек.

Зарывав, он прыгнул на Харо, повалил на пол и принялся наносить удары один за другим куда придётся. Тело взорвалось от боли. Слай бил яростно, не сдерживая силы, забыв, кто перед ним.

В какой-то момент Харо удалось сбросить его с себя, и под визг и крики отполз в сторону. Нужно бить наверняка, хватит жалеть ублюдка. Слай точно его не жалеет.

— Давай, добей его!

— Молодец, Семидесятый!

Тот снова исчез. Харо с трудом поднялся на ноги и огляделся, но что толку. Лучше прикрыть спину, сейчас от Слая можно ожидать чего угодно. Попятившись, он упёрся в стену и приготовился.

— Ты знал обо всём! — послышался совсем рядом голос Семидесятого. — Ты знал, грёбаный придурок! Но молчал!

— Да о чём ты?!

— О Твин с Керсом, говнюк!

От удара сбилось дыхание, Харо согнулся от жгучей боли. Слай сбросил маскировку и наклонился, заглядывая

ему в лицо:

— А знаешь, что самое дерьмовое? Я тебя братом считал. Вас обоих... Семейкой называл!

— Всё, хватит! — Триста Шестой перехватил вновь занесённый кулак Слая. — Повеселились, и довольно.

— Да у тебя совсем крыша протекла, братишка, — Харо зло ощерился.

— Ты чё..!

— Угомонись уже, герой, сука... — здоровяк оттолкнул рвущегося в драку Слая, припечатав его спиной к соседней кровати. — А ты, дружище, слейся пока с фоном, на черта нарываешься?

Выдержав на себе полный ненависти взгляд Семидесятого, Харо сплюнул и неторопливо побрёл к выходу. В пекло их всех, нужно Твин отыскать. Как бы она не вытворила чего на горячую голову.

— Долбаный выродок! — донеслось ему вслед.

«Вот тебе и дружба! Ещё утром был братом, а теперь выродок, так ещё и долбаный».

Твин обнаружилась в душевых. Забившись в самый дальний угол, подруга сидела в темноте и не сразу подняла голову, когда он вошёл.

— Эй, как ты? — Харо устроился рядом.

— Нормально.

Вроде спокойная, но точно всё знает. Иначе с чего бы ей здесь торчать.

Твин молчала, да и он всё не решался заговорить. Что тут скажешь... Без Керса всё покатилося псу под хвост. Он всегда умел вовремя вмешаться, остудить их пыл, когда до грызни доходило. Правда, в этот раз он оказался причиной.

— Не пойму, это что, кровь? — Твин всматривалась в его лицо. — С кем это ты?

Харо небрежно утёрся рукавом.

— Неважно... Слушай, Слай сказал, вы с Керсом... — он запнулся. Такое даже вслух произносить не хотелось. Ну не могли они! Даже если бы Керс попытался, Твин бы ему никогда не позволила.

— Не было ничего, — устало отозвалась она. — Один поцелуй.

Это что получается, всё из-за несчастного поцелуя? Хренасе разворот! Да они тут все умом тронулись. Может, это замок так на мозги действует? Недаром же Кровавым зовётся. И хуже всего, что и он туда же, ищет на задницу приключений... А как ещё назвать чёртово наваждение с принцессой! Без неё вроде отпускает, но стоит только снова увидеть девчонку, как в башке сразу клинит что-то, и он превращается в полного идиота.

Тихий всхлип вывел его из раздумий. Харо удивлённо посмотрел на Твин, не веря собственным глазам. Она что, плачет? Он осторожно провёл пальцем по её щеке, пытаясь убедиться, что не почудилось. Ничего себе! Да эту бестию фиг доведёшь, а тут...

— Сестрёнка, ты чего?

— Больно мне, Харо... Очень больно. Жить не хочется.

— Да брось! — он осторожно приобнял её за плечи. — Всё утрясётся, вот увидишь.

— Нет, не утрясётся, — она снова всхлинула. — Нет у нас больше семьи. Я теряю вас! Керс, Слай. Теперь и ты...

— Всё со мной нормально. Здесь я.

Твин шмыгнула носом:

— Думаешь, я не вижу? Ты меняешься, совсем ушёл в себя. Что с тобой происходит, Харо? Поговори со мной!

— Не бери в голову, — он крепче приобнял её плечи, — я в полном порядке.

Видимо, она уже не могла сдерживаться и, уткнувшись лицом ему в грудь, громко разрыдалась.

Как бы он ни старался, ни одного утешительного слова так и не нашёл. Слезы Твин привели в полное замешательство, он не имел ни малейшего представления, как себя вести. Чувствует её боль, но помочь ничем не может. Радовало одно: Семидесятому тоже сейчас не до веселья. Нос расквасил ему знатно. Жаль, не сломал, рука не поднялась... А зря.

В серой темноте душевых едва проступали очертания умывальников и длинной скамьи у противоположной стены. Зеркала тускло отражали лунный свет, с трудом пробивающийся из окна. Мерный стук капель в полной тишине, казалось, разносился эхом по всему замку.

Твин всё же успокоилась, всхлипы стали реже, дрожь почти унялась.

— Не хочу туда возвращаться, — сипло прошептала она. — Не удержусь ведь, если ещё раз увижу его с этой девкой.

— Тебе утром на пост, выспаться надо.

— Лучше здесь переночую. Побудь со мной немного, ладно?

Сколько они просидели ещё вот так, в тишине, он не знал. Твин полностью погрузилась в свои мысли и через некоторое время уснула, опустив голову на его плечо и тревожно вздрагивая время от времени.

Всё не выходила из головы принцесса. Почему она выбрала именно его? Загон же битком набит кандидатами

получше, а девчонка вцепилась в него мёртвой хваткой и никак не отвяжется. Но хуже всего, что и самого к ней тянет, как бы не влипнуть...

Два месяца не так уж и долго, придётся помучиться, а если совсем немоготу станет, можно попробовать перетереть со старшей, та должна понять. Ну или выкинуть чего-нибудь, чтоб девчонка сама захотела от него избавиться.

Постепенно мысли становились вялыми, зыбкими, усталость брала своё, и Харо, сам того не заметив, провалился в сон.

Каждый мутант обязан носить клеймо, отличающее его от свободного гражданина. В случае намеренной попытки избавиться от клейма мутант подвергается немедленной ликвидации.

Заветы потомкам, Кодекс скверны, 021

Тонкие пальчики скользнули по груди, зацепились за пояс. Лия игриво дёрнула ремень на себя и коварно улыбнулась:

— Скучал по мне, красавчик?

Слай равнодушно пожал плечами. Самка, конечно, хорошая, но продолжения он не планировал. Развлеклись немного, и хватит.

— А жаль, — её губы так близко, дыхание горячее, прерывистое.

Прижавшись к нему, она опустила руку ниже и ласково погладила. Слай вдохнул поглубже морозный воздух и, чтобы не поддаваться на её провокацию, перевёл взгляд на развалившийся ящик у хозяйственной пристройки.

— Да ладно, я же вижу, что ты меня хочешь, — хихикнула она, продолжая гладить его там.

— Ты хорошая, Лия, правда. Но...

Она впиалась ему в губы, заставив умолкнуть.

— Можешь расслабиться, красавчик, — после прошептала она, так и не убрав руку. — Я не для этого здесь.

— Да ну? — Слай скептически выгнул бровь.

Загадочно улыбнувшись, она чуть сжала ладонь:

— Хочу передать тебе привет от одного твоего старого знакомого.

— И от кого же? — Слай шумно выдохнул, немного злясь, что позволяет девчонке играть с собой как ей вздумается. Стоило бы прекратить всё это, но её ласки чертовски возбуждали.

— От Седого, — она сжала там ещё сильнее.

От звука этого имени желание как пёс слизал. Это что получается, сервус на службе у старика? Хотя чему тут удивляться. Слай осторожно убрал руку Лии:

— Что ему нужно?

— Задание для тебя есть. Этой ночью проведёшь принцессу в западную часть замка, к чёрному ходу.

— А как туда добраться? Я ж замка толком не знаю.

— Слушай внимательно и запоминай. К принцессе добраться несложно. Когда попадёшь в холл со звездой, иди во второй коридор справа. Он самый широкий, не промахнёшься, — она многозначительно хмыкнула. — Во дворце опять же сверни в правый коридор, спальню её сразу узнаешь.

— Хорошо, а как попасть в западную часть?

— Это ещё проще. Возвращаешься так же, как и в загон, но выходишь в первую же арку из коридора и шагаешь по прямой, мимо Королевского сада до самого упора. Уяснил?

— Ну, вроде, — Слай неуверенно поскрёб щёку.

— Вот и чудесно! — Лия похлопала его по груди. — Ровно в час ночи вы должны быть там, у выхода. И запомни: никто не должен узнать о вашей прогулке и тем более — заметить вас. И без опозданий! Седой передал: подведёшь — он тебе жало отрежет. Так что ты уж постарайся, ладно? А то у меня ещё есть планы на твою игрушку.

Ну вот, докатился. Уже и на это дело покушаются все кому не лень. Сначала Твин грозила вырвать с корнем, теперь Седой, и эта... Эх, нелегка жизнь скорпиона.

— Ах да! — вдруг вспомнила Лия. — Скажешь принцессе, что её просьба выполнена. Тогда она поймёт, а то рискуешь нарваться на отказ.

Отправив ему воздушный поцелуй, сервус оставила его стоять у стены.

Вот и пришло время возвращать должок. Лёгкое же задание дал Седой, нечего сказать! К принцессе прорваться — та ещё задача, её ведь по ночам Харо караулит. А мимо него хрен проскочишь. Но это ещё не самая большая проблема — девчонка тоже может выкинуть что-нибудь неожиданное. Кто знает, что там у неё на уме! Какие гарантии, что она вообще поймёт, о чём он толкует, а тем более согласится пойти с ним неизвестно куда среди ночи? На словах всё красиво звучит, а на деле наверняка будет как всегда — через жопу.

Оставшуюся дорогу до казармы Слай прокручивал в голове, как всё это проверить, но мысли текли вяло, как из-под палки. После тренировки ноги едва держали, а тут ещё обдумывай, как бы не попасться. Да уж, Одноглазый в сравнении с Бледным Эдом — девчушка безобидная. Нынешний тренер за каждый косяк лупил так, что искры из

глаз.

Твин, конечно же, в загоне не оказалось. На посту она, где ж ей ещё быть! Слай глянул на её койку, и в груди тоскливо защемило. Всё никак не отпускает, стоит только подумать о ней. Понимает ли она вообще, что натворила? Похоже, что нет — ходит с таким видом, будто его и не существует вовсе. Но задеть её всё-таки удалось! Она даже в казарму в ту ночь не вернулась. Ничего, пускай немного побудет в его шкуре, может, хоть что-то до неё дойдёт.

«Как ты могла, Твин! Как же так?» — со злости Слай пнул прикроватную тумбу.

Они же всю жизнь вместе, столько всего прошли... Да что Твин вообще нашла в Керсе! Тот же ещё сукин сын. Всё ходил умничал, голову ей морочил всякой чепухой. Ну и повезло же уроду не попасть в замок, а то бы всё дерьмо из него вышиб, да так, чтоб кровью харкал до самой деструкции!

И чего Твин не хватало-то? Он же всё для неё... А может, на новенькое потянуло? Так, ради любопытства? Она-то ведь у него не первая, хотя то было до клятвы.

Стоп, хватит уже! Какие, к смергу, для неё оправдания! Она не сдержала своего слова. Пусть теперь хоть со всеми здесь перетрахается, плевать! Не, а как пела красиво: «Я твоя, Слай, жить без тебя не могу!»

Он раздосадованно сплюнул и забрался к себе на лежанку. Специально выбрал свободное место подальше от Твин, чтоб реже с ней пересекаться. Ничего, недолго терпеть осталось. Арена ждёт, а с ней и новая жизнь. Ну или смерть. Дотянуть бы до весны, а там видно будет.

Слай спал чутко, каждый раз просыпаясь от боя башенных часов и считая удары. В этот раз пробило ровно двенадцать, и он, потеряв глаза, сел на койке. Пора.

В казарме было темно и тихо. Поодаль чуть слышно беседовали трое, кажется, Нудный с Шестьдесят Седьмым и ещё кто-то, по шёпоту так сразу не понять. Украдкой Слай проверил место Восемьдесят Третьей. Чёрт, пусто. Как бы старшая не заметила его отсутствия, от ненужных вопросов потом фиг отвертись! Вдруг ей вообще не нужно об этом знать?

Хистанув, он беззвучно слез с койки и прокрался к Твин. Она спала безмятежно, в обнимку с покрывалом. Лицо такое спокойное, невинное...

Нестерпимо захотелось лечь рядом, прижаться к ней, такой тёплой и родной... Порой её чертовски не хватает. Легко же она пустила всё псам под хвост, будто и не было тех лет, проведённых вместе.

Хмыкнув, он направился к выходу.

Удерживать маскировку больше четверти часа без передышки не получалось, сколько бы Слай ни тренировался. А в бою так вообще приходилось хистовать с перерывами. Бить, при этом оставаясь невидимым — задача не из лёгких, сил это дело сжирало немерено. Во всяком случае, не меньше, чем вести в этом состоянии кого-то ещё. Так что лучше обходиться по возможности беззвучным шагом и держаться в тени.

Определившись наконец с порядком действий, Слай перемахнул через ограду и спрятался за оружейной будкой. Неплохо бы прихватить с собой хотя бы кинжал, всё спокойнее, чем с голыми руками, но рисковать не решился: стражники могут заметить.

Прошмыгнув мимо барачков сервусов, он попал в длинный прямой коридор. Вовремя заметив впереди тень, Слай замаскировался и вжался в стену. Вскоре, позвякивая доспехами, мимо прошёл дозорный, при этом едва не зацепив плечом. Пронесло! Ещё бы чуть-чуть, и попался.

После звёздного холла он ещё дважды сталкивался со львами, но никто из них даже носом не повёл. Во дворце снова нарвался на стражников, но коридор здесь был куда шире, потому Слай, применив хист, просто застыл на месте. Интересно, а если отвесить пенделя вот этому громиле в натёртой до блеска броне, что тогда будет?

Поборов искушение испробовать свою идею на деле, Слай дождался, когда стражники уйдут подальше, и свернул в правый коридор, как и наставляла Лия. Вскоре он увидел Харо. Подпирая стенку, тот неподвижно застыл, уставившись куда-то перед собой.

Слай хмыкнул: чертовски весёлое времяпрепровождение! Неудивительно, что Сорок Восьмой с такой миной ходит. Да тут от скуки помешаться можно. «Так тебе и надо, говнюк!»

Пришлось зашагать чуть громче, чтобы Харо услышал. Но тот лишь слегка повёл головой в его сторону и тут же отвернулся.

— Я к принцессе, — подойдя, небрежно бросил Слай. — Восемьдесят Третья послала.

Харо молчал. Глаз не видать, куда смотрит, о чём думает — ни черта не разберёшь. И это в нём всегда напрягало. Нужно же было так рожу разукрасить!

Слай выжидательно уставился на бывшего друга:

— Эй, ты вообще живой тут? А то мало ли, с трупом ещё разговариваю...

— Иди нахрен. Принцесса спит.

— Придётся разбудить.

— Ага, конечно.

Раздражённо вздохнув, Слай приблизился к двери:

— Ещё на тебя время не тратил...

— А ну застыл! — Харо шагнул к нему, преграждая путь.

— Чёрт, дружище, я тут с тобой не шучу, дело срочное. Давай разборки на потом, а?

Пораскинув своими тугими мозгами, Сорок Восьмой негромко постучал в дверь. Ответили только с третьего раза. Он извинился за беспокойство и сообщил, что дело важное. Наконец получив приглашение войти, Харо отступил в сторону и ядовито хмыкнул:

— Нос береги.

Слай жестом предложил умнику отправиться в не самое привлекательное место организма и переступил порог. В спальне было темно хоть глаз выколи, разве что проступали неразборчивые силуэты мебели. Позади послышались шаги, Сорок Восьмой тоже сюда припёрся. Видать, боится оставить принцессу без присмотра. Гляди, какой заботливый, мать его!

— Что случилось? — донёсся сонный голос.

— Прошу меня простить, госпожа, — Слай поклонился наугад, сомневаясь, в ту ли сторону. Наверное, как идиот, раскланивается какой-нибудь тумбочке. — Мне приказано доложить вам лично, без посторонних.

— Да? Ох... Харо, будь добр, подожди за дверью.

Слай торжественно ухмыльнулся: «Выкуси, придурок!»

Тот, что-то недовольно рыкнув, выперся в коридор.

Так, что там нужно передать? Не спутать бы чего... Дождавшись, когда дверь закроется, он заговорил:

— Ваша просьба выполнена, госпожа. Вас ждут у западных ворот.

Видимо, принцесса спросонья медленно соображала, ответ последовал не сразу:

— Что, прямо сейчас? Ты уверен?

— Да, госпожа. Ровно в час ночи вы должны быть там.

— А который час?

— Начало первого.

— А позже прийти ты не мог? — опять послышался недовольный вздох. — Ладно, подожди меня снаружи, я скоро.

«Скоро» тянулось уже минут десять. От скуки не найдя себе лучшего занятия, Слай с деланным любопытством принялся изучать стену.

— Да это же произведение искусства! — воскликнул он. — Какая восхитительная структура! Какие живописные трещины! Поздравляю, братишка, ты скоро станешь искушённым ценителем кирпичной кладки.

— А не пора ли тебе к своей шляхе? — Харо угрожающе скрестил руки на груди.

— К сожалению, пришлось оторваться от её сладких сисек. Дела государственной важности, понимаешь ли, — Слай прислонился плечом к стене. — Кстати, есть одна красotka на примете, как раз для тебя. Правда, подслеповата чуток, но так даже лучше, верно? Могу познакомить, если ты ещё не забыл, как своим жалом пользоваться.

Зло рыкнув, Сорок Восьмой шагнул к нему явно не с целью поблагодарить, но тут дверь отворилась, и в коридор высунулась принцесса.

— Я готова, — сообщила она. — Харо, мне нужно уйти ненадолго. Тебе лучше остаться здесь.

— Не знаю, куда вы собрались, принцесса, но я за вас головой отвечаю. Или я с вами, или вы никуда не идёте, — запротестовал Сорок Восьмой.

— Даже не спорь! — отрезала Ровена. — Тебе нельзя покидать пост, вдруг кто-то заметит твоё отсутствие. Не волнуйся, я скоро вернусь.

— Нам пора, госпожа, — прервал их милые препирания Слай, протягивая ей руку. — Держитесь крепче и не отпускайте, что бы ни произошло.

Не теряя времени на ворчание Харо, они поспешили к выходу. Подозрительно как-то, почему девчонка зовёт его по прозвищу? Да и общаются они уж слишком доверительно, будто... друзья? Странно всё это. Хотя, может, она со всеми так? В загоне, вроде, тоже вела себя по-свойски, будто со старыми знакомыми.

На удивление, Ровена держалась спокойно. Если чего-то и боялась, то даже виду не подавала. Добраться до нужных ворот оказалось даже проще, чем Слай ожидал. Всего несколько раз им пришлось прятаться от дозорных, но повезло, что хватало времени накопить силы — маскировать двоих намного напряжнее, тем более на ходу.

Больше всего Слай волновался, что выход из замка окажется охраняемым, но опасения его оказались напрасными. Гвардейцев нигде не было видно. То ли этот выход никогда не сторожили, то ли во всём этом был замешан кто-то влиятельный, но путь был свободен, и это куда облегчало задачу.

По крутой лестнице они спустились вниз на мостовую, где их уже ожидал всадник с запасной лошастью.

— Быстрее! — поторопил их неизвестный, пряча лицо в тени капюшона. — Лучше здесь надолго не задерживаться.

Что-то в нём показалось Слаю знакомым. То ли осанка, то ли голос, и как бы невзначай, помогая принцессе взобраться в седло, он заглянул неизвестному под капюшон. Смерговы бубенцы, да это же тот самый хлус, что клеился к Твин!

— Ты поедешь с нами, — заявил принцепс, когда девчонка уселась.

Слай замешкался, растерянно глядя на здоровенную лошадь. Поймав на себе вопросительный взгляд Ровены, он смущённо потупился:

— Я не умею верхом. Нас такому не обучают.

— Забирайся, ничего страшного здесь нет, — заверила девчонка. — Просто держись за меня.

Забраться-то он забрался, но так нелепо Слай ещё никогда себя не чувствовал. Пришлось сползти на круп: край седла больно впивался в задницу. Держаться было действительно не за что, и он вынуждено вцепился в принцессу. Впрочем, не так уж плохо, лучше в обнимку с девчонкой, чем с тем хмырём.

Ехали медленной рысцой, скорее всего из-за него, чтоб не свалился по пути. Несмотря на тряску и постоянную боль в пятой точке, Слай вскоре приловчился. Его всё не переставал мучить вопрос: какое отношение имеет Седой к этим двум? Откуда старый учитель знает Ровену и этого, как там его, принцепса? Что вообще может быть общего между ними, кроме того, что они свободные? А может, эти двое хотят втайне купить какого-нибудь скорпиона? Вполне похоже на правду. Во всяком случае, другого объяснения в голову пока не приходило.

В какой-то момент Слай словил себя на мысли, что в городе оказался впервые. Он тут же принялся вертеть головой, пытаясь рассмотреть побольше, пока чуть не свалился с лошади. Принцесса недовольно шикнула, потребовав, чтобы сидел смирно.

Всю дорогу они молчали, держались улиц потемнее, избегая случайных свидетелей, но однажды всё же столкнулись с патрулём. Слай уже приготовился к неприятностям, но, к его удивлению, полицейские даже не остановились.

Хороши же людские стражи порядка, если на такую подозрительную компашку внимания не обратили. Хотя, может, для них привычно встречать на ночных улицах осквернённых, разъезжающих в обнимку с девицами.

Но объяснение оказалось куда проще. Это Слай понял, когда уже спешил. На ремне, скрещённом на конской груди, крепился позолоченный диск с крылатым львом — герб королевской семьи. Такой в замке он видел не раз.

Место, куда притащил их принцепс, казалось не менее странным. Слай насторожённо осмотрел тёмный переулок с обшарпанными домами. Непохоже, чтобы здесь жили благородные. Может, раньше и не подумал бы об этом, но, видя всю ту роскошь, которой окружала себя знать, он сомневался, что те бы захотели жить в таких хибарах. Загоны в терсентуме и то поприличнее выглядят.

— Не могу поверить, что увижу его! — с трепетом произнесла Ровена. — Максиан, скажи, что я сплю. Скажи, что всё это мне снится!

— Можешь ущипнуть себя, если хочешь, — буркнул принцепс, толкнув скрипучую дверь.

Чуть уловимый шорох за спиной привлёк внимание Слая. Чья-то тень беззвучно мелькнула у дальнего дома. Наверное, кому-то из местных не спится.

— Ты всю ночь здесь торчать собираешься? — язвительно поинтересовался принцепс.

Слай хмуро пожал плечами и последовал за принцессой. Этот напыщенный индюк начинал уже бесить. Достойный, мать его, человек!

Тесная прихожая заканчивалась лестницей с подгнившими досками. На втором этаже их уже ждал здоровенный бородач со шрамом над бровью. При виде него принцесса радостно взвизгнула и бросилась ему на шею:

— Севир! Это ты! Поверить не могу! Как же я рада тебя видеть!

Слай недоуменно застыл, глядя на здоровяка. Севир? Кажется, он уже слышал из уст девчонки это имя, но тогда не придал этому значения. Чёрт, да это же тот скорпион, освобождённый прежним королём!

— Шевелись уже, — принцепс подтолкнул в спину. — Встал тут столбом на проходе.

Слай скрипнул зубами, с трудом поборов желание расквасить ублюдку рыло, и нарочито медленно прошёл в комнату, не сводя глаз с легендарного Сто Первого. Ровена почему-то рыдала, уткнувшись тому носом в грудь. Севир по-отечески поглаживал ей волосы и что-то шептал на ухо.

— Отличная работа, Семидесятый, — проскрипел знакомый голос. — Хотя я в тебе и не сомневался.

Слай уже устал удивляться. Почему бы и Седому здесь не быть, смерг его дери! В голове всё смешалось: Севир, принцесса, Седой... Принцепс, мать его! Разобраться бы ещё, как они все связаны между собой.

— Это он? — спросил Севир, помогая принцессе усесться. Та судорожно вытирала мокрые от слёз щёки.

— Угу, — Седой довольно крякнул. — Надёжный пацан, хоть и плутоватый.

«Сам ты плутоватый, старый хрыч», — Слай обиженно шмыгнул носом.

— Рад нашей встрече, малец! Я Сто Первый.

— Семидесятый, — Слай крепко пожал протянутую руку.

— Вижу, не слепой. Кстати, привет тебе от Керса. Заочный.

— От Керса? — Слай удивлённо заморгал. А этот тут каким боком?

— Ладно, Седой, проинформируй мальчика, — усмехнувшись, Севир устроился рядом с принцессой и приобнял её за плечи.

— Ну? Что встал? В ногах правды нет, — Седой кивнул на свободный стул рядом. — И можешь снять свой намордник, здесь все свои.

Усевшись, Слай озадаченно стянул маску:

— Откуда он знает Керса? Что тут...

— Да погоди ты, — перебил Седой. — Давай сначала. Ты когда-нибудь слышал о Стальном Пере?

— Ага.

— И что ты конкретно слышал?

— Ну, будто они за свободу осквернённых топят... Или что-то в этом роде.

— И что ты думаешь об этом? — не отставал старик.

Слай почесал затылок:

— Не знаю, хорошее дело, вроде, делают. А что?

— Хорошее, говоришь? Ну тогда добро пожаловать в Перо, Семидесятый! Ты уж извини, что раньше не предупредил. На деле тебя проверить хотел. Ну, что скажешь?

Перо? Пожаловать? Проверить на деле?

— Не понял ни хрена, — нахмурился Слай. — А ты здесь при чём?

Помощник мастера заодно с сопротивлением. Бредовое и не придумаешь! Он ожидал от Седого чего угодно: шпионаж какой, воровство... Да мало ли чем промышлял старый месмерит. Но чтоб втихаря против Легиона...

— Я один из основателей Пера, сопляк, — хитро скривился старик. — Что, не ожидал?

— Признаться, да... Не ожидал. Плётчик против своих же хозяев. Звучит странно, мягко говоря.

— Молодой ты, в голове пусто ещё. Достойных людей и среди надзирателей хватает, поверь мне на слово. А здесь, в этом доме, сынок, собрались все, кому Перо обязано своим существованием. За исключением вас двоих, разумеется.

Старик указал на него и принцессу.

— И что, даже этот тип? — Слай кивнул в сторону принцепса.

— Завязывай уже с тупыми вопросами, малец! Ну что скажешь? Ты с нами?

Как будто он может так просто взять и отказаться! Седой бы непременно напомнил об уговоре. Придётся согласиться, нравится ему это или нет.

— Будто у меня есть выбор.

— Нет, конечно, — старик ухмыльнулся. — Да ты не ссы, мы своих в беде не бросаем.

Ага, как же! Верится с большим трудом. Как, например, Перо спасёт его от казни, если всё вскрыется?

— И что же входит в мои обязанности?

Седой хлопнул его по плечу:

— Правильный вопрос, малец. Пока ты в замке, будешь выполнять мелкие поручения: передать кому что, провести незаметно. Лия девчужка что надо, надёжная, но всё-таки сервус, а у тебя хист.

— Значит, Керс тоже с вами?

— А как иначе! Он уже несколько месяцев как с Севиром. Вас же, ублюдков, без присмотра не оставишь — делов натворите будь здоров!

— Но как? Разве его не выкупили? — Слай совсем запутался.

— Выкупили, конечно. Но ненадолго. На пути из терсентума его сразу и перехватили. Шумихи-то было...

— Но почему только Керса? Почему тогда не всю Четвёрку?

— Пойми, Слай, его было проще освободить, — старик виновато вздохнул. — Но мы и вас вытащим со временем, не волнуйся.

До Слая начало доходить — вот почему Керса не купил Хорёк. Скорее всего, его номер и в списке не числился. И вот почему Седой так легко согласился не разлучать их с Твин, да ещё Харо как утешительный приз добавил в нагрузку. А он проглотил наживку и радовался, как дурачок. Хорошо же его поймали, нечего сказать!

Впрочем, могло быть и хуже. Служба в Пере — достойное дело, если сопротивление и впрямь на стороне осквернённых. С Севиром, вроде, всё просто: ратует за свой народ; да и Седой всегда относился к осквернённым с сочувствием. Больше всего вызывали сомнения как раз принцепс с девчонкой. Им-то какая выгода якшаться с сопротивленцами?

Но среди прочего Слая тревожил ещё один вопрос:

— А если Твин с Харо не захотят в Перо? Силой их вынудишь?

Седой сурово сдвинул косматые брови:

— С чего ты взял? Никто силком тянуть вас не собирается. Мы вам не хозяева.

— Да ну? — Слай насмешливо прищурился.

— Ты дал обещание, Семидесятый. Отработаешь, что должен, а потом вали ко всем чертям хоть в Безмолвные леса.

— А ведь ты это всё заранее спланировал, верно?

— Догадливый-то какой! — Седой хитро ощерился, глянув куда-то ему за спину.

Обернувшись, Слай встретился глазами с принцепсом. Тот, точно приглашение получив, поднялся и подошёл к ним.

— Значит, всё из-за этого сопляка, да?

— Не начинай, Максиан, — раздражённо отозвался Седой. — Нечего мне тут мальчишку винить в чём ни попадя.

Казалось, всё должно было проясниться, но вместо этого Слай совсем растерялся. А на этот раз что не так?

Принцепс хмуро изучал его:

— И что она в тебе нашла, кроме смазливой рожи?

Она? Кто это — она? Твин, что ли? Или принцесса? Или Лия? Чёрт, как же всё сложно!

— О ком это он? — Слай непонимающе глянул на старика.

— О Твин, вестимо.

— Твин... — принцепс скривился. — Это ты её так прозвал, сопляк?

Не выдержав, Слай подскочил и с вызовом посмотрел тому в глаза:

— Не знаю, господин принцепс, что у вас там к ней, но если тронете её хоть пальцем...

— Ты что, щенок, угрожаешь мне?!

— Сядь! — Седой резко дёрнул Слая за руку, и он, потеряв равновесие, бухнулся обратно на стул. — А ты не провоцируй, Максиан.

— Если с ней что-то случится, на твоей совести останется, понял? — принцепс смерил Седого злым взглядом и вернулся на своё место.

— Может объяснишь, в чём дело? — потребовал Слай, устав гадать, что здесь вообще творится.

— Тебя это не касается!

Он хотел возразить, но по лицу старика смекнул, что лучше заткнуться и не поднимать эту тему.

Но при чём здесь Твин? Какое она имеет отношение ко всему этому? Кажется, дело здесь вовсе не в обычной похоти, принцепс явно интересуется её жизнью. С чего бы вдруг?

Внутреннее чутьё подсказывало, что втянули его в какую-то тёмную игру, правила которой никто не удосужился объяснить. И то, что расплатой за любую ошибку может стать его жизнь, не настолько пугало, как если что-то случится с Твин...

Из раздумий Слая вывела рыдающая принцесса. И как она ещё не устала сопли пускать! Всё это время, казалось, девчонка была настолько поглощена беседой с Севиром, что ничего вокруг не замечала. Похоже, этих двоих связывало нечто большее, чем стремление освободить осквернённых.

— Что притих? Всё никак не уляжется в голове?

Слай озадаченно потёр переносицу:

— Да вроде осело чуток, только всё равно многое неясно. Принцесса говорила о Севире, но, честно говоря, как-то не верилось, особенно когда она передумала. Ну, знаешь, с захватом замка...

— Так потому и передумала, эти двое отговорили, — пояснил Седой. — Девчонка же вас всех чуть не угробила! Вот сейчас и кумекаем, как поступить с вашей тягой к свободе.

— Значит, это всё не шутки...

— Издеваешься?! Да за голову Севира знаешь сколько заплатить готовы? По-твоему, стал бы он рисковать просто ради встречи с принцессой? Случись с ним что, Исайлум сгинет за месяц.

— Исайлум? — не понял Слай. — А это ещё кто?

— Это, дружище, место, где осквернённые могут жить как свободные люди, — Седой радостно заулыбался. — Представляешь? Настоящее поселение освобождённых!

— Фигасе! А кого туда принимают?

— Пока только проверенных, — старик вдруг смолк, прислушиваясь к разговору. — погоди, давай лучше их послушаем.

— ...посмотрим, что ответят, — закончил свой рассказ принцепс.

— Внедриться в Легион, конечно, хорошо, — Севир потёр шрам над бровью, — но чтоб в союзе с ними... Не знаю, Максиан, не знаю. Они нас на днях чуть в капусту не порубали, мы едва ноги унесли. Знаешь, сколько наших

потеряли! А тут добровольно прямо в пасть к зверю.

— Ты сам просил ресурсы, забыл?

— Не такой ценой.

— А какой тогда? — Максиан возмущённо фыркнул. — Без поддержки высокородных нам ничего не светит. А с Легионом мы заполучим голоса самых влиятельных семей, и, считай, дело в шляпе. А там уже и с магистрами разберёмся.

— Он прав, Севир, — вмешалась принцесса. — Пока это наш единственный шанс.

— Вам виднее, — раздосадованно отмахнулся Севир. — В любом случае на Перо можете рассчитывать. Бежать вам есть куда, вдруг что.

— Вы тоже там не расслабляйтесь особо, — предупредил принцепс. — Начни потихоньку подготавливать своих, расскажи о Ровене, так быстрее поверят, но пока поосторожнее с этим, чтобы до чужих ушей не дошло.

— Ну это и так понятно, — кивнул Севир. — Кстати, насчёт поддержки. Может, не совсем то, но есть одна идея. Уруттанцы.

— Что «уруттанцы»?

— Я тут подумал, если предложить им земли, они, скорее всего, согласятся нам помочь.

— Мы не собираем войско, Севир, — возразила принцесса. — К тому же никакого влияния у них нет. Что они могут предложить нам взамен?

— Не спеши с выводами, Ровена, — принцепс задумчиво забарабанил пальцами по столешнице, сверкая массивным перстнем. — Хм... А ведь что-то в этом есть! Воины они достойные, пренебрегать ими точно не следует. Мало ли чем обернётся сделка с Легионом. А уруттанцы могут стать неплохой страховкой.

Слай задумчиво разглядывал кольцо с птицей, несущей ключ в клюве. То ли герб, то ли знак какой. Хотя какая разница... Понять бы, что они там удумали. Судя по всему, принцесса хочет заключить с Легионом какой-то договор, но разве это не противоречит её обещанию освободить осквернённых?

Нет, что-то здесь не вяжется. Либо она их всех за идиотов держит, либо ведёт двойную игру. Хреново, что отдуваться за всё придётся им, осквернённым, кровь свою проливать непонятно за что.

Нет, ничего не изменится, никто освобождать их не будет. Может, Севиром и движут благородные побуждения, но где гарантии, что его тоже не надуют?

— Я поговорю с Ормом, — продолжал командир Пера. — У Альмода, может, и горячая голова, но к советам шамана он прислушивается. Я свяжусь с вами, когда что-то решится. Если собрать всех дикарей Прибрежья, тысячи две воинов нам обеспечено. Неплохо для начала, а?

— Действительно неплохо. Ну действуй, друг, — одобрил Максиан, — а я возьму на себя переговоры с Легионом.

Нахмурившись, Слай посмотрел на бывшего учителя:

— Не нравится мне всё это, Седой. Я думал, Перо за нашу свободу борется, а они с Легионом...

— Твоя задача не думать, а делать что велят, — проворчал старик. — А решать тем, у кого опыта побольше. И надеюсь, тебе не нужно напоминать, чтоб держал язык за зубами?

«Хорош ответ! Давай, подставляй свою шею под топор, и без вопросов. Знай своё место, выродок».

— Не нужно, — зло процедил в ответ.

— Вот и чудесно. И остальным пока ничего не говори, рано ещё.

Да уж, у Седого от старости мозги совсем в труху прогнили. Видно же, неладное здесь творится. Какое вообще дело принцепсу до осквернённых? Он — большой человек в стране, зачем ему плевать в колодец, из которого самому же потом и пить?

Ничего не понятно...

Чёрт бы их всех побрал! И Седого, втянувшего его во всё это дерьмо, и Севира с Пером, и всех этих знатных выискивающих свою выгоду в каждой щели. Нужно как-то выбираться из всего этого, пока ещё не поздно.

В соответствии с законом о неприкосновенности частной жизни сбор, использование и распространение любой информации о частной жизни гражданина не допускается без согласия самого гражданина. Нарушение закона карается лишением свободы сроком от пяти лет, в зависимости от тяжести преступления.

Заветы потомкам, 01.042

Потирая заспанные глаза, Корнут спешил в кабинет, где его уже ожидал детектив. Сомнений, что тот явился о чем-то исключительно важным, не возникало ни на минуту. Если и впрямь что-то стоящее, всё должно обернуться наилучшим образом. Максиан — что телеграфный столб, вкопанный посреди дороги: ни убрать, ни объехать, но если оборвать связь с остальными линиями, выкорчевать помеху будет проще простого.

Окликнув с лестницы служанку, Корнут попросил её заварить чаю и вошёл в кабинет. Развалившись в кресле, Шед увлечённо выковыривал канцелярским ножом грязь из-под ногтей.

— С добрым утром, господин советник, — произнёс он, не отрываясь от своего занятия.

— Посмотрим, насколько оно доброе, — Корнут уселся за стол и с нетерпением уставился на детектива. — Ну? И с чем вы пожаловали в такую рань?

— Вы же сами приказали немедленно докладывать, если случится что-то из ряда вон.

— Так докладывайте, Шед! Или до вечера собираетесь здесь проводить гигиенические процедуры?

— Понял-понял, — детектив небрежно вернул нож в подставку и, состроив сосредоточенную гримасу, прочистил горло. — Дело было так: объект покинул собственный дом в половине первого ночи. Прихватил запасную лошадь и направился к кастрому. Там он проторчал у западных ворот около десяти минут, затем к нему присоединилась парочка. Кстати, вышли те как раз из замка.

— Парочка? Кто конкретно?

— Молоденькая девица и осквернённый. Они сразу же отправились к Западному Подножью и остановились на самом отшибе. Место запомнил, могу отметить на карте.

— Превосходно, — кивнул Корнут. — Продолжайте.

— Там они встретились с двумя неизвестными: белобрысый со шрамом на лбу и бородатый старик. О чём они говорили, сложно сказать, почти все сидели спиной, по губам прочесть не получилось. Тем более со второго-то этажа. К-хм... Так вот, проторчали они там часа два, не меньше. Затем объект проводил ту же парочку обратно к замку и отправился напрямик домой.

Корнут озадаченно поскрёб висок. Интересно, что же это за девица, как выразился Шед? Да ещё и в компании осквернённого.

— Опишите-ка мне ту девушку.

— Волосы длинные, светлые, — Шед старательно подбирал слова. — Худенькая такая, курносая. Весьма хороша собой. Одежка неброская, но дорогая. Видно, что девчонка из благородных: осанка, жесты, надменная мина.

По описанию единственное имя, которое сейчас приходило на ум — это Ровена. Конечно, нельзя исключать и какую-нибудь фрейлину, вот только скорпионы Юстиниана не сопровождают никого, кроме советников и членов королевской семьи.

— Что ещё вы можете рассказать о ней? Может, примета какая-нибудь?

— Да нет, вроде ничего такого, — Шед задумался. — Разве что она долго с белобрысым разговаривала, всё рыдала, не прекращая.

Рыдала, значит? Не по папочке ли, сгинувшем в Пустошах? Сколько ей тогда было? Если сейчас принцессе восемнадцать, то шесть ей в то время уже стукнуло. Она вполне могла запомнить Севира. Несомненно, это точно Ровена. Другой девчонки в каструме, якшающейся с Максианом и знакомой с Севиром, быть не могло. Всё сходится.

— А номер сопровождающего её осквернённого вы не видели? — Корнут взволнованно сцепил пальцы в замок.

— Да где там! — отмахнулся Шед. — Не больно-то и разглядишь в окне. Да и сидел он вполоборота. Обычный такой, и не скажешь, что выродок.

— А с чего вы тогда решили, что он осквернённый?

— Ну как же, по форме, разумеется, — детектив нахмурился. — Хотя вы правы, может, это была маскировка. Только вот вернулся он в замок вместе с девчонкой.

То, что вернулись они вдвоём, ещё ни о чём не говорит. Тот мог просто провести принцессу мимо стражи и

скрыться, но версию с королевским скорпионом отметить пока не стоит. Шпионы Пера в замке — вполне ожидаемое явление.

— Скажите, Шед, смогли бы вы узнать его?

— Естественно! Память на лица у меня хорошая.

— Что ж, прекрасно, — если осквернённый живёт в замке, вычислить его не составляет труда. Пожалуй, стоит начать со скорпионов, а если среди них заговорщик не обнаружится, можно проверить и сервусов. — А что насчёт остальных? Опишите мне их поподробнее.

— А, ну с теми проще. Один здоровый такой, средних лет. Волосы светлые, до плеч, короткая борода. Нос кривой, видимо, плохо сросся после перелома. Шрам над правой бровью. Знаете, я бы подумал, что от клейма избавился, но кто его знает. Одет как простолудин, вооружён огнестрелом.

— А второй?

— Высокий, тощий, седой, с длинной бородой. Сидел у дальней стены, не особо-то я его и разглядел. Он, кстати, всё с вырождением ляссы точил.

Старика Корнут не знал, но в остальном всё сходилось. Севир, Максиан... Роль Ровены, правда, не слишком ясна. Допустим, принцепс организовал ей встречу со старым знакомым, ностальгия, так сказать, но что если они готовят какой-то заговор против короны? Вдруг девчонка решила пойти по стопам отца? На трон она вполне может претендовать, особенно если обнаружится произошедшее в Пустошах.

— Узнать бы, о чём они говорили, — пробормотал Корнут себе под нос. — Это всё, Шед? Вы уверены, что ничего не упустили?

— Уверен, господин канселариус. По возвращении объект своего дома не покидал. Как рассвело, я сразу к вам рванул.

— Хорошо. Можете пока идти. Ах да, и ещё кое-что. Раскопайте мне всё, что сможете, об Исайлуме. И побыстрее.

Шед шутливо отдал честь:

— Будет сделано, господин советник.

Проводив детектива рассеянным взглядом, Корнут откинулся на спинку стула. Мысли о Ровене всё никак не выходили из головы. Что-то тревожило, но понять, что конкретно, пока не удавалось. Очевидно, принцесса не настолько невинна, каковой кажется на первый взгляд. Как знать, что её движет. Ненависть? Мечь? Тщеславие? У неё могут быть тысячи причин.

Как бы то ни было, выяснить это вполне возможно. Стоит лишь чуть надавить на девчонку, и та всё сама расскажет. Но для этого у него должны иметься весомые доказательства, которых пока нет. Догадки и домыслы не в счёт, они и потёртого медяка не стоят.

Вот, значит, как, господин принцепс? Старая война с новой стратегией. Недурно-недурно. Так даже интереснее!

Максиан в очередной раз прокручивал в голове сценарий грядущей беседы с представителем Легиона. День явно обещал быть напряжённым, так уж совпало: обсуждение законопроекта Юстиниана и вечерняя встреча с Линусом. До этого доводилось с ним сталкиваться несколько раз. Скользкий тип, мерзкий, но не глуп, должен смекнуть, что к чему. Важнее всего, чтобы верно донёс его посыл первому магистру.

Максиан рассеянно наблюдал, как просторный круглый зал стремительно заполняется чиновниками и посетителями. Присутствующие тихо переговаривались между собой, словно боясь нарушить торжественную тишину здания Сената.

В центральном круге возвышалась дюжина мраморных тронов — символы доминирующей власти народа. Почти все они были заняты, оставалось лишь несколько пустующих сидений, без владельцев которых заседание не могло начаться.

Место принцепса, единственное, к которому в придачу полагался канцелярский стол, замыкало тронный круг и возвышалось над остальными за счёт каменного помоста.

Вторым кольцом располагались трибуны для присяжных и зрителей. Сегодня там устроилось всего несколько газетчиков да с десяток граждан, которым, видимо, ещё оставалось дело до благополучия государства. По закону, на совете Сената мог присутствовать любой желающий, но вмешиваться в процесс наблюдающие не имели права и тут же выдворялись охраной при малейшей попытке сорвать собрание.

Несмотря на стены, приевшиеся за долгие годы службы, Максиан любил это место. Здесь витал особый дух древних, и каждая колонна, каждый трон, каждая ступень пронизаны символизмом и надеждой на светлое будущее. Будущее, которое казалось предкам вторым шансом, подаренным богами человечеству, а потомкам —

проклятьем за уже позабытые грехи отцов.

— Господин принцепс, позвольте украсть у вас несколько минут, — к Максиану подошёл один из сенаторов и положил на столешницу худую стопку листов, исписанных разными почерками. — Здесь заявления от владельцев мануфактур. Жалобы на «непомерно высокие налоги».

— Они всегда на что-то жалуются, — отмахнулся Максиан. — Мы только в прошлом году предоставили им льготы на дорожные сборы. А им всё мало и мало.

— Представьте себе, наглецы ещё и цены грозятся повысить!

— Пусть грозятся. С каждым медяком мы увеличим процент подоходного налога, да так, что даже тройная накрутка на их товар не окупится. Так им и передайте. Слово в слово. А если это не сработает, пригрозите им лимитом на максимальную цену.

— Пожалуй, это должно померить их жадность, — усмехнулся сенатор. — Что ж, я попробую донести до них вашу мысль.

— Замечательно, — Максиан поднялся, заметив, что все уже в сборе.

Остальные сенаторы сразу же последовали его примеру.

— Справедливость, честность, верность народу, — громко произнёс он.

— Верность Заветам, верность государству, верность всему человечеству, — донеслось в ответ.

— Объявляю заседание открытым.

Сенаторы расселись по своим местам. Фидель, низкорослый старик с квадратным подбородком и орлиным носом, неспешно вышел в центр круга и, прокашлявшись, заговорил:

— Как представитель Гильдии Учёных, я обязан внести некоторые пояснения по поводу тревожных слухов, которые ходят о туннелях Регнума. Трижды за осень мы получали доклады от дозорных, и лишь последнее известие из терсентума подтвердилось достоверными фактами. Некая сила, известная в народе как «плачущие», стала проявлять себя в ранее безопасных и чистых туннелях. Два хода нам уже пришлось запечатать, но как быстро эта напасть распространяется, сложно сказать. Гильдии почти ничего о ней не известно, и изучить её природу пока не представляется возможным. Чем бы ни были эти «плачущие», они, безусловно, представляют смертельную опасность.

— И что же предлагает Гильдия? — поинтересовался Валент, самый молодой из сенаторов. — Кроме слухов и домыслов.

— Определённо стоит отнестись к этому явлению с особой серьёзностью, — отозвался Фидель, нахмутив густые брови. — Пока мы изучаем плачущих в меру своих возможностей, но, скорее всего, придётся запечатывать заражённые ими туннели.

— Разумно ли это? Некоторые из них стратегически важны для Регнума.

— Безопасность граждан превыше всего. Вряд ли мертвецов волнует оборонительная стратегия.

— И чем конкретно они опасны? — вмешался Клетес, краснощёкий толстяк с жиденькой козлиной бородкой.

— Всё, что нам известно — эти существа способны свести с ума свою жертву, заставив убить себя или ближнего, — Фидель обвёл взглядом зал. — Большого, к сожалению, пока сказать не могу.

— У Гильдии есть хоть какие-нибудь гипотезы? — обеспокоенно спросил Максиан.

— Безусловно, господин принцепс, есть гипотеза, что плачущие явились из Сиджилума, но, каким образом они это сделали и так ли это на самом деле, нам не известно.

— Но ведь Сиджилум далеко, и тщательно запечатан, — отметил Валент.

— Так оно и есть. Но впервые плачущие были обнаружены как раз близ запретной зоны. Возможно, это совпадение, но они не похожи ни на одного из известных нам мутантов, и поведение их довольно сильно отличается от обычных животных.

— Уважаемый Фидель, будьте с нами откровенны, — обратился к нему Максиан, — сможет ли Гильдия выяснить, с чем мы имеем дело?

— Я бы на это не слишком рассчитывал.

— Благодарю за честность. Что ж, кто за то, чтобы продолжать запечатывать туннели?

Восемь сенаторов, включая самого магистра Гильдии, подняли руки.

— Я также голосую за это решение, — объявил Максиан. — Фидель, прошу вас немедленно докладывать генералу Силвану о каждом заражённом туннеле.

Поклонившись, старик зашаркал к своему трону. На его место сразу же вышел Валент:

— Пока Гильдия борется с неизведанным злом, городскому управлению приходится решать более насущные проблемы, — слегка плотая звуки, затараторил он, будто кто-то толкал его в спину. — В этом году из казны было выделено двести шестьдесят семь тысяч золотых на реставрацию дорог южной части Регнума. Смею сообщить, работы выполнены безупречно, но выяснилось, что канализация там требует неотложного ремонта. Иначе столице грозит более существенная опасность — обзавестись дурно пахнущей славой.

— У городского управления поистине бездонный желудок, — едко заметил Фидель. — Четверть миллиона на кучку камней! С каких пор булыжники стали цениться наравне с золотом?

— Булыжники сами по себе не расколются и не уложатся ровными рядами, — раздражённо сообщил Валент.

— И сколько же вам требуется на этот раз? — любопытно спросил кто-то из сенаторов.

— По моим подсчётам, мы вполне уложимся в четыреста тысяч.

— Значит, достаточно и двухсот, — заключил Максиан.

Валент недовольно поджал губы:

— Остальное предлагаете мне доплачивать из своего кармана?

— Ну почему же! — вскинул брови Максиан. — Не проще ли поискать умельцев подешевле? Не сомневаюсь, в окрестностях Регнума найдётся достаточно желающих работать и за более скромную плату, нежели запрашиваемую столичными каменщиками. В общем, я в вас верю, Валент, особенно в ваше умение экономить.

Сенатор с недовольным видом поклонился и вернулся на место. Ничего, этот точно себя не обделит. Даже из тех денег умудрится утянуть в карман кругленькую сумму. Пожалуй, не мешало бы организовать проверку, пролечить его неужённую жадность. На городскую управу уже давненько поступают жалобы. Конечно, коррупцию искоренить невозможно и приходится порой закрывать на неё глаза, но всё должно быть в меру.

Вполуха слушая споры о плохом освещении Нижнего Луга и отчёты о строительстве нового госпиталя, Максиан в очередной раз перечитывал предложенный Юстинианом закон.

Король давно дал понять, что отказа не потерпит, вот только Сенат ни за что не согласится одобрить этот бред. Юстиниану удалось подкупить только четверых, ещё двое вежливо отказались. С остальными же бессмысленно вести переговоры — слишком те принципиальны в подобных вопросах. И это понятно: кто в трезвом уме добровольно впустил полицейских в свой дом! Недаром предки недвусмысленно указали в Заветах на то, как важна неприкосновенность частной собственности. Видимо, древние руководствовались своим горьким опытом.

Любопытно, с чего Юстиниан решил, что это поможет повысить его репутацию среди народа? Кто вбил ему в голову эту чепуху? Впрочем, здесь явно прослеживается иной умысел, более глубокий, и, вполне вероятно, это лишь первая попытка сдвинуть Сенат на задний план. Банальный делёж власти.

Дождавшись, когда у сенаторов закончатся темы для обсуждений, Максиан жестом попросил внимания и, обедая взглядом присутствующих, постарался собраться с мыслями. Дебаты обещали быть жаркими.

— Король Юстиниан Великодушный подготовил новый законопроект и выслал его на одобрение Сенату, — неторопливо заговорил он. — В нём предлагается увеличить полномочия полиции до права на обыск частной собственности подозреваемых в: государственной измене, хищении сумм в особо крупных размерах, или частного имущества; участия в заговорах против правительства или короны, участия или организации мятежей либо оппозиционных движений. А также в особо тяжких преступлениях, таких как: убийство свободного гражданина, несоблюдение Заветов и взяточничество.

Максиан перевёл дух и продолжил:

— Посему разрешение на обыск должно выдаваться непосредственно шефом полиции по его усмотрению, после чего шеф полиции обязуется предоставить Сенату подробный отчёт о причинах обыска, протекании процесса и результатах. Обыск должен производиться при участии двух незаинтересованных лиц и по всем правилам, не попирающим честь и достоинство подозреваемого. В свою очередь подозреваемый не имеет права препятствовать полиции в обыске никоим образом. Он обязуется предоставить доступ к любой части своего жилища или рабочего пространства по первому же требованию. Отказ или препятствование будет трактоваться как неопровержимое доказательство вины подозреваемого и учитываться в судебном процессе.

Закончив зачитывание документа, Максиан поднял глаза и с любопытством посмотрел на сенаторов. Тишина, повисшая в зале, говорила о многом. Требования короля абсурдны, но никто не решался первым озвучить свои мысли.

— Позвольте уточнить, — раздался голос Фиделя. — Верно ли я понял: Его Величество желает наделить полицию правом обыскивать дом любого гражданина, руководствуясь только подозрениями? И всё это без одобрения Сената?

— Вы всё верно поняли, господин магистр, — подтвердил Максиан, еле сдерживая улыбку.

— Что же тогда получается, любой поклёп может привести к вторжению в частную собственность без существенных причин?

— Выходит, что так, — отозвался Клетес. — Но чем не устраивает Его Величество текущее положение дел? Три века Сенат прекрасно справлялся и без особых полномочий полиции.

— И полтора века без полиции вообще!

— Это прямое нарушение Заветов!

— Частная собственность священна, это право любого гражданина!

Возмущённый гомон заполонил зал. Сенаторы в негодовании сыпали цитатами из Заветов, выдержками из законов и собственными доводами. И все они были правы. Молчали только те, кому королевское золото приятно оттягивало карманы.

— Прошу тишины, господа! — Максиан поднял руки, дожидаясь, когда шум уляжется. — Как второй советник Его Величества Юстиниана Великодушного, я обязан внести некоторую ясность. Все наверняка слышали о Стальном Пере и преступлениях, совершённых этой, с позволения сказать, организацией. Поскольку никто из сопротивленцев не расхаживает по городу с табличкой «Свободу осквернённым», полиция не может арестовать их без доказательств. Слежка и обыск в этом процессе играют важную роль. И это основная причина, по которой было принято решение наделить полицию новыми полномочиями. Всё ради безопасности граждан Прибрежья, разумеется.

— Как обыск поможет выйти на Перо? Это же полнейшая ерунда! — Фидель возмущённо подскочил. — Да, осенью Гильдия тоже пострадала от рук этих разбойников, но никому из нас не пришло бы в голову врываться в соседний дом, чтобы выискивать серебряные стрелы по пыльным углам. Пусть полиция занимается своим делом, господин принцепс, а не покушается на чужое имущество и свободы граждан. Я честный гражданин, но мне претит сама мысль, что грязные сапоги полицаев станут топтать коридор моего дома. И всё только по прихоти какого-то там параноика.

— Абсолютно солидарен с вами, магистр, — поддержал Клетес. — Даже если забыть на минуту про Перо и представить, что кто-то в своих интересах может кого-то оклеветать, ложно обвинив во взяточничестве или, того хуже, заговоре против правительства, почему бы ему и при обыске не подкинуть что-нибудь эдакое? И как потом доказать, что тебе это не принадлежит и ты вообще впервые видишь этот предмет?

Сенаторы дружно закивали, поддерживая выступающего.

— А если взглянуть на всё с другой стороны, — продолжил он, — сильно уж здесь попахивает попыткой усилить влияние короны. Возможно, Его Величество оскорбляет декоративная роль престола?

— Звучит весьма здраво, — поддакнул Фидель. — Сначала полномочия полиции, затем право на введение и отмену законов, а потом и вовсе роспуск Сената. В Прибрежье первая святыня — это Заветы. А в них чёрным по белому написано и о праве собственности, и о свободе любого, кто зовётся гражданином. Мы представители народа — и наша задача защищать его интересы. Мой ответ королю: нет, нет и нет!

— Категорически против!

— За!

— Против!

— Против!

— А я тоже за. Не вижу в этом ничего плохого. Если ты чист перед законом, тебе не нужно бояться полиции.

Как и полагал Максиан, попытка Юстиниана внедрить эту околесицу как закон была обречена на позорный провал с самого начала.

— Лично мне также нечего скрывать, — через силу произнёс он. — Потому свой голос я отдаю за принятие закона.

— Вы всё равно в меньшинстве, принцепс, — подытожил Фидель. — Так что передайте Его Величеству, что Сенат вынужден ему отказать. Покуда у него не нашлось более весомых причин для таких кардинальных перемен, мы предпочитаем следовать Заветам, как и наши предки.

— Благодарю, сенаторы, — кивнул Максиан. — Vere dictum. Прощение отклонено.

Ни под каким предлогом объект (Сиджилум) не должен быть распечатан или открыт любым иным способом. Вся территория в радиусе пяти километров от объекта считается бессрочно закрытой для посещения и не подлежит заселению или эксплуатации. Нелегальная попытка проникновения на объект карается смертной казнью без права на апелляцию или помилование.

Заветы потомкам, 07.020

Вьюга кружила и подвывала, царапая лицо колючим ветром и залепляя глаза снегом. Небо слилось с землёй в сплошную белую пелену, и после очередного порыва, едва не сбившего Керса с седла, ему подумалось, что они едут по небосводу, а земля там, внизу, и дотянуться до неё уже невозможно. Так они и останутся блуждать проклятыми призраками в бездонной пустоте.

Куда ни глянь — снег и больше ничего. Дальше трёх шагов не видно ни зги. Кони плелись с трудом, утопая в сугробах, бока животных била мелкая дрожь.

Керс оттянул маску, растёр замёрзшие руки и, сложив их лодочкой, принялся дышать на онемевшие пальцы, чтобы хоть как-то их отогреть. От тонких форменных перчаток толку почти никакого.

Бродяга, съёжившись, укутался в плащ до самого носа, напоминая со стороны нахохленного ворона. Рана его заживала медленно, но он держался бодро.

— Далеко ещё? — прокричал ему Керс сквозь завывающий ветер.

— Может, хватит меня доставать? — раздражённо отозвался ординарий. — Час назад ведь то же самое спрашивал. Заладил, тошнотик хренов.

— Вообще-то мы уже должны быть на месте, — проорал Клык на Бродягу, затем повернулся к Керсу. — С чего он такой нервный, по-твоему? С дороги сбились, вот что!

— Отлично! — Керс с досадой потёр онемевший кончик носа и снова натянул маску. — Так и околеть недолго. Всегда, чёрт возьми, мечтал превратиться в сосульку.

— Не знаю, как вы, а я подышать пока не собираюсь, — Бродяга судорожно потёр плечи. — И ни хрена мы не заблудились, между прочим! Что думаете, не слышу, как вы там шушукаетесь?

Клык демонстративно развёл руками:

— Что-то Исайлума я здесь не вижу! Под снегом, что ли, прячется?

— Да вон он, хватит ныть! — Бродяга указал куда-то перед собой.

Керс принялся всматриваться в белёсую марь, но как ни старался, так и не смог ничего разглядеть. Клык остановил коня и, высунув нос из-под повязки, потянул им воздух:

— А ведь верно! Дымом пахнет.

Пришпорив лошадь, он рванул прямо к ущелью, за ним последовал Бродяга. Конь Керса наотрез отказался переходить на рысь, как бы он ни подстёгивал бедное животное и ни пинал бока. Весь оставшийся путь пришлось созерцать филейные части лошадей своих спутников. Хорошо хоть они не оставляли его далеко позади, стараясь держаться в поле видимости.

Сначала сквозь снежную завесу стали угадываться скалы. Чёрные прожилки камней проступали сквозь снег, но вершин не было видно. Частокол вырос внезапно, будто вышагнул из молочной пелены им навстречу. Раздался пронзительный свист, и вскоре к ним подбежали двое. С виду они чем-то напоминали уруттанцев: укутанные в одежды из шкур, с топорами на поясах, в руках натянутые луки, готовые выпустить стрелы.

— Свои! — рявкнул Клык. — Ослепли, что ли!

— Свои в такую погоду не шляются где попало, — огрызнулся один. — Назовись!

— Клык, Бродяга и новенький.

Луки дозорных опустились:

— С возвращением, братья!

За воротами Керс спешил и, разминая ноги, огляделся. Так вот он какой — Исайлум! С виду обычная деревенька, втиснувшаяся между скалами. Довольно добротная ограда из неотёсанных брёвен частоколом защищала от дикого зверья, которого здесь наверняка пруд пруди. Повсюду юрты уруттанцев вперемежку со срубами разных размеров. Из некоторых окон лился тусклый свет, над крышами завивался густой дым, воздух пах жареным мясом и специями.

Подобрав слюну, Керс помог Бродяге слезть с коня.

— Что, впечатляет? — спросил тот, передавая поводья одному из дозорных. — Работы здесь, конечно, непочатый край, но пока и так сгодится. Пойдём, у меня поживёшь.

— А у тебя что, свой дом есть? — не поверил Керс.

— Самый настоящий! — усмехнулся Бродяга и тут же скривился от боли.

Из юрт то и дело выглядывали любопытствующие, несколько раз по пути встречались женщины, тащившие откуда-то полные вёдра воды. То и дело доносились приглушённые голоса, залиvistый смех, весёлый визг детворы.

В затылок Керса вдруг что-то ударило. Обернувшись, он удивлённо уставился на рыжеволосую девчущку, задорно скалившую ему зубки.

— А я тебя помнить, златоглазый! — радостно сообщила она. — Ты воронов жечь там, в Алайндкхалле.

— Гляди-ка, а ты уже успел поклонницами обзавестись, — Бродяга повернулся к уруттанке и состроил сердитую гримасу. — А ну брысь отсюда! Не приставай к старшим.

Рыжая обиженно показала ему язык и юркнула в шатёр.

— Оживает потихоньку родной Исайлум, — ординарий довольно крикнул, подходя к небольшому срубам почти на краю посёлка. — Глядишь, и забор скоро перемещать придётся, хотя куда уж дальше...

— Разве это плохо?

— А кто сказал, что плохо? Может, я скоро и Эмми сюда привезу. С мальком своим, — толкнув незапертую дверь, Бродяга вошёл внутрь и осмотрелся. — А сгоняй-ка за дровами, будь другом. Вон туда, за ту хибару.

Подойдя к самому крайнему дому, сиротливо жмущемся к частоколу, Керс не без удивления обнаружил еле различимые верхушки сосен. Да здесь лес прямо под боком! Настоящий лес!

Это, конечно, здорово, дичь всякая, древесина всегда под рукой. Но вот что за пакость там водится, это отдельный вопрос. В Безмолвных лесах, например, чего только не бродит.

Дров не нашлось ни за тем домом, ни за другим. Попетляв недолго, Керс остановился у одного из заселённых срубов и, поколебавшись, осторожно постучал в дверь. Спустя пару секунд на пороге показалась женщина, окинула его озадаченным взглядом и, испуганно взвизгнув, захлопнула дверь прямо у него перед носом.

— Офигеть какое радушие, — пробурчал он и снова постучал, собираясь объяснить хозяйке, за чем пожаловал.

Дверь распахнулась и на крыльцо, яро размахивая топором, вывалился тщедушный мужичонка.

— Не подходи, тварь! — заверещал он. — Не подходи, а то зашибу к хренам собачьим! Эй, все! Здесь скорпионы! На помощь!

Едва успев отпрыгнуть, Керс торопливо скинул капюшон и сорвал с лица маску. Совсем из головы вылетело! Да и форму Легиона, которую всё ещё носил, здесь, видимо, не особо жаловали.

— Я только спросить... — он вытянул перед собой руки, показывая, что не вооружён.

Вопли местного всё же привлекли внимание соседей, и вскоре двери домов стали выпускать вооружённых кто чем жителей: у кого мечи, у кого топоры, один вообще с кочергой выполз. За ними из юрт повывлезали уруттанцы, угрюмо озираясь по сторонам. Похоже, мужик всё поселение на уши поднял.

— Сходил за дровами, мать вашу, — проворчал Керс, готовясь дать дёру в любую секунду.

Мужичок продолжал размахивать топором, рассыпаясь угрозами, но приближаться не решался: мало ли чего ждать от скорпиона.

— Оставь его, — раздался за спиной смутно знакомый голос. — Это свой. Поджигатель.

К ним подошёл молодой вождь, споривший с Севиром в лагере. С сомнением на морде хозяин дома опустил топор и пробурчал что-то нечленовразумительное.

— Расходитесь уже! Чего тут глазеть! — крикнул зевакам дикарь и повернулся к Керсу. — Я тебя здесь не видел. Когда ты приехал?

— Только что, — буркнул он. С чего это вдруг уруттанец вступился за него?

— А уже чуть не влип в неприятности. Я так и не представился. Альмод.

— Я Керс. Может, ты хоть подскажешь, где тут дровами разжиться?

Альмод указал в сторону большого сруба с тёмными окнами:

— Там поищи.

Благодарно кивнув, он направился к пустующему дому, насторожённо косясь на местных, сверлящих его подозрительными взглядами с порогов своих домов.

— Эй, танаиш! — окликнул его уруттанец. — Заходи вечером, арака выпьем.

Керс вскинул руку, выставив указательный и средний пальцы вверх в знак согласия, но тут же спохватился:

— Зайду, — откуда дикарю-то знать жесты осквернённых!

Альмод повторил за ним жест и скрылся в юрте. Чем бы ни был этот арак, предложение звучало заманчиво, но дым всё же не мешало бы прихватить на всякий случай, всё равно пока не понадобится, так чего добру пропадать!

Конура бродяги оказалась очень даже уютной, особенно после растопки камина. Пара кроватей, стол со стульями, шкаф у стены — настоящее жилище, как у свободных! Ему тут же вспомнилась хибара Седого, и вдруг нестерпимо захотелось вернуться назад, в те годы, когда вчетвером сидели в казарме и беззаботно болтали о

всякой ерунде.

— Ну как тебе твой новый дом? — Бродяга, кряхтя, растянулся на кровати.

— Спрашиваешь! Повязку, кстати, не мешало бы сменить.

— Позже Анника осмотрит. Скоро нам поесть принесут. А ещё сосед заходил, за тебя спрашивал. Сказал, шуму ты наделал.

— Ничего такого, обычное недоразумение, — отмахнулся Керс. — Слушай, а сколько народу здесь живёт? Я видел много пустующих домов.

— Ну так сразу и не скажу, может, сотня наберётся... — Бродяга поскрёб заросший чёрной щетиной подбородок. — Без дикарей, конечно. А может, и меньше. Строили-то с запасом, чтоб новоприбывшим было где поселиться, но, как видишь, не особо-то свободные торопятся спасать своих детёнышей. В этом году всего пять семей привезли.

— Где ж вы были лет пятнадцать назад? Может, всё сложилось бы иначе...

— Где-где, — тот хмыкнул, — там же, где и ты. Я вот вообще свою семью в глаза не видел. Сразу меня сдали, наверное... Шесть пальцев — и всё, ты уже не человек. Вот так-то, братец.

Дверь со скрипом распахнулась, и в дом завалился давешний мужик, угрожавший Керсу топором. В руках он нёс посудину с кусками парящего мяса и буханку хлеба.

— Ты уж извини, — помявшись, вошедший поставил гостинец на пыльный стол. — Недавно мы здесь, ещё не привыкли к вам. Я подумал, ты за Беккой пришёл.

— Забей, дружище, — отмахнулся Керс, отламывая здоровенный кусок от буханки. — Мне не привыкать. Хотя на ищейку я, вроде, не похож.

— Знаю, у них маски другие, но мало ли. Живём ведь, как на пороховой бочке. Я Джордж, кстати.

— Здорово, Джордж, — подвинув стул к лежанке Бродяги, он опустил на сиденье миску с мясом.

— Ну, с прибытием, друг. Рад знакомству. Ты это, заходи, если что.

Не успела за новым знакомым прикрыться дверь, как на пороге показалась светловолосая женщина. Приветливо улыбнувшись, она представилась Анникой и водрузила на столешницу котелок с кукурузной похлёбкой.

— А Севир разве не с вами? — спросила она у Бродяги.

— Не-а. Срочные дела в городе.

— Плохо... Ладно, вернусь чуть позже. Ешьте пока, мальчики.

Набив живот до отказа, Керс с трудом дополз до кровати и тут же провалился в сон. Снился горящий терсентум. Толпа собратьев заворожённо наблюдала за оранжевыми языками пламени, пожирающего ненавистные стены дома мастера. Рядом стояли братья. И Твин, которая почему-то крепко сжимала именно его руку.

Когда он проснулся, за окном уже стемнело. Снег продолжал падать, но ветер стих. Снаружи окно сплошь облепил белый пух, стекло серебрилось морозным узором. Поленья в камине громко потрескивали, масляная лампа тускло освещала комнату. Бродяги в доме не оказалось. Видимо, свалил куда-то, даже не разбудив. Но точно недавно — бесконечно-прожорливый огонь лишь принялся поглощать поленья.

Понюхав свою рубаху, Керс брезгливо поморщился. Несло от него, как от туннельной псины. Под душ бы сейчас, хотя вряд ли такие удобства здесь предусмотрены. Но что-то ведь должно быть? Не снегом же натираются, в конце концов. Спросить было не у кого, и тут вспомнилось приглашение уругтанца. Отыскав в мешке флягу с дымом, он отправился к юрте вождя. Может, хоть тот введёт в курс дела.

Альмод встретил его приветливо, не спрашивая, налил ему какой-то белой жижи с пряным запахом и, выглянув из юрты, громко кого-то окликнул.

— Ты голоден? — бросил уругтанец через плечо.

— Я всегда голоден, — после терсентума, где размеры порций зависели от представления мастера о растрате энергии на хист, вечно пустой желудок был привычным явлением. Теперь же Керс не упускал шанса набить живот поплотнее, хотя всё равно оставался дрищом по меркам Бродяги. Ха! Видел бы он Шустрого! Жрал тот, что стада гиен, хотя форму носил самых малых размеров.

— Сейчас принесут. Ну как тебе арак?

Керс, помявшись недолго, сделал небольшой глоток:

— Неплохо! Но дым ядрёней будет.

— Дым? — моргнул Альмод. — Как можно пить дым?

— Этот можно, — Керс протянул ему флягу. — Хлебни, понравится.

Отвинтив пробку, уругтанец боязливо понюхал содержимое:

— Смердит-то как!

— Зато штырит будь здоров!

— Что значит «штырит»?

— Попробуй, тогда и узнаешь.

Подозрительно глянув на Керса, Альмод немного отпил.

— На вкус как дерьмо, — скривился он. — И на запах тоже как дерьмо.

— Это от поганок. Привыкнешь.

Отпив ещё немного, уругтанец вернул флягу:

— Лучше арака нет ничего! Все эти ваши вина да дым в подмётки ему не годятся.

Керс безразлично пожал плечами. Какая разница, что глушить, лишь бы вставляло.

— Ты, танаиш, не похож на остальных. Будто и не раб вовсе.

— А что значит «танаиш»? — не удержался от вопроса Керс. Слово это он слышал уже не раз, а что значит, так и не понял. Может, уругтанец костерит его, а он ни сном ни духом.

— «Танаиш» значит «новое дитя», — пояснил Альмод. — Любой раб из Легиона может называться танаиш, но не каждый танаиш зовётся рабом.

— Понятно, — протянул Керс, ничего так и не поняв. — Слышал, уругтанцы ненавидят осквернённых.

— Нет, не всех, только таких как ты, меченых, — Альмод с презрением указал на номер.

— Да что ты о нас знаешь! — почему-то стало обидно за себя и собратьев.

Кто этот дикарь такой, чтобы осуждать их! Как будто они выбирали, кем родиться. Да никого из осквернённых и не спрашивали! Керс до сих пор помнил, как плётчики испытывали его хист. Если сопротивлялся, избивали так, что кровью едва ли не мочился, заставляли на зверье показывать, что умеет. Ему иногда даже снилось, как воеет и извивается охваченная огнём собака. Тот скорпион, которого сжёг на тракте, ни разу не приснился, а вот несчастная псина уже сколько лет подряд ночами приходила...

Потом ему номер набили, прямо на ещё не до конца заживший ожог. Глубоко иглы вводили, боль была такая, что до сих пор помнит. За слёзы приковывали к столбу на посмешище остальным, за слабость и неподчинение карали плетью. Охрененная жизнь, в общем, всем бы такую.

— Не гневись, танаиш, — уругтанец примирительно улыбнулся. — Пойми, вас уродуют, вы опасны для себя и других.

— А ты не задавался вопросом, был ли у нас выбор?

Вождь почесал затылок, затем налил себе ещё арака, не забыв при этом и Керса:

— Орм говорит, у каждого своё предназначение. Не знаю, может, и вы нужны для чего-то.

— Предназначение? — Керс невесело ухмыльнулся. — Наше предназначение подтирать задницы свободным. Нравится? Хотел бы так? Могу устроить, если очень нужно.

Альмод насупился. Видимо, тон ему пришёлся не по душе. Керс смотрел вызывающе, прямо тому в глаза, уже приготовившись к любой реакции.

— А ты мне нравишься, танаиш! — вдруг расхохотался уругтанец. — Такие всегда говорят то, что думают. Я уважаю честность! Севир был таким же, когда к нам пришёл. Некуда ему было идти, вот и попросился к нам, а мы приняли.

— Странно, мне показалось, ты не больно рад был его видеть, — Керс в несколько глотков осушил свою кружку.

— Сестру он мою погубил, арийшана кха лагхат!

Керс потупил взгляд. Знал бы Альмод, что он в детстве натворил, даже и не заговорил бы с ним. Сколько бы ни твердил самому себе, что это была случайность, сколько бы Твин ни повторяла, что пора бы простить себя, но эту ношу нести ему до самой смерти, а может, ещё и потом, оставшуюся вечность.

Молодой вождь тоже молчал, думая о чём-то своём. В юрту вдруг завалилась та рыжая, неся на плоской тарелке гору жареного мяса. Подмышкой девчонка держала узелок, в котором, как позже выяснилось, были завёрнуты овсяные лепёшки.

Огненные волосы она стянула в тугие косы; на плечах поверх куртки из шкур красовалась цветистая шаль. Девчушка явно принарядилась. Альмод бросил ей что-то на своём, та буркнула в ответ и с любопытством уставилась на Керса.

— А ты здесь долго быть? — спросила она.

Керс пожал плечами. Он и сам-то этого не знал. Может, до конца зимы, может, и дольше.

— Я Агот, — гордо заявила рыжая. — Я хочу дружить с тобой, златоглазый.

— Ты что, влюбилась? — подначил её Альмод.

Она бросила на него обиженный взгляд и пулей вылетела из юрты. Керс смущённо шмыгнул носом — неловко как-то получилось.

— Названная дочь Орма, — пояснил Альмод, глядя ей вслед. — Шельма малая. Способная танаиш, двигать разное может, не прикасаясь. Шаман удочерил, когда её мать от лихорадки померла.

Только сейчас до Керса дошло, что он впервые видел осквернённую, выросшую на свободе. Никто не

шарахался от неё, не клеймил, все обращались к ней, как к обычному человеку. Теперь понятно, почему Севир без раздумий принял уруттанцев в Исайлуме. Достойный народ!

— А у тебя дети есть? — Керс с любопытством посмотрел на вождя.

— Нет пока. Ещё не встретил ту самую. А у тебя?

— Шутишь?! Нам нельзя семьи заводить.

— Ты что, с женщинами никогда не был?

Керс чуть не поперхнулся:

— Был, конечно. Но до детей как-то не дошло. И хорошо, всё равно бы отобрали.

— И то верно. Мать знает, когда дарить потомство. Агот вон как ловко к шаману пристроила.

— А что этот шаман умеет делать? — слишком уж часто Альмод его упоминает.

— Он умеет видеть, — вождь посмотрел на Керса как на дурачка, будто ему пришлось объяснять какую-то совсем очевидную вещь.

— А не староват ли он для осквернённого?

— А кто сказал, что он танаиш? Нет, друг, с ним говорит сама Мать.

— Это ваша богиня, что ли? Как у свободных?

— Богиня? Нет, богов нельзя ни увидеть, ни потрогать, а Мать везде. Она настоящая, живая.

— Не знаю, сколько там у вас матерей, — Керс выбрал кусок мяса посочнее, — а у нас она одна на всех. И она терпеливо дожидается тех, кто заслужил её внимание, а не каких-то там избранных.

Альмод презрительно фыркнул:

— Настоящая мать любит всех своих детей одинаково. А ваша просто жестокая сука.

— Какая жизнь, такая и мать, — усмехнулся Керс.

Снаружи захрустел снег, кто-то приблизился к юрте и остановился.

— Вот ты где, — Бродяга заглянул внутрь и кивнул, приветствуя хозяина.

— Проходи, чего встал, — вождь поднял кружку. — Выпьешь с нами?

Ординарий, не заставляя себя долго упрашивать, налил арака и махом осушил кружку до дна:

— Эх, хорошее пошло! Купальню нам приготовили. Пойдём, малец, а то воняешь на весь Исайлум. По запаху тебя выследил.

— Купальня — это хорошо, — довольно потёр руки Альмод. — Пойду-ка я с вами. Сейчас только девок кликну, чтоб веселее было.

Купальней назывался бревенчатый дом, разделённый на две части — женскую и мужскую. В отличие от терсентума, здесь почему-то принято мыться по отдельности. Внутри было жарче, чем в Пустошах летом. Посередине помещения стояла гигантская ёмкость, отдалённо напоминающая огромное деревянное корыто. У стены — длинный стол с широкими скамьями. Похоже, застолья в этом месте не редкость.

От горячей воды Керс сразу разомлел. Не вылезая из ванны, так эту шутку обозвал Бродяга, он неторопливо потягивал синий дым под рассказы о жизни уруттанцев, о службе в Легионе, о разных редких тварях.

Альмод травил всякие байки о степном хозяине, которого якобы можно увидеть по ночам вдалеке. Чёрный всадник на чёрном коне, хранитель бескрайних раздолий Урутта.

Бродяга в свою очередь рассказывал об Арене. Как сражался перед свободными, как живут обычные гладиаторы, не успевшие ещё прославиться и стать фаворитами публики. Когда речь зашла о Пустошах, Альмод помрачнел. Уже прилично охмелевший, он заговорил о каком-то Калайхаре:

— Чёрное это место. Орм сказал, дышит оно, будто живое.

Керс всё никак не мог смекнуть, о чём речь, но, кажется, Бродяга понял, что за Калайхар такой.

— Не знаю, живое оно или нет, — поёжился тот, — но у меня от него волосы дыбом на загривке поднялись, когда мы мимо проезжали. Может, и почудилось, но будто дымка над ним висела какая-то. Всё колыхалась и искрила. Жуть.

Так вот они о чём! Сиджилум... Да, стрёмное местечко! И дымка там точно была, своими глазами видел.

— Нет, не почудилось, — заверил Керс. — Вроде, такая невзрачная насыпь, метра два-три высотой, а как глянешь — леденеет всё внутри.

— Значит, Орм правду сказал, — задумчиво проговорил Альмод.

— Не знаю, может, этот твой шаман и прав, но и без его премудростей понятно, что лучше там не ошиваться, — Бродяга отломил кусок лепёшки и потянулся за мясом. — Я вообще думаю, это от скверны всё. Там же знаков понатыкано на каждом шагу.

— Скверну не видно, — возразил Керс, — а та хрень, что в воздухе была, явно не иллюзия. Глюки одинаковыми у всех не бывают, по поганкам знаю.

Вождь что-то собирался ещё добавить, но внутрь с весёлым хохотом забежали четыре обнажённые девушки и, щебеча что-то на своём, расселись за столом. Все как на подбор стройные, молоденькие, с упругими попками.

— Красавицы, да? — Альмод хитро подмигнул Керсу. — Мы много воинов потеряли, Серебряному Когтю свежая кровь не помешает.

Одна из девушек, торопливо пригубив из кружки, забралась к Керсу в ванну и устроилась напротив него.

— Ты тот танаиш, да?

— Не понимаю, о ком ты, — он пожал плечами. — Если ты о том, кто сегодня на уши поднял весь посёлок, так это не я.

— На уши? Нет, я об Алайнджхалле.

Керс устало потёр лицо:

— Не, тоже не я.

И почему ей это так важно? Поди разбери этих женщин, тем более свободных, пусть даже уруттанок.

Красотка разочарованно фыркнула и, сделав вид, что увлеклась беседой с подругой, вскоре вернулась к остальным за стол.

От горячей воды и выпивки мышцы расслабились, веки потяжелели, и Керс прикрыл глаза, наслаждаясь приятной сонливостью. Голоса и смех теперь доносились приглушённо, как будто издали. Он представил Твин, какой её запомнил: хрупкой, по-мальчишески угловатой, с озорным блеском в глазах...

— А ты мне нравится! — вдруг раздалось над ухом, и рядом плюхнулась черноволосяя уруттанка.

Керс равнодушно посмотрел на неё и снова закрыл глаза. Красивая, но не хотелось. Нет, не так. Хотелось, но не её... После той ночи он не мог смотреть даже на Глим, будто в голове что-то перемкнуло, и интерес ко всем, кроме одной, пропал. Подарив поцелуй, Твин забрала с собой его спокойствие.

Уруттанка намёка не поняла. Забравшись на Керса сверху, она провела ладошкой по его груди и потянулась к губам. Целовала девчонка страстно, игриво, покусывая, напирая. Пальчиками впиалась ему в плечи, задвигала бёдрами, доводя до готовности. И, не сумев утихомирить своё желание, Керс поддался соблазну, представив вместо черноволосяй ту, чей образ не покидал его ни на минуту.

Граждане Прибрежья имеют право на получение информации и достоверных сведений о деятельности Сената, органов управления, общественных организаций и должностных лиц. Также граждане имеют право на распространение собственного мнения и информации о государственной деятельности, если таковая информация не является заведомо ложной или вводящей других в заблуждение.

Заветы потомкам, 05.027

Не останавливаясь, Корнут кинул взгляд в узкое высокое оконце. Казалось, со вчерашней метелью небо обрушило на землю всё, что накопило в себе за последний месяц, и теперь, как капризная девчонка после истерики, глядело на мир хмурым ликом.

Обречённо вздохнув, он продолжил свой путь. Лучше не заставлять Юстиниана ждать. Обычно такие ранние вызовы, когда поднимают из постели ни свет ни заря, не сулят ничего хорошего.

Может, оно и к лучшему, что не получилось вчера сообщить королю о возможном заговоре. Не известно ещё, что на этот раз стряслось, а в гневе Юстиниан может выкинуть что угодно, если его вовремя не остановить. Но долго тянуть с этим тоже нельзя. Что ж, придётся импровизировать. Есть дельные мысли, как это всё проверить, но их нужно ещё придержать, поработать над ними, огранить до безупречных форм. Да и с тем осквернённым ещё не всё ясно, быть может, дела обстоят намного хуже, чем кажется на первый взгляд. Если выродки на стороне Максиана, это сильно усложнит процесс.

В другом конце коридора показались две фигуры. Костеря в уме никудышное освещение, Корнут прищурился, пытаясь разглядеть идущих ему навстречу.

Молоденькая девица в сопровождении гвардейца. Первое, что сразу бросилось в глаза, — её походка. То ли девушка прихрамывала, то ли ноги совсем не держали, но двигалась она с трудом. Алый лев терпеливо следовал за своей подопечной, не подгоняя.

Что-то в этой парочке точно было не так, но, только подойдя ближе, Корнут наконец понял, в чём дело. Растрёпанные золотистые волосы девушки неряшливо ниспадали ей на лицо. Сквозь них проглядывал уголок разбитых в кровь губ. Разодранное платье с трудом прикрывало худощавое тело, сплошь покрытое свежими синяками и ссадинами. Оторванный рукав сполз до самого локтя, обнажив по-детски угловатое плечо с длинными воспалёнными отметинами.

Дрожащей рукой несчастная поправила волосы, и Корнуту удалось получше рассмотреть её лицо. Совсем юная, почти ребёнок, девчущку можно было бы назвать красивой, вот только заплывший глаз и многочисленные кровоподтёки не добавляли ей привлекательности.

Почувствовав на себе его взгляд, девица шмыгнула носиком и стыдливо склонила голову. Стражник же молча отдал честь.

Кроме как из королевского кабинета, идти им было неоткуда в такое время, но по старой привычке Корнут всё же предпочёл домыслам факты:

— Его Величество у себя?

— Да, господин канселариус, — отозвался лев.

— Благодарю, — значит, не ошибся. За что же король так с этой бедняжкой? Разве можно выпускать пар на таких прелестных созданиях? Неужто из-за отказа Сената так взбеленился?

Гадать долго не пришлось. Стоило Корнуту показаться в кабинете, Юстиниан тут же швырнул на стол смятую газету:

— Возмутительно! И сегодня эту мерзость прочтёт весь Регнум! Да каждая шавка будет хихикать у меня за спиной! Как они смеют!

«Декоративный король алчет власти» — чернело большими буквами на главной странице, и ниже, шрифтом помельче: «Сенат на страже рассудка. Спасение Прибрежья от вредных и бессмысленных законов».

Бегло пройдясь по статье, Корнут краем глаза глянул на разъярённого монарха. Тот лихорадочно метался по кабинету туда-сюда, сцепив руки за спиной. Волосы всклокочены, белоснежная рубашка помята, рукава небрежно закатаны, пуговицы на груди расстёгнуты. По неаккуратно заправленным в сапоги штанинам напрашивался вывод, что Юстиниан одевался второпях. На его правой руке краснели длинные царапины.

— Ну же! Что вы молчите! — рявкнул король. — Придумайте что-нибудь! Нужно немедленно сжечь эту грязь дотла, чтобы и пепла не осталось. Нет, вы видели? «Декоративный король»!

— Я разделяю ваш гнев, Ваше Величество, — осторожно произнёс Корнут, — но любая ваша реакция на всякие несурзные оскорбления только даст вашим врагам новый повод для насмешек.

— Они и так уже из меня сделали посмешище! Куда уж больше!

Нет, так не пойдёт. Нужно срочно что-то делать с яростью короля. Ни в коем случае нельзя позволить ему вытворить какую-нибудь глупость сгоряча. Репутация короны и без того хрупкая, тоньше веточки на ветру. После закрытия гладиаторского сезона газетчики ещё долго перемывали Юстиниану кости, возмущаясь его неоправданной жестокостью. Подумать только, король не пощадил какого-то там выроodka! Хотя в этом случае с ними сложно не согласиться...

— Не тревожьтесь, Ваше Величество. Уже завтра все забудут об этом казусе. Вы же знаете, у шавок весьма короткая память.

— Но длинный язык! Который, к слову, не мешало бы укоротить.

— Мы так и поступим, не сомневайтесь, но в своё время. Сейчас вам как никогда нужно обдумывать каждый свой шаг.

— И когда же это время наступит, скажите на милость? — Юстиниан тяжело бухнулся на массивный резной стул. — Закон не утверждён, и я даже представить себе не могу, как заставить сенаторов его одобрить. Что бы я ни предпринимал, эти сукины дети никогда не захотят делиться своей властью. Им плевать, что за мной армия и полиция. За ними же Заветы и народ, который из-за их пропаганды теперь будет смотреть на меня, как на шуга.

— Так завоюйте этот народ! Дайте им то, чего никогда не сможет дать Сенат.

— Например? — гнев Юстиниана понемногу стихал. — Что я могу им предложить?

— Безопасность, — многозначительно улыбнулся Корнут.

Нет худа без добра. Сейчас король уязвлён и легко поддаётся внушению. Страх и отчаяние превращают его в мягкую глину, лепи не хочу. Пожалуй, самое время сообщить о принцепсе. Куй железо, пока горячо, как говорили в Бореасе. Сейчас король будет делать всё, что он, Корнут, скажет, главное правильно преподнести.

— Не говорите глупостей, Корнут. Кого сейчас волнует безопасность? Прибрежье не знало войны с момента его основания. Дикарями запугивать предлагаете?

— Отнюдь, Ваше Величество. Вполне можно создать искусственную угрозу. И, уверяю вас, с тем, что у меня есть, это не составит большого труда.

Нахмурившись, Юстиниан откинулся на спинку:

— Что вы имеете в виду?

— Буквально этой ночью я получил некоторые важные сведения, и, могу вас заверить, если всё правильно проверить, этим можно встряхнуть Сенат, да так, что оправиться им будет достаточно сложно.

— Прекратите уже говорить загадками, — раздражённо процедил король. — Вы же знаете, я этого терпеть не могу!

— Прощу меня простить. И в мыслях не было... Видите ли, из надёжного источника я узнал, что Максиан связан с Пером. Точнее, является одним из его основателей, — почему бы и не приукрасить, к тому же вполне вероятно, что так оно и есть.

— Что-о? — подскочив, Юстиниан оторопело уставился на Корнута. — Вы в этом уверены?

— Абсолютно, Ваше Величество. Я даже могу предоставить вам свидетеля, если потребуется.

— Поверить не могу! — мгновенно побледневший Юстиниан снова плюхнулся на сиденье. — Хотя мог бы и раньше догадаться... Вы как в воду глядели, Корнут, говоря о причастности знатных. Нет, ну надо же! Пригрел гадюку на груди!

— Люди не меняются, мой король. Максиан всегда придерживался радикальных взглядов. Ведь именно он поддержал Урсуса в своё время.

— Одного только не пойму, — глухо проговорил Юстиниан, — на кой ему сдались эти выродки? Неужели из жалости к ним он готов подвергнуть опасности всё государство?

— Думаю, им движут иные мотивы, ни жалости, ни сочувствия вы там не найдёте, — Корнут провёл пальцем по столешнице, прочерчивая на лакированной поверхности ровную линию. — Максиан не из тех, кто будет петься о ком-то, если не увидит в этом пользы для себя. В отличие от вашего брата — да пребудет с ним милость Тейлура! — душа принцепса чернее сажи.

— Вероятно, вы правы. Урсус хотя и был сумасшедшим, но всё же порывы его были бескорыстными. Мой брат всегда относился к осквернённым как к равным, с самого детства. Помнится мне, он всё бегал за ними хвостом, друзьями их называл. А на меня ему было плевать! Даже когда мы выросли, он предпочёл проклятого мутанта собственному брату!

— К несчастью, в семье не без уroda, Ваша Величество. Вы спасли государство от верной гибели, к которой, несомненно, вело безумие вашего брата. Не корите себя, вы поступили правильно.

Юстиниан охотно закивал:

— Да-да, знаю... Но я надеялся, что больше не столкнусь с подобным. Очевидно, боги возложили на меня тяжкое бремя защитника всего человечества, и я не могу их подвести.

— Я верю в вас, мой король! — воодушевленно заверил Корнут. — Вы поистине великий правитель! Но мужайтесь, это, к сожалению, ещё не всё. У меня есть небезосновательные подозрения, что ваша племянница в этом тоже замешана.

— Да вы издеваетесь... Корнут, скажите мне, что это какая-то нелепая шутка! Так и быть, казнить вас не стану.

— Сожалею, Ваше Величество. Я бы и рад, но, очевидно, на своей груди вы пригрели не одну змеюку.

— Что ж это получается, ей известно об Урсусе?

— Полагаю, да, раз уж она связалась с Пером.

— М-да... — король задумчиво пригладил бороду. — Признаться, я часто раздумывал над тем, как поступить, если девчонка пронюхает о случившемся. Но она же и виду не подавала! Хитра, паршивка!

— Истинная дочь своего отца, — поддакнул Корнут, радуясь, что всё идёт, как и задумал. — Как интересно порой складывается жизнь! Старая компашка снова в сборе, и даже замена Урсусу подросла. Но как бы забавно это ни выглядело, боюсь, ничего хорошего ждать от них не стоит.

Юстиниан вопросительно вскинул бровь:

— Что значит старая компашка? Кого вы ещё имели в виду?

— Севира, разумеется, — с невинным видом отозвался Корнут, нанося королю последний и самый сокрушительный удар.

От внезапного грохота он невольно подскочил. Со стола полетели пустые бокалы, документы, канцелярские принадлежности. Юстиниан крушил всё, что попадалось под руку. Изящный резной столик с хрустальной вазой был опрокинут одним пинком, позолоченная статуэтка крылатого льва с оглушительным звоном вылетела в витражное окно.

Столько брани из уст Юстиниана Корнуту слышать ещё не доводилось. Что и говорить, он даже не подозревал, что монарху известны такие слова.

Король рвал и метал до тех пор, пока, наконец, не выдохся. Придвинув чудом уцелевший стул, он устало опустился на сиденье и прикрыл руками лицо.

Выждав пару минут, Корнут наконец решил продолжить:

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Подобный гнев испытал и я, когда всё узнал, но, поверьте мне, это ведь даже к лучшему! Мы сможем убить одним выстрелом сразу трёх псов!

— Вы правы, — тихо отозвался Юстиниан, не убирая ладоней. — Конечно же, к лучшему. Я немедленно прикажу их казнить...

— И совершите непоправимую ошибку. Ни в коем случае нельзя показывать, что нам что-то известно! Этим мы спугнём их и упустим единственный шанс наказать мерзавцев по заслугам.

Юстиниан убрал руки и вперился в него задумчивым взглядом:

— Пожалуй, я немного погорячился. Максиана под суд, девку можно и не убивать. Есть у меня на примете подходящий кандидат ей в мужа. Казнить её будет слишком милосердно с моей стороны.

— Как пожелаете, Ваше Величество, — кивнул Корнут, перебирая в уме варианты кандидатов. Интересно, о ком конкретно речь? — Но пока не стоит торопить события. Как я уже сказал, сейчас лучше затаиться.

— Для чего, вы можете мне объяснить?! Ради чего мне терпеть эту пададь рядом с собой, если я могу просто избавиться от них всех!

— Ради вашего же будущего. Пусть с принципом разбираются по закону.

Юстиниан озадаченно наморщился. В глазах промелькнуло сомнение, но вскоре оно сменилось неким подобием озарения:

— То есть вы предлагаете публично обвинить Максиана в государственной измене? Я верно понял?

— Вы весьма проникательны, Ваше Величество. Но пока, к сожалению, у нас на них ничего нет. Нашего свидетеля суд легко может признать заинтересованным лицом, что, скорее всего, и произойдёт. Нет, такой опрометчивости мы себе позволить не можем. Лучше поступить иначе: в один момент можно лишить Сенат принципса и одновременно продвинуть закон, который они так высокомерно высмеивали.

— Но как?

— Идея пока слишком сырая, — нехотя признался Корнут, — но, я надеюсь, у нас хватит времени для её воплощения. Что бы там Максиан себе ни помышлял, мы нанесём удар первыми, застанем его врасплох!

На самом деле идей несколько, но одна из них кажется особенно удачной. Только требовала тщательного планирования. К тому же в мозаике недоставало одного очень важного фрагмента — Исайлума. Необходимо срочно найти его! Если уж и давить тараканов, так всех махом, чтобы ни один не утараканил в какую-нибудь щель.

— Откуда у вас такая уверенность? — недоверчиво сузил глаза Юстиниан. — Своим бездействием мы рискуем потерять драгоценное время и в итоге останемся ни с чем.

— Не волнуйтесь, Ваше Величество, мой человек глаз не спускает с принципса. А теперь, когда нам известно

и о девчонке, контролировать их будет вдвое проще. Только подумайте: мы не просто заставим Сенат утвердить закон, мы полностью дисквалифицируем каждого и проведём большую зачистку среди всех этих зажавшихся сановников. Никто из них и пикнуть не посмеет. Подумать только, Сенат в заговоре с осквернёнными! Представьте себе, мой король, какой разразится скандал!

Впервые за их беседу на лице Юстиниана промелькнула улыбка:

— А ведь что-то в этом есть! Осквернённых боятся и ненавидят. Здесь даже раздувать ничего не придётся, достаточно одной весомой улики, и Сенат уже никогда не отмоется от этой грязи. Только вот где достать эту улику?..

— Предоставьте это мне, Ваше Величество. Только дайте мне немного времени. Повторюсь, важно, чтобы никто ничего не заподозрил до того, как всё будет готово.

— Всем встать у своих мест! — в загон ввалились трое гвардейцев.

Твин тяжело вздохнула: опять обыск. Каждый месяц одно и то же.

— Номер, — стражник со скучающим видом подошёл к первому по очереди.

— Шестьдесят семь.

— Раздевайся.

Гвардейцы заставляли снимать всё до портков, проверяя, не припрятано ли чего запрещённого. Потрошили койки, совали свои носы в каждый угол, ощупывали стены на тайники. Хорошо, что хоть в задницу не заглядывали.

— Новенький? — Восемьдесят Третья кивнула на одного из стражников.

— Временная замена, — буркнул главный проверяющий. — Генри на больничном, сразу какую-то подхватил.

— По борделям бы шлялся поменьше, — хохотнул другой лев.

Главный хмыкнул в ус и отметил что-то в журнале:

— Номер.

— Двадцать один.

— Раздевайся.

Обычно проверка занимает не меньше часа. Вместо заслуженного отдыха торчи здесь в ожидании своей порции унижений. А тут ещё вторую неделю приходится таскаться за принцессами, что не сидят на месте ни минуты. Прогулки по парку чередовались с бесконечной беготнёй по замку, только и успевай за ними. И всё же куда лучше, чем сходить с ума, подпирая стены! Приятным бонусом был Сто Двадцать Восьмой, порой тот ещё мозгоклой, но вдвоём всё же веселее.

— Номер.

— Семидесятый.

— Раздевайся.

Твин искоса глянула на Слая. С задумчивой миной тот наблюдал, как потрошат его койку. Никак мечтает о своей сучке-сервусе, что повадилась захаживать к нему чуть ли не каждый день. Не верилось, что вот так, без колебаний, он отрётся от своей клятвы. Выходит, всё это было притворством с его стороны.

«Что ж, счастья тебе, дружище!» — горько ухмыльнувшись, Твин отвернулась — сил нет смотреть на этого говнюка. Как же легко он променял её на другую! Сама виновата, придумала себе какую-то там «связь» и верила в неё, что последняя дурочка.

«Может, хватит из себя тут несчастную корчить? — Альтера фыркнула. — Меня уже тошнит от твоего лицемерия!»

«Отвали!»

«Сама же всё и заварила. Хоть бы промолчала тогда...»

«Да что ты ко мне пристала, месмерит тебя задери!»

— Номер.

— Сто шестьдесят шесть.

«Да мне просто противно смотреть, как ты себя оправдываешь!» — рывкнула Альтера так, что в голове зазвенело.

«После того, что он сделал, ты его ещё и защищаешь? А не шла бы ты в жопу вместе со своим Слаем!»

«Он, между прочим, твой, а не мой, — пробурчала Альтера. — Не я же тут ною о несправедливости жизни».

— Номер. Номер!

— Пятьдесят девять, — Твин не сразу сообразила, что обращаются к ней.

— Раздевайся.

Неохотно стянув рубаху и сбросив сапоги, она потрусилась ими у самого носа главного, а потом повернулась

лицом к койке и упёрлась руками в перекладину. Один из гвардейцев прохлопал руками по её бёдрам, по ногам, потом с ехидным смешком ущипнул за ягодичку. Твин стиснула зубы, сдерживаясь, чтобы не двинуть ублюдку между глаз. Потасовок лучше избегать, а драка со свободными и вовсе серьёзная провинность, в лучшем случае высекут до полусмерти.

— В сторону, — приказал главный.

Твин с досадой наблюдала, как незнакомый стражник принялся потрошить её спальное место. Закончив, он бросил на неё короткий взгляд и утёр мясистый нос:

— Чисто.

С трудом дождавшись, когда проверяющие свалят, она кое-как заправила распотрошённую постель и с облегчением растянулась на койке. Ноги гудели от усталости, и, решив немного вздремнуть перед ужином, Твин закрыла глаза.

— Потом будешь прохлаждаться, дело есть!

Вздвогнув от неожиданности, она сердито воззрилась на старшую. Вот не дадут же спокойно отдохнуть!

— Срочное, — добавила Восемьдесят Третья.

С ворчанием поднявшись, Твин накинула куртку и побрела за старшей к выходу. Что на этот раз стряслось, смерга лысого ей в зад? Вроде, ничего такого вытворить не успела... А может, опять поручение от принцепса? Точно! Иначе к чему такая секретность?

Повернув за угол, Восемьдесят Третья выудила из-за пазухи тщательно обмотанный чёрной тряпицей предмет.

— Хорошо, что спрятать успела, — довольно улыбнулась она. — Вот, принцепс тебе передал.

Уставившись на свёрток, Твин опасно сощурилась:

— Ничего мне от него не нужно.

— Может, для начала взглянешь?

Поколебавшись, она всё-таки взяла свёрток в руки. Наощупь что-то металлическое, увесистое, но, судя по форме, явно не кинжал. Чем бы это ни было, никаких подарков ей не нужно. И не потому, что принцепс плохой человек, и даже не потому, что Слай несправедливо обвинил её в продажности, просто не хотелось быть кому-то должной, тем более знатному. Ведь за всё когда-нибудь приходится платить.

Откинув тряпочку, Твин непонимающе посмотрела на железную маску. Такие носят ищейки, скрывая за ними свои поганые рыла. Металл от времени потускнел, покрылся ржавчиной, но именно эту вещь она видела сотни раз... в своих кошмарах.

Не веря собственным глазам, Твин провела пальцем по полустёршейся синей полосе. Неужели это и есть та маска? Разве такое возможно? Откуда взял её принцепс и как вообще о ней узнал?!

Будто наяву Твин увидела глаза, полные отчаяния, нож и тварь с синей поперечной полосой на стальной морде. Гусклый блеск лезвия и тёмная, почти чёрная кровь...

В груди сдавило — не продохнуть, тело затрясло мелкой дрожью, обжигающий комок ярости стремительно разрастался, охватывая разум, отбрасывая Твин в темноту, туда, где обычно прячется Альтера.

«Нет! — прокричала она, надеясь вернуть контроль. — Не смей!»

«Я же говорила, он опасен!» — прорычала та.

Мягкий толчок в спину, и Твин провалилась в глубокую пропасть. Перед глазами с бешеной скоростью замелькали бурые стены, а уже спустя мгновение ноги врезались в мягкий песок.

Она напряжённо огляделась, пытаясь сообразить, куда её занесло. Кажется, это тренировочная площадка терсентума. Та же ограда, те же здания вдаль. Вокруг ни души, только тихий шёпот ветра и слепящее солнце над головой. Так вот где прячется Альтера!

— Пятьдесят Девятая! Поговори со мной! — донеслось почти неуловимым эхом. — Я могу помочь!

Голос, несомненно, принадлежал старшей, но услышит ли та её ответ?

— Где ты? — выкрикнула Твин, ни на что толком не надеясь. — Я тебя не вижу!

Воздух вокруг заколебался, будто плаваясь от жара. Резкий удар в грудь отбросил назад, площадка тут же исчезла, сменившись комнатой из ночных кошмаров.

— Нет! Нет! Прошу!.. — зажмурившись, Твин закрыла руками лицо, уже зная, что будет дальше.

— Посмотри на меня! — кто-то схватил её запястья и с силой рванул руки от лица.

Твин посмотрела на женщину с мягкой улыбкой на устах. Эти большие, тёмные, полные любви глаза, чувственные губы, копна чёрных густых волос. «Мама! Мамочка... Какая же ты красивая!»

— Не беги от своего страха, Пятьдесят Девятая, — произнесла мама голосом старшей.

— Что?! Нет, убирайся! — Твин оттолкнула самозванку. Да как она смеет врываться в её воспоминания! — Тебе здесь не место!

— Я хочу, чтобы ты кое-что увидела, — «мама» протянула руку. — Прошу, ты должна. Это важно!

Поколебавшись, Твин осторожно коснулась тонких пальцев. Мир внезапно слился в серый поток, бешено

закружился, но уже через секунду всё успокоилось.

Она обнаружила себя стоящей у окна, прижимающейся носом к холодному стеклу. Её вернули в прошлое, вновь сделали маленькой девочкой, которой ещё предстояло пережить гибель самого родного и близкого человека.

Снаружи, на улице, вполоборота стояла мама, о чём-то беседуя с неизвестным господином в сером плаще. Почувствовав на себе взгляд, она оглянулась и посмотрела вверх, прямо на Твин. Неизвестный последовал её примеру, но вместо его лица было пятно, гладкое и белое, как стена столовой терсентума.

— Кто он? — прошептала Твин, боясь, что её услышат. — Почему я не вижу его лица?

— Присмотрись внимательнее, — отозвалась Восемьдесят Третья. — Просто прогони подальше свой страх.

Напряжённо вглядываясь, Твин начала замечать в безликом медленно проступающие черты. Прямой нос, чёрные брови, тонкие губы. Его лицо казалось смутно знакомым, но она всё никак не могла припомнить, где же встречала его раньше.

Глаза незнакомца внезапно вспыхнули ядовито-зелёным, а лицо исказилось в жуткой гримасе.

— Чёрт! — выругалась старшая. — Нам пора возвращаться.

Невидимое касание обожгло плечо и рвануло Твин вперёд. Она невольно прикрылась, защищаясь от удара о стекло, но вместо того вновь оказалась в чёрной бесформенной пустоте.

— Ты в порядке?

Твин распахнула глаза и непонимающе посмотрела на задумчиво хмурящуюся старшую. Сама она почему-то сидела на земле, подозрительно тёплой, испускающей чуть заметный пар, вокруг ровным кольцом лежал снег.

— Что произошло?

— Та, другая, она сильнее, чем я предполагала, — призналась Восемьдесят Третья. — Хорошо, что мне вовремя удалось её остановить.

— Остановить? Это вряд ли. Альтера просто спугнула нас, — Твин тяжело поднялась, тело ломило, как от болезненного жара.

— Ну, тебе лучше знать, наверное.

— Кто этот человек? — из головы не выходил образ незнакомца.

— Тот, кто передал тебе это, — старшая указала на маску, валяющуюся в снегу.

— Принцепс?! Но откуда он знал мою маму?

Восемьдесят Третья грустно улыбнулась:

— Ты ещё не догадалась, да?

Твин было открыла рот, чтобы спросить, о чём именно она должна была догадаться, но вопрос так и застрял в горле. Что же это! Неужели..?

— Нет! Это неправда! — попятившись, она наткнулась на стену загона. — Ты лжёшь!

— Ты же знаешь, что это не так, — старшая сокрушённо покачала головой. — Это не напущенная мною хмарь, Пятьдесят Девятая, это твои воспоминания. Правда, мне пришлось их вырвать у той, другой, но они принадлежат тебе, можешь не сомневаться.

Предметом настоящего договора является взаимное сотрудничество между двумя государствами в рамках установленных задач, направленное на достижение следующих целей: обмен природными ресурсами, принадлежащих Прибрежью, на промышленные материалы и продукцию в соответствии с приложенным перечнем, поставляемые Северной Конфедерацией Возрождения. Стороны обязаны соблюдать все условия в течение пяти лет со дня подписания договора.

Северное соглашение, 301-ый год после Великой Войны

Слай в очередной раз бросил встревоженный взгляд на Твин. Второй день она сама не своя, ходит мрачнее грозовой тучи. Нос заострился, под глазами залегли тёмные круги, во сне ворочается, стонет, будто что-то терзает её изнутри. Стоило бы попытаться поговорить с ней, а может, и помириться, но вдруг пойдёт? Нет, подойти к ней первым значит признать свою вину, потом будет тыкать в это во время каждой ссоры. Пусть немного помучается, в конце концов сама же и заварилась всю эту кашу.

В загон вошла Восемьдесят Третья и, окинув всех хозяйским взглядом, направилась напрямиком к нему:

— Тебя советник вызывает.

— Который из них? — Слай насторожённо нахмурился. Меньше всего сейчас хотелось встречаться с принцепсом. И последнего раза с головой хватило.

— Господин Корнут.

Слай тут же спрыгнул с койки:

— Хорёк, что ли? С чего бы это?

— Король собирается на частные бои, тебя выбрал, — в голосе старшей проскользнула чуть уловимая ирония.

Вот это новость! Королевский чемпион — звучит очень даже неплохо. Впрочем, вполне ожидаемо, он на хорошем счету у тренера, чего тут скромничать.

— Да ну! — Шестьдесят Седьмой присвистнул. — Что это получается, Семидесятый стал новым фаворитом?

Старшая равнодушно пожала плечами.

— Как бы тебе не повторить судьбу Пятого, — прокаркал Девятнадцатый. — Тот тоже к успеху шёл.

— Смотри, как бы ты её не повторил, — оскалился Слай. — Я это тебе могу устроить, не сомневайся.

— Да ты никак завидуешь, братишка? — подначил умника Триста Шестой.

— Тоже мне великая честь! — Девятнадцатый язвительно фыркнул.

Здоровяк беззлобно двинул по перекладине его койки. Та угрожающе закачалась, чуть не сбросив Девятнадцатого на пол.

— Нахер иди! — не высовываясь, тот жестом подтвердил озвученное пожелание.

— Ну удачи, брат, — в напутствие Триста Шестой поднял перед собой согнутую руку с кулаком. — Надери там всем их тощие жопы.

— Не скучайте тут без меня, — с напускной невозмутимостью Слай повторил за ним прощальный жест, хотя внутри всё дрожало от волнения.

— Нос только сильно не задирай, — Шестьдесят Седьмой шутливо хлопнул его по заднице. — А то зазнаешься ещё.

— Лапы убрал! — оттолкнув приколиста, Слай украдкой бросил взгляд на Твин, но она тут же равнодушно отвернулась к стене, и под свист и едкие шуточки собратьев вышел из загона.

Восемьдесят Третья проводила его до ворот, где уже ждал гвардеец, и, бросив на того озадаченный взгляд, склонилась Слаю над ухом:

— Будь осторожен, про такие бои недобрые слухи ходят.

— Расслабься, — подмигнул он. — Не пальцем же деланный.

Старшая укоризненно покачала головой:

— Твоя самонадеянность ничем хорошим не закончится, вот увидишь.

Гвардеец кивком приказал следовать за ним. Небрежно махнув Восемьдесят Третьей, Слай поспешил за стражником. Петляли они по дворам да проходкам с добрую четверть часа, прежде чем выйти в уже знакомый звёздный холл. Каждый раз Слаю становилось не по себе под безжизненными и пустыми взглядами человеческих богов. И как таким поклоняться можно?

Пройдя длинный коридор, они пересекли небольшой дворик и вошли в огромное здание с круглой башней на другом конце. Поплутав и здесь немного, гвардеец наконец остановился у массивной двери с круглой ручкой и постучал.

Скрипучий голос изнутри тут же пригласил войти, и Слай, с издёвкой отдав своему провожатому честь на манер алых львов, вошёл в кабинет. Комната утопала в полумраке, единственным источником света здесь служила настольная электрическая лампа. На подносе у края массивного стола дымилась чашка с чем-то горячим.

Хорёк деловито перебирал документы, в кресле непринуждённо развалился какой-то мутный тип с ехидной рожей. Слай поклонился, ожидая, что скажет советник.

— Ты семидесятый, верно? — проговорил Хорёк, просматривая очередную бумажку.

— Да, господин.

— Прекрасно-прекрасно... Шед, вы точно уверены?

Ехидный тип вальяжно отпил из чашки, причмокнул губами от удовольствия и ухмыльнулся:

— Без всяких сомнений.

Удовлетворённо крикнув, советник потянулся за колокольчиком. В кабинет тут же завалились двое львов, один из которых как раз и привёл его сюда из части.

Кажется, запахло горелым. С чего бы Хорьку понадобились гвардейцы и в чём должен быть уверен этот тип? Гаденькое предчувствие недоброго ледяным комом ухнуло куда-то вниз живота.

— Всё не перестаю удивляться вам, осквернённым, — губы советника скривились в улыбке. — Вы ведь хуже неблагодарных псов, кусающих руки своих хозяев. Вам позволили жить, приносить хоть какую-то пользу, а вместо этого вы строите козни за спинами своих благодетелей. Свободы вам захотелось, видите ли!

— Не понимаю, о чём вы, господин, — Слай держался как можно спокойнее, краем глаза наблюдая за стражниками.

Самое время делать ноги. Вся эта болтовня о неблагодарных рабах явно связана с той самой вылазкой. Чёрт, плохи дела! Очень плохи.

— Неужели? — Хорёк хмыкнул. — И конечно же, про Перо ты ничего не знаешь и не слышал.

— Разумеется, господин. А что за «Проперо»?

— Не пудри мне мозги, выродок! — рявкнул советник. — Или ты думал, твоя прогулка с принцессой останется никем не замеченной?

Не теряя больше ни секунды, Слай применил хист и бросился на выход. Пора валить отсюда. Куда угодно, да хоть в Пустоши, там уже что-то придумается. Главное — успеть прихватить с собой Твин...

Львы тут же заблокировали собой дверь, очевидно заранее зная, чего от него ожидать. Слай подсёк ноги ближайшему стражнику и ускорил его падение пинком. Тот, потеряв равновесие, с грохотом распластался на каменном полу.

— Куда это ты собрался, шлюхин выкидыш? — Слай оглянулся на злорадно скалящегося Шеда с какой-то банкой в руках.

В воздухе медленно опускалась белая пыльца. Отрава?..

От внезапного удара потемнело в глазах, и пол с бешеной скоростью врезался в колени.

— Получай, ублюдок!

Перед глазами промелькнул начищенный носок сапога, и голова взорвалась болью. Удар за ударом обрушивались на него со всех сторон. И последнее, что увидел Слай прежде, чем отключиться, — самодовольно ухмыляющуюся рожу Шеда.

За деревьями показался костёр, резанул глаза ослепительно белым. Хантсман торопливо отключил ПНВ и вжался плечом в неширокий ствол лиственницы. Всего в нескольких метрах на просторной поляне раскинулось поселение: с десятков огромных палаток из жердей и шкур.

Вокруг царила полнейшая тишина, только потрескивание хвороста да тихое порывивание двух часовых, греющихся у огня.

Коснувшись левого запястья, Хантсман прикрыл мигающий зелёным индикатор, сообщающий об открытии канала связи:

— Начинай!

Сняв автомат с предохранителя, он нажал на спусковой крючок. Лес заполнился треском очередей, оранжевые огни вспыхивали среди деревьев, поливая свинцом палатки. Посёлок охватила паника, замелькали тёмные фигуры, отчаянное рычание и визг с трудом прорывались сквозь нескончаемый грохот.

Совсем рядом просвистела стрела, оцарапав наплечник. Хантсман быстро сменил рожок и направил короткую очередь в мутанта. Тварь, на добрую голову выше него самого, истошно заверещала и рухнула в багровеющий кровью снег.

Выстрелы раздавались всё реже, и вскоре посёлок погрузился в мёртвую тишину. Переключив оружие на

режим одиночных выстрелов, Хантсман осторожно двинулся к костру. Выходя из укрытий, его бойцы один за другим появлялись в неровном свете костра. По палаткам заскользили бледные лучи фонарей, несколько раз прогремели контрольные.

— Капитан, здесь проблема, — прошипела рация.

Выругавшись себе под нос, Хантсман направился к Механику, оживлённо жестикулирующему у одной из палаток.

— Ну что там у тебя?

Пригнувшись, тот полез внутрь, и Хантсман нехотя последовал за ним. Проблема оказалась до безобразия банальной. У неподвижного тела, укутанного в шкуры, сидел детёныш-андрофаг. Из-под растрёпанных жёстких волос на них с ненавистью смотрели красные глаза. Морда покрыта короткой шерстью, острые клыки хищно оскалены.

— Вот. Один тут, — принялся оправдываться Механик. — Рука не поднялась...

Зверёныш глухо зарычал и, выпустив из пасти слюну, вцепился когтями в дохлую мать. Хотя, может, и не мать, но судя по цветным ниткам в волосах, труп принадлежал самке.

— Ликвидировать!

— Но он ведь не опасен, — промямлил Механик.

Хантсман раздражённо вздохнул. Ещё и этому идиоту объяснять, к чему приводит неуместная жалость. Мутанты опасны в любой форме, и если это не уяснить с самого начала, долго за городскими стенами не протянуть. И ладно, если б зелёный боец был, но нет же, два года прослужил за периметром, прежде чем попасть к нему в подразделение.

— Чтоб тебя... — проворчал он, наведя ствол на детёныша.

Пуля прошила грудь андрофага, и тот, жалобно заскулив, завалился на бок. Механик вполголоса чертыхнулся, но перехватив на себе взгляд Хантсмана, виновато прочистил горло.

— Сегодня он неопасен, а завтра, не моргнув и глазом, вырежет тебе сердце, зажарит на костре и сытно им отобедает, — Хантсман хмыкнул. — Всё, боец, хватит тут носом хлюпать. Поживёшь с моё, сам всё поймёшь, если, конечно, тебя раньше не сожрут.

Может, андрофаги и напоминают людей, но это впечатление более чем ошибочно. Они не люди и никогда ими уже не станут. Да, корни у них общие, только вот тварь, пожирающая себе подобных, человеком называться не может. Если бы Кристи не была такой упрямой, если бы не пыталась доказать ему обратное, то была бы жива...

Снаружи их уже ждали остальные.

— Всё чисто, капитан, — сообщила Элис.

— Молодцы, суточную норму выполнили.

База располагалась в двадцати минутах ходьбы. Зона А-6 идеально подходила для лесопилки. И не удивительно: древесины здесь хоть жопой жуй, да и фонит чуть выше пределов нормы, и то местами. Даром что вся округа кишит мутантами и без зачистки гражданских сюда не отправить. Работы ещё на пару недель, не меньше, но и спешить-то незачем. В городе всё равно делать нечего, а беготня по кабинетам с докладами ничего, кроме смертной тоски, не вызывает.

Лес постепенно редел, вдали, между стволами деревьев, показались огни лагеря. Устав слушать солдатскую болтовню, Хантсман вырубил рацию. Безмятежную тишину нарушал только скрип снега под ботинками и неразборчивые голоса, приглушённые тактическими шлемами.

Издали донёсся едва уловимый вой. Может, волки, а может, и андрофаги, подражая первым, предупреждают сородичей об опасности. Умные всё-таки эти твари, умные и кровожадные. Убивают и жрут всё, что можно сожрать. Ещё бы, самые мелкие из них ростом больше двух метров. Такую махину не прокормить корешками да орешками. Поговаривают, лет сто назад они ещё разговаривать умели, но со временем то ли совсем разучились человеческой речи, то ли перешли на свой собственный язык, более подходящий строению челюсти. Радиация ускорила эволюцию... точнее, деградацию.

Будь его воля, Хантсман прошёлся бы напалмом по всем до единой тварям, да начальству не до глобальной зачистки, им бы в войнушку поиграть между собой, членами помериться. НЭВ уже полвека лидирует в Конфедерации, но другие всё никак не успокоятся, так и норовят отвоевать первенство. Хотя в гробу он видал всех этих политиканов, его дело нехитрое — в основном зачищать от мутантов внешний периметр.

Гудение мобильного электрогенератора стало слышно ещё на подходе. Уже можно было разглядеть стальную сетку, окружающую базу, очертания палаток и навесов. Яркий свет прожектора ударил в лицо, но, быстро признав своих, дозорный тут же погасил луч.

— С возвращением, — крикнул им Тощий, отключая питание ограды. — Как там без меня повеселились?

— Не ной, — бросил Хантсман, снимая шлем, — завтра пойдёшь вместо Механика.

— Вот видите, кэп, — в голосе дозорного послышалось злорадство. — За одного битого двух небитых дают.

— Выкинешь опять что, отправлю в штаб полы драить, — осадил его Хантсман. — Тоже мне, бесценный организм.

Проворчав что-то невразумительное, Тощий снова полез на вышку.

— Капитан, — Элис кокетливо поправила растрёпанные рыжие волосы и заискивающе улыбнулась. — Мы тут собрались пропустить по стаканчику перед отбоем. Присоединяйтесь к нам.

— Говорил же, никакого алкоголя за периметром!

— Простите, сэр, — улыбка мгновенно сползла с её лица. — Просто у меня сегодня день рождения...

— А-а... Совсем из головы вылетело. Ну ладно, только не нажираться!

— Так вы с нами? — просияла Элис.

— Да куда ж я денусь.

— Кэп, у нас гости! — Тощий замигал в черноту прожектором.

Издалека промигали в ответ: три длинные вспышки, четыре коротких.

— А они что здесь забыли? — не отрывая глаз от приближающегося броневика, угрюмо проговорила Элис.

Хантсман хмыкнул. Да, радости мало. Если кто-то из начальства пожаловал, о празднике можно смело забыть.

Броневик остановился перед воротами, слепя встречающих фарами. Тощий смачно выругался и врубил прожектор, наведя луч на лобовое стекло. Недвусмысленный намёк сразу поняли, переключив свет на ближний.

— Дебилы, — попытожил дозорный, нарочито медленно открывая ворота.

Хантсман посторонился, давая незванным гостям проехать. Интересно, к чему этот ночной визит? Явно что-то стряслось, раз не поленились в такую даль припереться.

Из окна кабины выглянула одутловатая физиономия с красными от недосыпа глазами:

— Угораздило же тебя в такую задницу забраться, Хантсман!

Один за другим из броневика выбрались бойцы. Всего семеро, не считая водителя и Освальда, капитана соперничающей разведгруппы.

— Какого лешего ты здесь забыл? — Хантсман стянул перчатку и без особой радости пожал протянутую руку.

— На замену прислали, — Освальд оценивающе огляделся. — Генштаб тебя требует.

Хантсман недоверчиво нахмурился:

— С хера ли? Сами же сюда отправили!

— Вот у них и спроси. Срочное что-то, так что советую до утра не тянуть, дорогу мы вам расчистили, в два счёта доберётесь. Пойдём, введёшь меня по-быстрому в курс дела.

В кармане настойчиво завибрировало. Хантсман неохотно достал смартфон, уже догадываясь, какого рода эти оповещения.

«Ты свинья, Джейк! Ненавижу тебя!» — высветилось на дисплее.

Он ухмыльнулся. Это в стиле Элен: отправлять сообщения, вычисляя, когда он в городе объявится. Могла бы что-то и поласковее настроичить, хотя вполне заслужил — он ведь даже не предупредил её, что за периметр собрался. Да и не хотелось как-то, сколько раз повторял, семья — не его стихия, но она, не привыкшая к отказам, всё равно шла напролом, будто это что-то могло изменить.

Хантсман надавил пальцем на боковую кнопку, и дисплей погас. Когда Элен увидит, что сообщение доставлено, покоя не даст, весь мозг ему изнасилует.

Броневик лениво полз по ухабистой дороге. До Первого Сектора ещё минут двадцать, но даже там, кроме автобусов и автомобилей, на которых разъезжала элита НЭВа, другого транспорта не встретишь. Это три века назад можно было и в пробку попасть, а сейчас и два автомобиля рядом — огромная редкость.

Хантсман никогда не переставал удивляться жизни предков, пересматривая в свободное время довоенные фильмы. Столько бессмысленной суеты, ненужных проблем, раздутых на пустом месте. Хорошо, что сейчас всё проще: ты — функция, выполняющая своё предназначение и получающая за это право на безопасность и доступные блага цивилизации. Вполне справедливо, учитывая то, что творится за стенами городов.

Серые здания медленно вырастали на горизонте. Все как по лекалу, не отличишь друг от друга. Зато строили на века, каждой высотке не меньше двух сотен лет. Жить в Первом Секторе считалось престижным, пусть даже твоя квартирка будет размером чуть больше сортира в хоробах какого-нибудь генерал-майора.

Вся жизнь кипела именно здесь, и каждый даже самый заурядный трудяга мечтал о переводе сюда, поближе к небожителям. В Секторе и зарплата повыше, и шансов обзавестись полезными знакомствами куда больше. И плевать, что придётся по нескольку часов в день протирать штаны в забитых до отказа вагонах метро, зато можно сверкнуть навязанной успешностью перед менее удачливыми товарищами.

На очередной улице его внимание привлёк плакат, восхваляющий заслуги Генерала. Изображённая на нём счастливая пара с ребёнком так широко улыбалась, что Хантсмана едва не стошнило от приторности их

напускного счастья.

«Будущее Нового Эвварионха в наших руках!» Кто бы спорил! Учитывая, что оба взрослых на картинке одеты в военную форму. Недвусмысленный намёк, кого здесь за людей считают. Последние годы политика диктатора вызывала у него только отвращение. К чему эта делёжка на касты? Разве не достаточно, что власть и так принадлежит военным? Но похоже, многих устраивало такое положение вещей, и Хантсман предпочитал держать своё мнение при себе. Так или иначе, НЭВ оставался сильнейшей из пяти «держав-победителей», а на остальное можно благополучно и наглухо забить что-нибудь потолще.

Несмотря на ещё предрассветное время, улицы уже кипели жизнью. Каждый спешил по своим делам, автобусные остановки трещали по швам от ожидающих. Многочисленные вывески всё твердили о прекрасной жизни, но, судя по хмурым лицам, большого оптимизма они не вселяли.

— Один мой знакомый в прошлом году переехал сюда, — сообщил Тоший, не отрывая глаз от дороги. — Двадцать три года ждал своей очереди, вкалывал, головы не поднимал. Двадцать три года! Представляете, кэп?

— И как, доволен новой жизнью?

— А чёрт его разберёт! Даже не позвонил ни разу, козёл.

Хантсман фыркнул. Его сюда и под дулом пистолета не затянешь. Впрочем, он даже в своём секторе появлялся раз в пятилетку — нечего здесь, в городе, ловить. Только жизнь прожигать впустую.

Вскоре они достигли Генштаба — высокого здания с зеркальными окнами. Среди прочих оно выглядело не то чтобы неуместным, скорее инородным, слишком броским, чтобы все видели и знали, кто здесь хозяин.

— Воткните броневик на стоянку и дуйте сразу сюда, — бросил Тощему Хантсман, выбираясь из кабины.

На входе проверили документы, попросили подождать и, убедившись, что его ожидают, наконец-то пропустили. За несколько недель, проведённых в А-6, где, кроме снега, деревьев и зверья, ничего и не было, Хантсман уже отвык от городской суеты, и, судя по срочности, обратно, к счастью, привыкать не придётся. Обычно вызов к сержант-майору означал либо задание особой важности, либо... Да вроде косяков за собой не припоминалось, так что второй вариант можно смело отметить. Наверное...

Дикий Вилл ждал его у себя. Похоже, здесь же и ночевал, о чём красноречиво свидетельствовала помятая морда и внушительные мешки под глазами.

— Проходи, Джейк, — кивнул он на стул напротив. — Да, знаю, нехорошо, что выдернули тебя так, без предупреждения, но дело важное.

— Мне не привыкать, сэр.

— И то верно! Задание специфическое, потому выбрали тебя, да и с югом ты не понаслышке знаком.

— В каком смысле? — Хантсман подозрительно сощурился, уже предчувствуя тихо подкрадывающегося... Только не туда, мать их!

— А в прямом! В Прибрежье отправишься, — Вилл ехидно осклабился. — Что за кислая мина? Не рад, что ли?

«Чёрт, та ещё клоака мира, и вряд ли там что-то изменилось за последние восемь лет».

— Никак нет, сержант-майор.

— Вот и прекрасно, потому что твой опыт в этом деле очень даже пригодится. Есть объект близ ихней столицы, довоенная научная лаборатория. Как нам стало известно, там в своё время проводились исследования в области тяжёлой материи или что-то вроде того, ботаникам нашим виднее. И, похоже, вполне успешно. От тебя требуется получить к объекту доступ и добыть всё, что относится к разработкам древних. Это могут быть цифровые носители, документы и даже образцы, если таковые имеются.

— Насколько мне помнится, местные не слишком гостеприимны.

— С тобой поедет посол, так что это тебя особо заботить не должно, — заверил Вилл. — Дипломатия — по его части. А ты пока подбери себе надёжных людей, в твоём распоряжении два дня. Выполнишь задание — повышение гарантирую, не всю же жизнь тебе в капитанах ходить.

— Меня и так всё устраивает.

— Потом уже разберёмся, что там кого устраивает. Подробную инструкцию получишь перед отбытием. Вопросы есть?

— Никак нет, сержант-майор!

Больше книг на сайте - Knigoed.net